ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Шуйский филиал

На правах рукописи

Бутрин Егор Сергеевич

ПОСАДСКАЯ ОБЩИНА Г. ШУИ В XVII В.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

профессор Иванов Ю.А.

Иваново – 2016

Оглавление

Введение……..3

Глава I. Шуйская посадская община XVII в. как социальный организм

§1. Динамика численности шуйской посадской общины в XVII – начале XVIII вв. и ее основные факторы…….29

§2. Социальное расслоение и социальные конфликты в общине….……..…64

§3. Юридическая природа посадской общины…….…...77

§4. Органы самоуправления посадской общины……..…….102

Глава II. Органы местного управления в Шуе

§1. Особенности эволюции института губных старост в Шуе в XVII в.…….……..125

§2. Губной аппарат: состав, происхождение, функции……..…….144

§3. Экстренные чиновники: контролеры местной власти в уезде…..…….158

§4. Институт воевод в Шуе: особенности функционирования…….……..…..169

§5. Приказная администрация: состав, значение, пути рекрутирования……..……...193

Заключение…….……202

Список источников и литературы……..……..209

Приложения…….……..225

Введение

Посадская община XVII в. изучалась достаточно подробно. Причиной тому – не только резкое увеличение объема источников сравнительно с предыдущим столетием, но и место этого феномена в социальной структуре российского общества этого периода. Именно посад в силу социально-экономической специфики должен был концентрировать торгово-промышленные элементы. Соответственно, в «новый период в русской истории» (так В.И. Ленин определял XVII в.) он должен был выступать в роли генератора «буржуазных элементов», оказывая значительное влияние на экономическое развитие страны. Одновременно посад уездного города являлся средоточием политических властных структур. Соответственно, посадская община должна была выступать в качестве важнейшего элемента и в политическом развитии.

Однако, по общему мнению, влияние посада на экономические и социально-политические процессы, оказалось весьма незначительным. В результате дискуссия о генезисе капитализма в России, возникшая на рубеже 1950-1960-х гг., замкнулась на вопросе о социальном расслоении в деревне и проблеме формирования всероссийского рынка.[1] Посадская община оказалась выключена из анализа дивжущих механизмов социально-экономического и политического развития России XVII в. Причиной тому был невысокий процент посадского населения (в конце XVII в. посадские люди составляли лишь 2% от населения страны). Исходя из этого, масштабные экономические процессы можно было зафиксировать лишь на материале сельского населения, а никак не города. Упор на экономические исследования привел к выпадению из поля зрения ученых социально-политического значения посада. Между тем дореволюционные историки именно это его значение считали ключевым, поскольку посад играл важнейшую роль во взаимодействии государства и уезда, «земли и власти». Все это подводит нас к более подробному исследованию феномена посадской общины в XVII в.

---

[1] *Нечкина М.В.* О «восходящей» и «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории (ВИ). – 1958, № 7; *Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Итоги изучения начального этапа складывания Всероссийского рынка (XVII в.) // ВИ. – 1961, № 4; *Рубинштейн Н.Л.* О разложении крестьянства и так называемом «первоначальном накоплении» в России // ВИ. – 1961, № 8; *Булыгин И.А., Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А., Троицкий С.М.* Начальный этап генезиса капитализма в России // ВИ. – 1966, № 10; Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма // История СССР. – 1966, № 1.

Актуальность нашей работы определяется новым подходом к проблеме изучения исторического феномена посадской общины в XVII в. Этот феномен получил достаточное внимание в отечественной историографии, но не подвергался исследованию, как самостоятельное явление. Две наиболее обстоятельные работы, посвященные посадской общине, «выключали» достаточно большое число проблем, связанных с эволюцией посадской общины в XVII в.[2] Кроме того, еще один из первых исследователей системы управления Московского государства XVII в. замечал, что исследование этого явления в целом натыкается на трудно преодолимые препятствия: «Государство управлялось не законами, а распоряжениями – по мере появления практической необходимости». Таким же образом определялась и степень власти чиновников.[3] Исходя из этого, исследование феномена посадской общины с привлечением материала по всем городам России XVII в. является делом достаточно трудным.

Перед исследователем встает проблема явной неравномерности распределения источников: материалы, сохранившиеся по большинству посадов изучаемого времени, достаточно скудны и главное – отрывочны. Они не могут детально характеризовать внутреннюю и внешнюю жизнь общины на протяжении всего периода. В результате обобщающие исследования обречены на «набор примеров», посвященных изучаемому явлению, с минимальным учетом региональных особенностей.[4] Поэтому целесообразной выглядит попытка провести комплексный анализ конкретной посадской общины в рамках микроисторического подхода. Особенности этого подхода заключаются в том, что «для микроистории речь идет не о разглядывании мелочей, а об изучении объекта с помощью микроскопа» (Дж.

---

[2] Объемная монография А.А. Кизеветтера была посвящена городской общине XVIII в., а еще более объемное исследование П.П. Смирнова – ее эволюции на протяжении XV – первой половины XVII вв. (до оформления в единое сословие, конституированного Уложением 1649 г.).

[3] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. – М.: Типография Александра Семина, 1856. – С. 578. Ему вторит уже достаточно современный исследователь – И.П. Ермолаев, рассматривая вопрос о воеводских наказах, заметил, что «единственно верным» подходом к их изучению должен быть «региональный принцип их рассмотрения»: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. – Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – С. 106-107.

[4] Именно такой характер носят лучшие работы последних лет, посвященные проблемам взаимодействия общества и власти в XVII в.: *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб в XVII в. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – М., 2007; *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. – СПб.: Издательство РНБ, 2000. Г.П. Енин отмечает, что основной источник, использованный им в работе – расходные книги земских старост и целовальников – известны по Пскову, Новгороду, Архангельску, Чердыни, Соли Вычегодской, Соли Камской, Мезени, Кайгородку, Вятке, Устюгу, Тотьме, Яренску. Нетрудно заметить «региональность» сохранившихся источников, но других в распоряжении автора просто не имелось: *Енин Г.П.* Воеводское кормление… С. 39.

Леви). Исторические реконструкции и интерпретации, осуществленные на ограниченном поле наблюдения, позволяют качественно расширить возможности исторического познания.[5] Х. Медик замечал, что «благодаря максимально многостороннему и точному освещению исторических особенностей и частностей, характерных для общности индивидов исследуемого района, взаимосвязь культурных, социальных, экономических и политических моментов раскрывается как взаимозависимость всех объектов исторического бытия».[6]

Объектом исследования является шуйская посадская община XVII в. **Предметом** исследования является место посадской общины г. Шуи, как типичного организма русского позднефеодального города, в социально-политической структуре Русского государства.

Хронологические рамки работы охватывают преимущественно XVII в., по необходимости касаясь конца XVI и начала XVIII вв. Они связаны с особенностями объекта исследования. Нижняя граница определяется возникновением структур приказного управления в Шуе после формирования Шуйского уезда как самостоятельной административно-территориальной единицы (1572 г.). Верхняя граница обусловлена реформами середины 20-х гг. XVIII в., коренным образом преобразовавшими как систему налогообложения, так и городового управления (появление магистратских учреждений).[7]

Историографию проблемы можно подразделить на три основных этапа. Первый связан с расцветом «государственной» школы во второй половине XIX – начале XX вв. В рамках этого этапа посад исследовался в контексте взаимодействия государства и общества. Советская историография сосредоточилась на оценке роли посада в классовой борьбе и места русского города XVII в. в экономической структуре страны. Наконец, третий этап берет начало еще в конце 1980-х гг., когда работами Н.Н. Покровского была возвращена тенденция исследования посадской общины, как важнейшего элемента во взаимоотношениях «земли и власти». В

---

[5] *Кром М.М., Шлюбом Ю., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом / Ред. Кромм М.М. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7-26.
[6] *Медик Х.* Микроистория // Thesis. – Т. 2. Вып. 4. – С. 193-202.
[7] *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов… Т. 1. С. 202-248; *Кизеветтер А.А.* Посадская община… С. 618-620.

постсоветское время она была продолжена работами М.Б. Булгакова и В.А. Аракчеева.

Посадская община XVII в. привлекала пристальное внимание еще дореволюционной историографии. А.Д. Градовский и Б.Н. Чичерин в своих объемных исследованиях, посвященных местному управлению в Московском государстве XVI-XVII вв. подробно остановились на характеристике посадской общины, как социально-политического организма. А.Д. Градовский исследовал трансформацию земской общины в сословную именно на материале посадской общины XVII в.,[8] а Б.Н. Чичерин характеризовал государственное управление и земское самоуправление XVII в. преимущественно на «посадском» материале.[9] Однако огромный объем материала привел к иллюстрации констатируемых положений путем «подбора примеров», а в конечном счете – к принципиально противоположным выводам (при значительном совпадении частных наблюдений). Б.Н. Чичерин пришел к выводу, что в XVII в. приказное и «верное» начало подавляло земское. Суд, полиция, налоговое и военное управление «имели характер число государственный, а собственно местных земских дел и вовсе не было». Общину XVII в. он видел не самостоятельным союзом, а исключительно тяглым обществом, «носившим чисто государственное значение». Соответственно, «не было и речи о самостоятельности общин и их правах».[10] А.Д. Градовский сформулировал противоположную точку зрения. Он видел в сословной общине главную составную часть организма «служилого государства»: «вся масса местного населения составляла правительственный организм в том смысле, что каждый класс тянул свое тягло». Естественно, такой организм должен был иметь самоуправление, а значение приказных лиц состояло лишь в исполнении предписаний центрального управления. Эволюцию общинного самоуправления в XVI-XVII вв. он представлял таким образом: первоначально государство имело дело с разъединенным свободными общинами, но требования централизации послужили причиной превращения «естественной» общины в «административную».[11] Централизацию он видел

---

[8] *Градовский А.Д.* История местного управления в России. Т. 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – С. 145-212.
[9] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 504-573.
[10] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 338, 521, 525, 547.
[11] Основным инструментом этого превращения было правительственное тягло. Вводившая правила самоуправления земская реформа Ивана IV на деле вела к образованию тяглой общины XVII в.: «Самоуправление

жизненной необходимостью и основным двигателем государственного развития. Главной чертой посадской общины он считал приобретение ею сословного характера в первой половине XVII в., что было обусловлено как требованиями правительства, так и потребностями уже тяглой общины.

Положение посадской общины в XVI в. в своей известной монографии о русском городе попытался охарактеризовать Н.Д. Чечулин. Уязвимость этой попытки была обусловлена тем, что он использовал, по сути, единственный источник – писцовые книги, сохранившиеся по небольшому числу городов. Не касаясь темы об эволюции посадской общины, он отметил ее единство и сделал интересные наблюдения о тяглом праве. Однако определить состав повинностей общины ему не удалось, вне его поля зрения оказалось ее внутреннее устройство, а ограниченные возможности источника привели к ряду ложных положений.[12] Тягло посадской общины XVII в. было детально охарактеризовано А.С. Лаппо-Данилевским. Он впервые выделил несколько типов общин, сложившихся под влиянием местных экономико-географических условий (северный, центральный и южный). По его мнению, «объединение посадской общины в области хозяйственных интересов вне тягла не было особенно сильным». Общинное землевладение он, как и Чичерин, выводил напрямую из тягла. Социальная стратификация посадских людей, по его мнению, также имела преимущественно тяглое значение. Им также подробно был рассмотрен механизм вступления в общину и взаимные обязанности тяглеца и тяглого общества. Все это привело его к выводу, что посадская община «сознавала свое единство главным образом под влиянием тяглых интересов».[13]

Наконец, А.А. Кизеветтер в объемной монографии рассмотрел социально-политическую организацию посадской общины в XVIII в. Он исследовал социальную стратификацию общины, состав возложенного на нее государственного тягла и общественное самоуправление. Обзор расходных статей посадского

получает обязательный характер в том смысле, что оно получило государственное значение путем возложения на себя государственных задач». Некоторое время прежние права свободных общин сохранялись, но постепенно отторгались у них государством (в лице приказной администрации): *Градовский А.Д.* История местного управления… С. 452, 467, 469.

[12] О распределении «статей» посадских людей, исходя из населенности двора, а также о переделах общинной земли (вплоть до лавочных владений): *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1889. – С. 308, 312, 324.

[13] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. – С. 112-114, 121, 128, 132.

мирского бюджета привел его к выводу об обусловленности этих расходов «не внутренними нуждами общины, а ее податными и служебными обязанностями». Из этого следовал вывод, что тяглое состояние посадской общины не способствовало ее экономическому и политическому развитию, а препятствовало ему. Он показал, что посадскому обществу были предоставлены права, которые могли бы оставить основу истинного самоуправления: самообложения, распоряжения мирскими суммами, выбора должностных лиц и контроля над ними, местного благоустройства, ходатайств о местных нуждах перед государством. Однако на практике «все эти сравнительно широкие права теряли значительную долю своего значения». Наконец, «в прямой зависимости от организации посадского тягла, мирское посадское самоуправление получало олигархическую окраску», отражавшуюся на деятельности мирских сходов.[14]

Объем источников для характеристики общины XV-XVI вв. был весьма ограничен. Поэтому бравшиеся за это дело исследователи зачастую просто проецировали позднейший материал на предшествующее время. Л.О. Плошинский не видел никаких отличий между общиной XV-XVII вв. и предыдущего времени, а все реформы приписывал исключительно благоденственным стремлениям государей.[15] А.П. Пригара также не уловил отличий между «удельным» и «московским» временем. Общину он считал искусственным формированием и связывал этот процесс с установлением крепостного права.[16] Н.И. Хлебников настаивал на полностью подчиненном положении общин вплоть до XV в., когда они получают право участия в суде, а в XVI в. – даже полную самостоятельность. Этот процесс он впрочем, выводил не из внутреннего развития общины, а из «нового взгляда» на нее со стороны государственной власти. Однако в результате утверждения крепостного права эти зачатки самостоятельности были

---

[14] *Кизеветтер А.А.* Посадская община в XVIII в. – М.: Университетская типография, 1903. – С. 797-799; *Он же*. Посадская община в XVIII в. // *Он же*. Исторические очерки. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левинсон, 1912. – С. 224, 231-232, 239, 242, 248.

[15] *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1852. – С. 83-84.

[16] *Пригара А.П.* Опыт состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – С. 15-16, 34, 44, 55. Реформы управления XVI-XVII вв. по его мнению, были вызваны потребностями самих общин, поддержанными государственной властью.

ликвидированы, и посадская община XVII в. приобрела число служилое значение.[17] По мнению И.И. Дитятина, в московский период город потерял политическую самостоятельность, распавшись на отдельные «слободские» общины, а государственная власть, воспользовавшись этим, обратила общины в административно-тяглые единицы. В результате вплоть до XVIII в. «земские нужды не сознавались ни обществом, ни правительством».[18]

Картина, нарисованная этими исследователями, привела П.Н. Милюкова к отрицанию сходства исторического развития русских и европейских городов. Он сформулировал тезис, что «русский город не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны», а являлся искусственным созданием правительства.[19] Причиной появления подобного взгляда было с одной стороны, слабое представление о социально-экономическом развитии города, а с другой – конструирование некоего западноевропейского идеала в рамках традиционной дихотомии славянофилов и западников. Эти представления были подвергнуты критике советскими исследователями.[20]

Первое комплексное исследование русского феодального города XV-XVII вв. было предпринято П.П. Смирновым. Он полагал, что XIII-XV вв. стали переломным моментом в истории феодального города. Кризис «старого земского города» привел к упадку его экономического и политического значения, «окняжению и обояриванию» его территории и возникновению «вотчинного» города.[21] Его сменяет новый тип поселения – слобода (поселение свободных людей на несвободной земле), а из нее вырастает московский «государев» город XVI-XVII вв.[22] По его мнению,

---

[17] *Хлебников Н.И.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1869. – С. 93, 98, 109, 282-284.

[18] *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. – СПб.: Типография И.П. Меркульева, 1875. – С. 109-110, 116-137.

[19] В этом ключе оценивалась и посадская община – она была лишь объектом воздействия правительственной политики, сменившей в XVII в. тягловый характер городской земли на тягловый характер сословия: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. – С. 178, 181, 185.

[20] И в России и в Европе существовали города разных типов (в том числе и типично феодальные), а органы городского управления находилось под контролем государства: *Клокман Ю.Р.* Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М.: Наука, 1972. – С. 69-70; *Он же*. Историография русских городов второй половины XVII-XVIII вв. // Города феодальной России. – М.: Наука, 1966. – С. 64.

[21] Взгляды П.П. Смирнова на города XIV-XV вв. как «вотчинные центры», в целом были поддержаны и С.В. Бахрушиным, который в своей работе большее внимание уделил торгово-промышленному развитию городов XVI-XVII вв.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – С. 118-119.

[22] *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. – Киев: Типография А.П. Гросман, 1917. – С. 16-17. При этом он признавал «домосковское» происхождение тяглых обязанностей населения

процесс оформления городского торгово-промышленного населения в привилегированное сословие явился результатом длительной классовой борьбы горожан. Этот «чин» феодального общества оформился в результате экономического подъема конца XV – начала XVI вв. Смутное время начала XVII в. «выявило разложение внутри посада». Верхушка его («лучшие люди») пыталась сохранить верность союзу с боярством, низы («меньшие люди») приняли активное участие в крестьянской войне (восстание И.И. Болотникова), а «средние люди» возглавили земское движение, сумевшее в 1612 г. вывести страну из Смуты, сменив союзника на поместное дворянство. Позиция средней части посада поспособствовала оформлению «служилого государства», закрепленного Уложением 1649 г.[23]

Работы П.П. Смирнова в целом подвели итог исследованию социально-политического развития посадской общины XV-XVII в. и знаменовали поворот к исследованию социально-экономических процессов. После интереснейших работ С.К. Богоявленского о структуре приказного управления Москвой, а также о слободском самоуправлении XVII в., тема социально-политической структуры посадской общины оказалась на многие годы исчерпанной.[24] «Центр тяжести» исследований русского города XVII в. был смещен на проблемы экономического развития. Многочисленные работы были посвящены экономике крупнейших городов этого времени, располагавшихся в различных регионах страны: на северо-западе (Новгород, Псков, Старая Русса),[25] севере (Тихвин, Устюг),[26] в центре (Москва,

---

черных земель, а главные отличия «слободского права» от «земского» он видел в праве винокурения, устройства торга, промысловой монополии, установлении налоговых льгот: *Он же.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1947. – С. 33-38, 44, 62. Что касается землевладения, посадских миров, Смирнов считал его преимущественно «жалованным», хотя признавал и возможность иных способов приобретения: *Смирнов П.П.* Города… Т. 1. – С. 59-61. С процессом трансформации «вотчинного» города в «государев» он связывал и так называемый «кризис» конца XVI в., приведший к резкому падению численности городского населения в России: Там же. Т. 2. – Киев: Типография Университета св. Владимира, 1919. – С. 134-137.

[23] В рамках ее требований было осуществлено «посадское строение» 1649-1652 гг. Главным содержанием этой реформы было оформление посадской монополии на торги и промыслы: *Он же.* Посадские люди… Т. 1. – С. 3, 6, 10; Т. 2. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 719, 722, 724.

[24] *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII вв. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 423-490.

[25] *Шунков В.И.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639-1640 гг. // Исторические записки (ИЗ). Т. 5. – М., 1939; *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ. Т. 34. – М., 1950; *Рабинович Г.С.* Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII в. – Л.: Издательство ЛГУ, 1973.

[26] *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951; *Мерзон А.Ц. Тихонов Ю.А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). – М.: Издательство АН СССР, 1960.

Ярославль),[27] на юге (Астрахань, Воронеж).[28] Эта тема не утратила своей актуальности и в настоящее время: социально-экономическому развитию отдельных уездных центров посвящены недавние работы М.С. Суханова (Арзамас), Д.Е. Цырульникова (Брянск), В.Я. Чернышева (Муром). Специальная монография М.Я. Волкова посвящена социально-экономической и демографической истории городов Верхневолжья и Северо-Запада России в первой четверти XVIII в. Промысловое предпринимательство в контексте освоения Нижнего Поволжья в конце XVI-XVII вв. исследовал Э.Л. Дубман. Особое внимание уделяется структуре и оборотам городской торговли – эта тема получила отражение в работах Ю.А. Мизиса (Центральное Черноземье), О.Г. Шабровой (Ярославль), А.И. Раздорского (Курск), А.В. Барсуковой (Коломна).[29]

Прямое отношение к теме посадской общины имели исследования, посвященные изучению правового положения посадских людей. При этом подверглись критике многие тезисы, высказанные П.П. Смирновым. Еще П.Г. Рындзюнским была сформулирована точка зрения на город XVIII – первой половины XIX вв., как часть системы «государственного феодализма».[30] Применительно к посаду XVII в. ее подтвердили Е.В. Чистякова и А.Г. Маньков.[31] Они, в противоположность мнению П.П. Смирнова, пришли к выводу об «относительно слабой дифференциации горожан, обусловившей их общность в борьбе против

---

[27] *Данилова Л.В.* Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII вв. (по материалам г. Ярославля) // ИСССР. – 1957. № 3; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка. – М.: Издательство АН СССР, 1959.

[28] *Чистякова Е.В.* Ремесло и торговля Воронежа // Труды Воронежского государственного университета. Т. 25. – Воронеж, 1954; *Голикова Н.Б.* Очерки из истории города в России конца XVII – начала XVIII вв. – М.: Издательство Московского университета, 1982.

[29] *Суханов М.С.* Социально-экономическое развитие Арзамаса и Арзамасского уезда в XVII в. (по данным переписных книг). Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Нижний Новгород, 2005; *Цырульников Д.Е.* Социальное и экономическое развитие г. Брянска в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Брянск, 2010; *Чернышев В.Я.* Социоэкономическая история Мурома в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2006; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. – М.: Наука, 1994; *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. – Самара: Самарский университет, 1999; *Он же.* Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. – Самара: Самарский университет, 2012; *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов: Юлис, 2006; *Шаброва О.Г.* Ярославль в системе торговых отношений Русского государства в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Ярославль, 1998; *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII в. (По материалам таможенных и оброчных книг города). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001; *Барсукова А.В.* Торговля Коломны в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2011.

[30] *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. – М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 40-41.

[31] *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в перовой половине XVII в. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. – С. 38-39; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. – кодекс феодального права. – Л.: Наука, 1980. – С. 152-153.

феодальных форм управления».[32] А.Г Маньков считал прикрепление тяглецов к посаду «частным случаем реализации крепостного права».[33] С другой стороны, критике подвергся взгляд на посадскую общину XV-XVII вв., как московское новообразование. М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин установили, что в XIV-XV вв. ядро городского населения составляла община «черных людей», имевшая торговые и налоговые привилегии и составлявшая единый организм.[34] Они прямо выводили посадскую общину XVII в. от общины черных людей эпохи феодальной раздробленности. А.Н. Сахаров также возражал против гипотезы Смирнова о «вотчинном городе» XIV-XV вв.[35] Его поддержал и В.А. Кучкин.[36]

Важное значение для исследования посадского самоуправления XVII в. имели работы, посвященные земской реформе середины XVI в. В них посад рассматривался, как самостоятельная сила, оказавшая значительное влияние на социально-политическое развитие страны. Такой подход впервые был применен в работах Н.Е. Носова, рассматривавшего «третье сословие» как буржуазную альтернативу крепостническому пути развития, возникшую в результате «демографического взрыва» XV – середины XVI вв. Возможность альтернативы проявилась в земской реформе 1550-х гг., но была погашена в результате опричнины.[37] Итог исследованиям земской реформы и закрепощения тяглого

---

[32] В этом ключе ими рассматривалось и Уложение 1649 г. – хотя оно и «создавало условия для развития буржуазных отношений, в то же время тормозило их развитие». Поэтому оно в большей мере связывалось с успехом феодалов, поддержанных верхушкой посада: *Чистякова Е.В.* Городские восстания… С. 235-337.

[33] При этом интересы посада и фиска способствовали применению в законодательстве второй половины XVII в. принципа о приписке крестьян к посаду «по торгам и промыслам», потеснившего интересы «феодальной вотчинной системы»: *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С. 248-251, 317-322; *Он же*. Борьба посад с феодалами во второй половине XVII в. // ИЗ. Т. 64. – М., 1959. – С. 217-232.

[34] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – С. 422-423. Рассуждая об организации «черных сотен» средневековой Москвы в XIV-XV вв., М.Н. Тихомиров прямо проецировал на них данные о посадской организации XVII в.: *Тихомиров М.Н.* Труды по истории Москвы / Ред. С.О. Шмидт. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 153, 158, 161.

[35] Детальное исследование им черной городской общины XIV-XV вв. позволило установить тождество ее повинностей с повинностями посадской общины позднейшего времени, а при этом проследить преемственность политических традиций этих городов с «вечевыми» городами Древней Руси: *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. – М.: Издательство Московского университета, 1959. – С. 179-182, 193, 198, 211-216.

[36] Он подтвердил вывод прежних исследователей о «единой организации горожан – купцов и свободных ремесленников» (ее сословные привилегии были зафиксированы Белозерскими уставной и таможенной грамотами 1488 и 1497 гг.). Одновременно им на основании актового материала XIV-XV вв. было отвергнуто резкое противопоставление феодального «города» и черного «посада»: *Кучкин В.А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв. // Отечественная история. – 1991. № 2. – С. 74, 78, 82.

[37] Причины победы «крепостнического пути» в его трактовке не отличались оригинальностью – экономическая и политическая слабость городского населения, которая дала возможность «поставить города на службу государства»: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. – Л.: Наука, 1969. – С. 5-

населения во второй половине XVI – начале XVII вв. подведен в работе В.А. Аракчеева. Он пришел к выводу о распространении «городских» прав на слободы, а не наоборот. На материале Новгорода и Пскова им был прослежен процесс «экспроприации городских землевладельцев, приведший к формированию посадских общин с однородным населением».[38] Анализ источников второй половины XVI в. позволил ему выяснить, что «прикрепление черного населения к тяглу осуществлялось по двум сходящимся направлениям: разрешительному земскому и директивному государственному». Он также установил, что в большинстве опричных уездов самоуправление тяглых общин было сохранено. Это позволило опровергнуть тезис об опричнине, как «дворянской реакции» на подъем «третьего сословия», предложенный Н.Е. Носовым. Исследуя практику земского самоуправления второй половины XVI в., он сделал вывод, что выборный принцип деятельности земских учреждений предоставлял властям возможности неограниченно расширять их обязанности.[39]

Особое значение для возрождения темы посадской общины имеет недавняя работа М.Б. Булгакова. В ней на материале исследования государственных служб посадских людей в XVII в.[40] прямо был поставлен вопрос о взаимодействии государства и общества. Изучение посадского самоуправления в системе местных государственных управленческих структур привело его к выводу, что при воеводской власти его роль была весьма ощутимой. Опора государства при организации «государевой службы» на структуры земского самоуправления предопределила устойчивость и надежность «верной» системы функционирования государственных заведений. Тем самым правительство демонстрировало свою

13; *Он же.* Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России. – СПб.: Наука, 1991. – С. 68-70.

[38] Правовое положение и социальная организация «черных людей» вечевых городов в XIV-XV вв. подробно рассмотрена Ю.Г. Алексеевым: *Алексеев Ю.Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. Т. 103. – М., 1979. – С. 242-274.

[39] *Аракчеев В.А.* Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII вв. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – М., 2011. – С. 175-190, 278-324, 383-417.

[40] Историческое значение посадских служб XVI-XVIII вв. определяет мнение Е.Н. Наседкина, который рассматривает казенные службы купечества исходя из концепции Л.В. Милова, как один из способов изъятия государством общественного прибавочного продукта: *Наседкин Е.Н.* Казенные службы московского купечества в 20-30-е гг. XVIII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2011. – С. 10-11; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

зависимость от «третьего сословия» «не только в общественно-политической, но и в финансово-хозяйственной сфере».[41] Наконец, структуры местного самоуправления в Российском государстве XVII в. активно изучаются воронежской школой исследователей на материале городов Юга России. Функционирование губных учреждений подробно исследовано В.Н. Глазьевым, приказной избы – Е.В. Камарули, таможенного и питейного управления – Т.В. Жибровой.[42] Специальную работу посадским людям южнорусских городов посвятила Н.Д. Кондратьева. Ей удалось показать ряд характерных особенностей южнорусского посада.[43]

Отдельную ветвь исследований представляла проблема взаимоотношения различных ветвей государственного управления и посадского общества в XVII в. Это было обусловлено ролью русского феодального города, как центра политического управления уездной округой, что выводило посадскую общину на передний план социально-политических процессов. Эти исследования в полной мере отразили тенденции, выявленные ранее на материале «посадской» историографии в целом. Большинство подобных исследований касалось воеводской администрации, как органа, отвечавшего за большую часть управленческой сферы: военную, административно-хозяйственную, судебную, отчасти полицейскую.[44]

Б.Н. Чичерин абсолютизировал воеводскую власть на местах. По его мнению, земские старосты и целовальники действовали как низшие служители, которых воеводы могли употребить по своему усмотрению, а главным предметом их ведомства были финансовые дела.[45] Иного мнения держался А.Д. Градовский. Он полагал, что главное значение должности воеводы состояло в исполнении предписаний центрального управления, поскольку тяглое общество требовало лишь

---

[41] Автор полагал, что это было обусловлено союзом центральной власти и посада в борьбе последнего за торгово-промышленную монополию: *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб в XVII в. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – М., 2007. – С. 85-86, 158, 230, 296-297, 370, 384.

[42] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в конце XVI-XVII вв.: губные старосты и губное дело. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – Воронеж, 2002; *Камарули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местно управления второй половины XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2006; *Жиброва Т.В.* Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2010.

[43] Посадские общины сложились лишь в немногих городах, в течение XVII в. постепенно выделилась прослойка «лучших» посадских людей, задействованных в крупных торговых операциях и системе самоуправления. Посадские люди этих городов (вследствие слабости общин) лишь эпизодически привлекались для исполнения государственных служб: *Кондратьева Н.Д.* Посадские люди Юга России в XVII в. Диссертация на соискание… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2012. С. 190-196.

[44] *Космовская А.А.* Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. // Вестник Пермского университета. – 2012. Вып. 1. – С. 135-140.

[45] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения… С. 547-548.

исполнительного органа, а не самостоятельной местной администрации. При этом воеводе «было выгоднее жить в мире с посадом, чем угождать правительству».[46] Эти точки зрения можно обозначить, как крайние: если по мнению Чичерина «ничтожность государственных средств» заставляла правительство опираться на воевод, то Градовский заявлял: «сила московских царей была не в воеводах, а в народе». Все следующие авторы, так или иначе, балансировали между этими позициями. М.М. Богословский уловил, что в XVII в. земство из корпорации, на которую возложено государево дело, превращается «в общественную организацию для поставки персонала в распоряжение воеводы». Во взаимоотношении воевод с земскими мирами он отмечает двойственность – воевода действует как «оберегатель» мира, но при этом «сохраняет черты старинного кормленщика». Именно под властью воеводы «органически выросшие из местных хозяйственных интересов самоуправляющиеся корпорации» XVI в. применяются к исполнению государственного тягла, формируя бюрократическую систему XVII в.[47]

Советские историки преимущественно оценивали взаимодействие воеводской власти с миром через призму «классовой борьбы». Еще М.Н. Тихомиров обращал внимание на противостояние верхушки посадского мира (действовавшей в союзе с дворянством) и широких масс посадских людей. Соборное уложение 1649 г., по его мнению, отражало именно интересы этой «бюргерской оппозиции».[48] Эту мысль высказывал также С.К. Богоявленский.[49] Е.В. Чистякова отмечала, что воевода для горожан занимал место феодального сеньора, а в борьбе против него видела «проявление незатухающей классовой борьбы на местах».[50] В.И. Буганов полагал, что налоговая реформа рубежа 1670-1680-х гг. (изъятие у воевод финансовых дел, снижение оклада стрелецких денег) стала следствием борьбы горожан за свои права.

---

[46] *Градовский А. Д.* История местного управления… С. 452, 467-470.

[47] *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. – М.: Синодальная типография, 1912. – С. 278-288.

[48] К этому выводу он пришел на основании анализа событий Новгородского и Псковского восстаний 1650 г., в ходе которых в решающий момент верхушка посада поддержала московскую администрацию: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России в XVII в. – М.: Наука, 1969. – С. 36-42, 147-151, 154-159, 170-187.

[49] Он указывал, что «воеводы, действуя вместе с зажиточной верхушкой местного общества, доводили дело до взрыва», но легко подавляли эти антифеодальные выступления: *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат... С. 418-419.

[50] По ее мнению, «феодальный характер власти воевод во второй половине XVII в. превратился в серьезный тормоз экономического и политического развития города»: *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в перовой половине XVII в. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. – С. 42-47.

В результате в ходе восстаний 1682 и 1698 гг. широкие массы посадского населения активно не поддержали восставших. Основную роль в этом сыграл сословный антагонизм посадских людей и стрельцов.[51]

Попытка нового осмысления темы взаимодействия мира и воеводской власти принадлежит В.А. Александрову и Н.Н. Покровскому, которые пришли к выводу, что «миры разных социальных слоев сибирского населения играли немалую роль во взаимоотношениях с воеводской властью и разрешении повседневно возникавших жизненных коллизий».[52] В своей монографии о Томском восстании 1648-1649 гг. они установили, что в ходе его «всесословный мир целых 16 месяцев управлял восставшим городом».[53] В этом же русле рассматривает взаимоотношение земской и воеводской администрации Е.Н. Швейковская: «в местном управлении сосуществовали два течения и государственно-административное не могло действовать без мирского».[54] Еще решительнее в этом отношении В.А. Аракчеев: «взаимоотношения воевод и посадской общины неправомерно рассматривать только в контексте эксплуатации населения».[55]

Рассматривая воеводское управление в Ростове, М.Б. Булгаков пришел к выводу о «сложности отношений» воевод с населением посада и уезда и о неполноте их власти.[56] Рассматривая перечень конфликтов посадской и воеводской администрации в разных городах в XVII в., он приходит к выводу, что в основном старосты и воеводы находились в конфронтации друг к другу».[57] В.Н. Глазьев отмечал, что в XVII в. государство еще не имело возможности решать задачи местного управления, опираясь исключительно на бюрократический аппарат, вследствие чего эти задачи возлагались на сословия. Причем «их представители не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие

---

[51] *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. – М.: Наука, 1969. – С. 67-68, 417-418.

[52] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. – 1986. № 1. – С. 47-68; *Они же.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 170.

[53] *Покровский Н.Н.* Российская власть и общество XVII-XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 336-339.

[54] Это доказывается тем, что общинные власти участвуют в «судебно-полицейских, налогово-финансовых и управленческих делах уезда», причем «государственная власть использовала готовые звенья общинной выборной администрации»: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне в России. Поморье в XVII в. – М.: Археографический центр, 1997. – С. 234-246.

[55] *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков... С. 192-193.

[56] *Булгаков М.Б.* Воеводское управление в г. Ростове Великом XVII в.: малоизвестные факты // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2000 г. – Ростов, 2001. – С. 39-43.

[57] *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб... – С. 47-54.

на власть».[58] Таким образом, большинство исследователей вращалось вокруг проблемы взаимодействия воеводской администрации и посадского мира, не касаясь проблемы взаимодействия (и противостояния) разных форм приказной власти в городах.[59]

Историографический анализ свидетельствует, что феномен посадской общины XVII вв. фокусирует ряд основополагающих проблем, связанных с особенностями эволюции русского феодализма. Центральной в данном случае является проблема взаимодействия государства и общества («земли и власти»), поставленная еще историками «государственной школы» в XIX в. (город являлся центром политической жизни). Историографическая традиция ставит целый ряд серьезных вопросов для исследователя посадской общины: определение поземельных, судебных, налоговых прав посадской общины и выявление их связи с «государевым тяглом», выяснение направления сословных реформ и политической позиции посада по этому вопросу и наконец, характеристика внутренней социальной структуры посадского «мира». Решение этих вопросов позволит достаточно точно определить место посадской общины в социально-политической системе «служилого государства» XVII в. и выяснить ее связь с общиной «черных людей» XIV-XV вв.

Отдельно следует остановиться на региональной историографии, имеющей достаточно серьезные традиции. Начало ее было положено работами В.А. Борисова (1809-1862 гг.). В 1851 г. он выпустил объемный труд по истории г. Шуи,[60] а через два года – подготовил издание актов, послуживших иллюстративным материалом к монографии.[61] При этом с 1837 г. до самой смерти он публиковал в самых различных изданиях статьи на краеведческие темы и акты из коллекции. Не менее трех десятков статей были посвящены различным аспектам средневековой истории Шуи. В работах

---

[58] *Глазьев В.Н.* Особенности социальной структуры на селения и административного устройства Южной окраины России XVII-XVIII вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2013. №. 1. – С. 24-31.

[59] Лишь Н.Ф. Демидова отмечает попытки «служилых и посадских миров» противопоставить воеводскому управлению «выборное сословное начало». В этом русле воеводской власти противопоставлялся губной староста, который должен был возглавить городовое управление (челобитные кашинцев 1627/28 г., малоярославичей 1646 г., сказка торговых людей на соборе 1642 г.): *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – С. 28-29.

[60] *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей. – М.: Типография ведомства Московской городской полиции, 1851. В приложении были опубликованы 97 актов.

[61] *Борисов В.А.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию города Шуи и его окрестностей. – М.: Типография В. Готье, 1853. В него вошли еще 212 актов с комментариями автора.

этого исследователя-самоучки отразились все характерные тенденции провинциальной историографии этого периода – устранение автора от решения серьезных синтетических задач, особое внимание к бытовым («этнографическим») деталям, активная «инвентаризация» местных древностей.[62]

Борисов стремился к широкому использованию источников разного происхождения – актовых материалов (в изобилии имевшихся в его коллекции), устных сообщений (сбором которых он занимался специально), этнографических и даже археологических источников. Отсутствие у него специальных знаний (большая часть их была получена Борисовым непосредственно в ходе практических изысканий) и необходимого времени для систематизации большого объема материала, стала причиной многочисленных ошибок в его работах. А популярный стиль изложения (главной особенностью которого являлось смешение в одном блоке информации из разнородных источников, истолкованной в авторском ключе) привел к тому, что ряд его утверждений принципиальной проверке не поддается. При этом определенная фундаментальность его работ, широкая известность, приобретенная ими благодаря положительным отзывам столичных ученых, а также использование Борисовым огромного пласта документального материала, доступного только самому автору, привели к тому, что его труды стали отправной точкой для всей краевой историографии последующего времени.

Результатом несомненного успеха работ В.А. Борисова стало появление во второй половине XIX в. значительного числа краеведческих очерков о разных сторонах истории города – Д.С. Миловидова, И.М. Лядова, Ф.Г. Журова, А.В. Смирнова, а также истории городских церквей – Е.И. Правдина и П.И. Гундобина.[63] Однако отсутствие оригинальных актов заставляло исследователей опираться на

---

[62] Эта работа находилась в русле «провинциального краеведения», основание которому было положено еще В.В. Крестининым: *Крестинин В.В.* Начертание истории города Холомогор. – СПб.: Императорская Академия наук, 1790; *Его же.* Краткая история о городе Архангельском. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1792; *Киссель Ф.Х.* История города Углича. – Ярославль: Губернская типография, 1844. Характеристика этих трудов дана В.В. Боярченковым: *Боярченков В.В.* Провинциальные исследователи старины в российском историографическом пространстве середины XIX в. // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – С. 258-279.

[63] *Миловидов Д.С.* Исторические заметки о городе Шуе и его окрестностях // ВГВ. – 1847. № 21, 22; *Лядов И.М.* Историческая и современная записка о городе Шуе. – М.: Типография И. Чуксина, 1863; *Журов Ф.Г.* Исторический очерк г. Шуи. – Владимир: Типография губернского правления, 1892; *Смирнов А.В.* Город Шуя // ВГВ. – 1901. № 28; *Правдин Е.И.* Описание города Шуи и шуйских церквей. – Шуя: Литотипография Я.И. Борисоглебского, 1884; Описание Шуйского Воскресенского собора и сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской Смоленской Божией матери, находящегося при Воскресенском соборе. – М.: Типография Н.Д. Калужского, 1862.

труды В.А. Борисова, хотя отдельные шуйские акты и оказались в руках краеведов.[64] Если очерки Д.С. Миловидова и А.В. Смирнова являются скорее справочными и особенного интереса не представляют, то исследования представителей «церковной археологии», а также работа Ф.Г. Журова являются вполне оригинальными сочинениями. Е.И. Правдин и П.И. Гундобин основное внимание уделили описанию шуйских церквей, подвергшихся достаточно беглой характеристике в работах В.А. Борисова. Вторым было полностью опубликовано «Сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской Смоленской Божией матери» (хранилась в Воскресенском соборе г. Шуи).[65] При этом оба автора воздерживались от анализа, предпочитая описательный стиль повествования. Ф.Г. Журов был младшим современником В.А. Борисова и обладал небольшой коллекцией актов (доставшихся от последнего). В своей работе он достаточно активно полемизирует со старшим коллегой. Она отличается несколько более высоким уровнем, чем монография Борисова, в основном, засчет более тщательной и вдумчивой работы автора, как с источниками, так и с историографией. Следует отметить также материалы ученика Борисова И.М. Лядова, к которому попала часть актов коллекции В.А. Борисова.[66] В 1870 г. в городской Думе «с торгов и на вес» он приобрел также оставшуюся часть архива шуйской земской избы (ратуши).[67] Лядов в течение двух десятилетий публиковал акты на страницах губернской газеты, зачастую снабжая их подробными комментариями.

Если в советское время шуйское краеведение пережило определенный провал (большинство исследователей ограничивались краткими очерками о развитии города в XV-XVII вв., опираясь на публикации В.А. Борисова), то в последнее время наметился всплеск интереса краеведов к разным сторонам истории города в XVII в.

---

[64] Я.И. Борисоглебский, А.С. Иорданский и Ф.Г. Журов публиковали их на страницах ВГВ. Эти публикации выявлялись нами по специальным справочным изданиям: Указатель содержания неофициальной части Владимирских губернских ведомостей с 1865 по 1900 гг. / Сост. Смирнов А.В. – Владимир: Типолитография Губернского правления, 1902; *Масанов И.Ф.* Библиография Владимирской губернии. Т. 1. – Владимир: Типография Губернского правления, 1905.

[65] Современный археографический обзор текста памятника см.: *Макарьянц Б.Л.* К истории текста «Сказания о Шуйской иконе Божией Матери» // Ословесненный космос: культурологический сборник. Иваново; Шуя, 2010. С. 404-442.

[66] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – Прим. 1.42. – С. 271-273.

[67] *Лядов И.М.* Архив шуйской ратуши, состоящий из старинных дел земской избы XVII и XVIII столетий // владимирские губернские ведомости. (ВГВ). – 1881. № 33. – С. 2-4. Свою коллекцию он пожертвовал в Общество истории и древностей Российских и Императорское Российское географическое общество.

Тщательному анализу подвергся целый ряд аспектов истории города и уезда: история возникновения и бытования «Сказания о чудесах от образа Шуйской Смоленской Божьей Матери» (Б.Л. Маркарьянц, Н.Б. Федотов),[68] топография города и посада в XVI-XVII вв. (Л.Д. Мазур, О.А. Несмиян),[69] проблема возникновения города Шуи и его политического статуса в XV-XVI вв. (В.В. Возилов, Д.Ю. Кривцов).[70] Значительный корпус работ посвящен реконструкции хода событий Смутного времени на территории Шуйского уезда,[71] а также биографиям участников этих событий (А.Ю. Кабанов, А.М. Семененко, В.В. Возилов).[72] Наконец, следует отметить ряд тематических работ, затронувших различные аспекты истории Шуи в XVII в.[73]

Целью исследования являются комплексное изучение развития социальной структуры и политических учреждений шуйской посадской общины, а также их взаимодействия с местным и центральным приказным управлением на протяжении XVII в. Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

---

[68] *Маркарьянц Б.Л.* Особенности иконографии Шуйской-Смоленской иконы Богоматери // Провинциальный анекдот. Вып. 5. Шуя, 2005. С. 3-22; *Федотов Н.Б.* Почитание Шуйской-Смоленской иконы Богоматери в с. Павлово Горбатовского уезда и рукопись XVIII в. // Там же. С. 23-26; *Маркарьянц Б.Л.* «Вкратце собрано бысть и известно…» // Провинциальный анекдот. Вып. 6. Шуя, 2008. С. 3-10; *Он же.* Краткий обзор рукописных источников Сказания о Шуйской иконе Богородицы // Провинциальный анекдот. Вып. 8. Шуя, 2011. С. 3-10; *Он же.* К истории литургического почитания иконы Божией Матери Одигитрии // Провинциальный анекдот. Вып. 9. Шуя, 2015. С. 21-40.

[69] *Несмиян О.А.* Итоги археологического исследования культурного слоя шуйской крепости в 2010 г. // Борисовский сборник. Вып. 2. Иваново, 2011. С. 30-33. *Мазур Л.Д.* Архитектурный облик торговой площади Шуи в XVII в. // Академический вестник Уральского научно-исследовательского проектного института. – 2011. №. 4. – С. 46-50; *Она же.* Обеленное и тяглое начала в русском городе XVII в. (на примере Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьева-Польского) // Академический вестник Уральского научно-исследовательского проектного института. – 2011. №. 1. – С. 21-24; *Она же.* Реконструкция плана подворных владений Шуи в 1629 г. // Академический вестник Уральского научно-исследовательского проектного института. – 2012. №. 1. – С. 43-48; *Она же.* Русский город XI-XVIII вв. Владимирская земля. М., 2006.

[70] *Возилов В.В.* «Даде им град Шую…» (о достоверности сообщения В.Н. Татищева) // Провинциальный анекдот. Вып. 5. С. 31-37; *Он же.* К вопросу о возникновении Шуи как военно-административного центра // Интеллигентоведение и регионоведение. – Иваново, 2012. С. 10-27; *Он же.* Первые итоги рабочей группы по уточнению даты основания г. Шуи // Борисовский сборник. Вып. 1. С. 117-123; *Кривцов Д.Ю.* Легенды о путешествующем митрополите Алексее // Борисовский сборник. Вып. 4. С. 35-41.

[71] *Кабанов А.Ю.* События 1608-1609 гг. на территории современной Ивановской области и их место в истории Смуты // Смутное время начала XVII в.: сборник материалов межрегиональной общественно-научной конференции. Ярославль, 2009. С. 133-146; *Он же.* Город Шуя и Шуйский уезд в Смутное время: перспективы изучения // Борисовский сборник. Вып. 1. Иваново, 2009. С. 34-40; *Кабанов А.Ю., Семененко А.М.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010.

[72] *Возилов В.В.* Василий Шуйский, как «партийный» царь // Интеллигентоведение и регионоведение. С. 28-45; *Он же.* Региональные аспекты изучения истории рода кн. Пожарских // Там же. С. 46-58; *Кабанов А.Ю.* Воеводы г. Шуи в годы Смутного времени (1610-1618 гг.) // Борисовский сборник. Вып. 4. Иваново, 2013. С. 24-34. *Он же.* Д.С. Змеев: исторический портрет // Борисовский сборник. Вып. 2. С. 20-25; *Он же.* Дворянский род Бастановых // Борисовский сборник. Вып. 3. Иваново, 2012. С. 20-27; *Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* Смутное время начала XVII в.: судьбы участников. Иваново, 2015.

[73] *Гаврилова Н.Е.* Таможня и Ивановский край. Иваново: Ивановский государственный университет, 2002; *Травкин П.Н.* Шуя. Коррупция. XVII век // Борисовский сборник. Вып. 5. Иваново, 2014. С. 3-9.

-выявить особенности демографической и социальной структуры шуйской посадской общины;

-очертить сферу деятельности органов посадского самоуправления;

-охарактеризовать деятельность структур приказного управления на местах;

-раскрыть систему взаимоотношений посада и структур приказного управления;

-определить роль органов самоуправления во взаимоотношениях общества и власти.

Методологически работа опирается на основные принципы исторической науки: объективности, исключающей предвзятость исследовательского подхода и историзма, предполагающего анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. Из общенаучных методов использовался системный анализ, рассматривающий исторический объект, как целостный комплекс взаимосвязанных элементов с целью выявления его структуры, внутренних связей, функций, целей, ресурсов и коммуникаций. На наш взгляд, посадская община представляла собой исторический феномен, обладающий всеми вышеперечисленными признаками. Для решения поставленных задач использовались традиционные методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и ретроспективный, а также специальные методы: источниковедческий, статистический и просопографический. Историко-генетический метод нацелен на изучение происхождения и этапов развития конкретных исторических явлений и анализ причинности изменений. И.Д. Ковальченко определил его содержание как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения». В нашей работе мы постараемся выяснить направления социально-экономического и политического развития посадской общины г. Шуи в XVII в., определить его причины и выделить этапы. Историко-сравнительный метод предполагает описание сущности исторических явлений по сходству или различию их свойств и признаков, а также сопоставление их проявления в конкретном времени и пространстве. В нашем случае «первичным» материалом для сравнения будет служить посадская община Восточного Замосковья в XVII в. Также будет привлекаться материал по городским общинам Юга, Северо-Запада и черносошного Севера (на серьезные отличия посадской общины этих регионов от замосковной

общины было указано еще А.С. Лаппо-Данилевским). Наконец, по некоторым проблемам актуальными являются общие наблюдения о путях развития русского феодального города на протяжении всего Средневековья. Суть ретроспективного метода заключается в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей: каждый предшествующий этап можно понять не только благодаря его связи с другими этапами, но и в свете последующей (более высокой) стадии развития в целом. В данном случае в суждениях об особенностях посадской общины XVII в. мы будем опираться на хорошо изученный феномен городской общины XVIII в., а для характеристики посада XVI вв. (документальные сведения о которой крайне скудны), привлечем выявленный нами материал по посадской общине XVII в.

Источниковую базу исследования составили актовые и делопроизводственные источники, отражающие процесс социально-политической эволюции шуйского посада, опубликованные в составе многотомных сборников, изданных Археографической экспедицией и Археографической комиссией.[74] Особое значение имеют законодательные источники: как кодифицированные, так и содержащие многочисленные общие и частные распоряжения.[75] Они позволяют верифицировать юридические реалии, отраженные в актовом материале, а также определить общее направление посадских реформ конца XVI – начала XVIII вв.

Особенностью источниковой базы исследования является опора автора преимущественно на материалы архива земской и приказной избы г. Шуи сохранившегося в достаточно полном виде благодаря усилиям одного из основоположников местного краеведения, В.А. Борисова. Комплексное изучение

---

[74] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. (АИ). Т. 1. – СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841; Т. 2. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1841; Т. 3. – СПб., 1841; Т. 4. – СПб., 1842; Т. 5. – СПб., 1842; Акты Московского государства. (АМГ). Т. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890; Т. 2. – СПб., 1894; Т. 3. – СПб., 1901; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. (АЮ). – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1838; Русская историческая библиотека. (РИБ). Т. 2. – СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1875; Т. 10. – СПб.: Типография МВД, 1886; Т. 23. – СПб.: Сенатская типография, 1904; Т. 35. – Пг.: Типография Министерства земледелия, 1917.

[75] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987; Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1984; Т. 3. – М., 1985; Т. 4. – М., 1986; Памятники русского права. Вып. 5. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959; Вып. 6. – М., 1957; Вып. 7. – М., 1963; Вып. 8. – М., 1961; Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830; Т. 2. – СПб, 1830; Т. 3. – СПб., 1830; Т. 4. – СПб., 1830; Т. 5. – СПб., 1830; Т. 6. – СПб., 1830.

всего исследовательского наследия В.А. Борисова было предпринято в наше время.[76] Исследователи попытались реконструировать и состав его собрания актов.[77] Борисов отправил часть актов своей коллекции в Археографическую комиссию в 1849 г.[78] Также значительная часть актов его коллекции вошла в собрание Я.П. Гарелина.[79] Часть этого собрания оказалась в Государственном архиве Ивановской области,[80] часть в 1886 и 1888 гг. была передана в Румянцевский музей.[81] Небольшая коллекция Д.Г. Бурылина, сохранившаяся в ГАИО,[82] большей частью состоит из актов, приобретенных у Я.П. Гарелина, а ранее принадлежавших В.А. Борисову.

Надо констатировать, что в полном объеме реконструкция собрания В.А. Борисова невозможна. Авторы издания трудов Борисова не без оснований предполагали, что «часть своих приобретений он предназначал для продажи».[83] Возможен был также обмен актами.[84] Можно предполагать, что именно таким путем целый ряд шуйских актов оказался в коллекциях археографов и коллекционеров второй половины XIX в. При обследовании фондов в Архиве СПбФИРИ РАН

---

[76] Стараниями Е.Г. Вопилина и В.И. Баделина увидел свет трехтомник «Трудов» В.А. Борисова. В него кроме упомянутых выше публикаций, вошли 288 актов и писем, а также 159 статей и заметок, опубликованных им в разных изданиях, собрание его писем, записей и помет с подробнейшими комментариями издателей: *Борисов В. А.* Собрание трудов (материалов) / Ред. Вопилин Е.Г., Баделин В.И. Т. 1. – Иваново: МИК, 2002; Т. 2. – Иваново, 2004; Т. 3. – Иваново, 2005. Выявление актов в различных изданиях было проведено весьма добросовестно. Нам удалось обнаружить лишь один «борисовский» акт, не выявленный авторами: АЮБ. Т. 3. – № 347/1. – С. 375-376.

[77] В рамках этой работы ими были составлены 11 тематических подборок его актов, как опубликованных, так и сохранившихся в фондах различных архивов. См также: *Вопилин Е.Г.* Шуйский подвижник русской истории. – Иваново: МИК, 1999. – С. 296-303.

[78] Архив Санкт-Петербургского филиала института истории РАН (СПбФИРИ РАН). – Ф. 21. Оп. 1. Перечень актов коллекции (всего 769) опубликован: Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. (ЛЗАК). – Вып. 26. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. – С. 213-308.

[79] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – С. 278-279. Составители оценивали процент «борисовских» актов в собрании Я.П. Гарелина в 80-90%. Гарелину были переданы не только акты, но и другие документы из коллекции Борисова (летописец, составленный в с. Горицы в начале XVIII в.): *Бутрин Е.С.* Горицкий летописец из собрания ГАИО (первая половина XVIII в.) // Отечественные архивы. – 2013. № 3. – С. 27-32.

[80] 1414 единиц хранения: Государственный архив Ивановской области. (ГАИО). – Ф. 324. Оп. 1, 2.

[81] 2873 единицы хранения: Научно исследовательский Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. (НИОР РГБ). – Ф. 67. См.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1886-1888 гг. – М., 1889. – С. 2-65.

[82] 83 единицы хранения: ГАИО. – Ф. 32. Оп. 1.

[83] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 11.

[84] В собрании Борисова имелся целый ряд актовых комплексов, относящихся к отдаленным губерниям. В коллекциях Я.П. Гарелина и Д.Г. Бурылина в ГАИО имеется значительный комплекс актов по Вологодскому уезду (часть его представляет из себя родовой архив помещиков Рогановских), небольшие вкрапления актов по Ростовскому, Ярославскому и Переславль-Залесскому уездам (большей частью также представляющие собой остатки родовых архивов) и отдельные документы, попавшие в коллекцию случайным образом – например, записная книга взимания судебных пошлин по искам и отрывок из расходной книги съезжей избы г. Карпова Белгородского уезда (1671 и 1676 гг.), книга записей выдачи продуктов из Медовой палаты (1690-1695 гг.), московский летописец конца XVII в.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1030; Д. Оп. 2. Д. 117, 132, 172; *Бутрин Е.С.* Московский летописец конца XVII в. из собрания Я.П. Гарелина // Отечественные архивы. – 2012. № 2. – С. 68-74. Аналогичный актовый состав имеют петербургская коллекция В.А. Борисова (СПбФИРИ РАН. Ф. 21) и московская – Я.П. Гарелина (НИОР РГБ. Ф. 67).

подобные вкрапления обнаружены в коллекциях М.В. Каблукова,[85] Н.П. Лихачева,[86] Н.К. Никольского,[87] Н.А. Протасова,[88] Г.С. Батенкова,[89] Н.Ф. Романченко,[90] В.И. Актовой,[91] М.И. Семевского.[92] Таким же образом часть актов В.А. Борисова попала в собрание П.И. Щукина.[93] Также комплекс из 11 шуйских актов выявлен Г.Р. и М.М. Якушкиными в Государственном архиве Ярославской области.[94] М.М. Якушкиной удалось выявить более 200 шуйских актов в четырех фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея.[95] Фонд Шуйской приказной избы в Российском государственном архиве древних актов, насчитывающий 75 дел, также включает значительное число актов, принадлежавших В.А. Борисову.[96]

Все сказанное свидетельствует о том, что реконструкция архивов шуйской приказной и земской избы в полном объеме невозможна. Однако его значительная сохранность определяет особое внимание к нему исследователей.[97] В специальном филологическом издании «Памятники деловой письменности» было опубликовано

---

[85] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 62. Перечень актов коллекции (всего 721) опубликован: ЛЗАК. Вып. 26. – С. 309-398. О связи Борисова с Каблуковым см.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – Прим. 2.12. – С. 281-282. Выявлены 2 шуйских дела.

[86] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 238. Выявлены 5 дел.

[87] Там же. – Ф. 260. Выявлены 5 шуйских дел и 2 дела с актами, относящимися к Суздальскому уезду. Основной фонд коллекции составляют акты Кирилло-Белозерского монастыря.

[88] Там же. – Ф. 111. Выявлено 1 дело. Перечень актов опубликован: Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Вып. 31. – Пг.: Типография Первой Петроградской трудовой артели печатников, 1923.

[89] Там же. – Ф. 18. Выявлено 1 дело. Перечень актов опубликован: ЛЗАК. Вып. 31.

[90] Там же. – Ф. 116. Выявлено 1 дело.

[91] Там же. – Ф. 1. Перечень актов опубликован: ЛЗАК. Вып. 31. Все эти акты прежде принадлежали Борисову. О попадании этой коллекции к Актовой см.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – Прим. 5.11. – С. 318-324. Она получила акты от М.Я. Диева, которому Борисов уступил их в обмен на посредничество в получении членства в Общество истории и древностей Российских (ОИДР).

[92] Часть его коллекции, перечень актов которой опубликован: Историко-юридические акты XVI-XVII вв. / Собр. М.И. Семевский. – СПб.: Типография В. Балашева, 1892 (ныне: Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 120. Оп. 2), полностью состоит из актов, ранее принадлежавших В.А. Борисову. Издатели «Трудов» полагают, что они попали к Семевскому из коллекций И.М. Лядова, или Я.П. Гарелина, состоявших из борисовских актов и присланных ими в ОИДР: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – Прим. 2.27. – С. 284.

[93] Они вошли в издание: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Т. 1. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1896; Т. 2. – М., 1897; Т. 3. – М., 1897; Т. 4. – М.,1898.

[94] Фонд Ярославкой губернской ученой архивной комиссии: *Возилов В.В., Якушкин Г.Р., Якушкина М.М.* Новые актовые материалы по истории города Шуи и Шуйского уезда // *Возилов В.В.* Интеллигентоведение и регионоведение. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2012. – С. 59-80.

[95] ОПИ ГИМ. – Ф. 68. Ед. хр. 8, 12, 71; Ф. 113. Ед. хр. 21-24; Ф. 251. Ед. хр. 1-2; Ф. 450. Ед. хр. 89, 136. Обзор этих документов: *Якушкина М.М.* Обзор материалов по истории Шуйского района Ивановской области в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Борисовский сборник. Вып. 2. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2011. – С. 85-88.

[96] РГАДА. Ф. 1641. – Оп. 1. При обследовании документов фонда на ряде актов обнаружены пометы В.А. Борисова: Там же. – Д. 5. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 31. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 38. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 40. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 50. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 57. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 58. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 64. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 66. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 68. – Л. 1 об.

[97] А.С. Лаппо-Данилевский при описании процедуры раскладки и сбора налогов весьма широко использовал собрание актов Я.П. Гарелина в Румянцевском музее, указывая на его особое значение наряду с коллекцией И.Д. Беляева: *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения… С. 330-334.

значительное число актов коллекции Я.П. Гарелина в ОР РГБ и целый ряд относящихся к г. Шуе актов из РГАДА, выявленных издателями.[98]

Поскольку именно архив шуйской земской и приказной избы стал основной источниковой основой нашей работы, следует подробнее остановиться на его составе. Этот вопрос привлекал внимание исследователей еще с конца XIX в. Н.Н. Оглоблин описал управление архивами приказных изб, их помещения, способы хранения документов, приемы составления их описей, а также отметил ряд важных аспектов архивного дела.[99] Впервые публикация целостного архива земской избы (посада Больших Солей) была осуществлена Н.Н. Селифонтовым.[100] Еще одна значимая работа о земском архиве принадлежит Н.Н. Оглоблину.[101] Общие описания архивов земских изб были осуществлены Н.Н. Ардашевым и Л.С. Прокофьевой.[102] Однако исследователями в большей степени все же изучались архивы приказных изб.[103] М.Б. Булгаков отмечал слабую сохранность архивов земских посадских изб XVII в.[104] Архив земской избы позволяет не только проследить механизм делопроизводства в ней, но и оценить место этого учреждения в системе государственного управления в России XVII в. В связи с практикой регулярного уничтожения «старых дел» в большинстве архивов приказных изб, особенно важен

---

[98] Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / Ред. С.И. Котков. – М.: Наука, 1984. (ПДП).

[99] Он обращал внимание на комплектование архивов «документами других учреждений города, имевших собственных начальников», а также практику уничтожения старых дел «в обширных размерах» по мере необходимости: *Оглоблин Н.Н.* Провинциальные архивы XVII в.: Очерк из истории архивного дела в России. – СПб. Типография В. Безобразова, 1886. – С. 1-133.

[100] В предисловии к ней он отмечал важнейшее значение этого материала «для истории русского права» вследствие того, что этот источник предохраняет исследователя «от ошибочных обобщений»: Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большие Соли Костромского уезда XVI-XVIII вв. / Сост. Н.Н. Селифонтовым. – СПб.: Типография А. Бенке, 1902. – С. 3-6.

[101] Он исследовал архив Чарондской земской избы, «многие документы которого оказались неизвестными доселе представителями мирских актов XVII в.», разделив его документацию на 8 групп: *Оглоблин Н.Н.* Обозрение документов Чарондской земской избы // ЖМНП. – Ч. 316. 1898, апрель. – С. 269-320.

[102] *Голомбиевский А.А., Ардашев Н.Н.* Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства: Обзор документов XVI-XVII вв. в делах XVIII в., переданных в МАМЮ из упраздненных в 1864 г. учреждений // Записки Московского археологического института. Т. 4. Вып. 1. – М., 1909; *Прокофьева Л.С.* Обзор материалов архива ЛОИИ АН СССР по аграрной истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вып. 1. – Вологда: б/и, 1970. – С. 512-517.

[103] Характерные обзоры: *Гоголева А.А.* Документы приказного делопроизводства Воронежского края XVII – начала XVIII в. // Отечественные архивы. 1999. № 5. – С. 18-21; *Богданов А.П.* Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. – 1987. № 4. С. 77-83; *Лавров А.С.* Записные книги Новгородской приказной палаты 1686-1689 гг. // Книга в России XVIII – середины XIX вв. Из истории Библиотеки Академии наук. – Л.: Библиотека Академии наук, 1989. – С. 148-154.

[104] *Булгаков М.Б.* Состав документации Ростовской приказной избы первой половины 60-х гг. XVII в. // История и культура Ростовской земли 2001. – Ростов, 2002. – С. 99-103. Непосредственно составу документации земских посадских изб посвящена еще одна его статья: *Булгаков М.Б.* О составе документации земских посадских изб XVII в. // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. – М.: РГГУ, 2003.

состав изучаемого архива. Значительный объем документов свидетельствует о его достаточно высокой сохранности.[105]

Нами использовались все опубликованные акты этого архива, а также документы, извлеченные из ГАИО, СПбФИРИ РАН, РГАДА и НИОР РГБ. Кроме этого, нами использовались все известные кадастровые документы по Шуе XVII – начала XVIII вв.:[106] дозорная книга Н.В. Неплюева (20 июля 1619 г.), дозорная книга С.М. Уварова (27 февраля 1623 г.), писцовая и межевая книга А.И. Векова (29 июля 1629 г.), переписная книга кн. С.В. Клубкова-Масальского (1646/47 г.), переписная книга Д.И. Гурьева (12 декабря 1677 г.), переписная книга воеводы Я.Г. Сытина (20 октября 1709 г.), переписная книга стольника Д.И. Рудина (апрель 1710 г.) и ландратская книга А.Ф. Татищева (август 1715 г.). Также в составе сборника «боярских и городовых книг» по Суздальскому уезду обнаружены были строельные книги г. Шуя И.Ф. Акинфова (1640-1642 гг.) и В.И. Колычева (1648/49 г.). Наконец, для характеристики административной структуры Шуйского уезда в конце XVI в. использовались документы Суздальского Покровского монастыря, как опубликованные,[107] так и извлеченные из архивного фонда монастыря в Государственном архиве Владимирской области.[108]

Научная новизна работы обусловлена взглядом на посадскую общину, как целостную структуру, занимавшую важное место в структуре государственного управления и хозяйства России XVII в. Она определяется также возможностью применения на материале изучаемого объекта микроисторического подхода,

---

[105] При этом сопоставление перечня сохранившихся актов с описями архива земской избы 1659 г. и губной избы 1677 г. (документы которой вошли в состав архива приказной избы) свидетельствует о неполной сохранности обоих комплексов в борисовской коллекции: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 34. – С. 178; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 69. – Л. 1-12. Опись губного архива датируется по появлению в городе воеводы В.М. Козлова, сменившего И.И. Боркова (впервые упоминается 18 октября 1677 г.): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 148. – С. 417-419. На обороте списка имеется отрывок «рукоприкладства» сына Козлова.

[106] Обзор их см.: Писцовые книги Восточного Замосковья / Сост. Зенченко М.Ю., Воскобойникова Н.П., Иванова Г.А., Кадик В.А., Маштафаров А.В. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – С. 316-328. Отметим, что писцовая книга Шуйской ямской слободы (от 1 августа 1621 г.), включенная в это описание, относится к одноименной ямской слободе в Вологодском уезде. Подробный обзор документов РГАДА по истории г. Шуи и уезда XV-XVIII вв. сделан Г.Р. Якушкиным: *Якушкин Г.Р.* Обзор документов РГАДА по истории г. Шуи и Шуйского уезда XV-XVII вв. // Борисовский сборник. Вып. 2. – С. 13-20; *Он же.* Обзор документов РГАДА по истории Шуи XVIII в. // Борисовский сборник. Вып. 3. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2012. – С. 51-62.

[107] Описание актов собрания графа А.С. Уварова / Сост. И.М. Катаев, А.К. Кабанов, М.В. Довнар-Запольский. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905; *Маштафаров А.В.* Явочные челобитные 1568-1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. – М.: Древлехранилище, 2003.

[108] Государственный архив Владимирской области. (ГАВО). – Ф. 575. Оп. 1. Описание архива монастыря до 1613 г.: *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004.

позволяющего вскрыть некоторые общие закономерности взаимодействия власти и общества в России XVII в. Работа является первым опытом комплексного анализа социально-политического развития посадской общины этого периода на локальном материале. Традиции локально-исторической урбанистики существуют в отечественной исторической науке, начиная еще с «городовых летописцев» XVII-XVIII вв., однако смещение в советское время крена подобных исследований в сторону экономической истории привело к тому, что местная социально-политическая история оказалась на историографической периферии и рассматривалась преимущественно в рамках более общих вопросов.

Апробация: основные результаты данного исследования отражены в семнадцати публикациях и обсуждены на V, VI и VII Всероссийской научно-практической конференции «Борисовские чтения» (г. Шуя), на XII, XIII, XV, XVI, XVII и XVIII краеведческих чтениях по казуальной истории «Провинциальный анекдот» (г. Шуя), Ивановской областной краеведческой конференции (г. Иваново) в 2010, 2011, 2013, 2014 и 2015 гг., I и III Всероссийских научных конференциях «Смутное время: итоги и уроки» (г. Кохма – 2010 г., п. Палех – 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Мининские чтения–2016» (г. Нижний Новгород), XIII краеведческой конференции «Пожарские Неопалимовские чтения» (г. Южа).

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость нашей работы состоит в том, что сформулированные в ней выводы расширяют научные представления о закономерностях и этапах социально-политического развития посадской общины XVII в. в России. Выявленные в исследовании особенности социальной структуры шуйского посада XVII в. содержат важный материал для анализа путей развития общины русского феодального города на протяжении XV-XVIII вв. А вскрытая в работе на материале шуйского посада технология взаимоотношений «земли и власти» в Российском государстве XVII в. несомненно, способствует уточнению теоретических представлений о направлении развития феодализма и формирования абсолютизма в России.

Практическая значимость. Выводы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих трудов, учебных пособий и лекционных курсов по

социально-политической истории, истории города и системы государственного управления в России, а также при составлении учебных пособий по краеведению и созданию музейных краеведческих экспозиций.

Структура работы. Исследование построено по проблемному принципу и состоит из введения (включающего историографический очерк и обзор источников), двух глав, заключения и списка источников и литературы. В первой главе будет охарактеризована социальная структура шуйской посадской общины и проанализирована деятельность земских органов самоуправления. Во второй главе будут рассмотрено взаимодействие посадской общины со структурами приказного управления в Шуе в XVII вв.: воеводской и губной властью, а также экстренными правительственными чиновниками.

Глава 1. Шуйская посадская община XVII в. как социальный организм

1.1. Динамика численности шуйской посадской общины в XVII – начале XVIII вв. и ее основные факторы

Первой сохранившейся переписью посадских дворов г. Шуи является дозорная книга Н.В. Неплюева, составленная 20 июня 1619 г., после очередного набега литовцев на город.[109] Сохранилась она фрагментарно, поэтому о числе отмеченных в этом источнике дворов можно судить лишь приблизительно. Согласно нашим подсчетам, в книгах Неплюева отмечено всего 33 двора посадских людей (38 чел.). Также имеются сведения о 59 пустых дворах (61 чел.) и 33 дворовых местах, что «были дворы тяглые, а ныне запустели в разоренье от литовских людей».[110] Согласно переписи С.М. Уварова, проведенной в Шуе 27 февраля 1623 г., в городе насчитывалось 54 тяглых двора (75 чел.), 53 бобыльских (56 чел.) и 19 дворов бобыльских вдов (33 чел.).[111] Также имелось 27 пустых дворов.[112] В писцовых книгах, составленных А.И. Вековым 29 июля 1629 г., в Шуе отмечено 4 двора лучших людей (8 чел.), 12 – «середних» (16 чел.), 91 – «молотчих» (109 чел.), 48 бобыльских (53 чел.) и 21 «нищий» двор (24 чел.).[113] Также имелось по 8 пустых дворов и мест дворовых посадских людей.[114] Появились беломестцы: на посаде зафиксировано 3 двора суздальского архиепископа, двор и два дворовых места келаря Николо-Шартомского монастыря,[115] два двора принадлежало Д.С. Змееву.[116] Промышленные объекты распределялись своеобразно: у лучших людей во дворах

---

[109] Набег случился 17 августа 1618 г.: именно с этого времени по 6 июня 1619 г. «стоял пуст» шуйский кабак: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

[110] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 530-541. Хозяева 3 пустых дворов умерли, 38 – «сошли безвесно в разоренье» (или «от войны литовских людей»). Хозяев еще 7 дворов «ссекли литовские люди».

[111] При этом часть имевших дворы лиц не была зачислена ни в одну из этих категорий: рассыльщики Семен и Григорий Овдокимовы, таможенный дьячок И.Д. Несмеянов и земский дьячок Вторышка Григорьев. Дьячок (площадной) Иван Прокофьев обозначен в числе бобылей.

[112] РГАДА. – Ф. 1209. Оп. 1. Д. 908. – Л. 1-11. Из числа пустых дворов жители 11 сбежали, пятеро были «убиты в разоренье», трое – непосредственно в ходе набега 1618/19 г. Один пустой двор (К.Ф. Горбунова) был в закладе у московского гостя Ивана Юрьева.

[113] На дворы лучших людей был положен оброк в 40 д., на дворы средних – 30 д., молодших – 24 д., а бобылей – 20 д. Нищие оброка не платили.

[114] 7 владельцев этих дворов сбежали.

[115] Двор он приобрел у посадского человека Алексея Вахрамеева в 1627/28 г., а дворовые места у шуян Т.К. Аксенова в 1628/29 г. и С.Ю. Слонова в 1629/30 г.

[116] Он приобрел их у посадских людей, один из которых остался «на дворничестве» в своем же дворе.

имелось три пустых мыльных варницы, из 11 кузниц 8 находились на дворах «молотчих» людей, две – бобылей и лишь одна – середних людей.[117]

В переписных книгах кн. С.В. Клубкова-Мосальского 1646 г. в Шуе обозначено 219 дворов (471 чел.). Также на посаде было 5 пустых дворов.[118] В этой переписи учитывалось все мужское население двора, в результате чего отмечены 17 «наймитов».[119] В числе подсуседников названы 20 чел.[120] Кроме того, во дворах обозначено достаточное число людей, не связанных прямыми родственными отношениями с хозяином,[121] что свидетельствует об увеличении населенности двора.[122] При передаче города новому воеводе составлялась опись, отсылавшаяся в Разрядный приказ. По описи 1668 г. в Шуе значится 186 посадских людей и 127 их детей, а в описи воеводы В.М. Козлова 1677/78 г. посадских людей значится 183 человека и 52 человека «детей их и братьи».[123] Нетрудно заметить, что сведения составлялись по разному формуляру (в первом случае учитывались все дети мужского пола, во втором – лишь совершеннолетние). Согласно переписным книгам Д.И. Гурьева от 12 декабря 1677 г. в Шуе имелось 203 двора (507 чел.).[124] Также имелось 17 дворовых пустых мест и 12 пустых дворов посадских людей.[125] 11 вдовьих дворов (21 чел.) и трое «подсуседников» были освобождены от тягла. У шуян имелось 14 работников.[126] Число проживавших во дворах лиц без прямых родственных связей еще увеличилось.[127]

---

[117] РГАДА. – Ф. 1209. Оп. 1. Д. 908. – Л. 39 об.-54 об. Единственный солодовенный омшаник и пустой амбар также находились во дворе молодшего человека Т.Т. Дубовикова.

[118] «Пустота» образовалась разными путями: один человек умер под Смоленском, один – «сбежал от долгу» в 1645/46 г., один – ушел в солдаты. У владелицы еще одного двора умер муж, а сама она вышла замуж за крестьянина. Другой владелец «по старине» был взят в с. Лежнево.

[119] В качестве наймитов выступали крестьяне разных помещиков (в том числе 2 ивановцев, 2 дуниловцев и 4 крестьянина Николо-Шартомского монастыря) и лишь 1 шуянин.

[120] Подавляющее большинство их составляли шуяне, лишь трое представляли уезд. О самом явлении см. с. 63 настоящей работы.

[121] 13 племянников, невестка с сыном, дядя, зять и шурин (крестьянин Пафнутьева Боровского монастыря).

[122] РГАДА. – Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11330. – Л. 1-22 об.

[123] ВГВ. – 1874. №. 37. – С. 4; ДАИ. Т. 9. – № 106. – С. 222.

[124] 313 человек мужского пола старше 10 лет, еще 164 человека – младше 10 лет, а также 30 женщин.

[125] Из хозяев пятеро были выведены в с. Дунилово в 1664/66 г., 10 – сбежали, один – проживал «в работниках» на посаде, пятеро – у родичей, остальные владельцы умерли.

[126] Пятеро были крестьянами (двое – с. Дунилова, один – Шартомского монастыря), трое – купленными татарами (еще один «крепосной»), двое – шуянами (один проживал в доме хозяина с сыном), и двое – малолетними (7-ми и 9-ти лет).

[127] Трое племянников, 7 зятьев и шурьев и 27 «подсуседников»: РГАДА. – Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11324. – Л. 12-26.

В окладном списке шуйских посадских людей февраля 1703 г.[128] следует отметить отсутствие вдовьих дворов.[129] Следовательно, рискованно использовать окладные книги в качестве альтернативы государственному учету населения. Однако в них, в отличие от государственных переписей, обозначены «бездворные» шуяне (17 семей), а также «бездворные и безтяголные» (4 семьи). Согласно окладной книге 1703 г. в Шуе имелось 205 дворов (457 чел.).[130] У них имелось 6 крепостных и 1 вольный работник. Согласно итогам переписи воеводы Я.Г. Сытина (20 октября 1709 г.), на посаде имелось 194 двора (348 чел.).[131] Значительная часть дворов (33) принадлежала женам (вдовам), матерям и сестрам посадских людей, попавших на службу, умерших или сбежавших. Хозяева еще 21 двора оказались на службе, не оставив никого во дворе. Также имелось 3 двора беглых и 6 – умерших.[132] «Подсуседников» в этой описи не обозначено, зато 6-ю дворами владели лица, не связанные прямыми родственными отношениями.[133] Сравнивая эту перепись со следующей (апреля 1710 г.), можно видеть явное занижение итогов в ней.[134] Следовательно, итоги ее не удовлетворили правительство, в результате чего появился указ от 12 февраля 1710 г. о всеобщей переписи. Осуществлял ее уже не воевода (который мог излишне благоволить местному миру), а специальный «присыльщик» – Д.И. Рудин. Согласно переписи апреля 1710 г., на посаде имелось 192,5 жилых двора (424 чел. м.п. и 541 чел. ж.п.), 59 из которых принадлежало женщинам.[135] Возрастное распределение усиливало женское преобладание: мужчин старше 15 лет в городе было 267 чел. (63% мужского населения), женщин – 372 чел. (69%).[136] «Подсуседники» прямо обозначены в 5 дворах. Однако количество дворов,

---

[128] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. – Л. 1-18, 20-42.

[129] Это объясняется банально: в качестве плательщика в окладной книге фигурировал дворовладелец-мужчина, а в случае его смерти оклад возлагался на семью. Именно этим объясняется наличие в окладной книге 1703 г. сбежавшего в 1702 г. Никиты Денисова, умершего в 1691/92 г. В.И. Истопленникова, отправленных в 1699/1700 г. в Таганрог и умерших там И.И. Ожималова и М.А. Лобанова, умершего в 1700 г. Т.Н. Лилина, бежавшего в 1701 г. А.Ф. Крылова, умершего в 1701 г. П.И. Серебренникова. Сведения о судьбе хозяев содержатся в переписных книгах 20 октября 1709 г.

[130] 218 глав семьи, 202 их сына, 25 братьев, 9 внуков и 3 племянника.

[131] При этом численность взрослого мужского населения составляла 209 чел.

[132] Всего же отмечено: находившихся на службе в солдатах – 29 чел., бежавших – 8 чел., умерших – 19 чел., 5 «петербургских работников», 3 целовальников и 4 кузнеца, умерших на Таганроге.

[133] РГАДА. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 468. – Л. 2-16 об.

[134] *Клочков М.В.* Население в России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – С. 24-27.

[135] 9,5 дворов были пустыми (хозяева 7 – умели, еще 2 – взяты в солдаты).

[136] Отчасти это объяснялось пребыванием на солдатской службе значительной части взрослого мужского населения (23 чел.).

в которых проживали лица, не имевшие прямых родственных связей значительно больше.[137] В переписи также отмечены работники, проживавшие у шуян: 28 крепостных, 4 наемных работника и двое вольных людей.[138]

Главной особенностью структуры городского населения в Шуе в XVII в. было отсутствие в городе крупных белых слобод. В ходе дозора 12 июня 1619 г. в Шуе было зафиксировано 6 осадных дворов с дворниками,[139] а также значительное количество келий на церковной земле, в которых «живут нищия, питаютца в церкви божия». При Крестовоздвиженской церкви таковых имелось 7, при Борисоглебской – 20, а при Воскресенской – 9. Согласно дозору 27 февраля 1623 г., в Шуе имелось 10 осадных дворов (11 дворников). При Спасской церкви жило трое бобылей, при Вознесенской – имелось 16, а при Воскресенской – 7 келий нищих. В 1629 г. в Шуе имелось 10 осадных дворов. На земле Покровской церкви имелась одна «нищая келья», а на земле Крестовоздвиженской церкви – 2, а на земле Спасской церкви проживало двое бобылей, плативших оброк «попу с церковной земли». В 1646 г. численность «белого» населения резко увеличилась: 14 осадных дворов (34 чел.).[140] На церковных землях проживало в кельях 11 вдов-бобылок (13 чел.), 7 бобылей (трое из них в кельях) и 8 крестьян во дворах (14 чел.).[141] В переписи 1677 г. обозначены 14 осадных дворов (56 чел.). При Спасской церкви существовал монастырь на 12 келий: «живут нищие черницы».[142] При Крестовоздвиженской церкви находились 8 келий, в которых проживали вдовы и бобыли (с детьми 16 чел.).[143] Согласно

---

[137] Исключив лиц, имевших достаточно дальние родственные связи (свояки, золовки, деверя, снохи), можно насчитать 11 дворов, члены которых прямых родственных связей не имели. Указания на проживание Г.И. Тебрикова в половине двора, С.А. Загребина – на дворе, построенном «для приезду начальных людей», а Г.Н. Фомина – на дворе И.А. Гневышева – свидетельствуют об интенсивном обороте дворов в посаде.

[138] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 469. – Л. 1-26 об. У И.Я. Голятина имелось две семьи (12 чел.) «купленных людей», еще одна крепостная и работник, нанятый на год в лавку. У Н.Я. Ломанова – «приданная» девка, у Б.Я. Коверина – «купленная вдова» и отставной солдат, у С.Ф. Демина – две «купленных» семьи (7 чел.), у вдовы С.А. Осокина – «вольный с отпускной», у Д.В. Носова – «крепостной» человек, у вдовы И.Я. Остаткова – девка-работница, у вдовы Т.Ф. Дырина – шуянин-работник, у жены Д.И. Лисина, А.Я. Дорожаевского, В.А. и И.А. Гневышевых – по одной «купленной» женке (девке), у П.А. Шигина – «крепостная девка», у М.Г. Жукова – «крепостная девка» и работник.

[139] Дворник – лицо, постоянно проживавшее во дворе с целью поддержания того в надлежащем состоянии в отсутствие хозяина двора. Могли быть как зависимыми, так и наемными людьми.

[140] Еще три двора были пусты (один дворник был взят на посад, второй умер, а третий с семьей бежал в 1645/46 г.). В большинстве случаев дворники были крестьянами хозяев дворов (8 семей), 4 семьи происходили из посадских людей г. Шуи, еще 4 семьи оказались пришлыми.

[141] Одна из бобылок была крестьянкой С.В. Собакина, покинув его «лет з 20», один из бобылей – крестьянином С.В. Коробьина, сбежавшим в 1645/46 г. Четыре крестьянских семьи происходили из с. Дунилова: три из них покинули родину 20 лет назад, одна – лишь в 1642/43 г.

[142] Еще двое нищих вдов проживали во дворах причта Покровской и Крестовоздвиженской церквей.

[143] Кроме того, при церквях имелось два пустых двора и 3 пустых кельи, жители которых ушли на посад.

переписи 20 октября 1709 г. в городе имелось 13 осадных дворов (49 чел.), а согласно переписи августа 1715 г. 26 дворов (62 чел. м.п. и 78 чел. ж.п.).[144] В этой переписи перечислено также население мужского Троицкого монастыря (16 монахов, 4 «бельца») и женского Спасского монастыря (16 монахинь, 4 «белицы»). На церковных землях при Воздвиженской церкви имелась слободка «нищих и бобылей» (7 келий, 6 чел. м.п. и 11 ж.п.), еще 7 келий располагалось на земле воздвиженских попов, 2 кельи – на земле покровского попа, 1 келья – у спасского попа. Всего в «поповских» кельях проживало 8 чел. м.п. и 19 чел. ж.п.[145] В составе населения церковных земель посадских людей не имелось,[146] а количество тяглоспособного мужского населения было минимальным.[147]

Исходя из приведенных данных, можно установить ряд особенностей комплектования непосадской части населения Шуи. В 1619 г. численность нищенских келий превосходила численность дворов, в 1623 г. число келий сократилось на 36%, а число дворов основательно возросло. К 1629 г. нищенские кельи были практически ликвидированы, зато число дворов вновь возрастает на 40%. При этом в числе посадских дворов возрастает доля нетяглых[148]. Можно предположить, что часть посадского населения в связи с разорением ушла от тягла в церковные кельи, а после восстановления хозяйства постепенно возвращалась на посад. Этот процесс завершился к переписи 1629 г.[149] В дальнейшем наблюдается отток населения к шуйским белослободчикам: «на дворничество» в осадные дворы и на церковные земли. В ходе строения посада в 1640-1642 г. от шуйских попов были возвращены 5 семей, еще 8 – возвращены с «дворничества», а в строение 1649 г. В.И. Колычев вернул еще 2 семьи от попов и 5 – из дворников. Перепись 1646 г. фиксирует резкий рост населенности осадных дворов и монастырских слобод.

---

[144] Также имелась нищенская келья: 1 чел. м.п. и 3 чел. ж.п.

[145] 60-летняя вдова с. Польков проживала в доме у самого воздвиженского попа Ивана Алексеева.

[146] За исключением 32-летней «нищей вдовы» Матроны Палвловой.

[147] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 470. Л. 1-8 об. Таковых имелось трое: двое проживало по отпускным их родителей, один являлся крестьянином Николо-Шартомского монастыря. Еще двое монастырских крестьян (в том числе 60-летний «скорбный» Агафон Клементьев) платили монастырский оброк. Один владельческий крестьянин (60-летний Павел Иванов, принадлежащий А.М. Кайсарову) был слепым, как и 50-летний Дмитрий Иванов, проживавший по отпускной А.А. Отяевой.

[148] 4 в 1619 г., 13 в 1623 г. и 21 в 1629 г. – в последнем случае они прямо поименованы «нищими».

[149] Часть нищих получила дворы на церковной земле (2 двора в 1623 г., 3 – в 1629 г.).

Причем наряду с 14 «нищими кельями»,[150] на церковных землях имелось 8 крестьянских и 4 бобыльских двора. Характер населения, проживавшего в церковной слободке за исключением обнищавших посадских людей, выступает достаточно ясно – это крестьяне окрестных сел, стремившиеся в город. Иной характер принимает и состав дворников – большинство из них являлись «старинными людьми» хозяев. К 1677 г. происходит отток части тяглоспособного населения церковных слободок на посад: на церковной земле остаются лишь нищие, не принимаемые в общину.[151] Подобный характер населения келий на церковной земле детально фиксируется переписью августа 1715 г. Число же осадных дворов не изменяется, зато увеличивается их населенность (1646 г. – 2,4 чел. на двор, в 1677 – 4 чел., в 1709 г. – 3,8 чел.). Исключение составляет промежуток с 1709 до 1715 гг., когда число дворо увеличивается в два раза, тогда как их население – не более, чем на четверть.[152]

Это свидетельствует, что в отличие от большинства посадов Восточного Замосковья, в Шуе церковные слободки являлись не равноправным противником посада в борьбе за тяглецов, а своеобразным буфером, аккумулировавшим, с одной стороны, обнищавшее посадское население, с другой – население окрестных сел, стремившееся в город. Нарастив определенный хозяйственный потенциал, эти семьи включались в посадскую общину. А вот осадные дворы в 1630-х гг. действительно заявили о себе как о серьезном претенденте на посадских тяглецов. Однако в ходе строений 1640 и 1649 гг. этот путь для посадских людей был отрезан. Зато он был открыт для торговых крестьян, по Уложению 1649 г. лишенных права заниматься ремеслом и торговать в городе. Результатом стало резкое увеличение населенности этих дворов во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Важнейшим вопросом в связи с изменениями численности посадской общины является учет внешних воздействий. Наиболее яркими внешними факторами, негативно влиявшими на численность общины, являлись войны, болезни и стихийные бедствия. Первый крупный пожар в городе случился 15 августа 1640 г.

---

[150] К нищим отнесены нами также проживавшие в кельях бобыли. Такое разделение проведено исходя из данных переписи 1677 г.: она фиксирует пребывание бобылей в «нищих кельях» и уход их из дворов.

[151] Для вдов, составлявших значительную часть населения церковной слободки в 1646 г. (11 дворов) был организован монастырь (12 келий в 1677 г.).

[152] Это связано с изменением социального статуса населения дворов: из дворников оно переходит в рязряд «бобылей».

Посадские люди сообщали, что из 154 тяглых дворов запустело 32, а в ходе пожара сгорело еще 82, и осталось «разломанных 40 дворишков».[153] Еще один пожар в Шуе случился 4 апреля 1652 г.: «многие посацкие дворы выгорели».[154] Следующий пожар случился 9 мая 1662 г.: «погорел губной двор, таможня и гостин двор и ряды, и дворы, и житницы, и в лавках товары».[155] Самый серьезный пожар случился 12 июня 1710 г. Сгорели все административные постройки, а также «всяких чинов жителей дворы и лавки с товары».[156] Стихийные бедствия использовались шуянами в качестве аргумента в вопросе о снижении объема налоговых сборов и служб. После пожара 1640 г. они просили «дати льготье во всяких доходех».[157] Вскоре они просили об освобождении от платежа 64 р. «за пустые дворы», а также от выбора верного головы на Углич, поскольку «погорелые людишки розбрелися розно».[158] После пожара 1662 г. шуяне просили об освобождении их от поставки целовальников и доставки леса для суздальского «городового строенья».[159] В 1665/66 г. шуяне просили об освобождении их от службы на кружечном дворе в Ярополчской волости, поскольку у них «посад малолюдной и люди от пожарного разоренья многие не построились».[160] Таким образом, «пожарное разорение» шуяне использовали в качестве рычага давления на казну для снижения налогов. Несомненно, пожары отражались на хозяйстве посадских людей (для большинства населения «хоромное и дворовое строение» являлось наиболее ценным имуществом). Однако на численность населения эти бедствия особого влияния не оказывали.[161]

Фактором, напрямую повлиявшим на численность посадского населения, явилось моровое поветрие 1654 г. Сведения о «дворовой убыли» в результате этого бедствия неоднократно доставлялись шуянами с целью снижения оклада по сбору

---

[153] *Борисов В.А.* Собрание трудов. – Т. 2. – № 43. – С. 68-69.
[154] Там же. – № 78. – С. 104-105; Там же. Т. 3. – С. 289.
[155] Там же. Т. 3. – С. 289.
[156] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 557. – Л. 1. После пожара в городе осталось всего 13 «отъезжих дворов» (находившихся в удалении от жилого массива): *Борисов В.А*. Собрание трудов. Т. 2. – № 209. – С. 220-222.
[157] Там же. Т. 1. – № 23. – С. 167; ЛЗАК. Вып. 26. – № 193. – С. 236.
[158] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 43. – С. 68-69. Указом 18 декабря 1640 г. они были освобождены от платежа «доимочных денег» на жалованье ратным людям: ЛЗАК за 1913 г. Вып. 26. – № 194. – С. 236.
[159] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 97. – С. 373-374; ДАИ. Т. 4. – № 119. – С. 275.
[160] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 110. – С. 386-389; АЮБ. Т. 1. – № 55/18. – С. 280-285. Указом 31 августа 1666 г. они были освобождены от этой повинности.
[161] Оговорка о «разбредшихся розно» лицах в челобитной 1640 г. предполагает лишь временное отлучение лиц из посада, вследствие отсутствия дворов. После пожара 12 июля 1710 г. шуяне жаловались на самоуправство государевых слуг лиц, которые заняли «осталые дворы и живут на них», тогда как шуяне вынуждены с женами и детьми жить в разных селах и деревнях: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 571. – Л. 1-2 об.

«даточных людей». В 1653/54 г. горожане отослали четверых даточных с подводами (по одному с 50 дворов) и 29 декабря 1653 г. уплатили деньги с «перехожих» 11 дворов.[162] В следующем году в городе случилась моровая язва. Согласно памятной записи на часовне при Спасской церкви, она продолжалась с 1 сентября по 12 октября 1654 г. Во время эпидемии умерло 560 человек, а осталось 610.[163] Шуяне немедленно били челом о сложении повинности в доставке даточных людей с 90 дворов. Ходатайство было удовлетворено, и 8 апреля 1655 г. с Шуи явилось двое даточных с подводами, а с «перехожего» 21 двора были уплачены деньги. По такой же системе поставка даточных осуществлялась 7 мая 1656 г.[164] В мае 1658 г. шуйский земский староста подал воеводе Г.Б. Кайсарову сказку с перечислением шуян, умерших входе моровой язвы[165] Всего в ней упоминается 216 дворов. Из них полностью вымершими оказалось лишь 11, а 10 дворов вымерли частично.[166] Жители еще 2 дворов оказались в бегах,[167] а еще один шуянин перебрался в другой двор. При этом появилось 8 новых дворов – 6 принадлежали «приходцам крестьянем Мардаской волости» (7 чел.), еще один – прихожей «вдовой попадье с робятки», а житель еще одного отделился от отца, организовав новый двор. Таким образом, всего в посаде имелось 202 населенных двора.[168] Вновь было заселено 57 «вымерших» дворов. Статус части новых насельников по отношению к прежним хозяевам не обозначен (13 дворов).[169] Еще 7 дворов заняли шуяне, отделившиеся от родителей (3 чел.) и братьев (4 чел.). Хозяевами еще 5 дворов оказались мужья оставшихся в них женщин (в 4 случаях это были дочери бывших хозяев, в одном – жена). Еще одну значительную категорию составляли «приходцы Мардаской волости», заселившие 16

---

[162] Таким образом, тягло шуяне платили с 211 дворов, хотя в переписи 1646 г. было зафиксировано 219 жилых дворов.

[163] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 39. Сводка данных по этим событиям на территории страны: *Авдеев А.Г.* Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2012. Вып. 1. – С. 121-132.

[164] Ходатайства об этом подавались 13 марта 1656 г. и в 1657/58 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 344, 364. – С. 253, 256.

[165] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 56. – Л. 1-9 об.

[166] В 6 остались сыновья (в двух случаях они обозначены, как «малые»), в 3 дворах – матери с детьми и в одном – старик.

[167] В одном случае житель «бродил по миру», а его «малой» сын проживал во дворе.

[168] Среди них имелось 11 вдовьих дворов (6 имели сыновей, 5 – детей, одна оказалась бездетной). Также имелись дворы «старицы», повивальной бабки и 9 дворов «нищих вдов». Кроме того, имелось 4 «чиновничьих» двора: 2 принадлежали рассыльщикам, и 2 – подьячим съезжей и губной избы.

[169] Такими же лицами были заселены и 2 двора «постригшихся» шуян.

дворов.[170] 13 дворов было занято вдовами,[171] а еще 3 двора были заселены чиновниками из посадских людей.[172]

13 ноября 1658 г. был объявлен новый сбор даточных людей.[173] В сказке, поданной шуянами И.П. Шетневу, прибывшему в город для «сбору даточных людей» в январе 1659 г. отмечено, что по переписным книгам 1646 г. в Шуе зафиксировано 5 улиц (224 двора),[174] а к моменту поветрия прибыло еще 15 дворов. В поветрие на трех улицах вымерло 40 дворов, а всего осталось 199.[175] В ней значились: 91 двор «вымерший без остатка», 122 двора частично вымерших и целых. При этом большая часть вымерших дворов была занята: 43 – оставшимися родственниками, 13 – дворцовыми крестьянами с. Дунилово, 22 – чернецами и черницами из посадских людей, постригшимися в течение трех лет после язвы. Лишь 13 дворов «огнили и развалились».[176] Совпадение данных сказок 1658 и 1659 гг. свидетельствует, что основной приток населения, обеспечивший пополнение «вымерших» дворов, случился в первое трехлетие после моровой язвы.[177] На ускорение срока заселения несомненное влияние оказал указ 11 января 1657 г.: шуйскому воеводе необходимо было с помощью выборных посадских людей оценить и переписать всех умерших и «что после них осталось выморных дворов и животов». После этого сыска все выморочное имущество «подлежало изъятию в казну.[178]

---

[170] В одном дворе оказалось трое «приходцев», еще в 2 – по 2 чел., а один из дворов «приходец» делил с «повивалной бабой прихожей».

[171] В одном проживали сразу две «вдовы с робятки», еще в одном – такая же вдова, в одном – «старица», еще в одном – «повивалная баба», в остальных 9 – «нищие вдовы».

[172] Губной подьячий Тимофей Петров и рассыльщики Тимофей Андреев и Григорий Подрезов. Еще один двор попал к новому хозяину вместе с жильцами: двором Я.Г. и Н.Г. Осокиных владел И.В. Кожевин.

[173] ДАИ. Т. 8. – № 40. – С. 188-192. По новому окладу требовалось собрать по 1 человеку с 25 дворов, а в случае челобитных о «многих вымерших дворах» в моровое поветрие – производить досмотр. 14 февраля 1659 г. шуяне подали соответствующую челобитную: ЛЗАК. Вып. 26. – № 366. – С. 256.

[174] В данном случае шуяне имели в виду и пустые дворы.

[175] *Борисов В.А.* Собрание трудов. – Т. 2. – № 85. С. 110; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 83. Л. 1-1 об. Однако в этой же сказке шуяне упоминают о 91 «вымершем» в поветрие дворе (число умерших составляло 572 чел.). Причиной разницы числа «вымерших» дворов в 1654 и 1659 гг. является значительный срок, прошедший после поветрия – через 5 лет значительная часть дворов оказалась вновь заселена.

[176] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 3. – С. 176.

[177] Во второй сказке обращает на себя внимание снижение количества дворов «мардасских приходцев»: всего 13 против 23 (16 заселенных старых и 7 новых) в первой сказке, увеличение количества «чернецких дворов»: 22 против 13 (если даже считать «чернецкими» все вдовьи дворы) и распространение родственных связей с прежними хозяевами на всех новых насельников (43 двора): прежняя сказка дает основания для подобных выводов лишь относительно 5 дворов. Судя по всему, эти изменения отражают не реальное положение дел, а исходят из требований правительства. С этим связано снижение числа тяглых дворов (засчет чернецких), числа дворов «насельников» (они могли быть возвращены обратно) и указание на родственные связи, как основной фактор появления нового насельника (согласно указу 11 января 1657 г.).

[178] Там же. – № 83. – С. 108-109. Естественно, розыск стимулировал притязания родственников (и иных лиц) на «выморные дворы». Продолжался он достаточно длительное время. В апреле 1657 г. шуйскому земскому старосте

5 июля 1659 г. был объявлен второй сбор даточных людей и 10 декабря 1660 г. шуйский земский староста дал очередную сказку о количестве дворов на посаде.[179] 5 января 1665 г. шуйский воевода получил новый указ о сборе с посада и уезда даточных людей. В ответ шуяне просили об освобождении их от уплаты денег с выморочных дворов.[180] Таким образом, факт резкого уменьшения посадского населения в ходе моровой язвы использовался в качестве аргумента по вопросу о снижении налоговой нагрузки в течение целого десятилетия. Новое дело по этому поводу возникло осенью 1667 г. Воевода И.И. Борков получил указ, предписывавший получить на шуянах «доимочные» деньги с 90 дворов за поставку даточных людей в 1653/54, 1654/55 и 1655/56 гг. В челобитной по этому поводу шуяне напоминали, что оплата за эти годы производилась «с живущего сполна». 20 декабря 1667 г. воеводе был направлен указ о получении с шуян сказки о числе «вымерших» дворов по годам и проверке этих сведений «болшим повалным обыском».[181] В январе 1668 г. шуяне сообщили, что из 211 тяглых дворов в поветрие вымерло 90 дворов «без остатку». На посаде имелось 183 тяглых двора и 20 дворов «вдов и солдатских жон», которые «тягла не тянут, бродят по миру».[182]

Таким образом, в течение первого трехлетия после моровой язвы 1654 г. численность «живущих дворов» на посаде была практически восстановлена. На это указывают сведения сказки мая 1658 г.: к тому времени на посаде имелось уже 200 «живущих» дворов.[183] В сказке 1659 г. упоминается о 194 дворах,[184] а в сказке 1668 г. – о 203 дворах (из них 20 «нетяглых»). Таким образом, уже в 1659 г. число дворов на посаде приближается к числу их до переписи. Уменьшение числа тяглых дворов в

требовалось собрать сказки о том, кто завладел «выморочным» имуществом шуянина И.Ф. Лопухина: «по какому приказу, по свойству л, или по духовной, или по купчим и по закладным». 11 апреля 1657 г. шуяне показали, что имуществом Лопухина завладел А.К. Неупокоев, которые «погребал и поминал» его: ПДП. – № 235. – С. 235; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 118. – Л. 1-1 об.

[179] ЛЗАК. Вып. 26. – № 373. – С. 257.

[180] Там же. – № 406, 419. – С. 260-262.

[181] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 115. – С. 392-393; ДАИ. Т. 5. – С. 328-329.

[182] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 101. – С. 123-124; Там же. Т. 1. – № 43. – С. 185-186; РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-1 об. Поскольку показания шуян подтвердились, 14 марта, 3 и 7 мая 1668 г. воеводе было запрещено «править» с шуян деньги с выморочных 90 дворов за 1654/55 и 1655/56 гг.: Там же. Т. 2. – № 118. – С. 395; ЛЗАК. Вып. 26. – № 452, 456. – С. 267.

[183] Разные показания о числе умерших вполне объясняются хронологией: на момент появления памятной записи на часовне и составления первого челобитья о сбавке налогов на посаде вымерло 90 дворов (560 человек), в дальнейшем число «вымерших дворов» увеличилось на 1, а число умерших возросло до 572 чел.

[184] Из 199 дворов следует исключить 5 пустых, которые были отмечены в переписи 1646 г. Возможно, снижение количества дворов обусловлено выключением «нетяглых» дворов: дворы «черниц и чернецов» из посадских людей (упомянутые в 1658 г.) тягла не тянули.

1668 г. до 183 вполне объясняется сборами даточных людей в 1659 и 1660 г., а также выводом 1665 г. в Дунилово 14 дворов беглых крестьян.

Последним фактором, оказывавшим значительное влияние на численность посадских людей, были солдатские наборы. У нас нет систематических сведений о наборе «посошных» и «даточных» людей в первой половине XVII в. В последующее время подобная практика хорошо документирована. В набор 1653/54 г. шуяне отослали четырех человек с подводами, в следующие два набора – по два человека. Вскоре после этого возникли проблемы с уходом «даточных людей и солдат» с государевой службы.[185] 13 ноября 1658 г. был объявлен новый набор даточных людей. Для его производства в Шую явился И.П. Шетнев, которому «в два поима» удалось получить от шуян 16 человек.[186] 21 января 1659 г. была дана поручная по 8 нарядившимся в солдаты шуянам. Солдаты должны были явиться в Москву и быть на службе «покамест она минетца», за что получили от шуян подмоги по 46 р. на человека.[187] 5 июля 1659 г. был объявлен второй сбор даточных людей. Партия шуян была отправлена в Москву 20 августа 1659 г. Таким образом, кроме 16 даточных, шуянам необходимо было собрать еще 736 р. им на «подмогу», причем в течение короткого времени. При этом состав поручиков[188] свидетельствует, что о возмещении убытков не могло быть и речи: их имущество просто не могло покрыть возможной суммы. 9 января 1661 г. был объявлен третий сбор даточных людей. Требовалось поставить человека с 20 дворов и обеспечить его хлебными запасами. Для производства сбора в Шую явился К.П. Чаблыкин.[189] В ответ шуяне жаловались, что с деньги с семей предыдущих даточных «взять не с чево, людишки

---

[185] 9 июня 1658 г. стольник Н.Н. Демской провел в Шуе обыск относительно наличия «государевых служилых рейтар и драгун и солдат», а также любых «волных людей», однако получил отрицательный ответ. Двое объявившихся в Шуе солдат (И.С. Щеголев и С.И. Уродов), еще раньше по государевой грамоте были отосланы в Москву: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 96. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 363. – С. 256.

[186] Годовой оклад составлял 8 чел.: согласно сказке, поданной шуянами Шетневу в январе1659 г., в городе имелось 199 дворов.

[187] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 86. – С. 110-112. «Подмога» собиралась на покупку снаряжения и приобретение «столовых запасов». Однако ее сумма не была четко регламентирована, что вызвало ситуацию, описанную ниже.

[188] Поручиками по ним в 5 случаях выступили ближайшие родственники: по троим их жены, еще по двоим – братья. По одному из наемников поручителем выступил другой наемник (Д.И. Утешев), еще по одному – брат одного из наемников (В.Е. Шишигин). Лишь один наемник имел стороннего поручителя – Н.Д. Лилю.

[189] ЛЗАК. Вып. 26. – № 374. – С. 257.

скудные» и просили не брать даточных с 17 дворов.[190] Даточные были «излюблены» из числа «молотчих людей» (10 человек).[191]

Характерно, что основной причиной просьбы о сбавке оклада шуяне называют не отсутствие людей, а невозможность оплатить им подмогу. Именно объем подмоги стал причиной челобитной даточных людей: 8 января 1661 г. «даточные Максимко с товарищи» жаловались, что шуяне «против иных городов даточных людей запасов и лошадей им не дали» и государеву службу им «служит не на чем, и нечем». В ответной челобитной шуяне заявляли, что дали подмогу по 20 р. на человека.[192] Чаблыкин сам попытался осуществить «правеж запасного хлеба» для даточных, но шуяне отказались подчиниться ему.[193] Причиной разногласий между даточными людьми и посадом был размер подмоги: с 46 р. она была снижена до 20 р., причем из этих денег даточные должны были приобрести себе запасы. Собрать единовременно значительную сумму «подможных денег» было чрезвычайно сложно. В результате при выплате «порядной» суммы первым партиям даточных была использована рассрочка:[194] даточные могли оставить часть «порядных» денег в качестве резерва. Подобная технология позволяла снизить размер единовременного сбора «на подмогу».[195]

Уход даточных со службы был достаточно распространенным явлением. В последней трети XVII в. шуяне неоднократно предоставляли сведения относительно имевшихся в городе беглых солдат и даточных людей.[196] 13 августа 1670 г. В.М. Трегубов, получил от шуян сказку о даточных людях, взятых в 1659 г. Из них в Шую вернулся только И.Е. Шишигин: «и ныне он Ивашко ходит в съезжей избе в

---

[190] ВГВ. – 1874. №. 31. – С. 3.

[191] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 126. – Л. 1-1 об. В даточные были взяты М.Д. Котюрев, Ф.М. Косой, Д.С. Чернец, Ивашко Остафьев пирожник, Я.Ф. Щидрин, Гараска Онтонов, А.А. Маурин, Р.И. Зубков, Т.С. Чистов, В.И. Тюленев – всего 10 человек. Перечень приводится по сказке от 13 августа 1670 г.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 165. – Л. 1-3 об.

[192] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 129. – Л. 1; ЛЗАК. Вып. 26. – № 389. – С. 259.

[193] 21 февраля 1661 г. получил память об освобождении посадских людей от правежа хлеба: ЛЗАК. Вып. 26. – № 376, 388. – С. 257-258.

[194] 27 августа 1659 г. мать Якова Авдеева (солдата первого набора) «по приказу сына» взяла у шуян «достальные» 5 р. за сына, получившего только 41 р.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 88. – С. 114.

[195] Шуянин Михаил Осипов, порядившимся «в посошных под Смоленск» в 1632/33 г., получил «рядные деньги» у земского старосты уже после исполнения повинности: Там же. – № 33. – С. 59-60. Подобная система выплаты подмоги являлась идеальной для посада, но в случае с набором К.П. Чаблыкина применить ее было невозможно – именно из «подможных» денег даточные должны были закупить необходимые им «хлебные запасы».

[196] В марте и 13 мая 1661 г., 24 ноября 1663 г., 7 июля и 14 октября 1671 г., в сентябре 1683 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 378, 381, 399, 482, 483, 576. – С. 257, 258, 260, 271, 282; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 119. – С. 137-138; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 168. – Л. 1-1 об.

розсылке».[197] Из даточных третьего сбора в Шую вернулось 5 человек, однако воевода И.И. Борков уже 12 июня 1670 г. отдал их стрелецкому сотнику Абраму Близнецову. Также шуяне сообщили, что на посаде живет старый солдат из охочих людей, И.С. Щеголев и «ходит в съезжей избе в розсылке».[198] Таким образом, вернувшиеся даточные набора Чаблыкина тут же были поверстаны в московские стрельцы. Вскоре они оказались в бегах: в ноябре 1673 г. шуяне дали сказку, что «с Шуи посаду збеглые московские стрелцы с тех мест в Шуе не бывали, и жен их и детей после их никого нет».[199] В сферу внимания сыщиков были включены и семьи даточных людей: 29 августа и 11 сентября 1679 г. шуйский земский староста получил от П.И. Окулова память о даче сказки не только относительно «беглых даточных», но также их «жон и детей и братьи», а еще «пришлых всяких людей и захребетников». В феврале 1681 г. шуяне показали, что в Шуе из числа родственников даточных имелась лишь солдатская вдова и солдатский сын.[200] Таким образом, уход посадских людей в солдаты в XVII в. не был заметным фактором, влиявшим на численность общины. Затруднения касались скорее, суммы собираемой для них подмоги. В солдаты записывались «молотчие» люди, не имевшие особых шансов на подъем по социальной лестнице в общине. После возвращения эти лица не стремились встроиться в посад.[201] Таким образом, солдатские наборы выступали в качестве фильтра, выбирающего из общины наиболее маломощных членов.

Ситуация изменилась в начале XVIII в. Петровские рекрутские наборы отличались от прежних значительным объемом.[202] С шуйского посада в первый

---

[197] Об употреблении фамилий при «документальной» фиксации посадских людей в XVII в. см.: *Королев Г.И.* Имена и фамилии посадских людей Боровска в XVII в. // Вестник архивиста. 2007. № 1. С. 92-105; *Смольников С.Н.* Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII в. // Великий Устюг. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 221-236. В связи с тем, что в большинстве документов лицо фигурирует с «полуотчеством», в качестве фамилий принимается любой из остальных компонентов имени (в том числе обозначение профессии), зафиксированный хотя бы в одном акте.

[198] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 114. – С. 134-135; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 165. – Л. 1-3 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 475, 476. – С. 270. О судьбе И.С. Щеголева свидетельствует сказка, данная шуянами в сентябре 1677 г. Они сообщали, что в 1653/54 г. он «был для торгового своего промыслу под Смоленским и в приступное время написался в охочие люди»: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 70. – Л. 1-2.

[199] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 184. – Л. 1.

[200] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 72. – Л. 1; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 145, 152. – С. 164, 171-172.

[201] Из пятерых солдат, отмеченных в переписных книгах 1646 г., двое были младшими членами семьи, двое – хозяевами дворов без детей, а один – даже без жены. В 1661 г. в даточные также были избраны «молотчие люди». Из вернувшихся на посад двое записались в рассыльщики, остальные были взяты в стрельцы и бежали, но в посаде не объявились. Они не оставили в посаде жен и детей: в 1681 г. объявилась лишь одна солдатская жена и сын – у 26 даточных людей.

[202] 4 июня 1702 г. шуйские земские бурмистры получили память об отводе съезжих и постоялых дворов для сборщиков ратных людей. По указу от 25 мая их требовалось собрать 2 тыс. чел.: ВГВ. 1881. № 34. С. 4-5.

рекрутский набор 1703 г. в Москву было выслано 29 человек.[203] Часть шуйских рекрутов была забракована: 30 июля 1703 г назад было отправлено семеро шуян, которые «в солдатех быть негодны».[204] Во второй набор в том же году из города было велено набрать еще 75 человек. Собранные «с великою нуждой за малолюдством» рекруты были высланы в Москву, но на службу было принято лишь 57 человек.[205] Этот рекрутский набор стал причиной серьезного социального конфликта в посаде: 18 октября 1703 г. шуйский земский бурмистр жаловался, что взятые в солдаты шуяне, собранные «из малоплатежных в салдатскую службу», переписали в солдаты «не малоплатежных» шуян, и отправили эту роспись в приказ Военных дел. В результате вместо отставленных шуйских новобранцев в Москву было велено выслать обозначенных в росписи шуян. В челобитной по этому поводу земский бурмистр просил о праве вместо отставленных солдат «всем миром нанять переменщиков».[206] В данном случае речь идет о прямом конфликте между «малоплатежными людьми», выбранными в рекруты и «не малоплатежными», которые в рекруты не попали.[207] Первоначально запись шуян в солдаты осуществлялась на иных основаниях: они жаловались, что в числе не записанных в солдаты остались люди «старые и увечные», а также обложенные «малыми оклады».[208] Таким образом, первоначально в число солдат были записаны представители лучшей части посада, и лишь после челобитной право выбора солдат было представлено общинным властям.

Длительное пребывание сборщиков в городе порождало многочисленные конфликты. В послушной памяти от 5 марта 1705 г. было оговорено, что «бумагу и протчее» им следует предоставлять «по рассмотрению, коликое число надобно из мирских доходов».[209] Однако пользуясь тем, что бурмистры «во всем том деле»

---

[203] Тогда же впервые возник вопрос о распространении рекрутской повинности на лиц, исполнявших «государевы службы»: 8 марта 1703 г. шуяне дали сказку сборщику солдат Ф.Д. Маркову относительно этих лиц: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 422. – Л. 4; Там же. – Д. 423. – Л. 4.

[204] Там же. – Д. 428. – Л. 2.

[205] Троим «для малых лет» были даны льготы до «урочных лет», а еще 15 человек отставлены.

[206] ВГВ. – 1873. № 43. – С. 1-2; ЛЗАК. Вып. 26. – № 753. – С. 306.

[207] «Рняс» на подобное распределение обязанностей, «малоплатежные» посадские люди подали собственную челобитную о пополнении списка рекрутов лицами из верхушки посада. Ее представители оправдывались «государевым делом»: в случае выбора в солдаты лиц из «не малоплатежной» части посада, случится недобор податей и сбой в исполнении государевых служб.

[208] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 387. – Л. 1-1 об. Поскольку записанные в рекруты шуяне окладных доходов не платили, остальные были вынуждены за них «стоять на правеже».

[209] Там же. – Д. 487. – Л. 1 об.-2 об.

должны были починяться сборщикам, последние творили на местах настоящий произвол. В декабре 1707 г. в Юрьевец, Балахну, Городец и Шую были направлены сборщики, которым надлежало произвести третий набор рекрутов. Шуяне жаловались, что те «чинят земской избе убытки, а посадцким людем налоги, переводят з двора на двор солдат по многому числу».[210] Право выбора «годных к службе» лиц было одним из наиболее острых мест в противостоянии посадской общины и солдатских сборщиков. В 1703 г. шуйской общине удалось отстоять право на внутренний выбор рекрутов, хотя официально это право было предоставлено ей лишь по указу от 30 января 1707 г.[211]

Следствием столь масштабного рекрутского набора были проблемы с исполнением посадской общиной своих основных тягловых функций: поставкой лиц на государевы службы и выплатой налогов. В апреле 1705 г. шуяне сообщали, что в результате рекрутского набора «совершенная в государевых службах за малолюдством нужда и неуправление».[212] Акцент челобитной смещен на трудности с исполнением служб, а не на налоговые сборы. Таким образом, верхушкой общины был достигнут желаемый баланс в выплате налогов (путем высылки на службу малоимущей части посада), но в распределении служебных обязанностей на значительно уменьшившееся число лиц она испытывала определенные проблемы. В связи с этим важно оценить тягловую мощь лиц, поставленных в солдатскую службу.[213] Состав рекрутов четко характеризует политику общины в их выборе: в

---

[210] Там же. – Д. 507. – Л. 1-2 об. В сентябре 1707 г. поступил указ о высылке этих наборщиков в Москву, однако они продолжили бесчинства: арестовали людей, нанятых шуянами в драгуны и «роспрашивали с пристрастием и подымали на дыбу безвинно»: Там же. – Д. 512. – Л. 2-2 об.

[211] Там же. – Д. 501. – Л. 1-4. Высылка на солдатскую службу лиц вместо 15 человек «отставных» шуян была осуществлена весной 1704 г. 10 февраля 1704 г. шуяне дали сказку на съезжем дворе перед сборщиком солдат П.М. Скрябиным относительно количества людей на посаде. Согласно переписным книгам 1677 г. в городе было 203 двора, еще 3 взято в посад «по торговому промыслу» в 1700 г. В связи с тем, что многие шуяне «живут ныне в полудворех», а другие умерли, число дворов с пустыми дворовыми местами составляло 237. В 21 дворе проживали «бестяглые вдовы», 29 хозяев находились на солдатской службе, а еще двое «дав за себя переменщиков (в солдаты – Е.Б.) сами померли»: Там же. – Д. 438. – Л. 1-5. Сказку подобного типа шуяне обязаны были предоставлять всем сборщикам солдат. Сохранился черновик подобной сказки (без цифровых показателей) за июль 1703 г., сказка от 10 февраля 1704 г., а также отрывок с началом сказки от мая 1708 г.: Там же. – Д. 429. – Л. 1; Там же. – Д. 521. – Л. 2.

[212] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 238. – С. 471-472; Там же. Т. 3. – С. 224.

[213] Согласно переписи 20 октября 1709 г., в солдатах было обозначено 29 шуян. Большинство составляли хозяева дворов, не имевшие жены (25 чел.), двое имели жен (без детей), а еще двое были младшими членами семьи. Перепись апреля 1710 г. в числе солдат называет 26 шуян. 15 чел. из них были младшими членами семьи, двое – неженатыми хозяевами, трое – женатыми и пятеро имели детей. Очевидно, что число рекрутов было далеким от поставленного посадом 101 чел. Несомненно, вместо части рекрутов были даны «переменщики»: сохранилась порядная посадского человека Василия Яблова, порядившегося в солдатскую службу у бурмистра А.С. Плесянинова: ЛЗАК. Вып. 26. – № 755. – С. 306.

качестве рекрутов поставлялись младшие члены семей, неженатые и немногочисленные женатые «маломощные» хозяева. В.А. Тихонов объясняет «трудности посадов в выставлении рекрут», слабым здоровьем и низкой рождаемостью посадских.[214] В действительности эти трудности были связаны с неадекватной квотой набора 1703 г.[215] В целом следует отметить, что рекрутский набор сыграл определенную роль в изменении численности посадской общины, но незначительно отразился на ее тягловой силе.

Теперь постараемся оценить пути пополнения посадской общины тяглецами. Значимым фактором, позитивно влиявшим на рост численности общины, было «посадское строение». Первое масштабное «строение» случилось в 1640 г. 18 декабря 1637 г. в Шую поступил указ о сборе на жалование даточным людям по 2 р. с человека.[216] Шуяне заплатили со 154 дворов 308 р., но «в те деньги многие животишка изпродали», поскольку к тому времени на посаде запустело 32 двора. В следующем 1638/39 г. сбор было велено повторить, но на сей раз собрать требуемого не удалось: шуяне «от лишних тягол оскудели и одолжали» и просили «про те пустые дворы сыскать».[217] Сохранившиеся росписи умерших и сбежавших шуян свидетельствуют, что процессы с ходатайством о возвращении беглецов на посад и о сложении денег за «выбылые дворы» протекали параллельно.[218]

Сыск беглых был начат по указу от 12 сентября 1638 г. Еще 6 января 1639 г. по грамоте из приказа Сыскных дел шуйский земский староста и целовальники дали роспись «закладчиком и дворником и беглым шуяном посацким людем». В росписи указывалось имя беглеца, дата бегства, место жительства и размер тягла.[219] На

---

[214] *Тихонов В.А.* Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Диссертация на соискание… кандидата исторических наук. – М., 2013. – С. 83.

[215] По нему ростовский посад потерял 13% своего населения: Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 3. Кн. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – № 1041. – С. 1092.

[216] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 52. – С. 339-341.

[217] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 181. – Л. 1; ВГВ. – 1862. № 18. – С. 76. К челобитной была приложена роспись умерших после писца шуян (41 человек).

[218] В опубликованной В.А. Борисовым челобитной перечисляются владельцы 29 выбывших дворов (32 человека). Однако сохранилась также «роспись дворов, кои запустели в Шуе на посаде», в которой перечисляются 12 дворов умерших людей и 17 дворов людей, которые «розбрелись розно». Учитывая отсутствие совпадений между списками умерших, можно предположить, что эта «роспись» была составлена именно в ходе ходатайства о сложении денег на жалование даточным людям. Соответственно, в позднейшей челобитной по этом делу, опубликованной И.М. Лядовым приводится полный перечень дворов умерших (41 чел.): ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. – Л. 1-1 об.; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 45. – С. 70-71. Черновик: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 181.

[219] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 40. – С. 65-66.

протяжении 1639 г. посадской общиной была развернута активная работа по учету беглецов.[220] Сохранились остатки ряда росписей, аналогичных акту от 6 января.[221] 17 марта 1642 г. шуяне сообщали И.Ф. Акинфову, что первую роспись «про беглых посадцких людей» они предоставили воеводе И.С. Судакову. Однако по прибытии сыщиков в Шую, И.Ф. Акинфову была подана другая роспись, в которой были отмечены лица, которых шуяне «пропаметовали».[222] 13 января 1640 г. И.Ф. Акинфов и подьячий Михаил Кузовлев получили указание сыскивать беглых шуян, проживающих в «розных городах на посадах и в уездех» в тягле, а также в «закладчиках и в дворниках» по предоставленным им росписям, и «вывозить в Шую на посад со всеми животы». Доставив беглецов в посад, следовало получить с них поручные записи в том, что им «жит на посаде в тягле и впред с посаду никуды не збежат». Беглые с поручными записями передавались земским старостам. Сыщикам также надлежало отвести им места под дворы, а посадские люди должны были обложить их тяглом «смотря по животом и по промыслом».

О технологии розыска дает представление указ И.Ф. Акинфову от июля 1641 г. о возвращении бежавших в Нижний Новгород П.В. и Ф.В. Новоторговых. Глава Сыскного приказа кн. Б.А. Репин приговорил П.В. Новоторгова вернуть, а его брата оставить в Нижнем, поскольку собственного двора до бегства он не имел.[223] Однако по новому государеву указу Новторговы с детьми был оставлены на прежнем месте.[224] Поскольку строельная книга шуйского посада И.Ф. Акинфова сохранилась фрагментарно,[225] для восстановления утраченных сведений нами привлечены росписи беглых посадских людей, дозорные книги 1623 г., писцовые книги 1629 г. и

---

[220] В связи с этим 17 октября 1639 г. была составлена «розпис дворников Шуи города осадных дворов и которые дворники в Шуе на посаде» (ряд этих дворников являлся посадскими людьми): ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 67. – Л. 1-1 об.

[221] В одной отрывке сохранились сведения об 11 бежавших лиц, с указанием места проживания, даты бегства и размера тягла, в другом перечисляются 12 лиц с указанием даты бегства и места проживания, в третьем – 11 лиц, также без указания на размер тягла. Наконец, в четвертом упоминается лишь одно лицо (шуянин Н.П. Кропива, проживавший в с. Пурехе), с указанием даты выхода и размера тягла: Там же. – Д. 40. – Л. 1-4; Там же. – Оп. 2. Д. 65. – Л. 1-1 об.; Там же. – Оп. 1. Д. 63. – Л. 1; Там же. – Оп. 2. Д. 2. – Л. 1.

[222] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 202. – Л. 1-1 об.

[223] Из Шуи они сбежали в 1614/15 г. В дозорных книгах Н.В. Неплюева 1619 г. среди дворовых мест, запустевших в разорение «литовских людей», значился двор П.В. Новоторгова. Кроме того, в Сыскном приказе шуянами была предъявлена мировая запись 1613/14 г. об отказе людей С.Я. Милюкова от иска к Новоторговым, в которой братья также были поименованы посадскими людьми: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 50. – С. 78-79.

[224] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 528. 8 декабря 1641 г. нижегородскому воеводе И.В. Хилкову был направлен указ о возвращении с посада шуян-беглецов, а 9 ноября подобный указ был направлен К.И. Жохову в дворцовые с. Мурашкино и Лысково Курмышского уезда: ЛЗАК. Вып. 26. – № 199, 200. – С. 237.

[225] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 501-529.

переписные книги 1646 г.[226] Всего по первой росписи, поданной посадскими людьми, на посад было возвращено: хозяев 41 чел., а их детей 45 чел., по второй росписи – хозяев 7 чел., а детей их – 10 чел.[227] Акинфовым на посаде было устроено 45 дворов и под три двора «даны места».[228] Однако никакой корреляции размера выделенной под двор площади с объемом тягла не наблюдается.[229] Следует отметить, что целый ряд лиц, отмеченных в поданных шуянами росписях беглецов, был не возвращен в город по разным причинам.[230] Целый ряд лиц оказался «не сыскан»:[231] с мест были получены ответы, что дворов беглых шуян «не сыскали и где ныне живут, того они не ведают». Розыск в указанных пунктах был прекращен, «а впред где они объявятца, и их велено взят в Шую на посад». Отправленные для опознания шуяне производили розыск от имени общины и после их возвращения «мир» давал соответствующие сказки сыщикам.[232] Один из возвращенных на посад лиц (П.Т. Горшечник) еще в ходе сыска «бежал безвесно». Его необходимо было «сыскиват порутчиком дат сроку на год», а в случае неудачи «государевы всякие подати имат

---

[226] См. прил. 8.

[227] В ряде случаев дети отделялись от отца, получая отдельные дворы. В.И. Дементьев был взят из д. Роглово Шуйского уезда вместе с отцом, но был поверстан в отдельное тягло (0,125 д.) и получил двор рядом с отцом в Козлитине переулке. А.С. Дедерев, в 1635/36 г. ставший в рассыльщики, ко времени сыска умер, и его дети Федор, Илья и Василий получили двор в Козлитине переулке с бобыльским тяглом. Два Ивана – сына Левки Татаркина – были взяты на посад из арзамасского Спасского монастыря вместе с отцом, но получили отдельные дворы, рядом с двором своего оставшегося в Шуе брата Г.Л. Татаркина. Один из них получил «место отцовское», другой – место рядом, а отец – двор посадского человека Андрея Семенова в Козлитине переулке. Взятый с отцом Алексеем Лазаревым из того же Спасского монастыря Н.А. Лазарев также получил под двор отцовское место, а его отец – двор Наума Тихонова. Сын П.И. Ворошилова, взятый вместе с отцом из с. Холуя, был положен в отдельное тягло (0,25 д.) и получил двор подле двора своего отца. С.Д. Лаврентьев, взятый из поместья в Шуйском уезде, был посажен «в старый отцовский двор», а П.Т. Горшечнику выделено «место отцовское».

[228] Сохранились сведения о выделении 40 дворов. 20 дворов было выделено из числа «запустевших» дворов посадских людей. Еще три двора были взяты у феодалов, купивших их у посадских людей: двор у кн. И.М. Барятинского (для И.В. Гниды), и два двора у Д.С. Змеева (для Меркула Васильева и Т.Е. Бабы). Трое лиц получили старые отцовские места, и один – отцовский двор. Пятерым место под двор было выделены места «из порозжей земли», двоим – «выморочные места». Еще пятеро сами приобрели себе места. Дворник кн. Д.М. Пожарского Иван Кириллов, дворник кн. И.М. Барятинского Т.М. Мора и сапожник И.Ф. Яхлаков купили под двор «выморочные места», а Т.Ф. Рудаков и А.И. Коновал, взятые из Борисоглебского монастыря в Шуе, купили полудворы у посадских людей. Наконец, сыновьям А.С. Дедерева под двор был выделен огород К.И. Несмеянова.

[229] Бывшей дворнице Николо-Шартомского монастыря с детьми под двор было выделено 252 кв. саж. (тягло 0,125 д.), а М.Н. Губину, положенному в тягло с 0,5 д., выделена была площадь в 207 кв. саж.

[230] Н.П. Кропива, сбежавший в с. Пурех еще в 1614/15 г., ко времени розыска уже умер. Такая же участь постигла Г.В. Пономарева, сбежавшего в с. Васильево в 1618/19 г. и рассыльщика А.С. Дедерева. Братья П.В. и Ф.В. Новоторговы были оставлены на прежнем месте жительства. Такая же привилегия была предоставлена семье шуянина Панки, взятого из поместья Д.Д. Оболдуева в Шуйском уезде – но новому государеву указу он был отдан назад «з женою и з детми и со всеми животы»: РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 527 об.-528.

[231] С.И. Ворошилов и Алексей Вахрамеев (жили в с. Павлово Нижегородского уезда), Андрей Прокопьев (слобода нижегородского Благовещенского монастыря), И.В. Ошмарин (с. Спас-на-Нозоге Суздальского уезда), Д.Б. Немой (с. Клязменский городок). В Нижний Новгород шуян с государевыми грамотами посылали дважды, а в сс. Клязменский Городок и Спас-на-Нозоге – «многажды».

[232] В сентябре 1641 г. шуяне дали И.Ф. Акинфову сказку о смерти проживавшего в с. Пурехе Н.П. Кропивы («а жена его осталас и детей у него нет»), а также об отсутствии в с. Спас-на-Нозоге И.В. Ошмарина («сшол безвестно и сыскат ево Ивашка негде»): РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 40. – Л. 1-1 об.

на порутчиках.[233] Наконец, целый ряд лиц, отмеченных в росписях, в «строельной книге» вообще не упоминается.[234]

Общий размер тягла, в которое были положены 48 устроенных дворов, составил 11 д. Один двор был положен в «бобыльское» тягло – 10 д. в год. Следовательно, средний размер тягла составил менее четверти деньги. Известен размер тягла для 37 дворов (для двух – предположительно). Более половины новых дворов (19) были положены в низший оклад – 0,125 д. 7 дворов были положены в оклад на порядок выше (0,25 д.), еще 6 – в оклад 0,5 д., и один двор – в огромное тягло 1,25 д. Прежнее тягло имело иную дробную пропорцию. Для беглых был характерен невысокий размер тягла: 33 двора из 53 (62%) имели минимальное тягло.[235] Сравнение с новым размером тягла дает пропорции 1 к 8 (7 случаев) и 1 к 4 (10 случаев). Эти пропорции касаются основного корпуса беглецов – лиц с небольшими окладами.[236] Более крупный оклад обычно вел к увеличению пропорции,[237] а самый малый – к ее снижению.[238] Это свидетельствует об ухудшении на новом месте хозяйства наиболее состоятельных беглецов, тогда как остальные не понесли существенных потерь.

Результаты сыска оказались триумфальными для посада: число дворов увеличилось на четверть. Согласно строельной книге, на прежнем месте было оставлено лишь двое закладчиков.[239] Однако по сохранившимся росписям выявлено

---

[233] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 511 об.

[234] В их число входят А.О. Ярыш, в 1630/31 г. «сошедший» в дворники в шуйский двор кн. И.Б. Черкасского, Игошка Васильев, также оказавшийся в дворниках в Шуе у А.М. Мишукова в 1637/38 г., Г.Е. Пупышев, «сошедший» в дворцовое с. Покровское в 1636/37 г., А.В. Пугин, в 1639/40 г. ушедший в Москву в стрельцы, дьячок Михаил Овдокимов, покинувший Шую в 1637/38 г., а также В.Л. и Г.Л. Татаркины, покинувшие город вместе с другими представителями этого семейства в 1630/31 г. В числе причин подобного пренебрежения может фигурировать как «малотяглость» означенных лиц, так и нежелание вступать в конфликт с «сильными людьми». В ходе строения В.И. Колычева в 1649 г. шуяне также не возбудили ходатайства о них. Это свидетельствует скорее о том, что их уступка явилась не плодом деятельности Сыскного приказа, а следствием собственной инициативы.

[235] В росписи беглых шуян (перечислены 49 беглецов), исчислен размер неуплаченного тягла за все годы проживания фигуранта вне посада. Он составлял 1 р. 6 ал. 4 д. с деньги. Именно к этой пропорции было приведено тягло всех беглецов. Всего имеются сведения о тягле 53 «беглых» дворов. 12 имели тягло в 0,5 д., 21 – в 1 д., 2 – в 1,5 д., 7 – в 2 д., 2 – в 3 д., 4 – в 5 д., 1 – в 5,5 д., 3 – в 6 д., 1 – в 8 д.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 4. Л. 1-14 об.

[236] «Восьмеричную» пропорцию получили 7 дворов, ранее имевших тягло в 1 д., «четвертичную» – дворы с тяглом 3 д., 2 д., 1 д. (4 двора), и 0,5 д. (4 двора). К «четвертичной» можно отнести и пропорцию 1 к 4,8, полученную двором с прежним тяглом в 6 д.

[237] Пропорция 1 к 9,6 зафиксирована для двора с окладом в 6 д., 1 к 10 – для оклада в 5 д., 1 к 11 – для оклада в 5,5 д., 1 к 12 – для окладов в 6 и 1,5 д., 1 к 16 – для оклада в 2 д.

[238] Пропорция 1 к 2 зафиксирована для 2 дворов с прежним тяглом в 0,5 д.

[239] Одним из них был Панка Митрофанов, противостояние за которого с местными помещиками получилось весьма горячим. Шуяне «сыскали» его в с. Дорках (принадлежащих Д.Д. и Л.Д. Оболдуевым) и вернули в Шую. Митрофанов дал на себя «жилецкую запис» и «дворишко себе поставил», однако в феврале 1641 г. по подговору Оболдуева бежал из города. Шуяне «сведали» его в Луховском уезде «где он збежав, пристал» и повезли обратно.

еще четверо лиц, оказавшихся не возвращенными. П.П. Смирнов отмечает, что по этому строению, на посад возвращалось до 72% закладчиков (по Шуе этот процент был еще выше).[240] По нашему мнению, главную роль в успехе сыска можно отвести общественному движению на местах: длительное время пребывая в городе, сыщики вынуждены были вступать в плотный контакт с местной общиной, требовавшей возвращения закладчиков.[241] В 1648/49 г. в связи с заключительным этапом «посадского строения», В.И. Колычевым на посад было отписано 8 дворов, в которых проживало 19 человек.[242] Суздальский архиепископ заявил претензии на городскую «порозжую землю подле лавок и на площади», однако крепостей на нее не представил, и она был отписана «в посад в тягло для проезжей дороги».[243] Таким образом, обоими сыщиками настойчиво проводилось разделение тяглого посада и нетяглых дворов в «осыпи»: приобретенные на тяглой земле места отписывались на государя.

Кроме того, Колычев отписал в Шую на посад крестьянина Якиманского погоста С.А. Брызгала и его сына,[244] «по промыслу, что они в Шуе торгуют всякими товары, и по лавочному месту».[245] Владельцы крестьянина (якиманские попы)

Однако когда они проезжали мимо Дорков, Оболдуевы со своими людьми хотели их «на дороге побит до смерти и того Панку отбит». Сделать этого им не удалось, однако в отместку они похвалялись на шуян «смертным убивством и на дорогах грабежем и поклепом и подметом и всякими составными делами»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 12. Л. 1-1 об. Таким образом, посаду удалось отстоять права на тяглеца, однако позднее он «по государеву указу» все же был возвращен Оболуеву.

[240] *Смирнов П.П.* Посадские люди… Т. 1. – С. 474-475. Он объясняет это отсутствием в подвергавшихся сыску городах «сильных людей», преимущественным вниманием к церковным закладчикам (по Шуе этот процент составил ровно треть возвращенных), а также подъемом общественного движения.

[241] П.П. Смирнов отмечает, что направление строельного дела определяло «активное участие в нем посадских старост и выборных людей»: Там же. Т. 2. – С. 412-413.

[242] Два двора из слободки шуйского Борисоглебского монастыря, 5 дворов дворников местных феодалов (кн. Г.И. Куракина, В.С. Собакина, братьев Болотниковых и двух дворников Троице-Сергиева монастыря). Также сыскан был «беглый старинный шуянин» Д.К. Терентьев. Крестьянин д. Лопырева Шуйского уезда Елизар Тимофеев женился на вдове посадского человека и в 1644/45 г. забрал в деревню двух ее сыновей, но Колычев получил с него поручную запись «что ему тех посадцких людей вскормя, отдат шуяном». Значительно более скромные итоги этого строения П.П. Смирнов связывает с отсутствием значительных церковных слобод. На наш взгляд, подобные итоги определялись также удачными результатами предыдущей переписи.

[243] Также «за государя» было отписано и дворовое место, которым на посаде владел А.М. Мишуков: РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 208-210.

[244] Родился в черной Телешовской волости в д. Миркове.

[245] В своей челобитной шуяне уточняли, что Брызгал был отписан на посад «в тягло по старине», поскольку родился в черной Телешовской волости в д. Миркове «и по промыслу что он в Шуе торгует всякими товары». «Сведав» об этом, в Якиманский погост 15 июля 1649 г. явился кн. М.Ф. Щетинин со своими людьми и ограбил крестьянина, забрав у него 20 четвертей ржи и ячменя, 2 секиры, 2 сохи, 2 полицы и одежду (всего на 13 р. 26 ал.). А 17 июля Щетинин напал на Брызгала, которого сопровождали в Шую двое «свощиков» (посадские люди Ф.С. Тыра и И.Ф. Яхлаков). Тыра был убит «до полусмерти», но на крик Брызгала и Яхлакова явились люди А.М. Мишукова (на «поземе» которого и случилось нападение), отбили его у Щетинина и сопроводили в Шую. В челобитной шуяне просили «дат царской суд и управу» на Щетинина: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 89. Л. 1-3 об.

обвинили крестьян в том, что они били челом шуянам, «чтоб их написали в роспис и свощику подкупилися денгами». Получив разрешение забрать Брызгала, шуяне явились в погост «со многими людми» и забрали оттуда другого крестьянина, Г.И. Баженова «з женою из детми и з животами», при этом разорив погост: «богомолье разорили и опустошили и их (попов – Е.Б.) перебили и переграбили». Шуяне оправдывалось, что упомянутый Баженов живет в городе «своим произволом, чтоб было ему, чем прокормится» и оброк платит в Якиманский погост.[246] Им удалось добиться присоединения обоих якиманских крестьян к общине.[247] В данном случае претензии шуйского посада распространялись на якиманских крестьян не по «посадской старине», а по «торгу и промыслу». П.П. Смирнов замечает, что посады таким образом «вводили в право новую норму об исключительном праве посадского человека на ремесло, торговлю и другие виды городских занятий».[248] В данном случае речь шла даже не о монастырской слободке, а о крепости по наличию лавки в Шуе. Таким образом, «строение» 1640-1642 гг. дало шуянам возможность разработать технологию возвращения беглецов (процесс сыска осуществляли именно члены общины) и успешно применять ее в дальнейшем.

Анализ данных о путях выхода шуян из посада, дает представление о социальных причинах этого явления. Следует отметить четыре направления выхода из тягла. Уходившие в города люди могли поступать в посад, но чаще оказывались в монастырских слободках.[249] Еще одним путем ухода в город было поступление «на дворничество». Этот путь распространялся лишь на Шую.[250] Что касается ухода в сельскую местность, выделяются села крупных вотчинников, количество дворов в которых немногим уступало Шуе.[251] Небольшой контингент уходил в деревни

---

[246] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 90. – Л. 1-1 об. См. прил. 9.
[247] Г.И. Баженов в переписных книгах 1678 г. отмечен в числе посадских людей.
[248] *Смирнов П.П.* Посадские люди… Т. 2. – С. 424-425.
[249] Нижний Новгород – 9 человек, Борисоглебский и Спасский монастыри в Шуе – 5 и 2 человека, Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде – 1 человек, Троицкий и Спасский монастыри в Арзамасе – 1 и 6 человек, Троицкий монастырь в Муроме – 1 человек.
[250] Посадские люди жили «на дворничестве» у кн. Д.М. Пожарского, кн. И.Б. Черкасского (2 чел.), кн. И.И. Гундорова, кн. Ф.Д. Мезецкого, кн. И.М. Барятинского, кн. Г.С. Куракина (2 чел.), А.М. Мишукова, В.С. Собакина, братьев Г.И., Л.И. и И.И. Болотниковых, Троице-Сергиева монастыря (2 чел.), Николо-Шартомского монастыря и суздальского архиепископа.
[251] Подмосковное с. Покровское, Холуй (5 чел.), Павлово (2 чел.), Лысково, Пурех, Горицы (2 чел.), Клязменский Городок (2 чел.).

средних и мелких помещиков.[252] Наконец, последним путем ухода было поступление на государеву службу: в рассыльщики и стрельцы. Большая часть беглецов уходила в монастырские слободы (16 чел.) и на дворничество (15 чел.). Это позволяло избегать выплаты тягла. Несколько меньшее число меняло посад (9 чел.), либо уходило в крупные села (14 чел.). Самая меньшая часть уходила к средним и мелким помещикам (8 чел.) и на государственную службу (5 чел.). Поток «выходцев» имел определенную стабильность: практически ежегодно фиксировалось от одного до четырех «выходцев».

Далеко не все «выходцы» принадлежали к беднейшей прослойке населения (11 дворов платили достаточно значительное тягло).[253] Поскольку все они «сошли» с семьями – причиной «выхода» в данном случае следует считать не бедность, а стремление улучшить условия для производственной деятельности. Учет направления их бегства свидетельствует, что возможности для улучшения могли предоставить все направления: посад, феодальный двор, монастырская слобода, крупное торговое село и даже небольшая деревня. Об этом же свидетельствует анализ объема тягла лиц, возвращенных в посад при строении.[254] Но подавляющее большинство беглецов уходило с невысоким тяглом (либо получало подобное тягло при возвращении). Из этого можно заключить, что основной причиной ухода посадских людей являлись сложные экономические условия.[255]

---

[252] Дд. Роглово, Бойтово, Сингирь, сс. Васильево, Спас-Нозога, пог. Николы Гор. У еще двух лиц место ухода неизвестно: С.Д. Лаврентьев был взят у помещицы Шуйского уезда, а Панка Родионов у стремянного конюха Дмитрия Оболдуева.

[253] Трое из них (П.В. Новоторгов, Н.В. Аристов, С.Н. Ширяев) оказались на посаде в Нижнем Новгороде (8 д., 5,5 д. и 3 д.). М.Н. Губин (6 д.) ушел в с. Горицы, Иван Дементьев (6 д.) – в д. Роглово Шуйского уезда, Алексей Лазарев и семья Татаркиных из 5 чел. (по 5 д.) – в Спасский монастырь в Арзамасе, Л.В. Власов (6 д.) – в Арзамасский Троицкий монастырь. И.В. Гнида и Д.Б. Немой (5 д.) отправились в с. Клязьменский городок, П.И. Ворошилов (3 д.) – в с. Холуй, а Иван Кириллов (5 д.) оказался на дворничестве в Шуе, у кн. Д.М. Пожарского.

[254] Наиболее высокое тягло по возвращении получили лица, ушедшие в с. Горицы, д. Бойтово, с. Холуй (по 0,5 д.) и из Троицкого монастыря в Арзамасе (1,25 д.).

[255] Характерным является пример достаточно «семьянистого» посадского человека Т.Е. Бабы, имевшего троих сыновей (Кузьма, Роман, Борис). По строению 1640-1642 гг. Бабе был отдан двор, прежде проданный им Д.С. Змееву. Сначала он жил в этом же дворе «на дворничестве» (оба этом свидетельствует опись 29 июля 1629 г.), а затем «сошел» в Нижний Новгород. 24 марта 1636 г. на него бил челом С.Ф. Макаров. Согласно его жалобе, после 14 ноября 1631 г. он «приставливал» к Бабе по двум заемным кабалам (9 р.). Но поскольку того «доняла скудость», он просил «покаместа он денгами сколотитца чтоб ему дат сроку а покамест он денгами сколотитца, дал мне он сына своего Ромашка в тех денгах за рост роботат». Однако когда Макаров стал у него «прошат записи» (чтобы документально зафиксировать подчиненное положение работника), Баба отказал ему «а велел ему Ромашку от меня не сказався сойти». Тот ушел от Макарова, «снеся» одежду, «тясем 150 портищ» и 9 р. денег: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 3. Д. 51. Л. 1-1 об. Поскольку бегство фигуранта случилось непосредственно перед челобитной, можно понять, что в кабале у Макарова он провел 4,5 года. В 1636/37 г. ушел в Нижний Новгород и сам Баба (одна из росписей называет датой его бегства 1631/32 г., когда он попал в кабальную зависимость). Несомненно, именно в

О значении мероприятий «посадского строения» 1648/49 г. свидетельствуют материалы дела М.О. Лядининой, жены И.Д. Лядинина. Последний сбежал в Шую в 1639/40 г. из д. Белагиной, женился на шуянке, но после рождения двоих сыновей (Кузьма и Даниил) умер. Вдова в 1647/48 г.[256] покинула свой тяглый жеребей, отправившись в с. Дунилово. 10 октября 1661 г. шуяне жаловались, что Лядинины живут в Дунилове, «а на посаде жеребьи их пусты».[257] Дети Лядининой были возвращены в Шую, а вдова осталась в Дунилове. 29 декабря 1675 г. суздальский писец Я.В. Нелединский получил указ о проведении сыска по этому делу. Шуяне ссылались на то, что Лядинина «в село Дунилово пришлая». Их показания подтвердились, но в дело вступил кн. И.А. Голицын, из вотчины которого в Шую «вышел» отец Лядининых. В указе шуйскому воеводе от 28 октября 1678 г. претензии Голицына были отвергнуты именно на основании законодательства «посадского строения»: в 1648-1651 гг. на посады было взято 10095 дворов (21036 чел.). Относительно возвращения многих из них поступили челобитья бывших владельцев, но 12 марта 1652 г. было принято решение отказывать всем челобитчикам, не подавшим просьбу о возвращении беглых в указанный срок. В число таких челобитчиков попал и Голицын:[258] Лядинины были оставлены на посаде именно по итогам «посадского строения».

Из изложенного выше можно сделать вывод, что «строение» не было исключительно государственной инициативой. Посадская община не только активно участвовала в нем, но отчасти инициировала и его проведение. Разработанные в ходе первого строения механизмы возвращения посадских людей активно применялись в ходе приписки к посаду торговых людей в 1648/49 г. Интересы государства в ходе строения смыкались с интересом общины, заключаясь в увеличении тяглого населения. Но для «мира» (в отличие от государства) оно имело не столько количественное, сколько качественное значение: ему необходимы были тяглецы,

---

связи с финансовыми трудностями он продал двор и стал дворником Д.С. Змеева. Однако это не позволило его семейству решить их, что в конечном счете привело его к уходу из Шуи.

[256] Эта дата называется в челобитной шуян. Бегство случилось раньше, поскольку в переписных книгах 1646 г. семья И.Д. и М.О. Лядининых не обозначена.

[257] ВГВ. – 1879. № 25. – С. 2-3. Продолжительный промежуток времени между бегством и челобитной посадских людей объясняется тем, что она покидала она «вдовий жеребей» (подобные тяглецы обременяли общину). После достижения сыновьями рабочего возраста посад сразу же ходатайствовал об их возвращении.

[258] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 140. – С. 159-161. А.Г. Маньков датирует этот указ самым началом 1658 г.: *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права… С. 263.

увеличивавшие экономическую мощь общины, а не снижавшие ее. Поскольку реальное возвращение беглецов проводилось именно представителями «мира», посад имел возможность регулировать число новых тяглецов, исходя из собственных интересов. Однако шуянам не всегда удавалось добиваться желаемого: в качестве соперников могли выступить более влиятельные тяглецы. Подобную неудачу посад потерпел и с попыткой возвращения И.И. Бусыгина. В челобитной земского старосты Г.К. Шилова отмечено, что он ушел в Ярославль в 1661/62 г.[259] К 1674/75 г. он умер, а его сын Степан с детьми проживал в Ярославле на посаде. Шуяне просили вернуть его на посад,[260] однако потерпели неудачу.[261]

Последние масштабные мероприятия посадского строения были проведены уже в рамках городовой реформы Петра I. Указ о приписке к посадскому тяглу новых лиц, которые «записались в городы на посады» поступил в Шую 25 марта 1702 г. А 30 августа 1702 г. были потребованы сведения о количестве «новоприбылых дворов». Шуяне отвечали, что в 1700 г. в посад «по торговым промыслом» были взяты дворники осадных дворов кн. М.Д. Куракиной и Николо-Шартомского монастыря – Г.Ф. Жуков «с и Корнил Еремеев «с отпускною», а также вольный человек Василий Андреев.[262] О процессе приписки свидетельствует челобитная бобыля шуйского Воздвиженского монастыря Еремея Павлова.[263] 6 ноября 1700 г. он был приписан в посад.[264] Таким образом, последнее строение затронуло лишь единицы «белослободчиков» города, причем сами шуяне особой

---

[259] Первая челобитная о возвращении Бусыгина датирована 1657/58 г., что свидетельствует об ошибке в датировке бегства: ЛЗАК. Вып. 26. – № 365. – С. 256.

[260] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 395. – Л. 1. Они мотивировали эту просьбу «частыми» службами и «малолюдностью» посада. Эта мотивация приведена, несмотря на ссылку на Уложение, прямо предписывавшее возвращать беглецов обратно. Следовательно, несмотря на законность просьбы, требовались дополнительные аргументы для возвращения. Причиной было то, что Бусыгин не изменил статус по отношению к государству и обязанности его остались прежними.

[261] В переписных книгах 12 декабря 1677 г. сохранились сведения о его проживании в Ярославле.

[262] ВГВ. – 1881. № 41. – С. 3-4. В 1701 г. «для селидбы и домовного строения» тягло (1 р. 10 ал.) с них не взималось, а государевы подати он платили вместе с шуянами согласно размеру тягла. Это подтверждается казусом с оплатой денег за поставку подвод: 7 июля 1702 г. в Шую поступил указ о сборе «для государевой службы» подвод, 25 августа поступил указ о сборе подвод также с «новоприбылых дворов». Однако шуяне отвечали, что живущие в этих дворах люди, в 1701 и 1702 гг. «были с шуяны посацкими людьми в складке на дачу извощиком рядных денег»: ВГВ. – 1881. № 35. – С. 3-4.

[263] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 64. – С. 202-203. Отец его жил «в Воздвиженском монастыре в бобылях», сам Павлов был женат на шуянке и кормился «калашным промыслом в Шуе». Однако шуяне ему «тем промыслом кормитца не дают», вследствие чего он просил взять его в тягло. Этот казус свидетельствует, что исключительное право на занятие торговлей и ремеслами в городской черте для посадских тяглецов неукоснительно соблюдалось общиной.

[264] 12 апреля 1700 г. шуйский земский староста получил память о причислении к тяглым людям шуйского посада крестьянина Григория Неученка, поскольку тот имел кожевенный промысел: ЛЗАК. Вып. 26. – № 684. – С. 298.

активности в его организации не проявляли. Это свидетельствует скорее, о его искусственном характере. Оно стало предтечей масштабных перемещений посадских людей на новые места жительства в первой четверти XVIII в.

Данные мероприятия были уже откровенно насильственными и учитывали исключительно государственные интересы. Подобные казусы случались и раньше,[265] но в начале XVIII в. эта практика стала регулярной. В начале 1707 г. в Шую поступил указ о высылке со 130 дворов по одному кузнецу «з женами и з детми» на Новопетровские железные заводы «на вечное житье». Шуяне отвечали, что из 9 кузнецов, отправленных на Таганрог, пятеро померли, а четверо работают на московском Пушечном дворе. Вскоре работавшие в Москве братья В.П. и Ф.П. Гусевы подали челобитную, в которой просили отправить на Новопетровские заводы кузнецов И.А. Лобанова и А.С. Болотова, поскольку те «на Пушечном дворе кузнечное дело не делали». Но уже 10 февраля фигуранты челобитной сами били челом на Гусевых, что они работали в Москве «переменяяся» с Гусевыми, а третий брат Гусевых, Герасим «у того дела не работывал». 14 февраля они были высланы из Шуи «для счету в работе» с Гусевыми, но до 20 марта «в приказ не явились». 28 марта шуянам было велено кузнецов выслать «без всякого мотчанья», а за ослушание прежнего указа на земском бурмистре было взыскано 5 р. пени.[266] В такой критической ситуации шуяне попытались прибегнуть к помощи Гавриловской слободы.[267] Однако в Москве решили отправить на заводы братьев Гусевых.[268] Но те «ехав дорогой, в городех вместо себя кузнецов наняли, и дали найму многое число».[269] Условия, по которым 26 мая 1707 г. порядились крестьяне с. Всегодич Е.Т. Некрасов и Никон Карпов, были действительно исключительными.[270] 10 июня «посторонние» кузнецы с провожатыми были высланы на место.[271]

---

[265] Можно вспомнить кузнеца, высланного в Москву, упоминаемого в челобитной 1661 г.
[266] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 511. – Л. 2 об., 3-3 об., 6-6 об.; Там же. – Д. 495. – Л. 1-2 об.
[267] Они писали тамошнему бурмистру «пожалейте нас своей любовию, отдарите нам из своих ли жителей, или ис посторонних кого от охочих людей наймите»: Там же. – Д. 509. – Л. 1-2 об.
[268] Мотивы такого решения понятны: охочего человека «на вечное житье» семьей на Уральские заводы найти было практически невозможно, а кузнеца на сезонные работы в Москве – вполне реально. Поэтому шуйские кузнецы должны были отправиться на Урал, а на Пушечный двор шуяне ежегодно могли направлять наемных работников.
[269] Там же. – Д. 511. – Л. 6 об.-10.
[270] Там же. – Д. 497. – Л. 1-2. См. прил. 10.
[271] Там же. – Д. 511. – Л. 10 об.

Таким образом, шуяне смогли избежать высылки тяглецов на Новопетровские заводы. Однако братья В.П. и Ф.П. Гусевы все же были выведены из тягла для работы на московском Пушечном дворе.[272] Следующим подобным мероприятием оказалось назначение на жительство в Санкт-Петербург «первостатейных» шуян: в первую треть 1714 г. на жительство были назначены М.Г. Жуков с братьями, а также С.В. Селиванов с сыновьями. 5 февраля 1718 г. шуяне сообщали, что Жуковы живут в Петербурге, кроме холостого Максима, который «управляет в Шуе всякие товары». Дети С.В. Селиванова также жили в Петербурге, а отец их «пресмирел и заскорбел и впал ныне в безумие». Однако жены и дети указанных лиц в столицу еще не переехали.[273] Это свидетельствует, насколько тяжелым был процесс отрыва посадских людей от своей тяглой общины. Однако в данном случае интересы посада учитывались в последнюю очередь.

Вторым значимым источником пополнения посада были «сторонние люди». Основной поток этих людей составляли уездные крестьяне. Они оказывались в городе разными путями. Главным из них были брачные связи. Оценить их объем достаточно трудно, поскольку мы имеем дело с отрывочными свидетельствами.[274] О брачных связях с уездными крестьянами свидетельствуют описанные выше казусы с получением В.И. Колычевым «поручных» в возвращении на посад сыновей вдовы Василия Демина, возвращением на посад сыновей проживавшей в с. Дунилове М.О. Лядининой, казус с лежневским крестьянином Тимофеем Григорьевым,[275] а также сыном горицкой крестьянки Иваном Романовым.[276]

Стремление посадских людей пополнить число тяглецов выходцами из уездного крестьянства с помощью брачных связей нередко выливалось в конфликты

---

[272] В переписях 20 октября 1709 г. и апреля 1710 г. сообщается, что они (вместе со старшим братом, Г.П. Гусевым) по указу из Артиллерийского приказа «никакими делами и податми земской избе не ведомы».

[273] ВГВ. – 1868. № 40. – С. 3.

[274] 14 октября 1626 г. шуянин С.И. Чешуин жаловался на свою тещу Марью, жену Федора Иголкина, которая угрожала ему: «станеш де дочер мою, а свою жену бити, и я де ее у тебя возму, да сведу де ее ко племяни, а тебя де велю бити брату своему» (крестьянину С.Я. Милюкова): ПДП. – № 128. – С. 162.

[275] 17 марта 1646 г. шуяне передали его приказному человеку владельца с. Лежнева, боярина И.Ф. Стрешнева. Он явился в Шую в 1642/43 г., «женился у вдовы во двор на девке Матренке», но после смерти тещи в 1645/46 «по старине» был взят в Лежнево с женой и «всеми животами». Двор ему нужно было «по мирскому приговору» продать: ВГВ. – 1876, № 27. – С. 2.

[276] В ходе разбирательства о бытовом конфликте 22 октября 1670 г. шуяне поясняли, что пострадавший Иван Романов – крестьянский сын с. Гориц. В 1640/41 г. дочь посадского человека вышла замуж за крестьянина с. Гориц, но после смерти мужа, в 1654/55 г. была отпущена с сыном «в Шую к братьям»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 160. – Л. 1; Там же. – Д. 84. – Л. 1.

с их хозяевами. В 1664 г. А.И. Огибалову удалось «сыскать» в Шуе 10 семей крестьян с. Дунилова. Он велел вернуть их, а также доправить с шуян 950 р. «зажилых денег». В ответ они разъясняли, что эти крестьяне до морового поветрия (1654 г.) «приходя к ним в Шую работали, а иные кормились Христовым именем, и жили на церковных землях и на дворничестве». После же морового поветрия эти крестьяне «поженились на посацких девках и пожили на посаде в выморных дворах лет по пяти и по шести, а иные в захребетниках».[277] 31 марта 1669 г. шуйский воевода получил грамоту о возвращении имущества беглого крестьянина И.Е. Челышева. По словам хозяина, он бежал в Шую в 1661/62 г., был принят на посад, но в 1667/68 г. вернулся обратно. Однако его жена с детьми «и сносными животы и статки» живет в Шуе.[278]

Таким образом, возвращенные Огибаловым дуниловские крестьяне стремились к пребыванию в городе в любом качестве: сначала они проживали в церковной слободке и в качестве работников, затем часть «переженившись» на шуянках, поступила в посадское тягло, а после возвращения в Дунилово некоторые оказалась в Шуе в качестве дворников. Их тяга к городу была связана с хозяйственными интересами.[279] Еще более яркий пример подобной модели поведения представляет собой И.Л. Лядинин.[280] Следовательно, большая часть выходцев стремилась удержаться в городе любыми путями. С другой стороны, беглый крестьянин И.Е. Челышева вернулся к хозяину. Эти ситуации характеризуют разные интересы крестьян, выходивших в посад: беглец Челышева был весьма состоятельным

---

[277] 8 февраля 1665 г. «для бедности» с шуян было запрещено править огромную сумму «зажилых денег»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 36. – С. 179-180; Там же. Т. 2. – № 121. – С. 398. Часть крестьян из «выведенных» в 1664 г. дворов в 1646 г. отмечена в качестве бобылей, проживавших на церковных землях, а часть – осталась в Шуе в качестве дворников на осадном дворе с. Дунилова. Отсутствие (неустойчивость) фамилий не позволяет установить полное соответствие. В переписных книгах 1646 г. на церковной земле отмечено четыре двора дуниловских крестьян: Родиона Степанова (вышел в 1642/43 г.), И.Д. и Н.Д. Ситников, И.И. Чегла и С.К. Ситника (все «вышли лет з двацат»). В переписных книгах 1677 г. зафиксировано пять выведенных дворов: Кирилла Лебеткина, Родиона Овчинника, Василия Ситника, М.В. Хорошева, Ивана Агеева. При этом на дворничестве оказались: Е.К. Лебеткин, Федор Агеев «Москва», Семен Леонтьев «Волынка», Филипп Степанов и Фрол Никифоров.

[278] ВГВ. – 1870. № 10. – С. 2-3. Поскольку жена и дети крестьянина в описании его бегства не упоминаются, можно предполагать, что женился он уже в Шуе, после чего и обзавелся двором на посаде.

[279] Ее иллюстрирует челобитная от 8 октября 1626 г. попа шуйского Борисоглебского монастыря на монастырского крестьянина Архипа Мартынова, который «пиет и бранитца и деретца со многими людьми, а живет у нас на монастыре насильством»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 29. – С. 317-318. Таким образом, крестьянин не желал покидать посад и вступил в открытый конфликт с монастырскими властями.

[280] Он зафиксирован вместе с пасынком Максимом Игнатьевым в переписных книгах 1646 г. В 1646/47 г. он был выслан воеводой с посада за «табачное неистовство», однако обосновался в Шуе на дворничестве: Там же. – № 76. – С. 100-101. В 1650/51 г. его пасынок, И.И. Жучко попал в тюрьму. Упоминание о пасынках указывает на путь попадания Лядинина в Шую – он женился на посадской вдове.

лицом,[281] стремившимся использовать посад в качестве новой производственной базы. Но поскольку сельское тягло было намного легче посадского, крестьянин предпочел вернуться к своему владельцу.

Стремление шуян пополнить тягловую мощь общины новыми «приходцами» было достаточно устойчивым. 1 октября 1653 г. шуйский земский староста С.Ф. Макаров передал костромскому помещику Н.К. Желтухину его старинного беглого крестьянина С.А. Рукавичника с двумя сыновьями и «со всеми их крестьянскими животы».[282] В 1663 г. дуниловскому приказчику было велено «старинных беглых крестьян» живущих в Шуе на посаде «вывесть в село Дунилово». Однако он не предъявил указа об их возвращении. Вскоре двое проживавших в Шуе крестьян просили их «не велеть с Шуи с посаду в село Дунилово на вечное житье свозить, чтоб им с домишком своим не разоритца». 12 января 1664 г. шуйский воевода получил указ бывших бобылей в Дунилово не возвращать, а вернуть лишь беглых «пашенных крестьян».[283] В 1668/69 г. дуниловский приказчик извещал о бегстве в 1655/56 г. крестьянина Гришка Сидорова, который живет в Шуе на посаде, «а ныне у тюрем в сторожах».[284] 22 апреля 1670 г. воеводе было приказано получить «зажилые» деньги за него не на всем «мире», а лишь на поручиках Сидорова.[285]

Таким образом, целью попадавших в город крестьян было не вхождение в тяглую общину, а получение новых условий для хозяйственной деятельности. Вследствие этого они стремились закрепиться на новом месте любыми средствами. После «посадского строения» на 1649 г. основным из этих средств стало вступление в посадскую общину. При этом шуяне стремились интегрировать в общину не всех «приходцев», а лишь наиболее полезных для нее.[286] В недатированной «росписи

---

[281] При бегстве он «снес» имущества на значительную сумму в 50 р.

[282] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 106. – Л. 1-1 об. В переписных книгах 1646 г. Рукавичник отмечен в качестве имевшего двор посадского человека.

[283] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 92. – С. 117-118; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 135. – Л. 1-1 об.

[284] В 1669/70 г. его велено было вернуть, а на шуянах «доправить зажилые деньги». Они оправдывались, что Сидоров «тягла не плачивал», поскольку «жил в пустом выморном домишке и кормил себя черной работой в наймах»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 128. – С. 404-405.

[285] Там же. – № 113. – С. 132-134.

[286] 14 апреля 1670 г. шуяне получили память воеводы Г.В. Буйнова, в которой напоминалось, что по царскому указу «пришлым людем и крестьянем беглым всяким чинов людем быть в городех и на посадех и держат не велено», тогда как в Шуе объявились «многие такие люди». Земский староста должен был довести до сведения шуян, «чтоб таких пришлых людей и беглых крестьян отнюд никто не держал чтоб в том от челобитчиков никаких убытков земским людем не было»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 31. Л. 1. В данном случае имеются в виду беглые крестьяне, не имевшие на посаде самостоятельных дворов и проживавшие у посадских людей (очевидно,

тяглых приходцев» перечисляется 13 человек, в разное время явившихся на посад. Пятеро были записаны в посад «по челобитью» в переписных книгах 12 декабря 1677 г.,[287] еще шестеро – явились в Шую по отпускным своих владельцев.[288] Тот факт, что значительная часть тяглецов была включена в общину по личным челобитьям, свидетельствует, что шуяне долгое время не стремились за их счет увеличивать объем дворового тягла, хотя активно использовали их служебные возможности в интересах общины.[289]

Эти данные скорее опровергают мнение А.Г. Манькова о стремлении к выходу на посад «зажиточной верхушки крестьянства».[290] В действительности большинство беглецов были малоимущими и с помощью выхода в посад стремились выжить. Иначе говоря, выход имел тот же характер, какой он имел и в первой половине столетия – создание замкнутого торгово-промышленного сословия не особенно изменило его. В отношении шуйского посада в полной мере проявлялся «компромиссный» характер законодательства о беглых второй половины XVII в.[291] Мартовским указом 1667 г. дворцовых крестьян разрешалось оставлять на посаде «впредь по государева указу», но только если о них не будет челобитья своей общины. Эта клаузула четко указывает на категорию крестьян, которые могли получить право на проживание в городах: это были отнюдь не «лучшие люди» (местонахождение таких лиц было хорошо известно и челобитные об их возвращении следовали незамедлительно), а малоимущие слои населения, которые

таких было большинство). Характерно, что воевода предпочел не обращаться в Москву, а лишь предупредить посад о возможном разбирательстве.

[287] Сава Филипов, крестьянин дворцового с. Песья Пошехонского уезда, А.К. Сыромятник, крестьянин дворцового с. Всегодич, Никита Лазарев, «уроженец неизвесно чей», бобыль Воздвиженского монастыря А.С. Иконник и С.Г. Скорняк.

[288] К.Н. Хлебник – в 1657/58 г. по отпускной И.А. Плюскова, П.Ф. Москотильник с детьми – 12 ноября 1661 г. по отпускной В.А. Лазарева, Васька Иванов – 30 декабря 1661 г. по отпускной Б.В. Теприцкого, И.Ф. Москотильник – по отпускной М.И. Чихачевой, Осип Елизаров – в 1674/75 г. по отпускной М.Б. Толбузина, а С.А. Сыромятник был отпущен из дворцовой Всегодичской волости в 1660/61 г. Основания жительства не были обозначены лишь у двоих – «заплечного мастера» Ф.М. Шапошника с пасынком («сказались уроженцы города Казани») и крестьян Архангельского погоста М.Л. и Ф.Л. Поповых, явившихся в Шую в 1680/81 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 157. – С. 175-176. В октябре 1684 г. переписчик А.Г. Жадовский получил поручные по «приходцам», проживавшим на посаде. Судя по всему, недатированная роспись была составлена именно в связи с этими событиями. В сохранившейся «росписи поручных» А.Г. Жадовскому сравнительно с недатированной отмечены трое «лишних» приходцев, а трое не фигурируют. Однако в самой росписи у двоих «приходцев» поручики не обозначены, что свидетельствует о ее неполноте: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 84. Л. 1-2.

[289] К.Н. Хлебник исполнял должность губного целовальника, а Ф.М. Шапошник – «заплечного мастера». То же самое можно сказать и относительно беглого дуниловского крестьянина Григория Сидорова, проживавшего в Шуе и исполнявшего там наемную службу – он не был включен в тягло.

[290] *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права… С. 268-269.

[291] Если указом 12 января 1664 г. дуниловские бобыли были оставлены на посаде, то вскоре прибывший в Шую сыщик А.И. Огибалов вернул осевших в посаде дуниловских крестьян на родину.

могли найти применение в торгово-промышленных центрах в качестве наемных рабочих.[292] Одновременно прослеживается тенденция включения в посад крестьян «по торгам и промыслам». Она отражала сословные интересы посадских людей и касалась другой категории крестьян – «нарождавшейся буржуазии». Однако в данном случае интересы посада, как правило, не совпадали с интересами самих крестьян, тянувших более легкое сельское тягло. В данном случае решающую роль приобретал политический вес противников: если крупные общины могли добиться включения таких тяглецов в посад, то малые посады (к которым относилась Шуя) практически не имели такой возможности.

Подводя общие итоги изменениям состава шуйского посада в XVII – начале XVIII вв., можно заключить, что посадская община была достаточно устойчивым организмом, стремительно восстанавливавшим свою тяглую силу. Если в переписи 20 июня 1619 г. было зафиксировано всего 33 двора, то 27 февраля 1623 г. – уже 126 дворов.[293] Такая же ситуация произошла в ходе моровой язвы, когда шуяне потеряли 91 двор, но уже через три года 78 из них оказались заселены. Также следует отметить весьма устойчивую численность общины на протяжении всего рассматриваемого периода. К 1623 г. объем населения посада превысил таковой до «разорения», но лишь на небольшую величину. В дальнейшем посад увеличивает число дворов: к 1629 г. на 40%., однако затем темпы роста имеют отрицательную тенденцию: исключив из итога переписи 1646 г. число дворов, «построенных» И.Ф. Акинфовым в 1640-1642 гг., увидим, что число их до 1640 г. сократилось на 3%. С 1646 г. до 1654 г. число дворов увеличилось до 234 (на 7%), однако этот рост в значительной мере был обусловлен «строением» 1649 г. Объем посадских дворов после морового

---

[292] Отсюда ссылки в правительственных указах на отсутствие челобитных от владельцев крестьян, попавших в посадскую общину. На этом основании было принято решение об оставлении в шуйском посаде семьи Лядининых в 1678 г., такой же мотив проявляется и в известном указе от 7 августа 1685 г. об оставлении на месте всех беглых крестьян, проживавших в Ярославле: *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права... С. 278-279, 284-287. А.Г. Маньков рассуждает о юридической природе этой формулы, игнорируя ее практическую сущность: длительное отсутствие челобитья предполагало, что тяглец не являлся важным для общины лицом. В.А. Аракчеев решает эту проблему довольно изящно: полагает, что «землевладельцы не предъявляли иски посадским общинам по негласному уговору со своими крепостными, которые, живя в городе и ведя крупную торговлю, приносили своим владельцам существенный доход»: *Аракчеев В.А.* «Псковичи посадские люди» на службах и дома // Псков. – 2002. № 16. – С. 8-9. Однако в данном случае он игнорирует интересы общин, из которых происходили зажиточные крестьяне – на них, кроме владельческого оброка, ложились еще и общегосударственные повинности. Между тем инициатором «сыска» обычно являлась община, а не землевладелец. Следовательно, речь в данном случае идет о маломощных тяглецах, «кормившихся работою», и скорее обременявших прежнюю общину.

[293] При этом объем дворов до разорения (125) не только был восстановлен, но и превышен (в переписи 1623 г. значилось еще 27 пустых дворов).

поветрия 1654 г. был восстановлен уже через три года. Однако в дальнейшем он не увеличивается: в 1658 г. в Шуе зафиксировано 200 дворов, в 1659 – 199 дворов, а в 1668 г. – 203. В ходе переписи 1677 г. зафиксировано 203 двора. Численность мужского населения по переписи воеводы В.М. Козлова 1668 г. (186 посадских людей и 127 их детей) полностью совпадет с численностью мужского населения по переписи 1677 г.[294] Таким образом, темпы роста посадского населения не слишком замедляются с ограничением в 1649 г. притока «новоприходцев». Можно полагать, что повышение численности населения (кроме внутренних ресурсов) обеспечивали браки горожан и крестьян. Перепись 1677 г. фиксирует уменьшение числа дворов даже сравнительно с 1646 г. (на 8%). Население при этом увеличивается с 436 чел. до 477 чел.[295] Казус с восстановлением в трехлетний срок числа дворов после моровой язвы свидетельствует о том, что тенденция к его увеличению сдерживалась искусственно, а дальнейшая стабильность числа дворов достигалась увеличением их населенности.[296]

Однако в период с 1668 по 1677 гг. рост посадского населения сходит на нет, а в начале XVIII в. имеет отрицательную тенденцию. Согласно переписи 1709 г. в посаде имелось 172 жилых двора, согласно переписи 1710 г. – 192,5. Количество взрослого мужского населения соответственно, составляло 209 и 267 человек. Согласно окладной книге 1703 г. численность посадского населения (457 чел.) заметно уступала количеству мужского населения по переписи 1677 г., но превосходила его количество (424 чел.) по переписи апреля 1710 г. (итоги переписи 20 октября 1709 г. следует считать сильно заниженными). Даже принимая во внимание учет в 1703 г. умерших дворохозяев, можно оценить потери посада в

---

[294] Следовательно, численность населения была восстановлена уже к 1668 г. На ее изменение не оказали особого влияния ни вывод дворов дуниловских крестьян в 1664 г. (14 дворов), ни наборы даточных на рубеже 1650-1660-х гг. (около 40 человек).

[295] Невысокий рост населения между переписями (8%) был обусловлен эпидемией 1654 г. Однако позитивная динамика наблюдается. В Дмитрове же прослеживается обратная тенденция: А.В. Муравьев объясняет убыль его населения в промежутке между переписями 1646 и 1677 г. моровым поветрием: *Муравьев А.В.* Население г. Дмитрова в первой четверти XVIII в. // Новое о прошлом нашей страны. – М.: Наука, 1967. – С. 329-330. В 1705 г. посадское население Дмитрова резко увеличивается, но произошло это благодаря приписке в посад белослободчиков.

[296] Еще одним ресурсом населения, повалившим в столь короткий срок восстановить объем дворов в городе, были сельские жители, поскольку восстановление прежнего числа дворов с помощью исключительно внутренних ресурсов выглядит совершенно невероятным. В Коломне между переписями 1646 и 1678 гг. убыль дворов в результате морового поветрия составила 258 дворов, а в результате бегства и поборов даточных людей – 78 дворов: *Булгаков М.Б.* Переписная книга г. Коломны 1678 г.: форма, особенности, результаты // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. – М., 2013. – С. 374-375.

результате рекрутских и служебных наборов первого десятилетия XVIII в. как весьма значительные. Однако численность мужского населения сравнительно с переписью 1677 г. не увеличивается даже до рекрутских наборов. Совершенно не изменилась общая численность мужского населения и в 1715 г.: согласно августовской переписи в Шуе имелось 174 двора, а в них проживал 421 чел м.п. и 545 чел. ж.п. Таким образом, к концу 1660-х гг. рост численности посадского населения сменяется ее регрессией.[297] Смена тенденций должна быть обусловлена целым рядом факторов. Первым является ограничение потока «приходцев» в общину по Уложению 1649 г. Община могла пополняться лишь путем браков с уездными людьми, а также с помощью вольных людей. При этом первый путь встречал серьезное сопротивление хозяев уходивших в посад лиц, а второй был весьма ограничен. Однако этот фактор не помешал восстановлению объема посадского населения после эпидемии 1654 г., когда посад потерял половину жителей. Соответственно, на первый план нужно ставить другой фактор, лежащий в области экономики: развитие в этот период в шуйской округе крупных торгово-промышленных сел (Иваново, Лежнево, Холуй). Эти села и стягивали значительный процент нарождавшегося «предпролетариата»: по объему торгово-промышленного развития они не слишком уступали Шуе, а скрыться в них от надзора государственной администрации было гораздо легче.[298] Таким образом, экономический климат в них был благоприятнее.

С этого времени жестко регулируется число посадских дворов: его рост сдерживался общиной. Причины такой регуляции на первый взгляд не слишком ясны: обычно ее связывают с реакцией на введение принципов подворного налогообложения.[299] Не отрицая возможности подобной тенденции, следует акцентировать внимание на том, что изменение налогового оклада происходило лишь по итогам новой переписи (валовые переписи в течение XVII в. проводились

---

[297] В 1654 г. до моровой язвы в посаде насчитывалось 1170 чел., в 1715 г. – 966 чел. Этому должны противоречить сведения сказки 1704 г. о всплеске количества посадских дворов на рубеже XVII-XVIII вв. до 237. Однако в ней учтены и пустые дворы умерших хозяев. Иными словами, по ней можно судить о числе новых дворов в промежутке между 1677 и 1704 гг. (34 двора), но не о числе жилых дворов, имевшихся в городе. Резкий рост числа новых дворов можно связать с увеличением оборота дворов в этот период, что в свою очередь является показателем увеличения экономической мобильности посада и расслоения общины.

[298] Я.Е. Водарский полагал, что такие торгово-промышленные села вне зависимости от юридического статуса их населения были «поселениями городского типа»: *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. – М.: ИРИ РАН, 2006. – С. 35-36.

[299] См. напр.: *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Русское феодальное землевладение от Смутного времени до кануна Петровских реформ. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – С. 181-183.

лишь трижды). На наш взгляд, снижение семейных разделов действительно было реакцией на податную политику и шире – систему феодальной эксплуатации, но связывать его следует со стремлением общины обеспечить социальное равновесие. Новые ее члены, получавшие тягло на свои плечи, могли просто не выдержать нагрузки и пополнить ряды «бездворных и бестяглых» людей, либо беглецов. Вследствие этого санкционировалось выделение лишь потенциально состоятельных тяглецов.[300]

П.П. Смирнов полагал, что в первой половине XVII в. на большинство Замосковных городов распространился посадский кризис XVI в., «полускрытый только наплывом переселенцев».[301] Что касается второй половины столетия, то приведенные Я.Е. Водарским данные показывают, что прирост дворов в 1652-1678 гг. составил всего 7%, а прирост населения – 24%. Согласно первой ревизии (1717-1727 гг.) численность населения увеличилась еще на 45,5%.[302] Темпы роста шуйской посадской общины в целом соответствовали общим тенденциям по Замосковным городам. В первой половине XVII в. посадское население стремительно увеличивалось. В 1630-х гг. этот процесс сменяется оттоком населения (на белые места). После строений 1640-1642 гг. и 1649 г. устанавливается объем населения, вдвое сокращенный эпидемией 1654 г. Уже в течение десятилетия после нее посад восполняет этот объем. Но в дальнейшем он не возрастает, сохраняясь на одном уровне вплоть до 1715 г. в течение почти полустолетия (это совпадает с материалами Я.Е. Водарского по другим городам Восточного Замосковья). Даже учитывая тот факт, что существовавший прирост населения «выбирался» в ходе правительственных мероприятий (наборы даточных людей и рекрутов), нужно определить причины этой устойчивости сравнительно с бурным ростом

---

[300] Это касалось и вольных людей, оказывавшихся в посаде – часть из них проживала на посаде длительное время, не будучи включенной в тягло.

[301] *Смирнов П.П.* Города Московского государства... Т. 2. – С. 103-133. Он установил, что посады Замосковных городов, о которых есть сведения XVI в., увеличились в первой половине XVII в. на 30,3%, а все посады – на 229%. Таким образом, резкий рост населения заполнял лишь «ранее образовавшиеся пустоты», но в абсолютном отношении отрицать его невозможно. При этом рост посадского населения в Замосковье компенсировал его снижение на окраинах страны. В Замосковье было расположено не более четверти посадов, но сосредоточено не менее половины всей массы посадских.

[302] *Водарский Я.Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. – М.: Наука, 1966. – С. 271-280; *Он же.* Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М.: Наука, 1977. – С. 129-131. При этом он отмечает, что растут посады, расположенные к северо-западу, западу и югу от Москвы, а посады к северо-востоку и востоку (к числу которых относилась и Шуя) – уменьшаются.

предыдущего периода. Практически полное отсутствие роста населения можно объяснить двумя основными факторами. Главной особенностью Шуи представляется отсутствие крупных категорий населения, не входивших в посадскую общину.[303] Второй фактор отмечался выше – развитие торгово-промышленных сел, в значительной мере «замкнувших» на себя приток как беднейшего деревенского населения, так и его торговой верхушки.

Что касается тяглового охвата членов общины, то здесь трудно давать определенные заключения: общинных окладных списков XVII в. в нашем распоряжении не имеется, переписи же фиксируют эту сторону жизни весьма избирательно. В переписях 1623 и 1629 гг. обозначено определенное число не тянувших тягла дворов, не принадлежащих вдовам (8 и 10 соответственно), а в 1677 г. – отмечено лишь 11 вдовьих дворов (сказака 1668 г. называет 20 таких дворов). В 1710 г. фигурирует 1 нетяглый вдовий двор. Окладная книга 1703 г. указывает на прослойку «тяглых бездворных» семей: в Шуе имелась 21 семья «бездворных» людей, но безтяглыми при этом были лишь четыре семьи. Во всяком случае, можно видеть, что с течением времени число нетяглых дворов сокращается, а практика освобождения распространяется лишь на дворы вдов с малолетними детьми.[304]

Число работников оставалось достаточно стабильным. В переписных книгах 1646 г. обозначено 17 человек, в 1677 г. – 14 человек. А вот состав их кардинальным образом изменяется. Если в 1646 г. все работники были наемными, то через три десятилетия в качестве наемных работников можно отметить лишь 6 человек.[305]

---

[303] В большинстве Замосковных городов рост посадской общины прямо зависел от пополнения ее иными категориями населения. Во Владимире после строений середины XVII в. сохранился основной костяк посада, в дальнейшем не претерпевший существенных изменений, а в Суздале можно говорить о такой стабилизации лишь к началу XVIII в. Основной группой населения, которую посадские люди пытались привлечь к несению тягла, во Владимире были приборные служилые люди (ямщики), в Суздале – церковные бобыли: *Заборовский Л.В.* Борьба посадов Владимира и Суздаля с беломестцами в XVII в. // Города феодальной России. – С. 239-246. В Нижнем Новгороде в ходе второй половины XVII в. в число посадских людей сначала были включены монастырские бобыли (1668 г.), затем ямщики и митрополичьи закладчики (1680 г.): *Орехов А.М.* Из истории борьбы Нижегородского посада против беломестцев // Там же. – С. 247-255.

[304] При этом права не тянувших тягла лиц ограничивались. После пожара в июле 1710 г. был вынесен мирской приговор относительно вдов, проживавших «своими дворами до пожарного времяни». С них следовало взять расписки в платеже «тягла и всяких податей» вместе с шуянами. В случае согласия вдовам разрешалось строить двор и хоромы «на старом двором месте», а в случае отказа в платеже на старом месте строить двор запрещалось: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 551. – Л. 1-1 об.

[305] Четверо были купленными (крепостными), двое – малолетними (что явно исключало найм), еще один проживал в доме хозяина с семьей. В 1646 г. отмечен лишь один подобный работник.

Таким образом, крепостные работники составляют уже не менее половины.[306] Перепись 1710 г. свидетельствует, что подавляющее большинство работников являлись крепостными.[307] Таким образом, на протяжении второй половины XVII – начала XVIII вв. наблюдается процесс замены свободной наемной рабочей силы крепостными людьми. Часть их попадала к посадским людям с помощью купли, часть – добровольно попадала в разные виды зависимости. При этом число работников, использовавшихся в производстве, постоянно сокращалось: от 17 работников-мужчин в 1646 г., до 11 – в 1677 г., и 10 – в 1710 г. Следовательно, производственная структура не требовала наемных работников.[308] Эта картина была связана с «традиционным» характером шуйской промышленности и отсутствием крупнотоварного производства.[309]

Категория «подсуседников» впервые появляется в переписных книгах 1646 г. в результате изменения принципов обложения. В их числе обозначены 13 человек.[310] Также отмечено несколько лиц, не связанных прямыми родственными отношениями с хозяином, но не обозначенных в числе соседей.[311] В 1677 г. число «подсуседников» увеличилось до 25, причем все представляли посад. Двое лиц, проживавших во дворах вместе с хозяевами, не обозначены в числе соседей.[312] Затем эта категория населения резко сокращается: в переписи 1710 г. значится лишь 6 «подсуседников». Сосед не попадал в зависимость к хозяину, поскольку тянул отдельное тягло.[313] При

---

[306] В сказке от 30 апреля 1704 г. шуяне сообщали о наличии у И.К. Мыльникова двоих купленных людей – калмыков, а у Я.Ф. Голятина – русского и калмыка: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 236. – С. 470.

[307] Шуяне имели всего 4 наемных работников, еще двое работников были вольными людьми, проживавшими на дворах хозяев. Остальные 28 человек представляли собой крепостных людей. При этом из 9 крепостных, проживавших у хозяев без семьи, 8 – купленные «женки» и «девки».

[308] В.М. Панеях полагал, что «существование холопства и его жизнеспособность были обусловлены именно тем, что только оно обслуживало определенные важнейшие специфические сферы жизни и деятельности холоповладельцев-феодалов»: *Панеях В.М.* Холопство в первой половине XVII в. – М.: Наука, 1984. – С. 238-239. Думается, что его слова вполне можно применить и к холоповладельцам, не являвшимся феодалами. Состав крепостных людей в Шуе свидетельствует, что они большей частью исполняли роль не промышленных работников, а домашних слуг.

[309] Н.Б. Голикова отмечает, что в Астрахани распространение «крепостных людей» и кабальных холопов было связано со стремлением владельцев крупных мастерских (не сезонных) получить постоянную и дешевую рабочую силу: *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов… С. 102-103. Не отрицая стремления владельцев мастерских к приобретению «дешевой рабочей силы» (такой процесс прослеживается и в Шуе), следует акцентировать внимание на том, что большая часть крепостных людей использовалась в качестве не работников на производстве, а слуг-помощников. В Шуе этот процесс иллюстрируется увеличением женской доли крепостных людей.

[310] Лишь 2 представляли уезд, остальные являлись посадскими людьми. Один из них был шурином хозяина.

[311] Две бобылки с сыновьями и пришлый человек – эти лица являлись предшественниками «вольных людей», находившихся на службе у хозяина.

[312] «Нищая девка» и посадский человек, работавший церковным сторожем.

[313] На это указывают сведения 1677 г. об освобождении от тягла проживавшей «в подсуседстве» вдовы площадного подьячего и 1710 г. о высылке одного из подсоседников в работники в Санкт-Петербург. Более

этом подсуседник мог быть родственником хозяина, хотя такие случаи были немногочисленны. Большинство родственников проживало во дворах без поступления в «подсуседники».[314] Эти данные свидетельствуют о «подсуседниках», как самостоятельных тяглецах, владевших частью двора. Комбинации двух тяглецов, проживавших в одном дворе, трижды встречаются в переписи 1623 г. В следующей переписи 1629 г. подобное явление уже не обозначено. Однако раскладка государева тягла на двор способствовала увеличению его населенности, и в конечном итоге развитию подобного явления. «Соседи» не являлись хозяевами части двора. «Подсуседничество» представляло собой особый тип арендных отношений.[315] На это прямо указывают данные переписи 1710 г.: в ней обозначены 11 дворов, которыми владели лица, не связанные родственными отношениями, но при этом выделена и категория «подсуседников».[316] Собственно, резкое сокращение этой категории и связано с увеличением на рубеже столетий оборота дворов и «полудворов» в посаде.[317]

С середины XVII в. численность общины приобретает определенную устойчивость: каналы попадания в нее новых тяглецов резко ограничиваются, естественный прирост выбирается путем «прибора» на государеву службу, а рост дворов искусственно замедляется. Серьезно изменяется структура дополнительной рабочей силы: наемных «ярыжек» середины XVII в. к началу XVIII в. практически полностью меняют крепостные работники. Категория «подсуседников» развивается в результате обеднения части посадского населения, вынужденного снимать часть двора в пожизненную аренду у хозяина. Этот путь позволял маломощным тяглецам

подробно вопрос о тягле «подсуседников» освещает сказка шуян воеводе Н.П. Вяземскому от декабря 1684 г.: в ней сообщается, что дворцовый крестьянин д. Черепова Кондрат Осипов жил в Шуе у посадского человека Савы Андреева «в подсоседниках, а не в тягле, тягла с нами посадцкими людми не тянул и служеб не служил а платил в земскую избу ради своего промыслу захребетное»: НИОР РГБ. Ф. 67 Оп. 1. К. 1. Д. 34. Л. 2. Таким образом, обычно подсуседник выплачивал в земскую избу определенную сумму («захребетное»). Подобная практика сходна с практикой взимания «бобыльского тягла»: в отличие от тягла, размер которого колебался ежегодно, «бобыльское тягло» представляло собой строго определенную сумму. Однако улучшение материального положения вело к переходу бобылей в тягло. Несомненно, подобная ситуация складывалась и относительно подсуседников.

[314] В 1646 г. отмечены зять, дядя и невестка, в 1677 г. – 6 зятьев и шурьев, в 1710 г. – 5 зятьев

[315] Возможно, пожизненная аренда, на что указывает казус с С.С. Сырейщиком (см. ниже), проживавшим в неоднократно продававшемся дворе, но не выселявшимся оттуда новыми хозяевами

[316] К подобному выводу пришла и В.Н. Колеченкова, изучавшая «подсусденичество» на материале ярославского посада средины XVII в. Ей удалось установить, что сосед не являлся зависимым человеком хозяина двора, а отношения между ним и хозяином ограничивались уплатой арендной платы: *Колеченкова В.Н.* К вопросу о соседях как социальной категории // Русское государство в XVII в. – М.: Наука, 1961. – С. 201-207. Однако отличия феномена «соседства» от обычной аренды двора ей установить не удалось.

[317] После приобретения «полудвора» покупатель становился его полноправным владельцем.

обрести самостоятельность с меньшими рисками, чем строительство нового двора. Подобная практика сходит на нет в начале XVIII в. в связи с ростом оборота дворов (и частей дворов) в посаде.[318] Населенность двора во второй половине XVII в. постоянно увеличивается.[319]

1.2. Социальное расслоение и социальные конфликты в общине

Возможность оценить степень социального расслоения шуйской общины у нас есть лишь для последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв. Ее предоставляют окладные книги и списки. Государство возлагало на общину некий объем налога, определенный на основании кадастровых документов, но поскольку численность и тяглоспособность дворов постоянно изменялась, ежегодно производилась раскладка повинностей.[320] При этом посадская община имела право «притянуть в тягло всех, кто жил на тяглой земле», а также могла призывать на льготу в пустые дворы вольных людей.[321] Сюда же нужно отнести и появление новых дворов в результате раздела семей – они не попадали в «сошный оклад» вплоть до следующего обложения. Избранная нами методика имеет свои недостатки. Тщательно изучавший процесс мирской раскладки податей в XVIII в. А.А. Кизеветтер отмечал целый ряд нарушений ее пропорциональности.[322]

Однако исследование окладных книг является единственной возможностью оценить степень имущественного расслоения посадской общины. В нашем распоряжении имеются три законченные окладные книги первой четверти XVIII в. Наиболее ранняя датируется 1 января 1711 г. Этот документ раскрывает особенности проведения оклада и сбора «окладных денег». Посадские люди «на совете мирском приговорили збират тягло в окладные платежи, и которые будут наряды из розных приказов и в указные росходы». На все эти платежи было «розведено во весь год» по

---

[318] Число «подсуседников» неуклонно растет: 13 лиц в 1646 г., 25 – в 1677 г., а в 1710 г. большая часть этих лиц (уверенно можно говорить об 11, но в это число не входят родственники) становится владельцем части дворов.

[319] В 1646 г. она составляла 2,15 чел., в 1677 г. – 2,49 чел., в 1710 г. – 2,5 чел. Средние цифры по стране несколько превышали шуйские показатели: 2,6 чел. в 1646 г. и 2,8 чел. в 1678 г.: *Водарский Я.Е.* Население России… С. 130.

[320] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения... С. 303-310.

[321] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – С. 282-283.

[322] Прежде всего, изъятие из нее (или снижение оклада) для представителей посадской администрации и лиц, исполнявших государевы службы: *Кизеветтер А.А.* Посадская община... С. 603-608.

80 к. с денги.[323] Таким образом, на мирском сходе определялась общая сумма, необходимая для покрытия всех расходов посада (фиксированных государственных налогов, экстренных сборов, обеспечения регулярных и экстренных служб, мирские нужды). Исходя из нее, определялась раскладка по «деньгам» (условным налоговым единицам), выражавшая долю конкретного тяглеца в общегородских налоговых сборах. Кроме окладной книги 1711 г., в полном виде сохранились подобные документы 1724 г. (окладчиков Д.В. Носова «с товарищи»)[324] и февраля 1717 г. (И.Я. Голятина «с товарищи»).[325] Из заглавия окладной книги 1717 г. следует, что оклад производился «вправду, смотря по торговому промыслу и по пожитком». Остальные документы подобного рода, оказавшиеся в нашем распоряжении, к сожалению, не датированы и все (кроме одного) неполны. Первый список на основании косвенных данных датируется рубежом 1660-70-х гг.[326] В нем отмечены 85 тяглецов (в том числе 3 вдовы). Против всех поименованных лиц имеются пометы о сумме оклада и его уплате. Никаких сведений о характере отмеченных сумм в документе не имеется, но не приходится сомневаться, что они отражают «тягольный оклад».[327] Безусловно, к окладным спискам также можно отнести «полосные» списки 1681 и 1691 гг., история появления которых подробно будет рассмотрена ниже. Но если второй список отражает тягольную мощь подавляющей части населения посада (отсутствуют сведения о владельцах лишь 8 полос из 63), то первый дает сведения исключительно о главных владельцах полосы (наиболее крупных тяглецах), причем без уточнения объема тягла: всего поименовано 72 чел.

Также сохранились три окладных списка шуйских посадских людей рубежа XVII-XVIII вв. Все они не датированы и не имеют никаких заглавий и помет. Значительный интерес представляет собой окладной список, определяющий размер

---

[323] Согласно итогу в документе, сумма сбора составила 1504 д. (1203 р. 20 к.). В действительности общая сумма составила 1482 д. (1185 р. 60 к.): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 91. Л. 1-19.

[324] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 696. – Л. 3-16. На первом листе книг сохранилось сообщение получении «ведения» о новом рекрутском наборе 4 марта 1724 г. Следовательно, составление их можно датировать тем же временным отрезком года, что и книг 1717 г.

[325] Там же. – Д. 611. – Л. 1 об.-8 об.

[326] Значительная часть поименованных в списке тяглецов уже скончалась ко времени переписи 12 декабря 1677 г.: таких оказалось 11 чел., еще 1 к этому времени сбежал из Шуи. При этом значительная часть умерших упоминается незадолго до этого (4 – в 1665 г., 2 – 1670 г., 1 – в 1671 г.). В списке упоминается вдова Федора Лукина, муж которой зафиксирован еще в 1665 г. (Леонтий Ворошилов, вдова которого также упоминается в списке, последний раз отмечен в 1660/61 г.). Еще один фигурант списка, И.В. Репин, родился в 1645 г. Отмеченный в списке Сава Андреев явился в Шую в 1660/61 г., а поруку получил в 1669/70 г.

[327] НИОР РГБ. Ф. 67. К. 3. Д. 1. Л. 1-5.

промыслов фигурантов.[328] Его относительно точно можно датировать февралем 1703 г.[329] Он объединяет черновик окладного списка, включающий полный состав мужской части двора и беловик списка.[330] Два других окладных списка атрибутировать сложнее. Первый именуется «книга подводам», а второй вообще сохранился явно в неполном виде. «Книга подводам» представляет собой законченный документ,[331] в котором имеются сведения о денежном окладе с 220 семей посадских людей, а во втором списке имеются сведения лишь об окладе 90 семей.[332] Общий оклад лиц, перечисленных в книге подводам, составляет 2626 д. Его трудно соотнести с окладом денег «на наем подвод».[333] Следовательно, имеется в виду сбор на поставку подвод, которая регулярно производились на рубеже XVII-XVIII вв.[334] Нанимавшиеся на них подводчики получали определенную подмогу по «ряду» с посадскими людьми.[335] Сравнение состава тяглецов «книги подводам» с переписями 20 октября 1709 г., апреля 1710 г. и августа 1715 г. свидетельствует, что ее появление следует относить к исходу 1690-х гг.[336] В неполном окладном списке, не имеющем названия и даты, отмечены 90 тяглецов. По составу тяглецов список

---

[328] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1021. – Л. 1-18, 20-42.

[329] В документе имеются сведения о высылке Г.И. Шульгина «в Казань к шмаковому делу в плотники» и С.Г. Баженова в Астрахань «к рыбному промыслу в целовалники». Указ о поставке плотника в Казань шуйские бурмистры получили 23 февраля 1702 г., а 27 декабря 1703 г. Шульгин представил в Шую «отпуск» от работы. С.Г. Баженов, выбранный в целовальники в Астрахань, 28 сентября 1702 г. принял у старосты И.Я. Остаткова «подмогу» на 1704 г. В Астрахань он должен был прибыть за два месяца до 1 января 1703 г. Исходя из даты составления окладных списков в 1717 и 1724 гг., можно датировать имеющийся в нашем распоряжении документ февралем 1703 г.: Там же. – Д. 412. – Л. 1-2; Там же. – Д. 416. – Л. 1; Там же. – Д. 417. – Л. 1-1 об. Там же. – Д. 431. – Л. 1; ВГВ. – 1881. № 41. – С. 4-5.

[330] Имена несовершеннолетних детей вычеркнуты. При этом у части сыновей обозначен возраст (37 из 202). Столь невысокий процент несовершеннолетних свидетельствует о том, что возраст обозначался не у всех.

[331] Там же. – Оп. 2. Д. 322. – Л. 1-7 об.

[332] Там же. – Д. 321. – Л. 1-2.

[333] Составлял 24 р. 12 ал. (по 4 ал. с двора – всего 4872 д.): Там же. – Оп. 1. Д. 491. – Л. 1-1 об.

[334] В 1696 г. поступил указ о сборе с 203 шуйских дворов 25 подвод с подводчиками на тульские и каширские железные заводы к 1 февраля 1696 г. В 1701 и 1702 гг. шуяне высылали «для государевой службы» подводы «против окладу десятые деньги» (по подводе с 15 р.). 19 сентября 1706 г. шуяне выслали в Москву требуемые 9 подвод «с подводчики»: Там же. – Д. 481. – Л. 1.

[335] 19 января 1696 г. тринадцать шуян дали земскому старосте порядную запись, по которой обязывались к 1 февраля явиться на заводы, принять на подводы кладь «какую наложат» на заводах и доставить ее к Воронежу. На «подмогу» они получили по 6 р. за подводу: Сборник Щукина. Т. 2. – С. 80-81. Для сбора подобной «подмоги» и производилась раскладка, зафиксированная в имеющемся у нас документе.

[336] Ряд лиц, упомянутых в «подводной книге», в 1703 г. оказался взят в солдаты (10 чел.), еще двое тяглецов (Ф.И. Ратаев и М.А. Лобанов) умерли на Таганроге в 1699/1700 г. Т.Н. Лилин умер в 1700 г., А.Ф. Крылов сбежал в 1701 г., В.И. Тасил умер в 1702 г., Н.И. Денисов бежал в 1702 г., П.И. Серебреников – в 1701 г., а В.И. Истопленников вообще скончался в 1691/92 г. Полное отсутствие сведений о вдовах-тяглецах заставляет предположить, что в окладном списке вдова могла заменять мужа под его именем. Но при этом у умершего в 1701 г. П.И. Серебреникова и умершего на Таганроге Ф.И. Ратаева, а также у целого ряда взятых в солдаты лиц (5 чел.) не имелось родственников, наследовавших им – дворы опустели. Самые младшие из отмеченных тяглецов родились в 1679 г. (Г.Ф. Колотилов), в 1672 г. (А.К. Демин), в 1673 г. (И.А. Дурин). Следовательно, документ может датироваться концом 1690-х гг.

весьма близко совпадает с «книгой подводам», так что их датировку следует сблизить.[337]

Анализ данных всех сохранившихся списков представляется достаточно сложным. Прежде всего, неполные списки (рубежа 1660-70-х гг., «полосный» 1691 г. и недатированный конца 1690-х гг.) не могут дать точной картины распределения оклада между разными группами тяглецов. Но особенно это касается «промышленного» списка февраля 1703 г. В нем обозначены оклады лишь 148 из 228 семей. В «подводной» книге из них находят соответствие 122 семьи. Причем «подводные» оклады всех этих лиц поразительно невысоки.[338] В этом документе обращает на себя внимание наличие определенных размеров окладов и распределение окладных сумм по достаточно равным группам: оклад в 6 р. имели 38 семей, в 12 р. – 34 семьи, в 18 р. – 32 семьи, в 24 р. – 21 семья и в 30 р. – 18 семей.[339] Оклад явно «подгонялся» под определенные требования (он повышался на 6 р. с каждым новым порогом, при этом число плательщиков немного снижалось). Следует обратить внимание на лиц, размер «промысла» которых не указан. В оклад были записаны лица, исполнявшие общественную службу в 1703 г.,[340] что опровергает предположение о «служебном» основании их освобождения. Скорее, причиной отсутствия оклада у значительной части отмеченных в списке семей явился его принципиально иной размер. Таким образом, окладная книга 1703 г. отражает оклады исключительно низшего слоя посадского населения. Исключив ее, мы провели анализ распределения групп тяглецов по всем имеющимся в нашем

[337] 74 совпадения имен (при этом 6 совпадений имеются только в этих двух списках). С другой стороны, в списке имеется 4 совпадения с «промышленным» списком 1703 г., тогда как в «книге подводам» эти тяглецы отсутствуют. Сравнение всех четырех списков (включая список 1691 г.) дает достаточно характерный перечень совпадений: 30 совпадений во всех четырех списках, еще 47 – во всех, исключая неполный список. В 47 случаях имена тяглецов в «подводной книге» (и неполном списке) совпадают только со списком 1703 г., не находя соответствия в «полосном» списке 1691 г., а в 55 случаях – напротив, совпадают исключительно с именами тягецов в «полосном списке» 1691 г. Следовательно, оба недатированных списка можно датировать серединой промежутка между 1691 и 1703 гг. В недатированном списке имеются имена умерших «на Таганроге» М.А. Лобанова и И.И. Ожималова, скончавшегося в 1700 г. Т.Н. Лилина, бежавшего в 1701 г. А.Ф. Крылова, бежавшего в 1702 г. Н.И. Денисова, взятого в солдаты в 1703 г. В.Я. Икунчикова. Но к 1710 г. все они имели наследников, которые могли тянуть их тягло. Наиболее молодыми тяглецами являлись Г.Ф. Колотилов (1679 г.р.), М.Ф. Бобков (1671 г.р.), А.И. Ивкин и В.И. Шигин (1675 г.р.) и Иван Артемьев Меншой (1678 г.р.).

[338] 29 человек имеют оклад в 2 д., 38 – в 4 д., 21 – в 6 д., 10 – в 8 д., 14 – в 10 д., 2 – в 12 д., по 2 человека – в 3 и 9 д., а еще по одному – в 5, 14, 19 и 27 д. Следовательно, к «середним людям» можно отнести всего 3 семьи, причем 1 из них – к «промежуточной» части (доля оклада 14 д.).

[339] Выделяются оклады в 9 р. (2 семьи), а также семьи М.Г. Дырина и И.Я. Коверина, имевшие оклад в 4 р. 6 ал. 4 д. и 3 р. 20 ал. соответственно.

[340] И.Т. Погарков исполнял должность целовальника земской избы, в земской избе служили Ф.И. Сипин, И.С. Ивкин, П.П. Жотин, И.И. Софонов, Д.А. Чермнов, в таможне – Г.И. Нашивкин, И.И. Серебреников, на кружечном дворе – И.И. Болотов: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 425. – Л. 1; Там же. – Д. 422. – Л. 4; Там же. – Д. 463. – Л 4.

распоряжении спискам. В качестве основания для распределения тяглых групп использована схема, принятая в писцовой книге 1629 г. Она делит тяглое посадское население на четыре имущественных группы: «лучшие люди», «середние», «молодшие» и бобыли (имелась еще категория нищих, но эти лица тягла не тянули). В качестве основания для градирования тяглых групп принят принцип среднего оклада. Он делит всю совокупность тяглецов на две группы, а затем каждую из групп – еще на две (при этом часть тяглецов попадает в прослойки между группами).

Таблица № 1.

Распределение среднего объема оклада по шуйским окладным спискам

Число тяглецов	Объем тягла	Средний оклад	У высшей страты	У низшей страты	Дата
85	1197 д.	14 д.	24 д.	8,3 д.	в/п 1660-х
195	2733 д.	14 д.	35,8 д.	6,7 д.	1691: «полосный список»
220	2626 д.	11,9 д.	33,7 д.	5 д.	в/п 1690-х: «подводный»
90	616 д.	6,8 д.	13 д.	3,3 д.	в/п 1690-х
173	1482 д.	8,5 д.	24,4 д.	4 д.	1711
188	1234 д.	6,5 д.	16,3 д.	3,4 д.	1717
205	1316 д.	6,4 д.	14,65 д.	3 д.	1724

В фокус обследования попали списки, дающие полную (или практически полную) картину распределения оклада между тяглецами: полосный список 1691 г., «подводная книга», и окладные списки 1711, 1717 и 1724 гг. Результаты сведены в четыре таблицы.

Таблицы № 2-5.

Распределение процентного соотношения объема оклада между разными социальными категориями посадских людей г. Шуи

Дата	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент
1691	"Лучшие люди"	16	8%	970 д.	35,50%	Средние[341]	3	1,50%	108 д.	4%
в/п 1690-х	"Лучшие люди"	13	6%	796 д.	30,30%	Средние	4	1,80%	136 д.	5,20%
1711	"Лучшие люди"	14	8%	636 д.	43%	Средние				
1717	"Лучшие люди"	14	7,50%	400 д.	32,50%	Средние	4	2,10%	64 д.	5,20%
1724	"Лучшие люди"	19	9,30%	474 д.	36%	Средние				

Дата	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент
1691	"Середние люди"	28	14%	606 д.	22,20%	Средние	8	4,10%	112 д.	4,10%

[341] Лица, по объему оклада попадающие в среднюю категорию между двумя социально-экономическими стратами.

в/п 1690-х	"Середние люди"	33	15%	754 д.	28,70%	Средние	13	6%	156 д.	6%
1711	"Середние люди"	25	14,40%	317 д.	21,50%	Средние				
1717	"Середние люди"	28	15%	287 д.	23,30%	Средние				
1724	"Середние люди"	41	20%	405 д.	30,08%	Средние				

Дата	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент
1691	"Молодшие"	62	32%	612 д.	22,40%	Средние	1	0,50%	7 д.	0,25%
в/п 1690-х	"Молодшие"	66	30%	515 д.	19,60%	Средние	1	0,50%	5 д.	0,20%
1711	"Молодшие"	47	27%	285 д.	19,20%	Средние	32	18,50%	128 д.	8,60%
1717	"Молодшие"	69	36,70%	322 д.	26,10%	Средние				
1724	"Молодшие"	59	28,70%	278 д.	21,10%	Средние	18	8,8 %	54 д.	4,1%

Дата	Страта	Число лиц	Процент	Объем тягла	Процент
1691	"Бобыли"	77	39,50%	318 д.	11,60%
в/п 1690-х	"Бобыли"	90	41%	264 д.	10,10%
1711	"Бобыли"	55	32%	116 д.	7,80%
1717	"Бобыли"	73	38,80%	161 д.	13%
1724	"Бобыли"	68	33%	105 д.	8%

Приведенные данные свидетельствуют о невероятно устойчивом проценте посадских окладных групп. Процент «лучших людей» колебался в районе 8%, при этом наибольшее его «падение» зафиксировано в «подводной книге», а повышение – в 1724 г. Что касается объема тягла для них, то резкий «пик» зафиксирован в 1711 г. – 43%. Ниже объем тягла в 1691 и 1624 гг., а еще меньше – в 1717 г. и конце 1690-х гг. Однако при этом (учитывая прослойку между «лучшими» и «середними» людьми), он никогда не опускался ниже 35%. Процент «середняков» также очень устойчив. Верхний «пик» зафиксирован в 1724 г. – 20%, а нижний – в 1711 и 1717 гг. (14,4% и 15%). Наибольший объем тягла у этой прослойки зафиксирован также в 1724 г. (30%), достаточно высокий – в «подводной» книге (28,7%), в остальных случаях он колеблется в районе 22-23%. Что касается «молодших» людей, то их численность колебалась в районе 30-32%. «Пик» зафиксирован в 1717 г. – 36,7%. Невысокая численность «молодших» в 1711 и 1724 гг. с лихвой компенсируется прослойкой между «молодшими» и «бобылями» (в 1711 г. она составляла целых 18%). Наибольший объем тягла для «молодших» зафиксирован в 1691 и 1717 гг. (22,4% и 26,1%). В остальных случаях он колеблется в районе 20-21%. Наконец,

численность бобылей колебалась в районе 40%. Резкое снижение можно зафиксировать в 1711 г., но объем «средней» прослойки между «молодшими» и «бобылями» (18,5%) сводит его на нет. Таким образом, низшим оказывается процент бобылей в 1717 и 1724 гг. Что касается объема тягла, то он составлял у них около 10-11%, но при этом серьезно колебался: наивысший подъем зафиксирован в 1717 г. (13%), а снижение – в 1724 г. (8%). Целесообразно также продемонстрировать соотношение процентного объема тягла к процентному числу тяглецов в каждой страте.

Таблица № 6.

Соотношение процентного объема тягла к процентному числу тяглецов в разных социальных категориях по шуйским окладным спискам

Дата	Страта	Соотн-е	Страта	Соотн-е	Страта	Соотн-е	Страта	Соотн-е
1691	Лучшие	4,4	Середние	1,6	Молодшие	0,7	Бобыли	0,29
в/п 1690-х	Лучшие	5,05	Середние	1,9	Молодшие	0,65	Бобыли	0,24
1711	Лучшие	5,37	Середние	1,5	Молодшие	0,7	Бобыли	0,24
1717	Лучшие	4,3	Середние	1,55	Молодшие	0,7	Бобыли	0,33
1724	Лучшие	3,9	Середние	1,5	Молодшие	0,73	Бобыли	0,24

Все приведенные выше данные достаточно четко иллюстрируют процесс реакции посада на петровские реформы, самой характерной чертой которых явилось резкое увеличение объема тягла на рубеже XVII-XVIII вв. Он выражался в том, что большие доли тягла перераспределялись в пользу состоятельных социальных групп. Первоначально перераспределение тягла коснулось прослойки «середних» людей: соотношение их процента и тягла резко повышается в конце 1690-х гг. (при этом аналогичное соотношение у «молодших» и бобылей снижается). Окладная книга 1711 г. фиксирует наивысшую точку кризиса. В ней наибольшая часть объема тягла распределена уже на «лучших» людей, а для «середних» и молодших это соотношение снижается до уровня 1691 г. В 1717 г. соотношение объема тягла у «лучших» и «середних» людей снижается до показателей 1691 г., зато резко повышается это соотношение у бобылей. К 1724 г. соотношение объема тягла у «лучших» людей снижается еще больше, а компенсируется оно повышением этого соотношения у прослойки «молодших» людей.

Проанализированные процессы распределения тягла в шуйских окладных книгах конца XVII – первой четверти XVIII вв. отражают два взаимосвязанных

процесса: имущественное расслоение посадского населения и отражение его в окладных книгах. Об этом свидетельствует тот факт, что картина соотношения объема тягла и его процента у определенной социальной группы подтверждается показателями изменения относительной численности этих групп. Число «лучших» людей снижается в середине изучаемого промежутка, а к 1724 г. демонстрирует рост, перекрывший даже объем 1691 г. Число «середняков» повышается в конце 1690-х гг., снижается к 1711 г., а затем резко повышается в 1717 и 1724 гг. Число «молодших» людей резко повышается в 1711 и 1717 гг., но снижается к 1724 г. Соответствует этой тенденции и изменение количества бобылей: оно резко повышается к 1711 и 1717 гг. и снижается к 1724 г. Следовательно, в середине изучаемого временного промежутка имело место обеднение посада: сначала оно выражалось в увеличении числа «середняков» засчет «лучших» людей, а к 1711 г. увеличивается уже число «молодших» и бобылей. Затем тенденция меняется: к 1724 г. объем низшей прослойки посада уменьшается засчет увеличения объема середняков и лучших людей.

Кроме распределения тягла между разными социальными группами, следует обратить внимание на особенности изменения налогообложения у конкретных тяглецов. Такую возможность дает сравнение окладных списков. Данные поименного анализа распределения тягла в окладных списках 1711-1724 гг.[342] полностью подтверждают выводы, сделанные ранее на основании изучения распределения общего объема тягла между разными социальными группами. В промежутке 1711-1717 гг. основное направление дифференциации – движение вверх по социальной лестнице «молодших» людей и «бобылей». При этом обеспечивается оно перераспределением на них части оклада «лучших» людей. На следующем промежутке (1717-1724 гг.) направление несколько меняется: общее направление в этот период – пополнение категории «середняков», значительно потерявшей мощь в первое десятилетие XVIII в., тогда как категории «молодших» людей и «бобылей» оказываются достаточно стабильными.

К анализу изменения оклада у отдельных лиц на рубеже XVII-XVIII вв. целесообразно привлечь также неполый «полосный» список 1691 г., недатированный

[342] См. прил. 15.

окладной список конца 1690-х гг. и книгу «промышленного оклада» 1703 г.[343] Проанализированные списки фиксируют весьма характерную тенденцию, уже отмеченную нами выше – резкое обеднение верхушки посада на рубеже XVII-XVIII вв. На эту тенденцию было необходимо реагировать, и реакция эта выражалась в накладке части оклада «лучших» людей на другие слои посада. Причем если «подводная книга» фиксирует эту тенденцию еще не вполне отчетливо, то недатированный список – совершенно явно. А как свидетельствует сравнение с «промышленным» списком 1703 г., она имела и дальнейшее развитие.

Что касается дифференциации, то она была постоянной внутри «окладных групп», но между ними переход был ограничен. Характерно, что во все три периода, доступных для детального сравнения, наблюдается достаточно близкий объем дифференциации между группами, при несколько разном векторном направлении: 46% (от общего числа попавших в фокус исследования семей) в 1690-х гг., 44,5% в 1711-1717 гг. и 42% в 1717-1724 гг. Судя по всему, этот объем отражает «нормальную» имущественную дифференциацию в посаде. Нельзя назвать ее чрезвычайно высокой, но объем ее был достаточно велик, хотя и имел тенденцию к снижению. Можно выделить и характерные причины значительного изменения объема тягла: с одной стороны, переход его к прямому наследнику обычно способствовал резкому снижению тягла, а с другой – деление хозяйства вело к его значительному повышению. Обе выявленные тенденции свидетельствуют о незавершенном процессе формирования социальной структуры посада.

Этому способствовали с одной стороны – особенности производства, а с другой – тягловый характер общины. Движущей силой экономики был не промышленный, а торговый капитал и в данном случае смерть главы семьи (не имеющая решающего значения при наличии у нее значительных промышленных мощностей) могла привести к разрыву многолетних торговых связей (не говоря уже о том, что торговый капитал вообще намного менее устойчив, чем промышленный). В то же время тягловый характер общины сковывал хозяйственную инициативу членов семьи и освобождение нового тяглеца от этого гнета, как правило, стимулировало интенсивное экономическое развитие нового хозяйства.

---

[343] См. прил. 16.

Проведенный анализ позволяет выявить ряд особенностей социальной структуры посадской общины рубежа XVII-XVIII в. Четко выделяются четыре категории посадских людей, соответствующие определению еще предыдущего столетия: «лучшие», «середние», «молодшие» и «бобыли». Общая сумма оклада могла делиться между этими тремя категориями и затем раскладываться отдельно. При этом доля оклада на категорию могла меняться.[344] В низшей части посада шло постоянное и достаточно равномерное расслоение (доля лиц, улучшавших и ухудшавших имущественное положение, в абсолютном отношении была примерно равна). При этом следует отметить тенденцию к возможности резкого обеднения в посадской верхушке. Количество подобных случаев значительно превышает случаи подобных скачков оклада вверх. Это свидетельствует о неустойчивости имущественного положения отдельных семей на длительном промежутке времени.[345] Экономическая мощь семьи, накапливаемая длительное время, могла рухнуть достаточно быстро. При этом следует отметить как устойчивость общих групп посадских людей, так и распределения доли оклада на эти группы. Численность «лучших» людей колебалась в районе 8-9%, и на них приходилось около 40% окладной суммы. На «середних» (17-18%) приходилось около 27% суммы, на «молодших» (32-33%) – около 23% суммы, а на «молодших» (35-40%%) – около 10% суммы. Дифференциация между группами была довольно велика (около 50% за десятилетний промежуток), но имела тенденцию к снижению. Следовательно, подобная структура сформировалась достаточно давно и соответствовала экономическому состоянию посада.

Следует поставить вопрос о соотнесении картины рубежа XVII-XVIII вв. с показаниями писцовых книг 1629 г. и сохранившегося отрывка окладного списка второй половины 1660-х гг. К сожалению, в обоих случаях следует констатировать, что данные величины принципиально не сравнимы. Мы не имеем представления о

---

[344] Об этом свидетельствует окладная книга 1703 г., в которой определен оклад лишь низшей части посада. А.А. Кизеветтер реконструирует процесс обложения таким образом: сначала окладывались лица третьей гильдии «по состоянию имущества», затем – второй гильдии (применительно к платежеспособности), и наконец остаток раскладывался на купцов первой гильдии. Однако автор указывает на несправедливое распределение податей «прожиточными» в пользу неимущих: *Кизеветтер А.А.* Посадская община... С. 612-615. Описанный им порядок оклада не должен был приводить к подобным злоупотреблениям. Их наличие свидетельствует о том, что этот порядок был идеальным, но в реальности применялся достаточно редко.

[345] Данный тезис подтверждается результатами анализа распределения окладов 1724 г. у наследников дворохозяев 1717 г.: большая часть наследников понизила оклад, причем многие – достаточно значительно.

размере «мирского оклада», положенного в основание подразделения посадских людей на разряды в писцовых книгах 1629 г.[346] Определенно можно сказать только, что этот размер не совпадал с выведенным нами.[347] То же самое касается и окладного списка второй половины 1660-х гг. В нем явно завышена численность «лучших людей» и занижена численность бобылей. Это может свидетельствовать о более равномерном распределении «тягловых групп» и объема оклада на них.[348] Но, не имея окладного списка, мы можем судить о размере среднего оклада лишь предположительно.[349]

В связи с выявленными особенностями имущественного расслоения следует поставить вопрос о социальных конфликтах внутри общины. Согласно известной концепции начала генезиса капитализма в XVII в. посадская община (как торгово-промышленная единица) должна была стоять в авангарде «раннебуржуазного расслоения». Однако общеизвестно, что «относительно слабая дифференцированность горожан обуславливала наличие общих интересов посадских людей».[350] Тем не менее, для крупнейших посадов XVII в. уже известны выступления, отражающие социальные конфликт внутри посадской общины.[351]

Относительно социальной борьбы в посаде интересные соображения высказаны С.К. Богоявленским и А.А. Кизеветтером. Первый выделил в московской Мещанской слободе второй половины XVII в. группу «лучших людей», захвативших в свои руки все «слободские дела». Он предполагал у этой верхушки наличие

---

[346] Еще С.Б. Веселовский полагал, что обычно в качестве основания градирования посадских людей на «статьи» принимался размер «мирского оклада»: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. – С. 286-289. Н.Д. Чечулин также полагал, что основанием подразделения посадских людей на три статьи служило тягло, но ставил его в прямую зависимость от степени населенности двора. По его мнению, все жители двора были «полноправными и равными людьми» и каждый из них тянул свое тягло, что и обеспечивало более высокое тягло у «семьянистых» дворов: *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. – С. 46-48.

[347] Прослойка «лучших» и «середних» людей в посаде по нему менее установленной для начала XVIII в. Следовательно, в число «молодших» людей в 1629 г. попала значительная часть «середняков». На это указывает и отмеченный выше факт принадлежности «молодшим» людям значительной части промышленных объектов.

[348] В частности, высокая доля тяглецов относилась к категориям, находящимися между «середними» и «молодшими» – 9,5% и между «молодшими» и «бобылями» – 16,5%

[349] Сравнение недатированного и «подводного» списка показывает всю шаткость подобных суждений: средний оклад во втором 1,75 раза больше, но при этом поименное сравнение упомянутых в них семей свидетельствует о его близости в обоих документах.

[350] *Чистякова Е.В.* Городские восстания… С. 37. При этом посадская верхушка осознавала опасность, исходившую из крупных общественных выступлений и стремилась действовать «ото всего мира», направив недовольство в сторону от себя: *Она же.* О тактике верхушки посада в восстаниях 30-х гг. XVII в. // Города феодальной России. – С. 224-233.

[351] Именно такой характер носило восстание в Новгороде и Пскове в 1650 г.: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России в XVII в. – М.: Наука, 1969. – С. 36-42, 112-117, 147-151, 154-159, 170-187.

«клиентеллы» из «молодших людей», обеспечивавшей им поддержку.[352] Второй на основании данных о мирской раскладке податей в XVIII в. установил, что зависимость «малотяглого населения от кучки наиболее «капитальных» купцов отдавала маломочных посадских людей в фактическую подчиненность» им.[353] Таким образом, вертикальные связи (клиент-патрон) в посаде подавляли собой связи горизонтальные (между посадскими людьми одной статьи).

Клиентская зависимость достаточно трудно поддается «документальному» установлению.[354] Однако свидетельства о реальных взаимоотношениях посадских людей фиксируют ее достаточно четко.[355] В 1619 г. на дворе у шуян Родионовых «стоял» шуянин Иван Самуилов, которому были оставлены «на соблюденье» 35,5 р.[356] (при этом он был не наемным работником). Подобную ситуацию можно сопоставить с наличием в 1703 г. 21 семьи «бездворных» шуян: они, несомненно, проживали в чужих дворах и являлись клиентами своих хозяев.[357] О методах установления подобной зависимости можно судить на основании челобитной 1664/65 г. посадских людей на московского садовника Тимофея Федотова, получившего с 1 сентября 1663 г. на откуп шуйский кабак. Они жаловались, что откупщик «дает многим посадцким людям задорным питухам в долги болшие и под заклады и под дворы и в напойных денгах берет кабалы заемными денгами».[358] Практика получения «питья» в долг (под заклад) являлась важнейшим инструментом закабаления низшей части посада. При этом кабацкий голова (откупщик) в силу необходимости ему значительного объема денежных средств, должен был вступать в

---

[352] *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат… С. 456-465, 484-490.

[353] *Кизеветтер А.А.* Посадская община… С. 612-617.

[354] Она получала отражение лишь в частных актах, количество которых значительно уступает объему документации, связанной с государственным управлением, а в значительной доле очевидно, вообще не получала письменного оформления. Специально исследовавший вопрос о клиентализме в Средневековой России М.Н. Афанасьев замкнулся на проблеме клиентской зависимости от государства, игнорировав систему клиентских отношений между частными лицами: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. – М.: Московский Общественный Научный Фонд, 2000. – С. 52-68.

[355] 28 июня 1621 г. шуянин Арист Федоров бил челом на посадского И.В. Ляпунова, который похвалялся на него «продажею и поклепом и убивством, и наученьем родом своим, и племянем, и друзьями». При этом сам челобитчик человек «одинакой и должной»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 18. – Л. 1-1 об. Интерес вызывает включенность Ляпуновых в некоторое сообщество «рода и племяни и друзей». См. прил. 11.

[356] ПДП. – № 112. – С. 153.

[357] В указе от 21 июня 1683 г. упоминается, что в Шуе к 1679/80 г. сравнительно предыдущим годом 13 чел. умерли 26 чел. «оскудали и розбрелись по иным городам», а еще 20 чел. «оскудали и живут в чюжих дворех кормятца Христовым именем»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 52. Л. 1-6. В качестве последних имеются в виду не «подсуседники» (тянувшие тягло и оплачивавшие аренду двора), а именно «бездворные» шуяне.

[358] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 420. – Л. 1-1 об. См. прил. 12. Частные откупщики в течение XVII – начала XVIII вв. получали шуйский кабак лишь на короткое время, тогда как большую часть времени он находился под контролем «верной» посадской администрации.

кредитные отношения с посадской верхушкой.[359] Кредитная зависимость кабацкого головы от посадской верхушки – с одной стороны, и «маломощных» шуян от кабацкой администрации – с другой, неминуемо должна была привести к зависимости «кабацких должников» от «лучших» шуян-заимодавцев.

Вследствие подавления горизонтальных связей вертикальными социальные конфликты между верхами и низами посада в XVII в. отсутствовали. Зачастую «малотяглое» население привлекалось лучшими людьми во внутрипартийной борьбе в качестве поддержки своей партии.[360] Основным предметом социальных конфликтов между верхами и низами посада была несправедливая раскладка налоговых сборов и разверстка государевых служб. Единственный пример подобного конфликта отмечен и в Шуе, в связи с рекрутским набором 1703 г.[361] Рассмотренные нами выше данные социальной мобильности в Шуе начала XVIII в. свидетельствуют, что посадская верхушка сложилась еще не до конца. Экономическая ситуация допускала как социальные лифты вверх (в небольшой степени), так и вниз (в значительной степени). Это было следствием того, что основная часть торговли велась в кредит.[362] Торговая неудача приводила к резкому обеднению семьи.[363] Таким образом, социальное расслоение посада в XVII в. еще не могло привести к регулярным социальным конфликтам (за исключением крупнейших торгово-промышленных центров).

---

[359] Это иллюстрируется материалами дела по взысканию недоимки «кабацкого откупа» с москвича П.И. Волны, в 1723-1726 гг. державшего на откупе шуйский кабак. В марте 1732 г. из московской Камер-коллегии в Шую был направлен В.М. Викентьев, который должен был выслать в канцелярию шуян, виновных «якобы во взятье питей и денег» у П.И. Волны. Однако шуяне сообщали, что «деньги и питья» брались не у самого Волны, а у его поверенного И.Д. Лисина. При этом Лисин брал у шуян «хлеб и всякие удобные припасы в долг», имелись на нем и денежные долги. Именно в счет этих долгов шуяне и получали «питья и деньги» по распискам Лисина. В июне 1726 г. Лисин скончался, а Волна не рассчитался с шуянами: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 731. – Л. 1-2 об.; Там же. – Д. 753. – Л. 1; Там же. – Д. 724. – Л. 3-4; Там же. – Д. 1010. – Л. 1.

[360] *Кизеветтер А.А.* Посадская община… С. 647; *Кондратьева Н.Д.* Посадские люди… С. 128-132; *Тихонов Ю.А.* Социальное расслоение и классовая борьба в Новгороде во второй половине XVII в. // Города феодальной России. – С. 308-318.

[361] См. с. 49 настоящей работы. В этом случае часть «середних людей» (недовольная подобным распределением тягла) являлись естественным союзником посадских низов. Не случайно и в Пскове в 1650 г. движение возглавляли «середние люди», а никак не посадская мелкота.

[362] *Боровой С.Я.* Ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII) вв. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – С. 514-515; *Заозерская Е.И.* С. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. – М.: Издательство АН СССР, 1953. – С. 388.

[363] По шуйским окладным книгам можно проследить несколько таких «скачков». В.В. Шилов, исследовав процесс увеличения капитала представителей гостиной сотни г. Серпухова на рубеже XVII-XVIII вв., замечал: «успехи одного-двух поколений семьи не могли гарантировать дальнейшее развитие предпринимательской деятельности»: *Шилов В.В.* Гостиная сотня Серпухова в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 1. – М.: УРСС, 1997. – С. 190-191.

1.3. Юридическая природа посадской общины

Вопрос о выделении юридических признаков сословной принадлежности посадских людей давно занимал исследователей. Н.Д. Кондратьева отмечает, что П.П. Смирнов и М.Б. Булгаков важным признаком сословия называют передачу статуса по наследству, но этот признак был обязательным далеко не всегда. Наиболее обоснованной она признает точку зрения юриста С.Н. Смирнова, согласно которой основными признаками сословия является не только наличие особого правового статуса, но и юридическое оформление сословной принадлежности.[364] Однако на наш взгляд подобный критерий является слишком общим, поскольку «поручными» и «порядными» записями в XVII в. регламентировалось вообще принятие на себя любых обязанностей во всех сферах быта. Н.Д. Кондратьева кроме формально-юридических критериев выделяет также фактический – участие в тягле. Однако и этот критерий не являлся определяющим, поскольку к посадскому тяглу могли «притягиваться» все лица, проживавшие на посаде, которых могла обложить община.[365] Мы постараемся выделить основные признаки юридического оформления принадлежности к посадской общине, причем не с внешней (государственной), а с внутренней (мирской) стороны.

Прием в посадскую общину обязательно фиксировался юридически – с помощью поручной записи. Акт подобного рода фиксировал принадлежность «новоприходца» к общине и вводил ответственность за него поручившихся лиц. 4 ноября 1631 г. была дана поручная по шуянину Л.С. Шевалде: он обязывался «тягло всякое с миром платити и службы мирские служити и дурна никакова к миру не привести, и за князя и за боярина не заложится». В противном случае поручики должны были «его тягло тянути и подати всякие с миром платити».[366] Он скрылся из

---

[364] *Кондратьева Н.Д.* Посадские люди... С. 20. В качестве этого оформления Смирнов видел наличие определенной процедуры вхождения в сословие и выхода из него: *Смирнов С.Н.* Структура российского общества и проблема правосубъектности в XVII в.: возможные подходы к решению // Современное право. – 2006, № 10. – С. 108-112.

[365] Н.Д. Кондратьева выделяет в особую группу плативших оброк бобылей (хотя и отмечает, «грань между ними и посадскими людьми была наиболее тонкой»). Но еще М.Н. Дьяконов полагал, что платежеспособность бобылей определялась миром и в случае улучшения хозяйства община привлекала их к тяглу: *Дьяконов М.Н.* Бобыли в XVI и XVII вв. // ЖМНП. – Ч. 304. 1896, апрель. – С. 263-269, 275.

[366] ПДП. – № 240. – С. 238. При этом в писцовых книгах 1629 г. он не упоминается, зато фигурирует в судебном деле об избиении приказчика с. Дунилова в 1628 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 29. – С. 56-57. В одном комплексе с этим актом имеются поручные по Родиону Дементьеву (11 июня 1632 г.), Т.К. Аксенову (10 марта 1633 г.) и М.М. Иконнику (10 июля 1632 г.). Все они были получены рассыльщиками. Поручная Шевалды выбивается по формуляру: лишь в ней имеется клаузула об обязательстве «дурна никакова к миру не привести». В остальных упоминается лишь об обязательстве тянуть тягло и служить «государевы и мирские земские службы» (в

Шуи и был возвращен с помощью административных методов. Поручная выдавалась и в случае самостоятельного возвращения беглеца.[367] Однако подобная ситуация стала следствием «посадского строения» 1640-1642 гг. – до этого времени получение посадом поручной «государственного» типа было исключением.[368] Следовательно, для записи нового тяглеца в общину требовалась санкция государства. В случае насильственного возвращения тяглеца поручная предоставлялась непосредственному исполнителю. Согласно поручной записи от 17 октября 1641 г. в случае ухода фигуранта с посада на поручиках взималась пеня «что государь укажет».[369] Власть также могла представить льготы возвращенному лицу.[370] Поручные по «новоприходцах», являвшихся на жительство в посадскую общину «своей волей», должен был получать земский староста.[371] В марте 1656 г. шуяне Г.И. Утешев и В.И. Татаркин поручились земскому старосте по дворцовому крестьянину Мардасской волости В.Г. Ситнику.[372] 28 апреля 1656 г. 12 шуян дали земскому старосте

поручных по Аксенову и Иконнику речь идет лишь о «государевых службах»): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 71. Л. 1-4 об. Аналогичные поручные были получены по Г.М. Калашнику (25 марта 1628 г.), И.С. Конкову (25 марта 1628 г.), Данилу Окулову (1628 г., 29 октября), С.М. Осоке (1627/28 г.). Они давались по наказной памяти воеводы рассыльщику, занимавшемуся возвращением фигуранта («выручили есмя у шуйского россылщика Ивана Осипова»). Лишь одна была выдана десятскому Любиму Григорьеву (в данном случае выступившему в роли подручного воеводы). Формуляр всех одинаков: фигурант обязывался «тягло тянут и службы служити как ево ряд придет»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 69. Л. 1-3 об., 5-5 об.

[367] В 1638/39 г. из Шуи сбежал посадский человек Г.И. Кутаковский. После его возвращения в 1645/46 г. шуяне сообщали, что его отец «в Шуе жил и государеву службу служил и тягло тянул» и просили взять по нему поручную запись и причислить к посадской общине: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 81. – Л. 1-1 об.

[368] В челобитной на таможенного откупщика Д.И. Калинина (осень 1638 г.) шуяне напоминали аналогичный случай с А.Д. Хреновым, который заочно написал в поручную многих посадских людей и ушел в закладчики. Они просили о получении на нем поруки, чтоб ему «впред житии в Шуе на посаде, и тягло в государевы и наши во всякие мирские росходы тянут по окладу с нами»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 48. Л. 1-2 об. В данном случае поручная «государственного типа» выступает насущной необходимостью в связи с возможностью бегства Калинина. Он действительно бежал из Шуи (последний раз упоминается в переписных книгах 1646 г.) и был возвращен «свощиком» В.И. Колычевым в 1648/49 г.

[369] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 54. – С. 82-83. Поручиками по нему выступили сразу 20 шуян, в том числе и земский староста Ф.И. Колобов. Адресатом поручной выступал не земский староста, а владимирский стрелец, занимавшийся возвращением фигуранта в Шую. Аналогичные поручные выдавались по всем лицам, сведенным в Шую по сыску И.Ф. Акинфова. Формуляр был однотипным, поскольку записи оформлялись под контролем государственных чиновников и включал обязательство «государевы всякие подати платит и службы служит с товарыщи своими старыми шуйскими посадцкими людми вместе и впред с Шуи с посаду с тягла не бежат и ни в какие чины не стат и ни за кого не заложитца». В противном случае на поручиков ложилась не только пеня, но и «государевы всякие подати и службы» фигуранта: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 77. Л. 1-34 об.

[370] Согласно данной под двор возвращенному из Нижнего Новгорода К.М. Котельникову, данной И.Ф. Акинфовым 6 июля 1643 г., ему «дано в службе льготы на год, а как льготной год отойдет, служба служити с посацкими людьми вместе»: Там же. – № 59. – С. 85-86. Подобные льготы получили и «торговые и промышленные люди», приписанные к посаду в 1700 г.

[371] 30 апреля 1655 г. пятеро шуян поручились по бывшему церковному причетнику с. Титова, Андрею Прокофьеву, «что жити ему на посаде и из Шуи не збежать, и миру убытка никакова не привести, а жити ему в мире смиреньем, и государевы всякие службы служити, и подати всякия давать»: Там же. Т. 1. – № 31. – С. 176-177.

[372] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 93. – Л. 1-1 об. Он должен был «жит на посаде смиреньем и государевы всякия службы служит, всякия подати дават с шуяны посадцкими людми вместе, а из Шуи с посаду никуды на сторону жити не отходит и не бежат и к миру убытка никакова не довести». Такой же характер имела и поручная, данная

поручную по крестьянину Костромского Ипатьевского монастыря А.Б. Коновалову.[373] Во всех этих случаях поручители обязывались «сыскиват» беглецов. Таким образом, выданные общине поручные по формуляру мало отличались от поручных, выданных государственным служащим. Главным новшеством было введение контроля не только за выплатой тягла, но и за возможные убытки общины («к миру убытка никакова не довести»), а также за поведением новоприходца («жит ему на посаде смиреньем»).[374] Сравнивая эти поручные с поручной по Денису Лаврентьеву от 1 августа 1628 г., можно предположить, что введение клаузул о платеже тягла и уходе с посада было новшеством.[375]

8 января 1678 г. шуйскому земскому старосте Я.Ф. Голятину была дана поручная по С.Г. Скорняку.[376] 3 апреля 1682 г. пятеро шуян поручились земскому старосте Б.Т. Ломанову по крестьянам Д.Л. и Ф.Л. Поповым.[377] В этих поручных уже не фигурирует «смиренное житье» на посаде. О выделении клаузул в «смиренном житье» и платеже тягла в отдельные акты свидетельствует челобитная земского старосты 3 августа 1689 г. о получении с Н.К. Порываева поручных записей в платеже дворовых и оброчных пошлин и на жительство на посаде.[378] Пример поручной «на жительство» представляет поручная по И.З. и С.З. Тощихиным от 30

шуйскими посадскими людьми земскому старосте И.Г. Посникову 20 апреля 1656 г. по юрьев-польскому посадскому человеку Перфилию Иванову: ЛЗАК. Вып. 26. – № 346. – С. 254.

[373] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 347. – Л. 1-1 об. «В том, что жит ему в Шуе на посаде смиреньем и государевы службы служит и всякие подати дават с шуяны с посадцкими людми вместе, а из Шуи с посаду не збежат и к миру убытка никакова не довести».

[374] Ответственность за тягло беглого также ложилась на его поручиков. Нас не должно смущать обязательство лишь «сыскивать» беглеца – в ходе «посадского строения» также бралось обязательство в течение года «сыскивать» беглеца, а затем выплачивать тягло за него.

[375] 1 августа 1628 г. четверо шуян поручились земскому старосте по шуянину Денису Лаврентьеву, что «жит ему в Шуе на посаде за нашею порукою, корчмы и блядни не держати и иным никаким воровством не промышляти и убытка к посадцким людем не привести»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 86. Л. 1-1 об. Это поручная «в смиренном житии». Поскольку в дозоре 27 февраля 1623 г. Лаврентьев не упоминается, а в переписи 29 июля 1629 г. уже фигурирует, можно понять, что именно в этом промежутке он явился в Шую. Очевидно, именно в связи с этим и была получена отмеченная поручная. Отсутствие одновременной поручной в платеже тягла свидетельствует, что она не была насущной необходимостью. Лаврентьев «от худа дворишко свое покинул» в результате насилия крестьян с. Васильевского в 1637/38 г.: СбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 52. Л. 1. Однако через короткое время он вернулся (упоминается в обыске от 16 октября 1639 г. и поручных от 14 сентября 1642 г.).

[376] Он должен был «жити в Шуе на посаде с посадцкими людьми вместе, государевы подати всякие платить, и службы служить, и тягло с посадцкими людми тянуть вместе, из Шуи с тягла никуды не сбежать и дурна никакого не учинить»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 152. – С. 421-422; АЮБ. Т. 2. – № 257/2. – С. 786-787. Скорняк был принят в посад по челобитью переписчиком Д.И. Гурьевым, а поручились за него 14 посадских людей.

[377] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 179. – С. 437-438; АЮБ. Т. 2. – № 257/4. – С. 788-789. Новоприходцы обязывались «в Шуе на посаде живучи, к посадцким людем дурна никакого не привести, и с посадцкими людьми тягло и всякие подати платить», а также «очищаться» от вступщиков. В обратном случае «протори и убытки и всякие подати» взимались на поручиках.

[378] ЛЗАК. Вып. 26. – № 632. – С. 291.

апреля 1674 г.[379] Подобные записи выдавались и по «подсуседникам».[380] Отдельная поручная могла также выдаваться прежним тяглым обществом новоприходца.[381] Материалы последней четверти XVII в. свидетельствуют, что поручная земскому старосте не соотносится с поручной государственному чиновнику.[382]

Поручные записи взимались не только на «новоприходцах», но и на посадских людях, получавших землю «под селитьбу». Они были совершенно аналогичны поручным, взятым по «новоприходцам».[383] Земля «под дворовую селитьбу» и под другие хозяйственные постройки могла выделяться земской избой.[384] Одновременно бралась поручная, запрещавшая получившему землю лицу вывод ее из посада. 19 мая 1687 г. трое посадских людей дали земскому старосте поручную по С.С. Сыромятнику: ему «мирскими людми» было выделено порожнее место «по двор ему

---

[379] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 192. – Л. 1-1 об. Пятеро шуян поручились земскому старосте в том, что «жить им в Шуе смирно, никакова дурна не чинить, и с лихими людми не водитца, и приходу и приезду к себе никаким лихим людям не держати» и посадским людям «никакова дурна и убытку не привести».

[380] 9 января 1678 г. посадские люди О.К. Сыромятник с товарищи выдал поручную запись в жительстве на посаде по своему зятю А.К. Сыромятнику, а 21 августа 1678 г. П.И. Кузнец выдал поручную в жительстве на посаде Никиты Назарова, подсуседника Б.С. Кузнеца: ЛЗАК. Вып. 26. – № 512, 515. – С. 275.

[381] Получение подобной записи на крестьянах прежнего общества новоприходца связано с обязательством «очищаться» от вступщиков: эта клаузула могла быть включена в обычную «жилую» запись, как в случае с Поповыми, но могла быть предметом отдельной «поручной». С.А. Сыромятник жил в Шуе по поручной крестьян Всегодичской волости 1669/70 г., а 16 сентября 1690 г. крестьяне д. Сальников Суздальского уезда дали шуянам поручную запись по крестьянину этой деревни, С.А. Свешникову на жительство в шуйском посаде: Там же. – № 634. – С. 291.

[382] В декабре 1684 г. шуяне дали сказку относительно проживавших на посаде беглых крестьян. Они уверяли, что «на посаде в тягле живут пришлые а не беглые люди, а живут по отпускным помещиков и вотчинников своих и дворцовых сел и волостей крестьяня». Они платят тягло вместе с посадскими людьми, а в тягло были написаны «свощиком» Львом Юшковым в 1666/67 г. и переписчиком Д.И. Гурьевым в 1677/78 г. Сказку об этих людях шуяне подали новому переписчику А.Г. Жадовскому, который получил списки отпускных, после чего допросил фигурантов «и взял по них поручные записи что им Шуе на посаде житии с посадцкими людми вместе всякие подати платит и службы служит»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 34. Л. 1-2 об. Таким образом, Жадовский получил «государственные» поручные на людях, уже давно записанных в тягло и естественно, имевших «земские» поручные. Он получил их в октябре 1684 г.: по «росписи» земского старосты эти люди были «в Шуе на съезжем дворе роспрашиваны и с отпускных их взяты списки за руками», а затем получены поручные. Если формулярно эти акты были сходны с земскими поручными, то их фактическое содержание имело в большей степени формальный характер: по 11 «приходцам» поруки дали по двое шуян (еще один отмечен в общей переписи, но его поручики не обозначены): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 84. Л. 1-2.

[383] Цитированная выше поручная по Тощихиным от 30 апреля 1674 г. представляет собой поручную по шуянам: они не обозначены в «росписи тяглых приходцев», но фигурируют в переписных книгах 1677 г. в числе тяглых людей: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 157. – С. 175-176

[384] В памяти земскому старосте от 27 октября 1681 г. отмечено, что ему необходимо устроить торг «в дворовой земле», что была выделена земской избой под двор шуянину Паньке Огрыскову: Там же. – № 153. – С. 172. 11 ноября 1698 г. В.Я. Власов за 5 р. продал О.М. Солодовнику «хоромное строение на мирской земле». Несмотря на наличие у Власова избы, сеней, клети с чуланом, ворот и «бани с предбаньем», это «хоромное строение» не считалось двором. Оно непосредственно примыкало к избе Андрея Афанасьева («два передних перил перило от двора Андрея Афонасьева»), а другой стороны было ограничено «мирским огородом». Очевидно, эта земля была выделена «миром» Власову под «хоромное строение» (как и ранее Афанасьеву), но последний не сумел устроить двор и уступил строение Солодовнику. 29 мая 1705 г. вдова И.К. Мылникова за 7 р. продала Б.Т. Ломанову «гумно две доли в овине с мякиницею и городбою по старым межам, как дано мужу ее из земские избы». Несомненно, такое же происхождение имело гумно В.А. Гневышева, находившееся рядом с проданным объектом: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 8. Д. 50. Л. 4-4 об.; Там же. Д. 51. Л. 4-4 об.

на селидбу», а он обязывался землю «не продат и не заложит оприч дворового хоромного строения».[385] Вопрос о выделении посадскому человеку земли «под дворовую селидбу» рассматривался на мирском сходе и оформлялся мирским приговором.[386] Земля «под селитьбу» выделялась общиной при условии уплаты установленного оброка и запрещения вывода земли из посада. Практика принятия порук с новых тяглецов привела также к получению поруки и в случае перехода тягла при продаже двора.[387]

Однако окончательная санкция на выделение «государевой земли» под селидьбу принадлежала государственной власти. В ходе «посадского строения» она выделялась государственными агентами. В книге записи пошлин с земельных сделок 1699-1700 гг. сохранились сведения о данных «на порожние дворовые места». Одна из них была получена А.И. Коньковым из приказа Малой России 31 октября 1687 г. (оброк 4 ал.). Еще одна была получена 14 мая 1699 г. А.Я. Ковериным из приказа Галицкой чети «за рукой воеводы» (оброк 8 ал. 2 д.).[388] Согласно записной книге оброчным местам, о которых шуяне подали челобитные в 1700 г., «под дворовую селитьбу» было сдано 8 мест.[389] Тот факт, что право окончательного решения о сдаче «оброчного места» было закреплено за государством, иллюстрируется делом о земле, выделенной земской избой «под селитьбу» Панке Огрыскову:[390] в случае предложения большего оброка решение «мира» вполне могло быть пересмотрено. Встает вопрос о возможности продажи дворовых строений, земля под которыми принадлежала государству. На тяглой земле имели право жить лишь посадские люди

---

[385] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 274. – Л. 1-1 об. Оговорка о «дворовом строении» свидетельствует, что им можно было распоряжаться по своему желанию. Вследствие этого в дворовых купчих речь всегда идет лишь о «хоромном строении» на дворе, а величина дворовой и огородной земли в расчет не принимается.

[386] 19 мая 1687 г. С.С. Сырейщику под двор с огородом была выделена «порозжая селидебная дворовая земля» с условием платежа с нее оброка в земскую избу по сборным книгам «сколько мир положит»: Историко-юридические акты. № 54. С. 34.

[387] Очевидно, именно к этому виду относились упомянутые выше поручные по И.З. и С.З. Тощихиным, А.К. Сыромятнику и Никите Назарову. Такая же поручная бралась при найме двора: *Загоскин Н.П.* О праве владения городскими дворами в Московском государстве // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1877. № 1. – С. 82-83. 3 августа 1689 г. Н.А. Миронов продал двор на посаде Н.К. Порываеву и земский староста просил предоставить по нему три поручных: в доставке им сбежавшего с посада Миронова, в платеже дворовых и оброчных пошлин и на жительство в посаде: ЛЗАК. Вып. 26. – № 632. – С. 291. Как свидетельствуют переписные книги 1677 г., оба участника сделки были шуянами.

[388] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 205. – Л. 6-6 об., 11 об.-12.

[389] Б.С. Селиванову (2 ал. 2 д.), Анофрию Естифееву, Я.Т. Ламанову с детьми (по 3 ал. 2 д.), А.И. и П.И, Посниковым (4 ал.), Матвею Корнилову (6 ал. 4 д.), Г.Ф. Колотилову (7 ал.), П.А. Конкову, В.А. Кубасову с детьми (по 4 ал. 2 д.): Там же. Д. 210. Л. 1-8.

[390] 27 октября 1681 г. шуйский земский староста получил память воеводы М.С. Жихарева, в которой предписывалось устроить торг относительно этого места, поскольку челобитную о получении его на оброк подал Я.Ф. Голятин: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 153. – С. 172.

и дворы свои они имели право отчуждать лишь для членов посадской общины.[391] В случае если покупатель отсутствовал, в качестве такового выступала посадская община, «миром» выкупавшая двор (таким же образом происходил выкуп дворов, оцененных для возмещения убытков государству или частным лицам).[392] «Мирская» земля выделялась под двор сторонним людям по приговору общины.[393] 29 октября 1655 г. крестьянин Николо-Шартомского монастыря Корнило Еремеев продал свой двор на посаде крестьянину с. Всегодич Владимирского уезда С.А. Сыромятнику.[394] На первый взгляд, это может служить свидетельством свободного обращения дворов между посадскими и уездными людьми. Однако 29 мая 1659 г. Сыромятник (обозначенный в акте уже как посадский человек) продал тот же самый двор шуянину П.Т. Несмеянову за 3 р.[395] Очевидно, в посадские люди Сырейщик порядился при покупке двора у Корнила Еремеева.[396]

Вопрос о праве владения посадских людей своими дворами вызывал дискуссии. Н.П. Загоскин полагал, что «посадский человек, получив в оброчное владение двор, становился полным хозяином его»: община могла вступиться в его право лишь в том случае, если сделка с двором грозила ее интересам.[397] П.П. Смирнов уточнял, что «черные земли (волостные и посадские) – собственность государя, переданная в пользование тяглецам». Мир же «был коллективным

---

[391] До «посадского строения» встречались случаи отчуждения земли в пользу феодалов: С.И. Змеева, И.М. Барятинского, суздальского архиепископа, но в дальнейшем эта практика была ликвидирована.

[392] 30 января 1643 г. посадская вдова Офимья Федорова, жена Кузьмы Павлова, продала земскому старосте М.Г. Котельникову и земским целовальникам с товарищами «дворовые хоромы» на посаде «на государеве земле», получив за них 9 р.: Там же. – № 55. – С. 83. Следовательно, земля под постройками вовсе не считалась собственностью посадских людей. Целовальники конской площадки 1668-1670 г. недобрали 54 р. 3 ал. «конских денег» до оклада, не смогли компенсировать эту сумму и ее пришлось «заплатить миром всем шуянам». После этого выборные «ценовщики» оценили имущество целовальников (избы, амбры, бани и даже «угородное место» с 55 грядами «насеянного луку») и по рядной памяти воеводы И.С. Ушакова 11 июня 1673 г. шуяне получили право «теми оцененными хоромы волно владет и продать»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 125. – С. 143-144; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. К. 2. Д. 46. Л. 1-3.

[393] 9 марта 1654 г. крестьянин Н.К. Желтухина, С.А. Крестовник продал «хоромы свои дворовые» шуйскому земскому старосте С.Ф. Макарову. В купчей отмечено, что «мирская земля», на которой стояли хоромы, дана была ему под двор. Таким образом, земля была миром передана ему «под селидбу» а затем выкуплена также миром: Там же. Т. 1. – № 30. – С. 176. Очевидно, Крестовник был «приходцем», затем «порядившемся» в крестьяне к Н.К. Желтухину, вследствие чего свои «хоромы» на посаде он вынужден был продать «в мир».

[394] Там же. Т. 2. – № 82. – С. 107-108. Во дворе имелись изба, «анбарец» и баня с предбанником.

[395] ВГВ. – 1862. № 37. – С. 156. В переписных книгах 12 декабря 1677 г. он также фигурирует в числе посадских людей. Согласно росписи тяглых «приходцев», он был отпущен из дворцовой Всегодичской волости в 1660/61 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 157. – С. 175-176.

[396] Последний в переписных книгах 1677 г. значится дворником Николо-Шартомского монастыря. У него во дворе проживал его пасынок, посадский человек Мокей Яковлев. Нетрудно установить путь попадания к нему посадского двора – он женился на посадской вдове и после ее смерти продал его.

[397] *Загоскин Н.П.* О праве владения… С. 65. Таким образом, посадским людям он отводил роль собственников «дворовой и огородной» земли. Мнение свое он подтверждал тем, что «право наследования в черных дворах обслуживалось аналогично праву наследования в вотчинных дворах».

предпринимателем и съемщиком государевой земли».[398] Таким образом, спор о владельческих правах посадских людей на свои дворы замыкается вокруг вопроса, рассмотренного в ходе дискуссии 1960-1970 гг. о проблеме черносошного землевладения.[399] Поскольку близость юридического статуса поземельных общин посадских людей и черносошных крестьян установлена достаточно давно,[400] при решении нашей проблемы можно использовать итоги данной дискуссии. Краеугольным положением представляется мысль С.М. Каштанова о поземельном налоге, как государственном инструменте превращения собственников во владельцев,[401] поддержанная тезисом Л.В. Даниловой о коренном различии феодальной и капиталистической частной собственности на землю.[402]

Общеизвестно, что посадские люди свободно могли проводить любые имущественные сделки с дворами (купля, продажа, мена, заклад, дарение). Более интересным является вопрос о судьбе «выморочных» (или другим способом навсегда потерявших хозяина) дворов. Согласно упомянутому выше указу от 11 января 1657 г., «выморочные дворы» должны были переходить в распоряжение казны. Механизм их дальнейшего обращения раскрывает указ от 5 июня 1646 г. о реализации «отписанного на государя» за кабацкий недобор имущества кабацкого откупщика Л.И. Ляпунова: оно должно было оцениваться, а затем подлежало продаже желающим «на сторону поволно». В случае отсутствия желающих дворы было необходимо «до откупу в мир отдать».[403] Последнее означало, что «мир» уплачивал деньги за двор «до окупу» его хозяином (который оставался жить в своем дворе, являясь должником общины).[404] Однако в шуйских писцовых описях и переписных

---

[398] *Смирнов П.П.* Города Московского государства... Т. 1. – С. 43, 53-61.

[399] Подробная историография: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне… С. 73-90.

[400] *Градовский А.Д.* История местного управления… С. 146, 147, 149-150; *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 1. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – С. 225-238; *Хлебников Н.И.* О влиянии общества на организацию государства… С. 78, 83.

[401] *Каштанов С.М.* Феодальный иммунитет в свете марксистко-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1970. – С. 172-176.

[402] *Данилова Л.В.* Сельская община в Средневековой Руси. – М.: Наука, 1994. – С. 103-105.

[403] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 73. – С. 353-355; АЮБ. Т. 1. – № 55/9. – С. 262-267.

[404] Согласно росписи перемещений шуйских посадских людей «после писца» С.В. Клубкова-Мосальского (составлена в 1648 г.), «по государеву указу» были проданы три двора, оцененных в ходе дела о кабацком недоборе Л.И. Ляпунова: отца откупщика И.В. Ляпунова, в котором проживал и он, его поручителя – И.А. Сутермина, а также Я.О. Калашника (на нем имелся долг в 8 р. казенных денег, полученных взаймы от Ляпунова). Их хозяева были «взяты к Москве», а дворы проданы разным людям: двор Калачаника – С.Ф. Макарову, двор Ляпунова – В.П. и Б.П. Чубаровым, двор Сутермина – И.А. Обусину, который его «сполил (соединил – Е.Б.) своим двором вместе». При этом сын Колашника Яким оказался вынужден «кормится Христовым именем», а сын Л.И. Ляпунова Иван вместе с отцом был «взят к Москве» (его дед, хозяин двора, уже умер). Однако двор еще одного поручителя,

книгах отмечены многочисленные факты владения «выморочными» дворами и дворовыми местами разными лицами, получавшими их явно не с помощью описной выше процедуры:[405] они получали дворы и дворовые места из «мира» (условия получения остаются нам неизвестными). Об этом же свидетельствуют факты, изложенные в росписи перемещений шуйских посадских людей после переписи С.В. Клубкова-Мосальского (составленной в 1648 г.).[406] Наконец, согласно росписи шуйский посадских дворов после моровой язвы (май 1658 г.) лишь малая часть из 57 «вымерших» дворов была заселена родственниками прежних хозяев.[407] Совершенно определенно не связаны с прежними хозяевами были «приходцы» из Мардасской волости (16 дворов), отделившиеся от братьев и родителей шуяне (7 дворов) и чиновники (3 двора). Вызывает определенные сомнения связь с предыдущими хозяевами также шуян, статус которых не обозначен (15 дворов), и части вдовьих дворов (всего их 13).[408] Изложенные факты не оставляют сомнения, что право распоряжаться дворами и дворовыми местами, потерявшими своих хозяев, община оставляла за собой. Условия, ставившиеся при этом новым хозяевам, остались вне актового поля. Судя по всему, новым «насельникам» они выделялись на условиях «тягла и служб», а лицам, получавшим эти места для производственных нужд – с условием выплаты оброка.

Тимофея Аверкиева, остался в распоряжении его сына Андрея, хотя сам Аверкиев также был «взят к Москве» (согласно переписи 1646 г. Аверкием с сыном, как и Сутермин с сыном Федором, сидели в тюрьме). Несомненно, в данном случае двор был выкуплен общиной с обязательством сыновей Аверкиева оплатить долг: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 83. Л. 2-5.

[405] В описи 29 июля 1629 г. упоминаются дворовые места умершего Матвея Сапожника и Федора Васильева, имевшие новых владельцев. Согласно переписным книгам 1646 г., С.Е. Мидынин владел кроме своего двора, еще и соседним двором умершего А.Е. Ожога. Вдова Ивана Михайлова «перешла в пустой двор», которым ранее владел И.К. Свиньин «бежал с 7 лет и пропал безвесно». Л.В. Кожевник поставил рядом со своим двором «кожевенной двор для промыслу». Согласно переписным книгам от 12 декабря 1677 г., в «опалном» дворе С.Н. Скорняка жил С.А. Розмазин. В этих же переписных книгах обозначены 11 пустых дворовых мест, которыми владели новые хозяева, не связанные с прежними никакими родственными связями (А.А. Гневышев, И.Г. Посников, И.И. Котелников, Л.А. Котелников, И.З. Серебряник, Г.Г. Чичаев). И.К. Мылников владел двумя пустыми дворовыми местами, а Г.К. Шилов – сразу тремя, на одном из которых построил двор «для скотины». При этом дворовые места переходили по наследству: тремя местами умерших лиц владели родственники – 2 зятя и сын. Абсолютно одинаковая картина и с пустыми дворами: двором М.В. Хорошева владел сторонний человек И.З. Серебряник, а двором умершего Р.Т. Бабина – его дочери.

[406] Андрей Дмитриев в 1646 г. жил в наймитах у Г.А. Дурова, а к 1648 г. «перешел» во двор Тимофея Григорьева, который «после писца перешол в Лежнево». В.П. и Б.П. Чубаровы приобрели двор И.В. Ляпунова, а на их дворы перешли соответственно, Семен Селиверстов (пришел из Мардасской волости «в Шую на время») и И.Е. Пупышев (пасынок К.В. Мылника).

[407] Надежные сведения на этот счет имеются лишь относительно 5 дворов.

[408] Губной подьячий Тимофей Петров и рассыльщики Тимофей Андреев и Григорий Подрезов. Еще один двор попал к новому хозяину вместе с жильцами: двором Я.Г. и Н.Г. Осокиных владел И.В. Кожевин.

Однако всеобщность тягла вовсе не свидетельствует о равном статусе всех земельных владений. В этом отношении ключевой представляется проблема сочетания «оброчных» и «тяглых» земель. В городе она рельефно выступала в праве эксплуатации оброчных статей. На рубеже XVI-XVII вв. дети боярские Кашинцевы и Кайсаровы силой захватили угодья, пожалованные шуянам по грамоте 1575 г. 13 июля 1606 г. шуянам была выдана жалованная грамота, возвращавшая посаду все «выпускные земли» с мельницей.[409] В 1611/12 г. кн. Д.М. Пожарский освободил шуян от выплаты «с мельниц оброчных денег».[410] В дальнейшем в отписях при уплате «оброчных денег» за мельницу и перевоз речь всегда идет о двух мельницах, обложенных одной суммой.[411] 17 сентября 1628 г. шуйский воевода получил указание о сдаче откупщику обоих мельниц с «мелнишными заводы и перевозными судами».[412] Однако Дмитриев так и не получил откупа – шуяне добились возвращения им этой оброчной статьи. В 1649 г. тяглец мясницкой полусотни, С.И. Брусенин бил челом о сдаче ему на откуп шуйской оброчной мельницы на пять лет. Посадские люди немедленно подали встречную челобитную.

В результате длительных торгов шуяне сумели отстоять мельницы – соответствующий указ был направлен воеводе 29 ноября 1650 г.[413] В ходе разбирательства они ссылались на тот факт, что половина перевоза и мельница числилась «в угодье у них», а с оброчных статей они «платят оброк истари и до разоренья», причем «строенье та де их мельница и перевоз их посадцких людей».[414] Таким образом, представляя единый промышленный комплекс, мельница располагалась на противоположных берегах р. Теза, земли которых имели разный

---

[409] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 33, 77; Там же. – № 2. – С. 145-147.

[410] Там же. – С. 35-37; Там же. Т. 2. – № 6. – С. 294-295; Там же. Т. 3. – С. 402-404.

[411] Размер оброка был введен составлял 12 р. 12 ал. с двух мельниц и 3 р. 5 ал. с перевоза. Эта сумма вносилась в Галицкую четь 5 июня 1613 г., 7 мая 1620 г. (за 1618/19 и 1619/20 гг.), 28 января 1621 г., 28 января 1622 г., 5 июня 1623 г., 21 февраля 1624 г., 17 мая 1625 г., 21 июля 1629 г., 5 февраля 1631 г. 9 июня 1633 г., 10 марта 1634 г.: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. – Л. 1; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 19. – Л. 1-1 об.; Там же. – Оп. 2. Д. 15. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 24. – Л. 1-1 об; Там же. – Д. 30. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 33. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 35. – Л. 1-1 об.; Там же. – Оп. 1. Д. 45. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 59. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 60. – Л. 1-1 об.; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 40. – С. 331-332; АЮБ. Т. 2. – № 246/4. – С. 748-749. Еще в двух отписях (от 20 ноября 1641 г. и 9 января 1653 г.) речь идет о мельнице («меленке») в единственном числе, но в данном случае она рассматривалась просто в качестве единого промышленного объекта: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 71. – С. 94-95; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 101. – Л. 1-1 об.

[412] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 90. – Л. 1-1 об.

[413] ЛЗАК. Вып. 26. – № 292, 296, 307, 308. – С. 247-249; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 74. – С. 96-97. ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 97. – Л. 1.; Там же. – Д. 96. – Л. 1-9. Сумма годового оброка возросла до 46 р. 4 ал.

[414] ЛЗАК. Вып. 26. – № 292, 307, 308. – С. 247-249; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 74. – С. 96-97. ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 97. – Л. 1.

юридический статус. Неприкосновенным был статус земли, «жалованной» шуянам по грамоте 1575 г. 12 октября 1666 г. шуйские мельницы были сданы на откуп помещику А.А. Мещеринову, который предложил наддачу в 57 р.[415] Во встречных челобитных шуяне вновь ссылались на жалованные грамоты прежних государей, и дело вновь было решено в их пользу.[416] Осенью 1685 г. Л.П. и В.П. Кругликовы били челом о получении на откуп шуйских мельниц из наддачи в 5 р. Шуяне немедленно подали челобитную с просьбой не нарушать прежних жалованных грамот, и дело об откупе продолжения не получило.[417] 31 декабря 1695 г. шуйский воевода получил указ об организации торга об откупе мельниц посадских людей с Елисеем Соловкиным и стряпчим конюхом Данилой Бычковым. Однако 2 января 1696 г. в земской избе шуяне сообщили, что торга не принимают, поскольку на мельницы у них имеется жалованная грамота.[418]

12 октября 1702 г. владелица Холуйской слободы, кн. М.Д. Куракина выдвинула предложение о сдаче на оброк шуйских мельниц ее крестьянину с увеличением суммы оброка до 200 р. 17 октября суздальский бурмистр получил предписание об организации торга относительно мельниц. Однако шуяне «в торг не пошли», на том основании, что «теми мелницами и перевозом по жалованным грамотам велено им владеет вечно бес перекупки». «Наддача» Куракиной была признана «несостоятелной».[419] Наконец, в связи с указом от 21 января 1704 г. о переоброчке оброчных статей, на шуян была наложена огромная «наддача» (483 р. 24 ал. 4,5 д.), и они добровольно уступили мельницу откупщикам – холуйским крестьянам (после марта 1705 г.).[420] В ходе этого дела вопрос об «угодной земле» уже не возникал. 15 декабря 1709 г. в Шую был направлен указ о новой переоброчке, однако посадские люди бойкотировали это требование, и 26 декабря сообщили о разорении мельниц откупщиками. 23 марта 1710 г. мельницы были переданы

---

[415] ЛЗАК. Вып. 26. – № 433, 434. – С. 264.

[416] Оброк повысился до 103 р. 9 ал. 4,5 д.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 139. – Л. 1-2; Там же. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 12. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 446, 447. – С. 266. Указ о владении посадом мельницами «без перекупки» был отослан в Шую воеводе И.И. Боркову 30 октября 1667 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 77-78; Там же. Т. 2. – № 114. – С. 391-392.

[417] Там же. Т. 2. – № 165. – С. 183-184.

[418] Сказка шуян и список с жалованной грамоты в январе 1696 г. были направлены в Москву: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 29. Л. 1-3.

[419] ВГВ. – 1882. № 2. – С. 5-6; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 395. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 418. – Л. 1-2 об.

[420] ПСЗ. Т. 4. – № 1959. – С. 240-241; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 392. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 460. – Л. 1 об.-3 об.; Там же. – Д. 459. Л–. 2 об.-4 об.

шуянам, причем вся сумма, собранная сверх расхода на их эксплуатацию, переводилась на государственный счет.[421]

Подводя итоги борьбы посадских людей за свою оброчную статью, можно отметить, что вплоть до последнего ее этапа (1705 г.), посадские люди в качестве основного аргумента успешно применяли «жалованный» статус земли, на которой располагалась часть мельницы. Следовательно, в их юридическом сознании (поддержанном государством) он имел серьезные отличия от статуса другой части мельницы. Сведения о самостоятельном сооружении этого объекта «исстари» свидетельствую о том, что мельница появилась на посадской земле, еще не попавшей в феодальную юрисдикцию. Но при взаимодействии с государством статус «оброчной» земли оказался ниже, чем «жалованной» в 1575 г.

Интересно рассмотреть процедуру сдачи шуянам земли на оброк под другие промышленные объекты. Главным из них были лавочные места. В 1619 г. шуяне платили полавочный оброк «с таможенными денгами вместе».[422] В ходе переписи 1629 г. сменился и размер и адресат оброка (теперь он должен был вноситься в Галицкую четверть).[423] Переписчиками была проведена массовая переоброчка различных статей, свидетельствующая о разном отношении «мира» и государства к оброку.[424] Если мир выделял земли по промышленные объекты (кузницы, мыльные варницы, солодовенные мшаники, огороды, дворы) своим членам по мере необходимости (поскольку эти объекты были залогом их состоятельности), то государство рассматривало все оброчные объекты, как источник дополнительного дохода. Оно ретранслировало этот взгляд на общину, и она восприняла его. В

---

[421] Таким образом, мельницы превращались в казенные владения: Там же. – Д. 537. – Л. 1; Там же. – Д. 562. – Л. 1-2 об.; Там же. – Д. 546. – Л. 2-3 об.; Там же. – Д. 574. – Л. 1-1 об.; ВГВ. – 1877. № 4. – С. 2-3. Еще одна попытка передачи мельниц откупщикам, предпринятая в феврале 1711 г., провалилась в результате завышенной суммы оброка.

[422] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 538-539. В сказке шуян писцу А.И. Векову в 1629 г. также отмечено, что шуяне платят «с лавочных мест в таможню»: *Борисов В.*А. Собрание трудов. Т. 3. – С. 150-151.

[423] Это вызвало определенные затруднения в сборе. Шуяне не заплатили его за 1632/33-1636/37 гг. и 6 января 1637 г. воевода И.В. Кирикрейский получил предписание собрать эти деньги за все пропущенные годы: ВГВ. – 1840. № 11. – С. 43-44; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 38. – Л. 1-2; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 167. – Л. 1-7 об.

[424] 28 ноября 1629 г. шуяне дали переписчикам сказку относительно оброчных статей в городе. По их словам, «дворовым пустым местам и огородам оброчных книг у нас нет, в земскую избу оброка никакова мы не збирывали, а у которых у посадцких людей у дворов огородов нет или у кого огородов немного и тем людем к их дворам дано земли под огороды за посадом и от тех огородов они пашнею кормятца, а с тех огородов всякие государевы доходы платят и службы всякие служат». Такая же ситуация сложилась с кузницами, мыльными поварнями и солодовенными мшаниками (с них «оброку не бывало», поскольку их владельцы «тем ремеслом кормятца то у них промысел, с того они государевы всякие доходы платят и службы служат»): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 6 Л. 1-3 об.

дальнейшем число оброчных объектов в городе не слишком изменялось: к 1699 г. оброк дополнительно взимался с двух лавок, двух амбаров, трех скамей, шалаша, полка, и с двух дворовых мест.[425] Сдача земли под торговые объекты производилась по предварительному челобитью. 27 октября 1681 г. шуйский земский староста поучил память воеводы М.С. Жихарева, в которой предписывалось устроить торг относительно места, челобитную о котором подал Я.Ф. Голятин.[426] Также ему требовалось выяснить статус места.[427] В этом случае и могло возникнуть столкновение «оброчных» интересов челобитчика с «тягловым» интересом общины. 19 августа 1695 г. воеводе была направлена грамота о сдаче И.Г. Шилову на оброк порожнего места между р. Тезой и дорогой. В ответ шуяне жаловались, что этой землей они владеют «по жалованным грамотам». Однако в октябре 1696 г. воевода сообщал, что требуемое место отдано им на оброк Шилову, поскольку земский староста «крепостей на то место никаких не явил».[428] Характерно, что оброчная земля не была закреплена за получившим ее владельцем и могла продаваться другому (естественно, с сохранением выплаты оброка).[429]

Столь сложная процедура сдачи на оброк «порозжей земли» имела следствием весьма небольшое число желающих получить ее. Подобная ситуация никоим образом не устраивала казну. В сентябрьском указе 1699 г. о городовой реформе земской администрации предписывалось «осмотрет и описат все имянно» оброчные

---

[425] 20 ноября 1641 г. лавочный оброк был уплачен с того же числа объектов, 9 января 1653 г. – отмечен дополнительный сбор с новопоставленных лавки, шалаша, трех скамей, а также с полка, с амбара под земской избой и пустого места, отданного в оброк под солодяной амбар: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 71. – С. 94-95; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 101. – Л. 1-1 об.; Там же. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 116. – Л. 1-1 об. Эти объекты отмечены также в отписях от 18 января 1659 г. и за 1683/84 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. С. 70; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 582. – Л. 1-1 об. В указе о городовой реформе от сентября 1699 г. упоминается еще о сдаче 17 и 19 августа 1695 г. И.Г. Шилову и С.Ф. Демину мест под дворовое строение (оброк 45 д. с места), а 14 марта 1696 г. Я.Ф. Голятину «порозжего места» под лавку в Шуе на торговой площади: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 328. – Л. 17-18. Указание о сдаче пустого места на оброк Голятину шуйский воевода Ф.И. Пивов получил 15 марта 1696 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 642. – С. 292-293.

[426] Для этого требовалось «учинить посацким людям сход, а на сходе память вычесть всем вслух», чтобы те, кому место «понадобитца» явились на торг приказной избе перед воеводой к 29 октября: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 153. – С. 172.

[427] 18 мая 1696 г. земский староста получил указание от воеводы Ф.И. Пивова учинить обыск о пустом месте, находившемся на торговой площади, о котором бил челом Я.Ф. Голятин: «не на оброке л за кем, и кто тем местом не владеет ли, и нет ли у кого на то место крепостей»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 304. – Л. 1-1 об.

[428] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 226. – С. 463-464. В челобитной посадские люди отмечали, что в случае сдачи этого места на оброк, «им будет утеснение», поскольку на этом месте бывает «молебное пение» во время крестного хода, а также к нему «бывает струговое пристанище и выгрузка товаров».

[429] 14 апреля 1701 г. С.Ф. Демин «поступился» А.Ф. Дорожаевскому «оброчной дворовой землей», полученной им по грамоте из Галицкого приказа в 1694/95 г. «под дворовую селидбу» из оброка 8 ал. 2 д. в год. Он получил «за росчиску и за строенье» этой земли 9 р., но никакого «хоромного строения» на ней не отмечено. Следовательно, она была необходима ему совсем для иных целей: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 8. Д. 50. Л. 9-9 об.

статьи в Шуе и в случае появления желающих отдавать оброчные статьи «с торгу, с опщаго всех мирских людей совету, усмотря как бы было прибылнее».[430] Новый порядок вызвал целый поток просьб о сдаче «порозжих мест» на оброк под разные промышленные объекты.[431] Сохранилась записная книга оброчным местам, о которых шуяне подали челобитные в 1700 г.[432]

Таким образом, выясняется, что имелось два пути получения мест «под дворовую селидбу»: от посадской общины и от государственной власти. Мир имел право выделять дворы на тяглой земле, государственная власть – на оброчной. Подобный порядок вызывал столкновения с интересов мира-тяглеца и государства, стремившегося «пооброчить» наибольшее число объектов. Наиболее явно эти конфликты проявились в деле 1681 г., когда относительно места, уже выделенного «под селидбу» земской избой был устроен торг по челобитной Я.Ф. Голятина, и в деле 1696 г., когда И.Г. Шилов получил «под селидбу» оброчное место, которое шуяне считали тяглым. В обоих случаях отсутствие «крепостей» у шуян помогало выиграть дело оброчнику. Следовательно, в случае сопротивления общины, отказывавшейся выделять землю тяглецу, следующей инстанцией являлась воеводская изба (московский приказ), которые обладали правом сдачи оброчных земель. При этом оброчные и тяглые земли четко разграничены не были. Тяглой считалась вся земля, зафиксированная в качестве таковой в документах.[433] В случае отсутствия «крепостных актов» на землю, она объявлялась оброчной. Но община естественно, включала в тягло всю землю, использовавшуюся в «мирском»

---

[430] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 328. – Л. 3-4.

[431] 29 октября 1700 г. посадский человек З.К. Несмеянов бил челом о получении «порозжего места» под амбар за годовой оброк в 8 д. Д.В. Носов просил о сдаче под амбар пустого места «в Зарядье у гостинова двора» за 12 д. А.А. Гневышев бил челом о сдаче ему «порозжего места» в Загостинском десятке под сенной сарай за 2 ал. Т.Ф. Дырин бил челом о сдаче ему «порозжего места» в Загостинском десятке под амбар за 10 д. В 1701 г. Я.Ф. Голятин бил челом об отводе ему под лавку пустого места на торговой площади: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 328. – Л. 3-4; Там же. – Оп. 2. Д. 213. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 215. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 220. – Л. 1-1 об.; Там же. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 48. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 742. – С. 305.

[432] Под огород было получено 2 места (по 14 д.), под «дворовую селидбу» – 9 мест (два – по 26 д., два – по 20 д., а также за 24 д., 34 д., 42 д., 14 д. и 12 д. Остальные 20 мест шуяне получили под амбары (13 – по 10 д., 3 – по 12 д., 2 – за 16 д. и 2 – за 8 д.): ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 210. – Л. 1-8. См. прил. 13. Сведений о статусе двух сданных мест не сохранилось, они восстановлены по смыслу. Корреляция объема оброка и площади «сданной земли» отсутствовала: 143 кв. саж. «под селидбу» были сданы Г.Ф. Колотилову за 42 д., а 189 кв. саж. для тех же целей Б.С. Селиванову всего за 14 д. То же самое касается амбаров: место на 14 кв. саж. Н.К. Мылников получил за 10 д. в год, а место в 9 кв. саж. И.А. Телин – за 12 д. Можно предположить, что при начислении объема оброка учитывалось местоположение участка и результаты торга.

[433] В тяжбах об «угодной» мельнице шуяне ссылались на жалованную грамоту 1575 г., а в деле о «порожнем месте» между р. Тезой и дорогой 1695 г. у них «крепостей» на эту землю не оказалось

хозяйстве. Однако столкновения с государством эти притязания не выдерживали.[434] Итак, посад имел возможность распоряжаться находившейся на своей территории землей лишь до тех пор, пока это право не вступало в конфликт с государственными интересами. Лица, не добившиеся санкции общины на выделение земли «под дворовую селидбу», обращались в приказную избу или в Москву и получали требуемую землю «из оброка». При этом они включались в тяглую общину и обязаны были тянуть тягло вместе с ней.[435] Резкий всплеск просьб о сдаче оброчных мест был порожден именно указом 1699 г.: прежде челобитная воеводе о сдаче на оброк «порозжего» места обычно порождала конфликт с общиной, терявшей право распоряжения им, однако новый порядок предоставлял оброчнику автоматическую защиту государства.

Рассмотренное положение дел имеет прямое отношение к проблеме сочетания оброка и тягла. Согласно рассуждениям А.С. Лаппо-Данилевского, оброк был частновладельческой повинностью, примененной в государственном хозяйстве в качестве стимула внутренней колонизации.[436] А.И. Копанев увидел попытки ограничить освоение крестьянами оброчных земель, как своей собственности, поскольку «они считались землями великого князя», однако констатировал их неудачу.[437] В целом дискуссия об оброчных землях замкнулась в рамках исследования аренды в качестве показателя экономического развития общества, а не выяснения различия статуса оброчных и тяглых земель.[438] Шуйские материалы

---

[434] И.Ф. и А.Ф. Конковы 31 октября 1687 г. получили «под селидбу» пустое «дворовое место, где преж сего был построен у посадцких людей двор для губных старост», а А.Я. Коверин 14 мая 1699 г. – дворовое место, «где построился заплечный мастер Федка Матвеев». В обоих случаях земля с точки зрения государства прежде не была «тяглой» – двор для губных старост был построен «для утеснения посацких дворов» и по челобитной 1679/80 г. оставлен шуянам «для приказных людей постою», а казанский новоприходец Ф.М. Шапошник «построился» без государственной санкции. В переписных книгах 12 декабря 1677 г. он упоминается в числе тяглецов, а должность палача в последний раз исполнил в 1701 г.: Историко-юридические акты XVI-XVII вв. – № 81. – С. 45. Однако уже в февральских окладных книгах 1703 г. он не упоминается. Очевидно, двор он покинул именно после передачи его «дворового места» А.Я. Коверину.

[435] За исключением оброка, который выплачивали не в земскую, а в приказную избу. Очевидно, именно таким образом получали самостоятельность некоторые посадские тяглецы в первой половине XVII в., однако после Уложения 1649 г. этот путь для них был перекрыт. О наличии таких лиц упоминает А.С. Лаппо-Данилевский, не уточняя путей появления этой категории: *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения… С. 122-123. Оба тяглеца, получивших «под селидбу» оброчную землю в 1695 г. (И.Г. Шилов и С.Ф. Демин) и восемь тяглецов, получивших землю под дворы по оброчной книге 1700 г., упоминаются в оброчных книгах первого десятилетия XVIII в.: окладной книге 1703 г. и «подводной» книге.

[436] Там же. С. 18-24.

[437] *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. – Л.: Наука, 1984. – С. 18-23.

[438] Подробный обзор см.: *Швейковская Е.Н.* Указ. соч. С. 155-162. Для решения этого вопроса первостепенное значение имеет статус вятских оброчных земель в XVII в. Там оброчные крестьяне составляли отдельные от тяглых общины с собственным самоуправлением и отдельной системой повинностей: *Ряпухина Т.А.* Оброчные

указывают на главное отличие статуса тяглой и оброчной земель. Первая являлась неотъемлемой собственностью тяглеца (посада), тогда как оброчную землю мог получить любой держатель, предложивший повышение оброка. При этом вся земля принадлежала государству, а тяглое и оброчное держание – лишь формы пользования ею.[439] В данном случае четко проявляется «разделенная» природа земельной собственности общины: она могла распоряжаться «тяглой» землей, но сам статус земли регулировался государством, при необходимости легко «оброчившим» не эксплуатируемые угодья. Оброчные земли являлись не только средством экономического стимулирования, но и инструментом давления на общину.

Обращение дворов между посадскими людьми было вполне свободным. Могли заключаться и внутрисемейные сделки на наследственную часть двора,[440] и других промышленных объектов.[441] Однако процесс осуществления сделки вызывал трудности, поскольку до определенного момента официальная регистрация ее отсутствовала.[442] Согласно указу от 10 мая 1680 г. «всякие крепости, даные и рядные

земли на Вятке в XVII в. // Русское государство в XVII в. – С. 39-49; *Спицын А.А.* Оброчные земли на Вятке в XVII в. – Казань: Типография Императорского университета, 1892. – С. 17-41.

[439] Весьма рельефно различие восприятия статуса оброчной земли миром и государственной властью выразилось в ходе введения пошлин с земельных и имущественных сделок указом от 9 июля 1693 г. Согласно целому ряду указов 1691-1693 гг. «всякие крепости» на дворы, торговые места, амбары, кузницы, пустоши и иные «оброчные и безоброчные статьи» должны были фиксироваться в приказной избе. Все прежние крепости также необходимо было представить в избу и уплатить пошлины с них (3 д. с рубля). Однако земский староста в челобитной напоминал, что пустошей у шуян нет, мельница была построена по государеву указу, посадскими дворами, огородами, амбарами и торговыми местами они владеют по писцовым книгам «и по купчим прадедов и дедов и отцов своих», и со всех этих объектов платят оброк в казну «по вся годы бездоимочно». Указом 9 июля 1693 г. старые крепости «в съезжую избу для записи имать» и собирать с них «неволею» пошлины воеводе запрещалось, но все новые имущественные акты с 1692/93 г. должны были фиксироваться в приказной избе и облагаться пошлиной: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 14. Л. 1-3. Таким образом, все обложенные оброком объекты в правосознании посадских людей полагались неотъемлемой собственностью держателя, тогда как государство считало возможным распоряжаться ими, как своим имуществом.

[440] 31 октября 1693 г. шуянин Моисей Афанасьев Телин продал свою треть двора в Шуе двум свои братьям, подворным соседям, шуянам Федору и Ивану Афанасьевым Телиным. Речь идет о наследственном владении, разделенном братьями после смерти отца: Историко-юридические акты. – № 77. – С. 44. 27 февраля 1698 г. И.И. Черствов продал своему брату М.И. Черствову за 20 р. свою «долю дворовой и огородной земли» в отцовском дворе. 19 февраля 1700 г. 10 марта 1701 г. В.Б. Бабин за 4 р. продал К.К. Демину «треть двора с огородом достальную» (две другие трети были к этому времени уже выкуплены Деминым). 15 июля 1701 г. И.А. Лобанов за 9 р. приобрел у А.С. Осокина «треть двора жилую с хоромным и з дворовым строением и с кузницою» (причем жилая треть находилась во дворе И.А. Лобанова). В данном случае речь идет о дворе трех братьев Лобановых, разделенном на доли. Одна из них была заложена и просрочена М.А. Лобановым, но его брат И.А. Лобанов выкупил ее, «объединив» двор в своем владении.

[441] В 1701 г. человек И.К. Мыльникова за 3 р. приобрел половину шалаша «в крашенинном ряду» у дуниловского крестьянина И.Ф. Серебреникова. А 29 мая 1705 г. вдова И.К. Мыльникова продала Б.Т. Ламанову «гумно две доли в овине».

[442] 17 марта 1649 г. Л.А. Котельников сообщал, что менялся с шуянином А.Н. Хвостовым «двор на двор». Он «изготовя купчую на свой двор ему Андрею давал при многих людех и ходил с тою свою купчою за ним с неделю». Однако Хвостов купчей не принял и на свой двор купчей Андрееву не давал. Таким образом, сама сделка уже была совершена, но письменно не зафиксирована и Котельников стремился юридически узаконить ее: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.

и купчие и поступные записи» требовалось регистрировать в приказной избе.[443] В связи с городовой реформой осенью 1699 г. эта функция была доверена шуйским земским бурмистрам.[444] Сохранились книги записи пошлин с дворовых сделок за декабрь 1699 – декабрь 1700 гг., март 1701 – июнь 1702 гг., июнь-декабрь 1705 гг.[445] Они свидетельствуют, что объемы обращения «дворового строения» в посадской общине на рубеже XVII–XVIII вв. были довольно высокими и основательно превышал оборот промышленных объектов. Всего в этих книгах зафиксировано 54 сделки.[446] Из них 5 касаются лавок (еще одна – шалаша), 3 – огородной земли, 3 – «дворового и хоромного строения», еще по одной – «кладового анбара», гумна и оброчной земли. Остальные 36 актов фиксировали операции с дворами и огородами (или их частями).[447] В случае если объект уже фигурировал в записных книгах, с участников сделки бралась половинная пошлина.[448] Можно отметить несколько «парных» сделок.[449] Предметом купли становилась также разработанная садовая и

---

[443] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 167. – С. 429; ДАИ. Т. 8. – № 81. – С. 288-289; ЛЗАК. Вып. 26. – № 535. – С. 278. В случае отсутствия регистрации в суде объявлялись «крепости не в крепости и купчие не в купчие». Пошлины с данных и рядных записей составляли по 3 ал. с человека, а с купчих и поступных записей – по алтыну с рубля суммы сделки или неустойки.

[444] Характерно, что в Ростове «инициаторами появления городовых записных книг по отчуждению объектов собственности выступили сами посадские люди». Они впервые фиксируются с 1693 г.: *Булгаков М.Б.* Ростовская книга «записным крепостям» конца XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2003. – Ростов, 2004. – С. 255-259.

[445] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 205. – Л. 1-30; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 8. Д. 50. Л. 1-9 об.; Там же. К. 2. Д. 62. Л. 1-4 об.; Там же. К. 8. Д. 51. Л. 1-5 об. См. прил. 14.

[446] За исключением двух данных на дворовые места и «полюбовной раздельной записи» наследников К.В. Демина (11 октября 1700 г.), их число сокращается до 51.

[447] Дворы без огородов отмечены лишь в 9 случаях. В одном случае фигурирует двор с «мылным заводом и поваренным котлом». Дипломатический анализ подобных актов проведен М.Б. Булгаковым: *Булгаков М.Б.* Ростовские купчие конца XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2004. – Ростов, 2005. – С. 170-175. Отметим, что в шуйских документах клаузульный состав актов по сравнению с ростовским сильно унифицирован: нет указания на состав имущества объекта, в ряде случаев (7) нет указания на его площадь, полностью отсутствуют клаузулы о юридической принадлежности объекта («из тягла в тягло»), и указание на поручиков и послухов при сделке. Отсутствие последних трех клаузул было связано с однородным составом шуйского посада – в Шуе не наблюдалось «смешанного проживания с посадскими людьми представителей разных сословных групп городского населения», зафиксированного в Ростове.

[448] Всего зафиксировано 14 таких сделок (до декабря 1699 г. они фиксировались в приказной избе). Две не имеют определенной датировки: «в прошлых годех в Шуе в приказной избе» (двор О.М. Солодовника), «в прошлых годех» (двор В.С. Загребина). Остальные датируются: 28 декабря 1692 г., 18 июля 1694 г., 1695/96 г. (двор С.С. Ненилина), 27 февраля 1698 г., 10 октября 1698 г.,30 марта 1699 г., 11 мая 1699 г., 24 февраля 1700 г., 1 июня 1700 г., 7 июля 1700 г., 14 августа 1700 г., 1701 г. (треть двора, просроченная А.С. Осокину М.А. Лобановым). Как видим, к рубежу XVI-XVIII вв. плотность подобных сделок резко возрастает.

[449] 27 февраля 1698 г., 19 февраля и 25 марта 1700 г. (И.И. и М.И. Черствовы); 12 апреля и 15 октября 1700 г. (И.А и Ф.А. Коньковы); 8 июня, 15 июля и 2 августа 1700 г., 1 января 1702 г. (И.А. Розмазин); 28 октября 1700 г. (П.К. Демин и К.Г. Соин); 29 ноября 1699 г., 10 января и 20 сентября 1700 г. (С.А. Загребин, Ф.Л. и Т.Л. Нестеровы); 10 января и 26 июня 1702 г. (Г.Л. Панин); 11 ноября 1698 г. и 29 марта 1699 г. (В.Я. Власов и О.М. Солодовник); 10 марта и 12 мая 1701 г. (К.К. Демин); 4 июня и 13 сентября 1705 г. (Я.К. Слугин); 29 мая и 27 декабря 1705 г. (вдова И.К. Мыльникова); 8 ноября 1699 г. и 10 декабря 1700 г. (И.М. Котельников).

огородная земля.[450] Наконец, предметом купли могло выступать «дворовое и хоромное строенье» на определенных условиях.[451] Высокому обороту дворов способствовала и их невысокая цена.[452] Поскольку земля под дворами была «государева», цена двора напрямую зависела от стоимости «хоромного и дворового строения», а не размера земли. В наших источниках четырежды зафиксированы крупные сделки с дворами: на 80, 60, 50 и 45 р., еще 12 раз – сделки на средние суммы (33, 25, 22, 18, 16, 15 и дважды – по 26 и четырежды – по 20 р.). Размер остальных 20 сделок был весьма невысок – от 3 р. 4 д. до 12 р.

Высокий оборот дворов связан с тем, что «дворовое строение» для значительной части посадских людей являлось единственным ценным имуществом. Следствием этого было и значительное закладных сделок на дворы. Часть их них отражена в записных книгах сделок.[453] При этом во дворе мог проживать его бывший хозяин вплоть до уплаты долга.[454] Резкий всплеск «дворового оборота» на рубеже XVII-XVIII вв. препятствовал продолжению подобной практики. 9 ноября 1697 г. шуянин А.К. Коньков заложил И.И. Смолянинову свой двор «с хоромным строеньем» за 1 р. Однако денег на срок он не заплатил, и «в том дворе и в хоромном

---

[450] 19 апреля 1700 г. В.И. Тюленев за 4 р. продал Б.И. Войнову «огородную прикупочную землю с яблонями»; 12 июля 1702 г. наследники И.И. Смольянинова за 23 р. продали огородную землю И.Г. Шилову; 21 сентября 1705 г. О.М. Солодовник за 8 р. продал огородную землю А.Б. Ламанову. Сведения о многочисленных сделках такого рода также содержатся в раздельной записи наследников К.В. Демина (11 октября 1700 г.). Вдове с дочерью досталась треть во дворе и огороде «с прикупочной землей», Петру – 95 гряд «Татьянинского огорода», Алексею – «Мясищевский огород» и под двор огород «Кокушкинский», Кузьме – 40 гряд «Подшиваловского огорода» и купленный двор Н.И. Мылникова, а Григорию и Федору – две трети отцовского двора с огородом. Остальные два огорода – «Семеновский и Татьянинский» были разделены ими по жеребьям.

[451] 22 мая 1700 г. А.И. Дорожаевский приобрел за 7,5 р. у воздвиженского попа и его прихожан Л.А. Котельника «с товарищи» дворовое строение «в Заболотье, что Иван Архиповский отдал при смерти на поминовение Воздвиженской церкви», в котором проживал С.С. Сырейщик, а 24 сентября за 8 р. продал его Матвею Корнилову (вместе с жителем). Условия духовной Архиповского прозрачны – Сырейщик «по смерть» имел право проживать во дворе, но не имел возможности завещать его своим наследникам – двор переходил церкви.

[452] Она весьма слабо коррелировала с размером огородной земли: Г.К. и И.К. Бабины купили двор площадью около 110 кв. саж. за 45 р., а К.К. Демин – двор площадью 300 кв. саж. всего за 8 р.

[453] 28 ноября 1700 г. А.А. Гневышев продал двор, полученный им из приказной избы «за долговые деньги» Ф.И. Саратовцева. С.Г. Скорняков 8 июня 1700 г. выкупил двор, полученный А.В. Размазиным 18 июля 1694 г. по «данной владелной памяти» из приказной избы в результате просрочки займа (12 р.). Однако хозяин уплатил 7 р. «в прошлых годах», а остальные деньги – 8 июня, и получил его назад. С.А. Загребин 29 ноября 1699 г. продал двор, полученный им «по просрочке за заемные деньги» в 1698/99 г. 15 июля 1701 г. И.А. Лобанов за 9 р. приобрел у А.С. Осокина «треть двора с кузницою», ранее полученную последним по просроченному закладу М.А. Лобанова. 1 января 1702 г. И.А. Розмазин за 4 р. продал двор, полученный его отцом по просрочке заклада от И.Н. Иконника.

[454] Подобный механизм был применен в описанном выше случае выкупа двора С.Г. Скорняковым. 18 октября 1626 г. шуянин С.И. Протянихин жаловался на племянницу своей жены Дарью. В 1624/25 г. сестра его жены, «отходя сего света», приказала его жене «животы». Однако все имущество оставалось у ее дочери, хотя у Протянихина имелась кабала в 12 р. на ее двор. Следовательно, он был заложен ему еще до смерти: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 30. – С. 318.

строенье живет насильно». Смолянинов обратился к воеводе Г.И. Тулубьеву.[455] Подобная ситуация в тот же период сложилась также между С.А. Загребиным и М.О. Сыромятником, Г.Ф. Жуковым и Ф.И. Лисиным, А.С. Осокиным и М.А. Лобановым, О.М. Солодовником и Е.Г. Утешевым, П.М. Тройниковым и М.Ф. Софоновым, С.Ф. Деминым и А.И. Посниковым.[456] Увеличение оборота дворов в посаде в начале XVIII в. можно напрямую связать с социально-экономическими потрясениями в ходе петровских реформ: для части посадских людей «хоромное строение» было наиболее ценным имуществом.[457]

Важной составляющей тяглового единства посадской общины была «выпускная земля», принадлежавшая всему обществу и использовавшаяся им в качестве промысловых угодий.[458] Эта земля являлась предметом перманентного спора между посадом и соседними помещиками. Процесс эксплуатации пахотной земли характеризуют мирские приговоры, принятые в земской избе «на сходке» 10 апреля 1681, в апреле 1691 г. и в мае 1717 гг.[459] В 1681 г. шуяне «приговорили разделить пахотную землю во всех шуйских трех полях по своим тяглам впредь на десять лет, до мирскаго ж разделу».[460] Отдавать пахотную землю сторонним людям «по свойству, по дружбе или в наем» было запрещено. В случае нарушения запрета

---

[455] Там же. – № 195. – С. 207-208.

[456] 3 июля 1702 г. С.А. Загребин жаловался на М.О. Сыромятника, в 1698/99 г. (срок 9 мая) и 1699/1700 г. (срок 1 сентября) взявшего у него 2 заемные кабалы на сумму 4 р. 26 ал. 4 д. и заложившего за них ему двор с огородом «а буде денег на срок не заплатит, то кабала на двор и купчая». Однако условий Сыромятник не выполнил и «после просрочки во дворе жив многое время, ехал из Шуи в понизовые города», а жена его «живет в том дворе и гноит» его. Загребин просил не выселять жену, а предотвратить возможные сделки с двором. После же явки Сыромятника «он в том дворе и истец». 22 марта 1701 г. в земской избе было принято решение передать имущество Ф.И. Лисина – «закладной двор и всякое строение и мылный завод» шуянину Г.Ф. Жукову, поскольку первый просрочил ему долг в 59 р. 9 ноября 1699 г. М.А. Лобанов занял у А.С. Осокина 7 р. под залог трети двора, а 23 августа 1700 г. и 26 марта 1701 г. Осокин бил челом о просрочке долга. 10 июня 1700 г. шуянин Е.Г. Утешев занял у О.М. Солодовника 10 р. под залог двора. 22 ноября Утешеву был учинен допрос о причине просрочки, а в следующем году заемщик вновь бил челом о просрочке долга. В записной книге судебных дел земской избы 1705 г. упоминаются дела по челобитной И.И. Софонова на П.М. Тройникова в завладении им двором родственника истца, М.Ф. Сафонова (цена 6,5 р.), а также по челобитной С.Ф. Демина на А.И. Посникова в «закладном ево просроченном дворе по закладной памяти» на 49 р. Когда 15 сентября 1718 г. был ограблен амбар Солодовника, «воровские люди» похитили купчие на дворы шуян С.С. Селиванова, А.Г. Ивкина и А.К. Тюликова: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 217. – Л. 7 об.-8; Там же. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 51. – Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 8. Д. 51. Л. 6; ЛЗАК. Вып. 26. – № 658, 678, 699, 711, 726, 746. – С. 295, 298, 300, 301, 303, 305; ВГВ. – 1877. № 47. – С. 3-4.

[457] Соответственно, свободная купля-продажа его, ранее служившая (в силу малого объема) механизмом социальной защиты низов общины (заложившее двор лицо оставалось в нем «на жительство» и по прошествии нескольких лет могло выкупить его), превращается в один из главных факторов ее расслоения.

[458] В сказке от сентября 1641 г. шуяне сообщают, что этой «исстари пожалованной» землей «со всеми угодьи сенными покосы мы шуяне посадцкие люди владеем нерозделно вопче, а лес на той посадцкой земле чистим под пашню для пустоты»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 37. Л. 1-2 об. Очевидно, общая запашка появилась позднее, причем работы по ее организации велись всем «миром».

[459] Аналогичный приговор был принят 1 июня 1670 г.: ЛЗАК. – Вып. 26. № 474. – С. 270.

[460] В раздел было положено 63 полосы в поле «а в дву потому ж». «Тягло» с полосы составляло 50 д.

«хотя на один год или на лето», земля отбиралась в мир и отдавалась «из миру в наем». В случае смерти лиц, владевших землей по малому тяглу, их наследники могли «тою землею владеть до урочных десяти лет безденежно». В случае же смерти лица, за которым «тягла пол полосы» и более, его наследники должны были оплачивать тягло.[461] При этом если кто из пахотных людей «со своею братьею вместе городить не станет, на нем требовалось «бити челом из потравы».[462] Применялась сдача земли в аренду между членами посадской общины, хотя в мирском приговоре подобный казус был не предусмотрен.[463]

Сохранились два «полосных списка», отражающих распределение полос между посадскими людьми. Поскольку оба они не датированы, определить время их появления можно лишь исходя из именослова упоминаемых посадских людей.[464] Исходя из сохранившихся мирских приговоров, списки датируются 1681 и 1691 гг. В раннем списке[465] дробное деление полос отсутствует: полоса именуется по имени наиболее крупного тяглеца. В поле «что за Троицею от Юрчаковского поля» отмечена 61 полоса (50 хозяев), а поле «от Троецкого поля до Бражниковского лугу» – 63 полосы (52 хозяина). При этом в обоих полях у 13 полос имелось по 2 владельца, а еще у одной – несколько (полоса К.И. Лядова «с товарищи»).[466] При большом сходстве состава владельцев полос в обоих полях об их полном тождестве

---

[461] В данном случае речь идет не о тягле, как совокупности повинностей, а о размере оброка, который владельцы земли должны были выплачивать в земскую избу.

[462] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 62-63.

[463] 8 июня 1671 г. шуянин А.Г. Посников жаловался, что сдал шуянину М.И. Мунину свою пахотную землю на 10 лет (с 6 июня 1670 г.). Однако через год арендатор «отказал» Посникову в наемной земле: «пахать не хочет и найму не платит». Таким образом, в данном случае применялись те же условия аренды, которые оговорены в мирском приговоре 1717 г.: Там же. Т. 2. – № 130. – С. 405-406. На аренду прямо указывает лишь приговор 1717 г., но описанный казус свидетельствует, что она применялась и раньше. В росписи «что на ком взято тяголных и полошных денег» в 1679/80 г. упоминается, что Я.Г. Осокин уплатил «за полосу мирскую», которой владел К.И. Конков, а также уплатил 0,5 р. за мирскую полосу «здачи Ивана Кормилова, а Иван взял 0,5 р. на нем за Олексеев год»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 64. Л. 1. Несомненно, в обоих случаях речь идет о выплате тягла за арендованную полосу (в первом случае она принадлежала Конкову, во втором – И.К. Мыльнику). Уточнение о выплате 0,5 р. Мыльнику за предыдущий год (имеется в виду 1678/79 г., когда земским старостой был А.И. Тюленев), недвусмысленно указывает на то, что «полосные деньги» за этот год были истребованы с Мыльника, хотя он уже сдавал полосу в аренду Осокину. На новый 1679/80 г. «полосные» деньги были получены уже с арендатора, а деньги за предыдущий год он компенсировал хозяину. Следовательно, «полосные» деньги выплачивались не хозяином, а арендатором. Кроме этого, он должен был оплачивать аренду хозяину тягла.

[464] Список 1691 г. датирован исходя из упоминания ряда лиц, которые по возрасту не могли фигурировать в списке 1681 г. (он установлен по переписным книгам 1710 и 1715 гг.). В этом списке фигурируют: И.Г. Шилов (р. 1664*), Г.К. Бабин (р. 1665*), И.А. Коновалов (р. 1665*), П.И. Дохов (р. 1663*), Я.Н. Оконничников (р. 1665*), П.М. Тройников (р. 1665*), К.Г. Соин (р. 1665*), Н.С. Хохлов (р. 1665*), И.Ф. Фомин (р. 1663*), И.А. Хлебник (р. 1675*).

[465] НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 48. Л. 1-4 об.

[466] Кроме того, в росписи отмечено наличие «больших» и «малых» полос. Первые были положены в 56 д., вторые – в 44 д. В обоих полях число «больших» полос превышало число малых: в первом поле соотношение было 7 к 6, во втором – 6 к 5. При этом владельцы их в обоих полях не совпадали.

речь не идет. Частично совпадают владельцы 55 полос.[467] Однако казус с полосой М.А. Неупокоева и К.П. Щетинкина заставляет усомниться в полностью адекватном отражении состава владельцев в «полосной росписи»: он свидетельствует, что в перечне владельцев полос во втором поле второй хозяин полосы был пропущен.[468] Всего в числе хозяев упоминается 72 чел., что в 2,5 раза меньше, чем общее число тяглецов-шуян в этот период. Однако в «Росписи, что на ком взято тяголных и полошных» денег за 1677/78 и 1679/80 гг., составленной в шуйской земской избе,[469] фигурирует ряд лиц, упоминающихся в числе владельцев полос в именной росписи 1691 г., но не значащихся в 1681 г. Это дает основание предположить, что в «полосной росписи» 1681 г. речь идет не обо всех владельцах полосы, а лишь о наиболее крупных.

Второй «полосный список»[470] включает сведения о владельцах 55 полос (с 9-й по 63-ю). 52 полосы положены в 50 д., еще 3 имеют меньший размер оклада (две – по 42 д., одна – 49 д.). Каждая полоса имеет владельцев (от 1 до 10), размер оклада которых и составляет «полосное тягло». Всего в росписи обозначены 195 тяглецов.[471] Целый ряд (15 человек) имел владения в двух полосах.[472] Сравнение состава владельцев по росписи 1681 и 1691 г. дает 47 совпадений владельцев в первом поле и 49 – во втором. При этом соотношение совпадений по размеру тягла достаточно разительное: процент лиц со средним и высоким тяглом (выше 14 д.), отмеченных в

---

[467] Соответственно, у 5 полос в первом поле и у 7 полос во втором владельцы разные. Из 55 частично совпадающих владельцев в ряде полос отмечены совладельцы, отсутствующие в аналогичной полосе второго поля (в первом поле таких случаев 6, во втором – 4).

[468] Она отмечена в первом поле под № 32. Во втором под № 19 фигурирует лишь полоса Неупокоева, однако в перечне больших и малых полос во втором поле после общего списка отмечена полоса К.П. Щетинкина. Очевидно, в обоих случаях речь идет об одной полосе.

[469] НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 64. Л. 1-2.

[470] Датирован, исходя из даты появления в Шуе ряда упоминаемых в списке лиц: Д.Л. и Ф.Л. Архангельские появились в городе в 1680/81 г., А.К. Сыромятник и Артемий Савин были включены в число шуйских тяглецов переписчиком Д.И. Гурьевым по переписным книгам от 12 декабря 1677 г. Кроме того, в этом списке упоминается несколько лиц, не фигурировавших в переписных книгах, как самостоятельные тяглецы: С.В. Седов (жил у матери), Б.П. Зубков (жил у отца), И.Ф. Степанов (жил у отца).

[471] Учитывая средний объем в 3,6 тяглеца на полосу, можно думать, что оставшиеся 8 полос включали примерно 29 тяглецов. Таким образом, общее число тяглецов приближалось к 225. Это число явно превышает численность тяглецов, зафиксированных в переписных книгах 12 декабря 1677 г.: 192 чел. Исходя из этого, можно предположить, что в «полосное тягло» попадали «бездворные» тяглецы, численность которых к этому времени уже перевалила за 30 чел.

[472] 11 чел. имели в тягле одну полную полосу и часть второй. Один из них (И.К. Мыльник) имел также 4 мелких тягла в других полосах, И.Я. Остатков имел кроме большого тягла в 42 д. еще «прикупное» тягло в 4 д. в другой полосе, еще трое лиц владели небольшими тяглами в двух полосах. В случае с «прикупным» тяглом речь идет не об арендованной земле, а о тягловом участке полосы, перешедшем И.Я. Остаткову в результате покупки (получения по кабале) двора предыдущего хозяина этого тягла. Следовательно, тягло было привязано положению его владельца, как полноправного общинника. Потеря им этого положения (продажа двора) вела и к переходу тягла новому владельцу (в том случае, если продавец окончательно утрачивал тяглоспособность).

росписи 1681 г., оказывается достаточно высок: 28 тяглецов – 60 % (общее число этих лиц составляет 23%).[473] Это подтверждает предположение, что в росписи 1681 г фигурируют исключительно крупные тяглецы. Отголосок подобных принципов составления росписи имеется и в документе 1691 г.[474]

В приговоре 1691 г. условия раздела, кроме производства его «по тяглам» и десятилетнего срока, отсутствуют.[475] В 1717 г. поле также было разделено «впред на десят лет безпереговорно». В данном приговоре оговорены условия «покупки» (аренды) тягла одним шуянином у другого. Арендатор обязан был вносить за него в земскую избу по 10 д. ежегодно, в том числе в случае смерти или ухода хозяина.[476] Аренда бралась лишь на полный десятилетний срок «по мирскому разделу», а «сторонним людем» не передавалась. Общий размер тягла составлял 1260 д.[477] Это хорошо согласуется с размером оклада «по торговому промыслу и по пожиткам», обозначенным в окладной росписи И.Я. Голятина от февраля 1717 г.: 1234 д.[478] Таким образом, количество полос не изменялось, они делились между посадскими людьми согласно тягловому окладу. Этот оклад представлял собой условную величину, рассчитанную в денежном эквиваленте. Размер этого эквивалента мог значительно варьироваться (от 50 д. тягла с полосы в 1681 г. до 20 д. в 1717 г.).

Совпадение тяглового оклада с реальной суммой оброка, выплачиваемого в земскую избу владельцами пахотной земли, свидетельствует о неразрывной связи тягла и права пользования общинными угодьями. Полевой надел получали все дворохозяева, платившие тягло и именно в том объеме, в котором они платили его. Резкое падение объема тягла в промежутке 1681-1717 гг. (в 2,5 раза), свидетельствует о значительном снижении в этот период значения «подгородной»

---

[473] Включение в число «середняков» лиц с окладом в 12 д. дает еще более высокий процент совпадений – 36 (77%), но повышает общее число этих лиц до 36%.

[474] В большинстве случаев полоса обозначается, как принадлежащая двум тяглецам с наиболее крупным тяглом, хотя ниже отмечаются и остальные. Характерный пример: 15 полоса «Киприяна Васильева да Михаила Гринина». При этом первый имел тягло в 20 д., второй – в 12 д. Но тягло в 12 д. имел также Алексей Крылов, а тягло в 6 д. – Семен Григорьев.

[475] Там же. – № 222. – С. 461.

[476] Это указание согласуется с показаниями мирского приговора 1681 г. о платеже денег в земскую избу наследниками крупного тягла. В 1717 г. тягло с полосы было положено в 20 д. – следовательно, оплачивался участок лишь крупного тяглеца (пол-полосы). Поскольку оброк в земскую избу платил тяглец, то после его смерти (ухода) земля (и оброчные обязанности) автоматически переходили к арендатору. В случае перехода подобным образом арендатору мелкого «тягла» от его оплаты он освобождался. М.Ф. Владимирский-Буданов верно увидел в этом акте «сдачу общинных земель на оброк»: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – М.: ИД «Территория будущего», 2005. – С. 196.

[477] *Борисов В.А.* Собрание трудов. – № 241. – С. 473.

[478] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 611. – Л. 1-8 об. При этом не обозначены оклады Ивана Никифорова и Б.И. Воинова.

пашни. Земской избе приходилось уменьшать объем тягла, поскольку пашня превращалась в «мертвый груз», скорее обременявший дворовое хозяйство.[479] Огораживание требовалось не на периметре всего поля, а лишь на некоторых участках.[480] Первые два поля, как указано в приговоре 1691 г., представляли собой озимое и пар, а третье (за р. Тезой) – яровое. Озимое и паровое поля требовалось делить к 1691/92 г. (началу следующего сельскохозяйственного цикла). Указание на «длинник» в 23 полосы при городьбе обоих полей предполагает, что дележ парового поля производился по тому же принципу, что и озимого.

В.А. Борисов в примечании к публикации этих мирских приговоров сделал предположение, что «городские общественные огородные земли» подвергались переделу таким же образом, как и пахотные угодья. Он доказывал этот факт содержанием имевшейся у него книги 1665 г. «посада Шуи, кому что дать найму погодно, нынешняго году с майя с перваго числа на десять лет».[481] В данном случае речь действительно идет о городской «угодной земле», огороженной под общественные нужды. Общим с распределением пахотной земли является лишь десятилетний срок аренды, поскольку сдача огородной земли производилось исходя из предложенного заинтересованными лицами оброка.[482] Из «особого записного столбца земской избы» 1686/87 г. В.А. Борисов заключал, что «и луговая земля или покос делились каждогодно». В действительности земля не делилась, поскольку

---

[479] Очевидно, необходимость в пахотной земле испытывали необходимость далеко не все хозяйства. Но земля была «тягловой» принадлежностью посадского человека. Во избежание выведения земли из тягла, она могла сдаваться в аренду лишь членам посадской общины, причем полным участком и на весь десятилетний срок, до следующего «мирского передела». Мы не имеем сведений о ширине применения аренды, но «пахотном хозяйстве» всех посадских людей речь определенно вести нельзя.

[480] Это факт иллюстрируется сравнением текста приговора 1681 г. с приговором 1691 г. Первое поле и в 1681, и в 1691 гг. требовалось городить от Юрчаковского поля до убогого дома на 23 полосы, второе – на те же 23 полосы от убогого дома до запускной дороги. Однако в приговоре 1691 г. четко обозначено, что это «середний длинник», а согласно приговору 1681 г. во втором поле требовалось «от запускной дороги к Бражникову лугу длинник городить по всем полосам». Следовательно, территория «городьбы» в 1691 г. была уменьшена. В третьем поле по обоим приговорам требовалось ставить «длинник» от р. Тезы с двух сторон (от святого колодца у реки до Московской дороги и от реки до Фатьяновского оврага) со «всех полос». Однако в приговоре 1681 г. далее имеется запись о «городьбе» третьего поля от р. Сехи до д. Бойтова. Следовательно, «городьба» производилась лишь по определенным частям поля, причем в первом случае – по более обширным участкам, чем во втором.

[481] Всего в ней имелось 26 записей. Например, И.Ф. Тырину было отдано «огородной земли под огород» размером 165 кв. саж., из оброка в 16 ал. 2 д.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 3. – С. 38. На факт сдачи именно посадской земли указывает наименование ее «огородной», десятилетний срок аренды, а также отсутствие указания на ее местоположение.

[482] Причем его объем ощутимо превышал объем годового оброка с государевой земли: одинаковый по размеру участок из государевых земель был получен под огород в 1700 г. А.И. Нашивкиным на оброк за 2 ал. 2 д.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 210. – Л. 4.

«косьба производилась на лугах на складочные мирские деньги, скошенная трава делилась числом копен по тяглам».[483]

Особенности коллективного землевладения посадской общины подробно рассмотрены А.С. Лаппо-Данилевским. Он отрицает передел участков собственно посадской земли, общинное же владение мирскими угодьями (в том числе и долевое – пахотными землями) напрямую выводит из тягла.[484] Н.Д. Чечулин находил в XVI в. следы общинных переделов огородных (и даже лавочных) владений в городах, но его соображения не выглядят убедительными.[485] Земли, на которых была организована запашка у шуян, были пожалованы им жалованной грамотой от 20 сентября 1575 г. Однако этой «выпускной землей» завладели местные помещики: «пашню пашут и сено косят, и грани посекли, и ямы заровняли». 13 июля 1606 г. привилегии шуян на владение этими землями были подтверждены.[486] В челобитной на Г.А. Кашинцева 1659/60 г. шуяне упоминали о том, что он посадские луга «животиною своей травит».[487] А в 1666/67 г. шуяне били челом на А.А. Мещеринова, который «велит крестьянем своим ездит по нашему хлебу и животину всякую побивают».[488] Именно в этой челобитной впервые появляется упоминание о потравах посадского хлеба. Трудно сказать, возникла ли запашка в период между челобитными на Кашинцева и Мещеринова,[489] либо прежде не попадала в число помещичьих притязаний. Однако луговая земля использовалась под сенокос еще во второй половине XVI в. Так что о возникновении связи «угодной земли» и тягла можно говорить уже с этого времени.[490]

---

[483] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 3. – С. 38.

[484] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения… С. 116-118. Доказательство этого он видит в обязательном участии всех тяглецов в наделе и запрещении вывода пахотной земли из посада.

[485] *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. – С. 116-118, 322.

[486] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 2. – С. 145-147.

[487] Там же. – № 40. – С. 183; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 341. – Л. 1-2.

[488] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 139. – Л. 1-2.

[489] Предположительно ее возникновение можно связать с казусом 1660/61 г.: шуяне жаловались, что торговые люди «с ыных городов и Шуйского уезду» приезжают «на торги и живут в Шуе недели по две и по три бес поезду и живучи, отъезжают в Шуйской уезд и покупают в деревнях хлеб болшою ценою и в отвоз отвозят». В результате посадские люди от перекупщиков «помирают хлебною скудостью болшою»: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 386. – Л. 1. Для ликвидации хлебного дефицита и могла быть организована запашка (что согласуется со свидетельством о десятилетних переделах в 1670, 1681 и 1691 гг.). Возможно, вместе с запашкой были организованы и общественные огороды (также имевшие ограду и сдававшиеся в аренду на десятилетний срок). Этому противоречит указание сдаточной описи архива земской избы от 1 сентября 1659 г., в которой упоминаются «росписи, что около посаду земля делена»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 34. – С. 178. Однако сделать надежные выводы о содержании этих росписей невозможно.

[490] Связь с тяглом в данном случае действительно неразрывна: пожалование «угодных земель» адресовано посадской общине, а последняя поставила пользование ими в прямую зависимость от объема тягла.

Исходя из всего, изложенного выше, посадская община представляется достаточно устойчивым организмом. Вступление в общинное тягло юридически фиксировалось целым рядом поручных записей, выдаваемых либо ответственному за поселение лицу (в случае насильного возвращения на посад), либо земскому старосте (в случае добровольного прихода). При этом к середине XVII в. государство с помощью «посадского строения» внедряет в общину систему «государственных» поручных. Новый тяглец получал землю для строительства двора, но не имел права отторгать ее от посада. Каждый член общины получал надел в общинных угодьях, соответствовавший его тяглу. Аналогично системе поруки, государство внедряет на посад и оброчную систему, предоставлявшую практически неограниченные возможности для увеличения налогового бремени. У земской избы имелись доходные статьи: кроме большого количества частновладельческих огородов,[491] существовали общинные огородные земли, сдававшиеся в десятилетнюю аренду, по примеру пашенных земель.[492] Таким образом, община не стеснялась использовать «государевы» земли, находившиеся на ее территории и не включенные в хозяйственный оборот, в мирских целях.[493] Однако все эти освоенные общиной земли в потенциале представляли собой новые налоговые статьи, вводившиеся по необходимости при переоброчке.

На наш взгляд, следует согласиться с Н.Д. Кондратьевой в определении «посадского тягла», как фактического признака сословия, причем поставить его на первое место. Для общины именно тягло являлось решающим признаком юридического статуса лица, дававшим ему право на определенную долю участия в экономической и общественной жизни посада. Для государства таким критерием были иные юридические признаки (подробно изложенные в Уложении 1649 г.), но на

---

[491] Подробные сведения о них содержатся в переписи 1629 г., а об их обращении – в раздельной записи наследников К.В. Демина.

[492] Об огородничестве в русском городе XVII в.: *Тихомиров М.Н.* Население Дмитрова в XVII и начале XVIII вв. // *Он же.* Российское государство XV-XVII вв. – М.: Наука, 1973. – С. 276; *Булгаков М.Б.* Промыслово-торговые связи белозерского посада с округой в XVII в. // Русский город. Вып. 2. – М.: Издательство МГУ, 1979. – С. 200-201; *Он же.* Опыт количественного анализа экономического состояния ростовских торговцев в первой половине XVII в. // История и культура Ростовской земли. 1994. – Ростов, 1995. – С. 88; *Тимошина Л.А.* Топография Костромского посада в XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 2. – М.: УРСС, 1998. – С. 152-155. Следует отметить, что шуйские огороды (в отличие от костромских) располагались отдельными массивами, в значительном отдалении от дворов их хозяев. Это свидетельствует, что они распахивались уже после формирования городского ландшафта.

[493] К подобному типу использования относится и запашка «угодных» земель, которые были пожалованы для других целей («под новые дворы и животине на выпуск»).

местах фактическая принадлежность к общине оформлялась не столько с помощью кадастров и системы поручных записей, сколько путем привлечения определенного круга лиц к посадскому тяглу, осуществляемого всем «миром».

1.4. Органы самоуправления посадской общины

Рассматривая органы самоуправления посадской общины, следует остановиться на десятинной организации. Большинство ученых придерживается точки зрения о ее общинном происхождении.[494] Не так давно В.А. Кучкиным была сформулирована противоположная точка зрения.[495] Он убежден, что «децимальная система» являлась продуктом княжеского хозяйства, организовывая включенных в него феодально-зависимых лиц. Однако исследователями губной реформы 1550-х гг. установлено, что сотские старосты возглавляли органы земского самоуправления.[496] В XVII в. «децимальная система» являлась чисто полицейской организацией.[497] В XVIII в. сотские старосты занимались только гражданскими делами.[498]

7 июля 1606 г. шуяне получили уставную грамоту от царя Василия Ивановича. Согласно его предписанию, шуяне обязаны были учредить сотенную администрацию: «выбрать и устроити в Шуе в городе и на посаде пятидесятских и десятских». Он должны были «имать» и отдавать губным старостам «лихих людей». В случае, если они «того лихаго человека, который жил у них в сотне, не сыщут», на них взимались исковые суммы.[499] Грамота была адресована земскому сотскому З.П. Попову и двум его помощникам – целовальникам. 13 июля 1606 г. сотским Михалком Захарьиным шуянами была получена грамота с подтверждением выделения посаду 10 десятин земли.[500] Из содержания этих актов выясняется, что

---

[494] *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. – М.: Наука, 1988. – С. 54-57.

[495] *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – С. 423-425; *Кучкин В.А.* Сотские по документальным данным XV – начала XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. № 4. – С. 63-81; 2005. № 2. С. 5-40.

[496] *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV-XVII вв. – Псков: Псковская областная типография, 2004. – С. 123-131; *Он же.* Псковский край в XV-XVII вв.: общество и государство. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2003. – С. 134-140; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений… С. 80-83.

[497] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 469-470. Наиболее полно эта функция сотских зафиксирована Новоуказными статьями (22 января 1669 г.): ПСЗ. Т. 1. – №. 431. – С. 198.

[498] *Кизеветтер А.А.* Посадская община... С. 630-632.

[499] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 1. – С. 140-145. Для производства подобного контроля посадские обязаны были сообщать им обо всех приезжих людях, а нарушителю этого предписания грозил штраф в 2 р.

[500] Там же. – № 2. – С. 145-147. Нас не должно вводить в заблуждение «дублирование» сотских в 1606 г.: в действительности, Захарьин исполнял должность в 1600/01 г., поскольку его имя было зафиксировано в наказе

земский сотский начала XVII в. – аналог земского старосты. С другой стороны, пятидесятские и десятские – представители совершенно иной отрасли администрации, вводившейся грамотой от 7 июля 1606 г.[501] Сходство лексического ряда «сотский–пятидесятский–десятский» при отсутствии семантического единства требовало расхождения. В результате глава земской администрации получает наименование земского старосты, а сотским именуется глава сотенной организации. Староста в качестве полномочного представителя посада впервые упоминается в актах 1611/12 г.,[502] однако некоторое время в документах он продолжал именоваться сотским.[503]

Очертить круг полномочий сотной администрации с помощью актового материала невозможно: никаких сведений о них в документах не имеется. Все полицейские обязанности выполняли губные целовальники, и взаимодействовали они непосредственно с посадской администрацией. Ответчиком по обыскам о «татинных и розбойных делах» выступала посадская община, возглавляемая земской администрацией.[504] Соответственно, вся община терпела и наказание в случае

проводившему межевание Василию Головкину и привезенных им межевых книгах. В грамоте 1606 г. оно было использовано именно на основании этих документов.

[501] Это чисто полицейская администрация, полностью подчиненная губным старостам. Принимавшие постояльцев посадские обязаны были сообщить об этом «старостам, и целовальником (представлявшим губное ведомство – Е.Б) и пятидесятским, и десятским». Таким образом, земские представители – сотский и целовальники – оказываются вне этого ряда.

[502] В отписях 1611/12 г. охотников владимирского яма И.Б. Урюпина и И.И. Ванчюрина о приеме «годовой ряды» в размере 21 р. с шуйского посада (В.С. Ушаков) и тех же охотников в приеме «в годовую ряду» 5 р. (Филипп Васильев): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 7. – С. 34; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1. Сст. 1-2 об. Очевидно, смена земского старосты была осуществлена в связи со смертью.

[503] 20 декабря 1613 г. суздальский осадный голова Ф.М. Болотников получил от шуян сказку относительно участия в разбоях кн. М.Ф. Волконского. Главой посадской общины в этом акте назван земский сотский З.П. Попов, но помощниками его именуются не пятидесятские, а земские целовальники. 22 и 27 сентября 1613 г. В.Л. Орлов и Ф.В. Каблуков приняли «хлебные запасы на государев обиход» у сотского З.П. Попова. А 28 сентября и 23 октября 1613 г. сборщики приняли «государевых столовых запасов полтевых мяс» от земского старосты З.П. Попова. Статус Попова подтверждается челобитными, поданными им в 1613/14 г. на «обиды» шуян от губного старосты П.П. Калачова, и 7 марта 1614 г. об утрате посадскими людьми уставной таможенной грамоты, а также отписью губного целовальника И.П. Сиянки в приеме у шуян свое подмоги на 1613/14 г.: в этих актах он именуется земским старостой. 7 и 14 марта 1615 г. шуйский земский сотский Н.В. Аристов выдал губному дьячку И.А. Утешеву по 2 р. «потюремных» и «подможных» денег с шуйского посада. Эти обязанности также всегда осуществлялись земским старостой: «потюремные деньги» на 1619/20 и 1620/21 гг. были приняты губными старостами у земского старосты П.К. Аксенова, на 1622/23 г. – у земского старосты И.И. Голынина. В дальнейшем они принимались также у земских старост. Следовательно, Аристов был старостой, а сотским назван лишь по той же причине, что и Попов в акте предыдущего года: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 5, 6, 9, 11, 41. – С. 36-38, 149-153, 332; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 5. – Л. 3, 4, 5; Там же. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1. Сст. 6-7; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 7. – Л. 1; Там же. – Д. 13. – Л. 1; Там же. – Д. 58. – Л. 1; Там же. – Д. 79. – Л. 1; ПДП. – № 227. – С. 231-232.

[504] Кроме цитированных выше обысков 1613 г., можно отметить сказки по обыскам сыщиков кн. М.И. Щетинина (февраль 1644 г.) и А.И. Огибалова (октябрь 1664 г.). В них шуяне заявили, что «в Шуе на посаде татей и розбойников и смертных убойцев нет», «приезду» им никто не держит. К этому ряду относится также сказка шуян Ф.А. Мишукову от 9 марта 1659 г. об отсутствии на посаде торговли «вином, и всяким корчемным питьем, и

пренебрежения своими полицейскими функциями. «Табашный сыщик» И.М. Тарбеев арестовал шуян, которые «пили» табак и торговали им. По этому делу 6 августа 1639 г. земский староста был вынужден выплатить «заповедные деньги» (штраф) за «табашников» и «оговорных людей» по 4 р. с человека.[505] В 1664 г. сыщик А.И. Огибалов получил показания, что в Шуе «в прошлые годы воры посацких людей побили и ножи резали».[506] 30 октября в Шую была направлена грамота, по которой за «поноровку» воровским людям земский староста должен был заплатить 5 р., а посадские люди – по 1 р. со двора.[507] Таким образом, в случае «поноровки» разбойникам наказанию подвергалась община, но прежде всего – земский староста. Соответственно, именно он занимался сношениями с воеводской и губной властью относительно дел, связанных с уголовными преступлениями.[508]

9 июня 1705 г. на посадской земле объявилось мертвое тело, и шуяне просили послать для его осмотра «кого пригоже» из приказной избы.[509] Автором этой челобитной является сотский Г.И. Шульгин. Причину подобного «проявления» сотского объяснить несложно: после городовой реформы Петра I трансформировалась вся система земской администрации. В XVII в. эта фигура проявляется лишь однажды,[510] причем в данном случае сотский был использован воеводой, как орудие в конфликте, узурпировав обязанности, уже исполненные губным целовальником. Следовательно, участие сотских в расследовании уголовных

табаком». А завершает его «одобрительная сказка», данная шуянами переславскому подьячему по грамоте из Разбойного приказа (январь 1679 г.). В ней шуяне утверждали, что обвиненные в преступлении посадские люди «преже сего никаким воровством не воровали и ни в каких притчинах не бывали, люди они добрые»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 27, 56. – С. 170-172, 195; Там же. Т. 2. – № 94. – С. 119; ВГВ. – 1870. № 9. – С. 2; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 46. Л. 1-3.

[505] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 42. – С. 67.

[506] Там же. – № 94. – С. 119; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. – Л. 1-1 об.

[507] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 37. – С. 180; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 138. – Л. 1-1 об. 5 ноября 1664 г. эти деньги были приняты по отписке сыщика выборным целовальником Г. И. Баженовым. Земские старосты заплатили по 5 р., с 217 дворов было принято еще по 1 р., также были выплачены поголовные деньги за два убийства (8 р. 8 ал. 3 д.). Деньги платили новые сотские – А.В. Дырин и Г.К. Шилов: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 60. Л. 1-1 об.

[508] 11 июля 1680 г. шуяне сообщили в приказную избу о смерти П.А. Гусева, найденного повешенным в кабаке. 1 января 1682 г. шуяне били челом о допросе товарищей крестьянина д. Кстова, «изломанного» на шуйской мельнице. 1 ноября 1647 г. земский староста Т.Ф. Рудаков извещал губному старосте о находке на посадской земле мертвого человека. В октябре 1686 г. близ города «объявилось» еще одно мертвое тело, и шуяне просили его «досмотреть и записать». 19 февраля 1696 г. досмотр мертвого тела также производился по челобитью земского старосты Б.Т. Ламанова. 11 марта 1702 г. о мертвом теле на льду р. Тезы «извещали» губные целовальники и земский староста просил «то тело осмотреть и записать»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 64, 168, 171, 225, 235. – С. 89, 186, 431, 462-463, 470; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 239. – Л. 1-1 об.

[509] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 65. – С. 203

[510] Осенью 1620 г. во дворе шуянина А.С. Дедерева «удавили» его брата. «Досматриват» убитого был отправлен губной целовальник, однако воевода отправил осматривать покойника сотского «мимо губных старост» и велел ему похоронить покойника: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.

дел – явление эпизодическое.[511] Ответственность земской администрации относительно уголовных преступлений обусловила также тот факт, что именно она занималась вопросом «благонадежности» членов общины.[512] Земскому старосте адресовались и поручные записи «в смиренном житии» по лицам, принимавшимся в посадское тягло.[513] Поручители несли ответственность перед ним в общественной благонадежности нового члена общины.

Итак, все функции губной администрации, адресованные ей уставной грамотой, в действительности выполняла посадская община. Естественно, существование выборной службы, не имеющей реальных функций, вызывало проблемы с ее сменой. В 1619/20 г. шуяне сменили сотную администрацию по требованию суздальского сыщика кн. Д.И. Долгорукого. 19 июля 1621 г. шуйским губным старостам была направлена грамота о ее переизбрании (шуяне жаловались, что сотского без государева указа «переменить не смеют», хотя годовой срок исполнения ими должности уже завершился).[514] В челобитной от 4 июня 1624 г. шуяне сообщали, что сыщик Федор Хомутов требовал с них 4 сотских, 8 пятидесятских и 16 десятских. Они отвечали, что требуемого количества поставить они не могут.[515] Еще один присланный в Шую сыщик А.И. Огибалов в 1664/65 г. заставил шуян выбрать 20 человек сотских, пятидесятских и десятских.[516] Этот

---

[511] Еще в одном случае десятский были использован для возвращения посадского человека Данила Окулова: именно ему адресована поручная от 9 октября 1628 г.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д.69. Л. 5-5 об.

[512] Хотя в уставной грамоте он был прямо адресован сотским. 30 мая 1649 г. земский староста Л.И. Пупков бил челом воеводе на посадскую вдову Антонидку. Указанная вдова якобы «пущает к себе на двор проезжих и прохожих всяких людей, без явок, и учала у себя держать блядьню и корчму». В 1665/66 г. земский староста жаловался, что шуянин И.П. Короб «пьет и бражничает безобразно и зернью и карты играет и жену свою бьет и мучит не по закону» и просили выслать его с посада: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 77. – С. 358; Там же. Т. 1. – № IV. – С. 233.

[513] 1 августа 1628 г. четверо шуян поручились земскому старосте по шуянину Денису Лаврентьеву, что «жит ему в Шуе на посаде за нашею порукою, корчмы и блядни не держати и иным никаким воровством не промышляти и убытка к посадцким людем не привести». 30 апреля 1655 г. шуяне поручились за Андрея Прокофьева, что «жити ему в мире смиреньем». Аналогичная клаузула имеется в поручной по дворцовому крестьянину В.Г. Ситнику (март 1656 г.). 30 апреля 1674 г. шуяне поручились по И.З. и С.З. Тощихиным в том, что «жить им в Шуе смирно, никакова дурна не чинить, и с лихими людми не водитца, и приходу и приезду к себе никаким лихим людям не держати»: Там же. – № 31. – С. 176-177; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 93. – Л. 1-1 об.; Там же. – Оп. 1. Д. 192. – Л. 1-1 об.; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 86. Л. 1-1 об.

[514] Впредь сотским было велено «быть по годом»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 11. – С. 156-157; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 28. – Л. 1-1 об.

[515] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 38. – Л. 1-1 об.

[516] Согласно поручной посадских людей по представителям десятинной организации, последние должны были: «быт в Шуе на посаде для сыску татей и розбойников и убойцов и пожещиков и всяких воровских людей и всякаго во(ро)вства смотрет и стереч накрепко и воров не укрыват и во всяком их воровстве извещат в Шуе на съезжем дворе». В случае поноровки десятских преступникам на поручиках взималась пеня в размере «исцова иска» «и наши поручиковы головы в их голов место»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 88. Л. 1. Это черновик акта без упоминания имен десятских и поручиков. Однако имя сыщика А.И. Огибалова, которому они должны были

сыщик добивался активного исполнения сотной организацией обязанностей, адресованных ей уставной грамотой.[517] Лишь в 1669/70 г. шуяне били челом о перемене выборных. Они сообщали, что «из тех выборных людей иные померли», а на государевы службы ежегодно избирается более 30 человек.[518] В сентябре 1700 г. сыщиком в Шуе и Лухе был назначен кн. И.С. Засекин. В памяти, полученной шуянами по этому поводу, им предписывалось «выбрать вновь соцких и пятидесятцких и десятцких людей добрых и пожиточных».[519]

Эти казусы свидетельствуют, что, несмотря на просьбы шуян о введении ежегодной смены сотной администрации, в реальности ее перевыборы были связаны с появлением в Шуе сыщиков. В результате сотские и десятские могли занимать свою должность весьма значительный срок. Этот факт подтверждается памятью земскому старосте от воеводы кн. Н.П. Вяземского (8 марта 1682 г.). Шуяне обязывались прислать в приказную избу роспись наличным «сотцким и пятидесятцким и десятцким имяно». Тем же, которые «за старостью и за увечьем преж сего отставлены, или которые померли» велено подобрать замену.[520] Эта проблема не слишком волновала посадское общество, если в числе сотских не оказывались необходимые для других служб люди.[521] При этом сыщики всегда стремились увеличить количество служащих сотной администрации. Переписные

доносить о преступниках, свидетельствует об уникальном характере этого документа, появление которого было связано с пребыванием Огибалова в Шуе.

[517] Как мы установили выше, именно им был разработан формуляр «поручной» по сотских. 22 мая 1665 г. по отписке А.И. Огибалова шуйский губной староста принял на новоизбранных представителях сотной организации штрафные деньги «за то, что они в Шуе на посаде дву татеб не розыскали». Преступления были совершены шуянами П.Г. и А.Г. Посниковыми, а виновные найдены Огибаловым. Двое сотских заплатили по 10 р., двое пятидесятских – по 5 р. и 16 десятских – по 2,5 р.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 62. Л. 1. Таким образом, был установлен уровень ответственности представителей разных этажей десятинной организации, выражавшийся в градации размера штрафной суммы. Сотские выступили также плательщиками штрафной суммы, полученной со всего посада за два «укрытых» убийства 5 ноября 1664 г.

[518] Поскольку должности сотских исполняли люди «лучшие статьи», то для выбора к другим службам шуянам без них «минуться стало некем»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 41. – С. 183-184. Челобитная не датирована, дата определена по упоминанию земского старосты Лучки Андреева, исполнявшего должность в указанный период. Разрешение на перевыборы было получено: 4 июня 1669 г. шуяне (упоминаются земский староста, целовальники и 33 посадских человека) выбрали сотскими Ивана Васильева и П.И. Кузнеца, а пятидесятскими С.И. Чешуина и В.Г. Огрызкова: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 49. Л. 1-1 об. Обращает на себя внимание тот факт, что выборы десятских осуществлялись отдельно.

[519] ВГВ. – 1859. № 38. – С. 154.

[520] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 240. – Л. 1-1 об. Таким образом, представители сотной администрации исполняли должность столь длительный срок, что часть выбывала за старостью, увечьем или смертью.

[521] Причину практики смены губной администрации только в связи с появлением сыщиков установить нетрудно – в отличие от губных старост, они получали в Москве письменный «наказ», в котором предусматривалась подобная практика, тогда как губные старосты «без государева указа» требовать перевыборов губной администрации не имели права. Причем подобная практика настолько вошла в привычку, что «погодная» смена сотских в посаде практически не осуществлялась.

книги 1677 г. фиксируют в Шуе четыре десятка (слободы): Пищальный, Кабацкий, Воскресенский и Загостинский. Федор Хомутов в 1624 г. требовал выбора 4 сотских, 8 пятидесятских и 16 десятских (до этого горожане обходились сотским, пятидесятским и четырьмя десятскими). А.И. Огибалов в 1664/65 г. заставил выбрать 20 человек, хотя до этого шуяне имели по одному представителю каждой должности на улицу. Очевидно, изначально администрация строилась по «земскому» принципу.[522] Однако затем (с 1624 г.) сотная администрация теряет единую организацию: каждая улица должна была иметь собственную организацию, а единоначалие отвергалось. В таком виде организацию застал А.И. Огибалов.[523] Он применил новый принцип выбора (связанный с введением «финансовой градации» ответственности): представители сотной организации избиралась по статьям.[524] Конфронтация посадских людей с представителями губной администрации шла лишь относительно их количества.

Таким образом, трансформация земской сотной организации в государственную находит отражение в «уличанском» распаде. Именно в этом русле следует искать и причину достаточно редких перевыборов сотной администрации. Изначально на нее распространялась практика обычных земских выборов, проводившихся ежегодно.[525] Однако реальная практика вступала в противоречие с этой традицией.[526] Соответственно, вопрос о перевыборах возникал лишь в случае необходимости исполнявших «сотную службу» людей для более важных земских служб.[527] Итак, сотная администрация в XVII в. оказалась мертворожденной организацией. Поскольку она должна была подчиняться губной администрации, но при этом имела земский характер, то ее обязанности и полномочия целиком были

---

[522] Каждая улица имела одного выборного десятского, главой же сотной администрации был сотский и его заместителем – пятидесятский.

[523] При этом количество исполнителей «десятинных» должностей было снижено с 7 до 3 чел. на десяток.

[524] Именно с этим связано ограничение представителей «высшего звена» десятинной администрации двумя состкими и двумя пятидесятскими (ими выступали представители «лучших» и «середних» людей). Они избирались отдельно «всем посадом», а затем проводились уличанские выборы десятских (по 4 чел. с каждой «слободы»).

[525] Поэтому в 1621 г. этот вопрос был возбужден общиной именно после окончания годичного должностного срока выбранных сотских.

[526] Должность не предполагала исполнения строго определенных функций, а следовательно, была не слишком обременительной. Кроме того, постоянный контроль за сотной организацией отсутствовал. Наконец, она не имела практической ценности ни для общины, ни для представителей воеводской и губной власти – все контакты, касавшиеся «татинных и розбойных дел», замыкались на земскую администрацию.

[527] Челобитная о перевыборах 1669/70 г. была подана после пяти лет бессменной службы лиц, избранных в 1664/65 г.

узурпированы земской администрацией. Этот процесс имел стихийный характер, причем двусторонний: земская община стремилась контролировать уголовную преступность на своей территории через собственные органы, а губной и воеводской администрации легче было взаимодействовать с ними.

Решение вопроса о значении десятинной организации подводит нас к вопросу о земской администрации посада, представленной земским старостой и целовальниками. Обычно избирались земский староста и трое земских целовальников. Один из целовальников – ларечный (казначей), был старшим среди «товарищей»: в ряде актов фигурируют лишь староста и ларечный.[528] В случае отсутствия земского старосты он исполнял его функции.[529] Подобное положение ларечного свидетельствуется наличием в актах устойчивой формулы «земский староста (имярек) и целовальник (имярек) с товарищи». В ряде актов упоминаются лишь двое целовальников. Однако это свидетельствует не об отсутствии у них третьего товарища вообще, а лишь об отлучке его в данный момент.[530] В одной сказке (о набеге литовцев 29 мая 1617 г.) фигурирует целых пять целовальников.[531] Однако сравнение этого акта со сказкой от 23 августа 1618 г. свидетельствует, что

---

[528] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 32. – С. 177; ГАИО. – Оп. 1. Д. 153. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 168. – Л. 1-1 об. На должность Б.Т. Ломанова (упомянутого во второй сказке) указывают акты: Там же. – Д. 155. – Л. 1; РГАДА. – Ф. 1648. Оп. 1. Д. 70. – Л. 1.

[529] В частности, земский староста отсутствовал на мирском сходе, собранном 2 января 1628 г., на котором поп Тавлей прикладывал руки к государевым челобитным и высказал о них «непригожие слова». Мирской приговор о разделе пахотных полей по тяглам в апреле 1691 г. был совершен ларечным целовальником Я.И. Голятиным вместо земского старосты Б.С. Селиванова. 4 февраля 1686 г. по памяти из приказа Большой Казны был проведен досмотр гостиного двора с целью определения стоимости ремонта. Смету составляли ларечный, двое целовальников и трое посадских людей. Самое яркое указание на замещение ларечным земского старосты содержится в материалах конфликта общины с земским старостой И.П. Смоляниным в 1665 г. Челобитные о получении земским старостой «большой корысти в мирских расходах» были поданы именно ларечным Т.Ф. Дыриным: ПДП. – № 129. – С. 163-165; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 222. – С. 461; Там же. – № 195. – С. 448-449; АЮБ. Т. 3. – № 324/2, 348/3. – С. 251-252, 377-378.

[530] В обыске от 19 июня 1613 г. упоминаются два целовальника, но в отписи о приеме «рядных денег» владимирского охотника И.И. Ванчюрина 15 июля того же года упоминается их товарищ – целовальник Никифор Исаков. В обыске от 20 декабря 1613 г. также упоминаются лишь двое целовальников, но сведения о третьем (С.Е. Малыгине) имеются в отписях о приеме с шуян денег за хлеб для суздальских стрельцов и пушкарей от 5 января 1614 г. В сказке о беглых людях от 17 марта 1642 г. также упоминаются два целовальника, но в сказках от сентября и 25 мая того же года отмечен и третий (Н.А. Кузнецов). В сказке от 10 марта 1658 г. фигурируют лишь два целовальника, но в сказке от 9 июня того же года – уже трое. В сказке о беглых от 13 августа 1670 г. упоминаются два целовальника, но в целом ряде сказок того же года (от 25 февраля, 12 марта, июля и 13 августа) фигурирует уже трое целовальников: ПДП. – № 106, 248. – С. 150, 245; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1. Сст. 5-5 об.; Там же. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 8. – Л. 1-2; Там же. – Д. 202. – Л. 1; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 9, 114. – С. 36, 134-135; Там же. Т. 1. – № 25, 45. – С. 168, 186-187; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 40. – Л. 1-1 об.; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 120. – Л. 1; Там же. – Д. 162. – Л. 1; Там же. – Д. 165. – Л. 1; Там же. – Оп. 2. Д. 96. – Л. 1-1 об.

[531] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 10. – С. 298.

упоминание пяти целовальников является ошибкой публикатора.[532] Исследование актов 1616/17 г. свидетельствует, что в течение года сменилось три земских старосты с целовальниками (очевидно, в связи со смертью).[533]

При вступлении в должность представителей новой администрации происходила передача им архива земской избы. Сохранилась подробная опись передаваемого архива от 1 сентября 1659 г.[534] Такая же роспись сохранилась и от 1 сентября 1664 г.[535] Учет всех имеющихся в нашем распоряжении сказок и обысков показывает, что в подавляющем большинстве актов упоминаются земский староста и трое целовальников (44 случая).[536] В 15 случаях рядом с земский старостой отмечены двое целовальников, в 6 случаях – ларечный и наконец, в 9 актах фигурирует один земский староста. Анализируя состав собраний посадских людей при даче сказок, следует отметить их «профессионализацию» во второй половине XVII в. Подавляющее большинство сказок, в которых фигурируют лишь представители земской администрации (староста и целовальники в разном составе), относится к периоду с 1655 г.[537] До этого периода встречается лишь две подобные сказки (от 29

---

[532] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 11. – С. 298-302. Год появления этой сказки обозначен неверно – ее следует относить к 23 августа 1617 г. Сравнение с подлинником подтверждает это предположение: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-3 об.

[533] В отписях владимирского охотника И.И. Ванчюрина о приеме «рядных» денег с шуйского посада от 1616/17 г. и от 7 сентября 1616 г. упоминается земский староста Борис Корнилов и целовальник Дружина Григорьев, а в отписях от 12 и 14 января 1617 г. того же Ванчюрина отмечен уже земский староста Н.С. Волк. 15 февраля 1617 г. деньги «московским охотником в подмогу» уплатил Дружина Григорьев. А 25 июля 1617 г. в качестве земского старосты упоминается Костка Никифоров. Он же упоминается в качестве земского старосты в сказке от 29 мая 1617 г. (с новыми целовальниками) и в царском указе от 9 июля 1617 г. Следовательно, в определенный момент посадские люди были вынуждены полностью сменить администрацию, выбрав и нового земского старосту, и новых целовальников. ПДП. – № 225, 226. – С. 231; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 4. – Л. 1; Там же. – Д. 5. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 6. – Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 3. Л. 1-2; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 12. – С. 38.

[534] Новый земский староста А.С. Селиванов получил от прежнего, П.Г. Посникова, «мирския всякия земские дела». В числе их поименованы государевы грамоты: две «земляные», «уставная», «подымная», «несудимая», 3 грамоты о мельницах, «мыльном и дехтярном промыслу», святительская грамота «о духовных», а также 47 списков (в том числе с таможенной грамоты). Упоминаются многочисленные книги: выпись из писцовых книг А.И. Векова, список межевых книг, «книги свозным людем», «дворовые и лавошные и тягольные» и «книга Уложения». Также отмечены платежные отписи и поручные записи В.И. Колычева «по новых людех» (отписанных в Шую «по промыслам»), росписи «что около посаду земля делена», и что «недобрано в воевоцкой и в губной двор». В «мирской коробье» имелось 22 р. 10 р. денег, а также «в долгу по росписи» 8 р. 6 ал. 4 д.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 34. – С. 178.

[535] ЛЗАК. Вып. 26. – № 403. – С. 260.

[536] Сказка (обыск), как и «подписная челобитная», составлялась непосредственно в земской избе. 18 ноября 1639 г. шуйский воздвиженский дьякон жаловался на воздвиженского попа. Они оба были «в земской избе для мирскова обыскнова дела», когда поп дьякона «бранил матерном». Затем он явился к нему на двор, избил и ограбил его. Причиной конфликта стали территориальные притязания А.М. Мишукова на церковную землю, занимаемую двором дьякона, поддержанные попом: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-1 об.

[537] 13 сказок с полным составом администрации, 7 – с упоминанием лишь земского старосты, 4 – с упоминанием старосты и двоих целовальников и 5 – старосты и одного целовальника.

марта 1616 и 25 мая 1642 гг.).[538] Что касается «кворума» для дачи сказки, то его наличие вызывает большие сомнения. Определение «порогов» численности упоминаемых в сказках посадских людей и их хронологическое распределение свидетельствует о том, что серьезные критерии определения «кворума» при мирском сходе отсутствовали.[539] Сохранилось также семь мирских выборов посадских людей на земские и государевы службы и две поручных записи в платеже откупных денег: таможенных (1 сентября 1665 г.) и мыльных и дегтярных (сентябрь 1648 г.). Они свидетельствуют о значительном сходстве состава лиц в мирских сходах для дачи сказок и выбора на службы.[540]

В выборах кабацких служителей (сентябрь 1721 г.), ратманов (8 ноября 1722 г.) и служителей ратуши (ноябрь 1722 г. и 30 декабря 1731 г.) упоминаются лишь представители земской администрации.[541] Однако к трем из этих актов имеются подписи, указывающие на участие в выборах посадских людей.[542] Привлекая для

---

[538] Некую «профессионализацию» состава участвовавших в даче сказок посадских людей можно наметить во второй половине 1610-х гг.: в период с 1617 по 1620 гг. в них дважды упоминаются по 3 и 4 человека, а также 1, 6, и 9 лиц. Очевидно, факт сокращения состава участвовавших в сказках лиц связан с внешним фактором: неоднократным «литовским разорением» города в этот период (набеги случились в 1616 и 1618 гг.). Соответственно, в этот период значительная часть посадских людей в городе отсутствовала (дозор 20 июня 1619 г. зафиксировал всего 33 двора). Еще один всплеск «профессионализации» отмечен в 1641 г.: в сентябрьской сказке упоминаются 3 чел., в октябрьской – 4.

[539] Отмечено семь случаев участия в сходе менее 20 чел. (10, 13, дважды по 16 и трижды по 18 чел.), 8 случаев участия более 20 человек (22, 27, 28, 29 и дважды по 24 и 26), два случая сбора более 30 человек (35 и 36), 3 случая – более 40 чел. (42, 47 и 48), а также участие 52, 55, 57 и 66 человек. При этом хронологически эти цифры распределяются достаточно равномерно. Пять раз отмечена чрезвычайно высокая явка, отмечавшая важнейшие для посада дела: сказка о табачном обыске, проведенном И.М. Тарбеевым от 16 октября 1639 г. (145 чел.), сказка разбоях в Шуйском уезде от 20 февраля 1635 г. (108 чел.), сказка об острове, явившемся предметом спора А.М. Кашинцева и крестьян Мардасской волости октября 1676 г. (94 чел.), «одобрительная» сказка о 4 шуянах января 1679 г. (101 чел.) и сказка о задержке соляной торговли в связи с введением новой таможенной пошлины на соль от 8 августа 1646 г. (93 чел.). Подсчет производился по: ПДП. – № 106, 129, 247, 248. С. 150, 163-165, 244-245; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 8, 9, 25, 27, 32, 33, 43, 44, 45, 52. – С. 154-156, 168, 170-172, 177, 185-187, 190; Там же. Т. 2. – № 9, 19, 47, 62, 85, 94, 102, 114, 152, 162, 166. – С. 36, 45-46, 72-76, 88-89, 110, 119, 124, 134-135, 171-172, 181, 184-185; Там же. – № 8, 10, 11, 12, 58, 139, 146, 153, 171. – С. 296-303, 343, 411, 415-416, 422, 431; РИБ. Т. 2. – № 4, 10. – С. 711, 747-748; ВГВ. – 1870, № 9. – С. 2; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 6, 15, 120, 126, 153, 162, 165, 168, 184, 201, 203, 215, 216, 525, 551; Там же. – Оп. 2. Д. 53, 56, 96; Архив СПбФИРИ РАН. – Оп. 1. Д. 27, 202, 245; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 7, 8, 40, 56, 62, 63, 70, 73; НИОР РГБ. К. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 34, 45, 49, 67, 113; К. 2. Д. 26, 37; К. 4. Д. 6, 29, 52, 64; К. 7. Д. 46.

[540] Наибольшее число лиц упоминается в мирском приговоре о выборе земского старосты и целовальников 17 июня 1639 г. (48 чел.), наименьшее – в выборе солдат на государеву службу в 1661 г. (11 чел.). В выборе в губные целовальники в сентябре 1646 г. приняли участие 34 чел., в выборе земских сборщиков 17 июня 1639 г. и сотских 4 июня 1669 г. – по 33 чел., в выборе администрации кружечного двора 13 августа 1670 г. и таможни в ноябре 1708 г. – 21 и 20 человек соответственно.

[541] Сборник Щукина. Т. 2. – С. 139; ВГВ. – 1864. № 36. – С. 236; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 675. – Л. 1-2; Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-2 об.

[542] К «кабацкому» выбору имеются подписи И.М. Савина, Григория Дмитриева, Ивана Артемьева и Федора Архангельского, к выбору ратушских служителей ноября 1722 г. – «рукоприкладства» 12 чел., к такому же выбору 30 декабря 1731 г. – 15 чел. С.К. Богоявленский специально поставил вопрос об ответственности за содержание протокола – избирателей, либо рукоприкладчиков – и решил его в пользу первой категории: *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат... С. 466-467.

сравнения окладной список 1724 г, можно выяснить, что в приговоре 1721 г. состав лиц, подписавших приговор вполне демократичен.[543] Однако в приговоре 1722 г. предстает иная картина: четверо рукоприкладчиков относились к «лучшим» людям, пятеро – к «средним», и еще трое – к «молодшим»,[544] а в 1731 г. четверо – к «лучшим», четверо – к «средним» и шестеро – к «молодшим».[545] О составе выборщиков можно судить также на основании анализа мирского приговора о вдовах от июля 1710 г., выбора таможенных служителей от ноября 1708 г. и выбора в «мирские росходчики» от 19 декабря 1709 г.[546] Для их анализа целесообразно привлечь окладной список 1711 г. В данном случае данные еще разительнее: в 1708 г. зафиксированы 5 «лучших» людей, 8 – «средних», 5 «молодших» и «бобыль»,[547] в 1709 г. – 9 «лучших», 12 «середних» и 6 «молодших»,[548] а в 1710 г. – 12 «лучших» людей, 10 «средних», 1 «молодший» и 1 «бобыль».[549] Исходя из этого, можно сделать вывод о решительном преобладании в числе выборщиков лиц со средним и высшим окладом, даже не беря в расчет земскую администрацию.[550]

Значительный материал для прояснения состава мирского схода представляют сказки 1620-1640-х гг. в сравнении с данными писцовой книги 29 июля 1629 г. Всего в фокус обследования попали 10 актов (8 сказок, выбор и мирской приговор). В 5 сказках с «узким составом» представители «лучших» и «середних» людей (10% тяглецов) практически исчерпывали состав участников.[551] В остальных сказках состав более демократичен: основу составляют представители «молодших людей»

---

[543] Все четверо в 1724 г. имели оклады низшей статьи: 2 д., 3 д., и двое – по 4 д. Средний оклад составлял 6,4 д., оклад, разделявший «молодших людей» и «бобылей» – 3 д., а «лучших» и середняков – 14,65 д.

[544] 4 д., двое – по 6 д., 8 д., 9 д., 10 д., 12 д., 14 д., 16 д., 18 д., 54 д., 36 д. Здесь нужно учитывать, что в первом случае не упоминается «рукоприкладство», юридически заверявшее акт.

[545] 54 д., 18 д. (двое), 16 д., 14 д., 12 д. (сын), 10 д. (двое), 6 д., 5 д. (двое, у одного – сын), 4 д. (двое), 3 д.

[546] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 525. – Л. 4-4об.; Там же. – Д. 551. – Л. 1-2.; Там же. Д. 540. Л. 1; Там же. Д. 539. Л. 3.

[547] 90 д. (двое), 36 д., 28 д., 26 д., 22 д., 18 д., 16 д., 12 д., 11 д. (трое), 10 д., 8 д., 6 д. (трое), 5 д., 3 д. Средний оклад в 1711 г. составлял 8,5 д., граница между «лучшими» и середняками – 24,4 д., а между «молодшими» и бобылями – 4 д. Еще один человек находит соответствие в «книге подводам» как «середний» (19 д.)

[548] 90 д. (двое), 46 д., 44 д., 36 д., 34 д., 30 д., 28 д., 26 д, 22 д., 20 д., 18 д., 16 д., 15 д., 12 д. (двое), 11 д. (трое), 10 д. (двое), 8 д., 7 д., 6 д., 5 д. (двое), 3 д. Оклад еще одного определяется по «книге подводам» как средний (19 д.), а другого – как «лучший» по недатированному списку (20 д.) и средний по окладному списку 1717 г. (10 д.).

[549] 100 д., 90 д. (двое), 46 д., 36 д., 32 д., 30 д., 28 д. (двое), 26 д. (трое), 22 д., 20 д., 16 д., 15 д., 14 д., 12 д., 11 д. (двое), 10 д. (двое), 7 д., 3 д.

[550] Представители которой в обязательном порядке принимали участие в мирских сходах и происходили из высшей части посада.

[551] В сказке от 29 июля 1629 г. – 3 лучших и 1 средний; от 29 ноября 1629 г. – 3 лучших, 4 средних и 3 «молодших»; от апреля 1638 г. – 1 средний; от сентября 1641 г. – лучший и 2 средних; от октября 1641 г. – 2 лучших и 2 средних (имеются рукоприкаладства бобыля и «молодшего» человека).

(средней части посада, составлявшей 58,5% тяглецов).[552] Но при этом процентный перевес «лучших» и «середних» людей относительно их процента в общем числе тяглецов все же достаточно значителен.[553] Снижение этого процента обратно пропорционально росту количества участников схода. Но при составе участников до 30 чел. (около 60% сходов) верхушка посада имела явный перевес над другими социальными группами.

Эти выводы можно подтвердить анализом 6 сказок и одного выбора (в кружечный двор от июля 1670 г.), относящихся к 1670-1680-м гг. В данном случае для сравнения будут привлекаться данные «полосных росписей» 1681 и 1691 гг.,[554] а также недатированной окладной росписи второй половины 1660-х гг. В сказке декабря 1684 г. как «лучших» людей удалось идентифицировать 13 чел. (еще одного – предположительно),[555] в сказке 1682/83 г. – 9 чел. как «лучших» (еще одного – предположительно), 1 как «среднего» и 3 как «молодших»,[556] в сказке января 1679 г. – 7 чел. как «лучших» (еще одного – предположительно), и 4 чел. – как «средних»,[557] в сказке 23 июня 1677 г. – 8 чел. как лучших» (еще двоих – предположительно),[558] в сказке 1675/76 г. 7 чел. – как «лучших» (еще одного – предположительно), 3 чел. –

---

[552] В сказке от 11 марта 1628 г. – 2 лучших, 6 средних, 17 «молодших», 5 бобылей и 1 нищий; в выборе от 17 июня 1639 г. – 2 лучших, 6 средних, 13 «молодших», 1 бобыль; в мирском приговоре от того же числа: 1 лучший, 6 средних, 29 «молодших», 8 бобылей; в сказке от сентября 1641 г. – 3 лучших, 4 средних, 12 «молодших», 1 бобыль; в сказке от 17 марта 1642 г.: 3 лучших, 4 средних, 10 «молодших» и 2 бобыля.

[553] Уже было сказано, что «средние» и «лучшие» люди вместе не превышали 10% тяглецов. При этом в трех сказках эта часть участников превышала треть: 17 марта 1642 г. – 37%, сентября 1641 г. – 35%, выбор 17 июня 1639 г. – 37%. В двух других процент верхней страты посад был ниже. Причем он снижается при общем повышении числа участников схода: 11 марта 1628 г. – 26% (31 участник), приговор 17 июня 1639 г. – 16% (44 участника). В первых трех актах состав участников был ниже: 22, 24 и 25 чел.

[554] Поскольку в списке 1681 г. не обозначен точный оклад лиц, то надежные выводы можно делать лишь в отношении тяглецов, владевших двумя полями. Что касается владельцев одного поля, то сравнение «росписных списков» свидетельствует, что лишь 12 владельцев полей по списку 1681 г. в 1691 г. имели оклад выше среднего. Еще 16 имели оклад ниже среднего (в том числе 7 чел. – «бобыльский»). Следовательно, лица с одним полем по списку 1681 г. выпадают из фокуса исследования.

[555] Всего в сказке отмечены 17 тяглецов (18 чел.). По спискам 1681 и 1691 гг. 5 чел. идентифицируются как «лучшие». По списку 1691 г. как «лучшие» определяются еще 6 чел., а по списку 1681 г. – 2 чел. Еще один человек по списку 1681 г. значится в числе лучших, а по списку 1691 г. – «молодших».

[556] Всего в сказке отмечены 27 тяглецов (32 чел.). По спискам 1681 и 1691 гг. 2 чел. определяются как «лучшие». По списку 1691 г. как лучшие определяются еще 7 чел., 1 чел. – как «середний» и 3 чел. – как «молодшие». Еще один в 1681 г. имел оклад «лучшего» человека, а в 1691 г. – «моловшего».

[557] Всего в сказке отмечены 18 тяглецов (23 чел.). По обоим спискам как «лучшие» идентифицируются 2 чел., по списку 1681 г. – еще 2 чел., по списку 1691 г. – 3 чел. Еще 3 чел. по этому списку определяются как «средние». Еще один по списку конца 1660-х гг. имел оклад «среднего» человека, а другой по этому списку определяется как «лучший», а по списку 1691 г. – как «моловший».

[558] Всего в сказке отмечены 13 тяглецов (14 чел.). По обоим спискам как «лучшие» определяются 3 чел., по списку 1681 г. – 3 чел., по списку 1691 г. – еще 2 чел. Один человек по списку 1681 г. определяется как «лучший», а в 1691 г. – как «средний», другой – в 1681 г. как «лучший», а в 1691 г. – как «молодший».

как «середних» и 2 чел. – как «бобылей»,[559] в сказке 14 октября 1671 г. – 8 чел. как «лучших» (еще одного – предположительно), 1 чел. – как «среднего» и 1 чел. – как «молодшего».[560] Наконец, в выборе июля 1670 г. как «лучшие» идентифицируются 9 чел., еще 2 чел. – как «средние» и 1 чел. – как «молодший».[561] Эти данные подтверждают выводы, сделанные при изучении данных о мирских сходах в 1620-1640-х гг. – относительный процент «лучших» и «середних» людей на мирском сходе намного превышал процент «молодших» и бобылей и снижался лишь в случае увеличения состава схода. Однако не подлежит сомнению, что и в этом случае «лучшая» и «средняя» часть посад определяла направление дискуссии и оказывала решающее влияние на решение мирского совета.

В целом данные о составе мирских сходов подтверждают соображения, высказанные по этому поводу С.К. Богоявленским[562] и А.А. Кизеветтером.[563] Некоторые сказки не требовали одобрения мирского схода и выдавались лишь представителями земской администрации – она отторгает часть прав у мирского схода. Этот процесс явно намечается со второй половины XVII в. Что касается состава схода, то данные о нем подтверждают соображения названых выше ученых об изменчивом составе участников схода, их сравнительно невысоком числе, резком повышении числа участников в связи с экстренными обстоятельствами и наконец – об «аристократизации» схода. С.К. Богоявленский установил, что «в постоянно менявшемся составе сходов выделяется группа людей, которые были заинтересованы в том, чтобы принимать участие в мирских делах».[564] Его поддержал А.А. Кизеветтер, согласно мнению которого, «юридически общепосадский сход фактически превращался в сход по преимуществу первостатейных тяглецов». Без

---

[559] Всего в сказке отмечены 29 тяглецов. По обоим спискам как лучшие определяются 3 чел., по списку 1681 г. – 3 чел., по списку 1691 г. – еще 1 чел. По этому же списку 3 чел. идентифицируются как «середние», 2 чел. – как «бобыли». Наконец, еще один тяглец в 1681 г. имел оклад «лучшего», а в 1691 г. – «среднего» человека.

[560] Всего в сказке отмечены 26 тяглецов (27 чел.). По обоим спискам как «лучшие» определяются 3 чел., по списку 1681 г. – 1 чел. и по списку 1691 г. – 1 чел. По этому же списку еще 2 чел. идентифицируются как «молодшие». По окладному списку второй половины 1660-х гг. как «лучшие» определяются еще 3 чел., и 1 чел. – как «средний». Наконец, тяглец по списку 1681 г. входил в число «лучших» людей, а в 1691 г – в число «средних».

[561] Всего в выборе отмечен 21 тяглец (24 чел.). По обоим спискам как «лучшие» определяются 4 чел., по списку 1681 г. – еще 2 чел. В списке 1691 г. один определяется как «молодший». В окладном списке второй половины 1660-х гг. 3 чел. идентифицируются как «лучшие», 2 чел. – как «середние».

[562] *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат... С. 454-470, 484-493.

[563] *Кизеветтер А.А.* Посадская община... С. 639-647.

[564] Он доказывает, что эта заинтересованность являлась «средством угнетения беднейшей части мещанского мира». Средний оклад участников избирательного схода 1682 г. был 49 коп., тогда как среднее тягло с Мещанской слободы составляло 27 коп.: *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат... С. 486.

них он терял свое значение, но сами они «могли обходиться и без малотяглой массы, пока она им не надобилась для целей партийной борьбы».

Вопрос о взаимодействии посадской общины с воеводой подробно рассмотрен ниже. В данном случае ограничимся двумя казусами, свидетельствующими о высокой степени самостоятельности общины. 4 июля 1607 г. суздалец М.М. Кишкин «приволокся» в Шую с царской службы и был задержан шуянами, которые начали Кишкина «бити по ушам и называти». Его вытащили из избы на улицу и «убив замертва и связав, отвели в земскую избу». «Образумился» Кишкин уже в земской избе «аже тут полна изба шуян посадцких людей». Его назвали изменником и хотели «посадити в воду», но в конце концов отпустили.[565] Тот факт, что шуяне допрашивали его в земской избе, указывает на то, что эти действия были вполне спланированной акцией по задержанию «государева изменника». Следовательно, посадские люди действуют «всем посадом», не обращаясь за помощью к городовому приказчику или губному старосте. 22 августа 1618 г. к воеводе П.Ф. Волынскому явился сын посадского Ильи Овдокимова, и сообщил, что во двор его отца вломились шуяне Горбуновы, избили и ограбили его семью. Двор Овдокимова оказался разгромлен: хозяин «бит лежит середи двора, а жена его и дочери биты ж над ним вопят голосом». Он показал, что виновниками избиения были Горбуновы. Прежде они уже были замечены в подобном поведении: П.Ф. Горбунов явился на двор к посадскому Ваське Микулину, избил и ограбил хозяина. Микулин извещал на агрессора воеводе, но подать иск не посмел, поскольку «оне люди семьянисты», с друзьями и «заговорщиками». Оводокимов все же решился подать челобитную на Горбуновых, но при этом «отпрошался» у воеводы на доклад в Москву, а в Шуе искать на Горбуновых не смел, поскольку они «мне (Волынскому – Е.Б) силны».[566] Следовательно, власть воеводы была настолько непрочной, что значительная посадская семья вполне успешно могла противостоять ему.

Обычно для решения внутриобщинных конфликтов предпочитали не привлекать сторонние силы. Свидетельством подобной политики стал специальный мирской приговор 1625/26 г., в котором регулировалось поведение общины в ходе

---

[565] *Маштафаров А.В.* Явочные челобитные…. – № 79. – С. 335-336.
[566] ПДП. – № 206. – С. 220-221.

судебного разбирательства: «кто у нас Шуе на посаде промеж собою друг друга учнет продават и государевы грамоты имати в ыскех, или сторонние люди учнут по нас грамоты же имати», то шуянам «промеж собою то дело сыскивати: буде то дело наше мирское, и нам мирским людем друг за друга стояти». В случае, если это «мирсково человека особное дело», посадские люди также должны были «за него миром стояти», и лишь убытки он должен был «платит собою».[567] Появление этого документа стало необходимым в результате политического раскола мира, выделения нескольких общественных группировок. Разбирательство дела производилось внутри общины:[568] шуяне должны были выработать общую позицию, которую посад должен был отстаивать в суде.[569] Обязанности земского старосты и посадской общины относительно разбирательства судебных дел определены мирским приговором от 17 июня 1639 г. Земские старосты и целовальники должны были «бити челом о всяких мирских делах, и о посадцкой земле, в насильствах сторонних людей» на посаде и ходить «ко всяким начальным людем» по этим делам. Убытки, которые они могли понести в «мирских делах» было решено «миром подымать». Потерпевшие убытки не должны были «давать челобитья»: их количество определялось «по сыску меж собою».[570] Таким образом, обязанности выборных людей и мира были закреплены юридически.[571] О подобном характере действий земских старост ярко свидетельствует дело о смерти шуянина И.Е. Пупышева.[572]

---

[567] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 78. – Л. 1-2 об. Отражением подобного порядка разбирательства является поручная 24 видных посадских людей земскому старосте и целовальникам по Г.С. Лабунину. Последний оказался втянут в дело о скупке краденого: «являл на него кабацкой ярыга Семейка в поклажем». Лабунин обязывался «в тех явках к мирским людям убытка не довести», а в противном случае убытки взимались на поручиках: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 69. Л. 4-4 об. С помощью подобной записи община избавлялась от потенциальных убытков по делу.

[568] Именно о подобной ситуации идет речь в обыске шуян о наличии на посаде «татей и разбойников»: они показывали, что 19 сентября 1611 г. через Шую проезжали «мимо Шую ввечеру» Яков Скрябин и его товарищ Нехорошко «и изъехали на двор» к шуянину М. К. Карамышеву. Однако «ево Матфея и жены ево не было дома» и гости «харч и питье с кабака покупали и пив без нево и без жены из двора поехали». Шуяне «миром призывали» Карамышева в земскую избу «и его про тех людей спрашивали», а в обыске показали, что «извету нам и писма и завету про тех людей не бывало»: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-1 об.

[569] В случае, если мир не поддерживал своих членов в судебном деле, он официально фиксировал это в специальной челобитной. 25 мая 1670 г. земский староста бил челом на троих шуян, поручившихся по Л.Н. Нехорошево, который «сходил из Шуи неведомо куда, и не было ево Левки дома недел с пятнатцат, и как он Левка в Шуе объявился и посажен был в тюрму». Шуяне отмечали, что местопребывание беглеца вне Шуи им неизвестно, и в случае, если «что от нево Левки и от порутчиков какое дурно учинитца и нам бы в пене не быт и вконец не погинут»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 24. Л. 1-1 об. Таким образом, они отказывались нести коллективную ответственность за поручиков.

[570] ВГВ. – 1862. № 18. – С. 75-76.

[571] Это подтверждает и формуляр выбора земских окладчиков для сбора денег на жалованье ратным людям от 17 июня 1639 г. Он должны были собрать с шуян по 2 р. с двора «изверстався по тяглом», на ослушниках эти деньги «править бес поноровки», а в случае убытка окладчиков «у нашего мирского дела» (в результате правежа или

Юридические нормы, закрепленные в этих актах, вовсе не означали отсутствия конфликтов внутри общины. Напротив, они были приняты именно с целью урегулирования этих разбирательств. Характерными примерами противостояния «мира» и отдельных его представителей являются конфликты с земским старостой И.П. Смоляниным в 1665 г., с получившим на оброк необходимую посаду землю И.Г. Шиловым в 1696 г.,[573] а также с откупщиками – таможенными А.Д. Хреновым в 1624/25 г.[574] и Д.И. Калининым в 1638 г.,[575] кабацким Л.И. Ляпуновым в 1645 г.[576] «мыльной мелкой рези» М.И. Лисиным в 1649 г.,[577] и площадного письма Михаилом Овдокимовым в 1636 г.[578] Если в случаях со Смоляниным и Шиловым объектом обиды служила вся община, то откупщики вступали в конфликты с отдельными лицами (группами лиц). Однако по итогам «мирского совета» их поведение было признано антиобщественным, что и стало причиной отмеченных конфликтов. Примеры подобного поведения встречаются и в отношении частных лиц, не

«харчей и московской волокиты») – «нам их в том не в чем не подати и во всем в том миром помогати»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-2. Содержание мирского приговора непосредственно продолжает приговор 1625/26 г., в котором регулировалось поведение общины при судебном разбирательстве. К сожалению, мы лишены возможности сопоставить этот мирской приговор с другими выборными приговорами относительно земских старост. Специально изучавший вопрос о составе «выборных» актов М.М. Богословский отмечает, что «перечисление полномочий и обязанностей выборного должностного лица и обязательств земского мира по отношению к нему делается с различною степенью подробности». Главные обязанности земских властей сводились к участию в отправлении правосудия и сборе податей. Однако трудно представить, чтобы одна группа полномочий получила детальное рассмотрение, а вторая вообще оказалась выведена из текста «выбора». При этом концовка формуляра нашего акта не совпадает с обычным формуляром мирских «выборов»: «в том мы ему и выбор дали». В нашем акте формулировка совсем иная: «на том мы посацкие люди и се писмо изволили написав, положит в земской избе в свою мирскую коробью»: *Богословский М.М.* Земское самоуправление… Т. 1. – С. 306-316. «Подробные» выборы см. также: *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат… С. 470-471; *Кизеветтер А.А.* Посадская община… С. 633-635.

[572] В 1648/49 г. крестьяне «розных боярщин» Шуйского уезда ходили «в украиные города икон менять». С ними ходил шуянин И.Е. Пупышев. Он «опился вина в Алатырском уезде на дороге» и умер. Когда «ходебщики» вернулись домой, жена умершего и земский староста потребовали «сыскать» его. В результате 9 января 1650 г. товарищи Пупышева дали земскому старосте мировую запись, по которой обязывались заплатить московские пошлины по делу и поголовные деньги и вернули его «животы» жене: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 68-70. – С. 92-94; ЛЗАК. Вып 26. – № 286. – С. 247.

[573] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 226. – С. 463-464.

[574] В челобитной от 29 мая 1628 г. шуйский воевода Д.О. Овцын отмечал, что губной дьячок И.С. Утешев в 1624/25 г. «написал в записи за очи в порушную шуян посацких людей» 17 человек по таможенному откупщику А.Д. Хренову. В результате шуян «продали и стало им убытку больши четырехсот рублев»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. – Т. 2. – № 16. – С. 162.

[575] Калинин получил на откуп таможенную пошлину на год с 1 сентября 1638 г. В связи с этим губной староста С.Ф. Кишкин получил указ о получении на шуянах поручной записи по Калинину. Однако они жаловались, что последний «поруки по себе не дает», а Кишкин «норовя ему», ее «не емлет». Они напоминали аналогичный случай с А.Д. Хреновым. Сам Хренов ушел в закладчики, а шуяне «живот свой мучили на правеже многое время, и животишка свои испродав, и кабалы на себя подавав денги за него платили». Вследствие подобного прецедента шуяне извещали о задержке с порукой Калинина «чтобы он нас не велел переписат в поручную запис заочно» и просили о получении на нем поруки: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 48. Л. 1-2 об.

[576] Там же. – № 71, 73. – С. 351-355; АЮБ. Т. 1. – № 55/8, 55/9. – С. 261-267; ЛЗАК. Вып. 26. – № 219, 223, 227, 245, 256, 268. – С. 239, 240, 243, 245.

[577] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 282. – Л. 1-10; Там же. – Д. 287. – Л. 1-2 об.

[578] Там же. – Д. 163. – Л. 1-4.

исполнявших значимых служебных функций (подобно отмеченным выше).[579] Предметом общего иска могли служить неоднократные частные злоупотребления против членов общины. Крайним средством борьбы общины с «антиобщественными» действиями своих членом было исключение их из «мира».[580] К этому средству община могла прибегать в случае неоднократного рецидива антиобщественного поведения и реальной возможности убытков.

Однако и посадские люди имели возможность возбудить судебное ходатайство против общины. В 1624/25 г. шуяне не выплатили З.П. Попову, исполнявшему службу таможенного и кабацкого головы в Юрьевце, обещанных 40 р. «подмоги». Лишь после возбуждения им иска (1628/29 г.), они выплатили ему в 97,5 р. «подмоги, проести и волокиты и убытков».[581] 11 мая 1681 г. шуяне сообщили,[582] что посадский человек П.А. Гусев 11 июля 1680 г. был найден повешенным в кабаке.[583] Обстоятельства дела свидетельствуют, что родственники Гусева, не удовлетворившись действиями местной администрации, подали челобитную в Разбойный приказ. Шуяне проиграли дело и вынуждены были выплатить вдове Гусева сумму «на прокорм ей и детям».[584] Следовательно, отдельные члены общины могли выступить против «мира», однако в данном случае иск обычно заканчивался примирением сторон.

---

[579] В 1638/39 г. шуяне били челом на посадского человека Т.К. Красильника. Эта челобитная стала продолжением целого ряда исков последнего: в 1620/21 г. он с помощью «многие ложных поклепных исков» учинил земскому старосте и всем шуянам «убытки многие». В 1633/34 г. он искал на своем племяннике П.П. Красильнике «ложного ж поклепного иску», а в 1638/39 г. «умысля своею затейкою ложно бил челом» на Федора Фомина о краже, от чего тот был «изубытчен напрасно». Сутяжник «похвалялся впред» подобными исками на многих шуян, что и вызвало жалобу «чтоб нам сиротам твоим и досталным от ево Тихонова ложнова челобитья и поклепных исков впред вконец не погинут». В 1661/62 г. земский староста Г.К. Шилов бил челом на шуян И.П. Смолянина, И.В. Гниду и Ивана Подшивалова, осуществлявших притеснения посадских людей: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 205; ЛЗАК. Вып. 26. – № 231. – С. 240.

[580] В челобитной на посадскую вдову Антониду шуяне отмечали, что указанная вдова «пущает к себе на двор проезжих и прохожих всяких людей без явок, и учала у себя держать блядьню и корчму». 30 мая 1649 г. они «били челом словесно» об этом воеводе С.И. Змееву и тот по государеву указу приказал ее «с Шуи с посаду выбить». В 1665/66 г. земский староста жаловался, что шуянин И.П. Короб «пьет и бражничает безобразно и зернью и карты играет и жену свою бьет и мучит не по закону» и просил выслать его с посада. В 1660/61 г. земский староста А.В. Дырин просил выслать с посада шуянина Дмитрия Котельника: Борисов В.А. Собрание трудов. Т. 2. – № 77. – С. 358; Там же. – № IV. – С. 233; ЛЗАК. Вып. 26. – № 228. – С. 240.

[581] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 96. – Л. 1-1 об.

[582] Лухский подьячий прибыл в Шую по грамоте из Разбойного приказа и наказной памяти лухского воеводы Я.А. Яхонтова.

[583] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 171. – С. 431; АЮБ. Т. 3. – № 340/12. – С. 335-336.

[584] Согласно мировой расписке от 4 октября 1681 г. вдова Гусева приняла у земского старосты 20 р., которые получила с шуянина Г.К. Шилова «после мужа своего Петра на прокорм себе и детям и проторей своих и убытков»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 174. – С. 432-433; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 235. – Л. 1-1 об. Учитывая, что в 1680/81 г. Шилов был кабацким головой, можно заключить, что Гусевой была выплачена компенсация за смерть ее мужа «на кабаке», вина за которую легла на кабацкую администрацию. Причем выплачена она была миром, поскольку кабацкий голова являлся его представителем.

Большой интерес представляет механизм функционирования земской избы. В нее поступало огромное количество челобитных от самых разных лиц. Отсутствие сведений о делопроизводстве по этим актам дало еще В.А. Борисову повод предположить, что подавались они лишь для сведения. 23 октября 1697 г. суздальский площадной подьячий был направлен сыщиком И.Ф. Парфеньевым в шуйскую земскую избу для доставки сведений по явочным челобитным о беглых крестьянах Николо-Шаротомского монастыря и с. Гориц. Шуяне сообщали ему, что в земскую избу «изстари приносят всяких чинов люди явошные челобитные обо всяких своих делах и те де челобитные клеилис в столпы».[585] О цели подобных явок свидетельствуют показания шуян от 23 июня 1677 г. по делу о бунте пупковских крестьян Николо-Шартомского монастыря.[586] Из них можно заключить, что земская изба играла роль первичной инстанции, занимавшейся сбором сведений по различным судебным делам. Основным способом расследования в тот период являлся «обыск»: получение интересующих следствие сведений от окрестного населения. Посадская община привлекалась в качестве важного свидетеля по всем крупным судебным делам, что и обусловило превращение земской избы в первичную судебную инстанцию.[587] 20 февраля 1635 г. сыщиком И.Л. Шаховским были получены обыскные речи относительно разбоев в Шуйском уезде. Шуяне утверждали, что на посаде «воров, татей и розбойников нет» и перечисляли имевшиеся у них явки «от всяких околных людей».[588] Посадские люди также привлекались к «гонению следа»: их показания могли обеспечить приоритет одной

---

[585] «Записные книги» явочным челобитным были заведены с 1 сентября 1693 г. «для того, чтобы те челобитные в земской избе меж старостами в переменах явны». С 1 сентября 1693 по 26 октября 1697 г. в записных книгах было зафиксировано 32 явочных челобитных: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 39. Л. 104 об. См. прил. 7.

[586] Монастырские власти утверждали, крестьяне «напився пьяны, приходили в монастырь бунтовством». Шуяне сообщали, что о подобном факте не знают, но слышали сполох в монастыре. Кроме того, в шуйскую земскую избу старостой с. Пупки была подана явка на монастырского архимандрита Нафанаила. О достоверности ее они ничего не знали, поскольку «тот монастырь от нас отдален и явок у нас про такие дела нет»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 146. – С. 415-416; АЮБ. Т. 3. – № 340/11. – С. 334-335.

[587] «Явки», предоставленные заинтересованной стороной в земскую избу, могли сыграть решающую роль в расследовании. М.Б. Булгаков по этому поводу пишет: «Все эти явки носили оповещательный характер, а конкретное разбирательство осуществлялось обычным порядком – воеводами» и полагает саму процедуру традицией, оставшейся со времен, «когда посадское земство осуществляло всю полноту местной власти»: *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб… С. 46. Сохранение оторванной от жизни «традиции» в течение целого столетия представляется маловероятным.

[588] 7 апреля 1632 г. человек С.Я. Милюкова подал явку на суздальца Н.А. Сулдешева в приеме разбойников. 19 июля 1634 г. староста дворцового с. Дунилова Суздальского уезда подал явку в Шую на разбой в д. Сомове, а 24 июля – на грабеж возвращавшегося с шуйского торга крестьянина В.Л. Шиловского. 15 октября 1634 г. поп Ильинской церкви с. Зименок Суздальского уезда сообщал о краже у него мерина человеком П.В. Нащокина. 22 декабря 1634 г. к шуянам обратился человек Ф.И. Кишкина, сообщивший о грабеже крестьянина в д. Вражках Суздальского уезда: РИБ. Т. 2. – № 4. – С. 711-718.

из сторон в судебном деле.[589] Челобитная Ф.И. Высоцкого 1658 г. свидетельствует, что тяжущиеся стороны могли финансово стимулировать опрашиваемых.[590]

Подобное значение земской избы сохранилось и к началу XVIII в. Сохранились книги записи прошений в шуйскую земскую избу за 1702-1703 гг. в них отмечено 19 прошений (12 – в 1702 г.,[591] 7 – в 1703 г.).[592] Из них лишь 6 принадлежат посадским людям и 1 – человеку подьячего шуйской приказной избы.[593] Таким образом, земская изба играла важнейшую роль в судебном расследовании, являясь инстанцией, аккумулировавшей сведения о нем еще до возникновения самого процесса. Причем апеллировали к ней не только частные лица, но и представители государственного управления.

В связи с этим важное значение приобретает вопрос о работе земской избы по жалобам членов посадской общины. В этом отношении характерным является дело о «запослушенных пустых столбцах». Шуянин Захар Несмеянов бил челом на площадных подьячих Матвея Григорьева и Ивана Михайлова, которые в феврале 1686 г. принесли ему «порожние столбцы». Несмеянов запослушил столбцы, но «ныне они объявливаются в великих крепких записех».[594] Земский подьячий Яков Михайлов, также «запослушивший» столбцы по просьбе площадных подьячих, потребовал допросить их в приказной избе.[595] Вскоре последовала челобитная всех посадских людей. В качестве истцов фигурировали Несмеянов и Михайлов. Авторы челобитной поясняли, что площадные подьячие обещали составить на «запослушенных» ими столбцах «променные записи», обязались ознакомить с ними

---

[589] 5 января 1634 г. разбойники напали на крестьянина д. Песочного, располагавшейся в 4 верстах от посада. «Одновотчинные» крестьяне пострадавшего и другие «околные люди» ходили следом за разбойниками. Они «призывали на след» и шуян. След прошел мимо города «вспольем на болшую Балахонскую дорогу», на которой и затерялся: Там же. – С. 717-718.

[590] Он жаловался, что по грамоте от 13 марта 1658 г. шуйскому воеводе Г.Б. Кайсарову и губному старосте Л.В. Кишкину велено «обыскать» по делу Высоцкого и Кайсарова «в Шуе в посаде окольными людьми большим повальным обыском». Однако Кайсаров посылает своих людей и крестьян из с. Юрчакова «по селам и по деревням и в Шую к посадским людям» скупать обыски, чтобы они давали благоприятные для него показания: ВГВ. – 1864. № 44. – С. 305-306.

[591] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 217. – Л. 2-10.

[592] Там же. – Д. 219. – Л. 1-4.

[593] Остальные представляют собой челобитные помещиков (А.Ф. Куликов, И.С. Колобов), глав посадских и сельских общин (с. Палеха, с. Иванова, д. Васюкина и две челобитные лухских бурмистров), отдельных лиц (луховских солдат, выборного крестьянина Николо-Шартомского монастыря, тяглеца Устюжской полусотни, посадского человека г. Юрьевца). Наконец, одна челобитная была подана воеводой И.Г. Кашинцевым. 15 марта 1702 в Шую явился сборщик Григорий Хананев и прислал к воеводе память о высылке к нему подьячих приказной избы. Кашинцев требовал у него послушной грамоты, в ответ на что подьячий Хананева поносил и бранил его. В результате он выслал подьячих, но сборщик утверждал, что те к нему не прибыли.

[594] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 198. – С. 450-451; ЛЗАК. Вып. 26. – № 609. – С. 287.

[595] ЛЗАК. Вып. 26. – № 608. – С. 287.

истцов, но предоставили им лишь два столбца.[596] Таким образом, шуяне в этом судебном деле не просто встали на сторону членов общины, но и тщательно отредактировали их версию.[597] Подобная ситуация повторилась в случае с челобитной Ф.И. Саратовцева от 4 декабря 1670 г.[598] а также И.И. и П.А. Болотовых 1698 г.[599] Это свидетельствуют о работе земской избы по анализу челобитных, поданных членами общины: после принятия решения о поддержке истца челобитная уже от имени всего посада направлялась в Москву.

С другой стороны, неблаговидное поведение членов общины, которое могло повлечь за собой последствия в виде «пени», становилось предметом «изветных» челобитных в приказную избу.[600] Основанием для подобных челобитных являлись челобитные частных лиц, направленные в земскую избу.[601] В этих случаях шуяне не просили о наказании виновных, опасаясь лишь «пени», если они «на каком плутовстве где объявятся». Основанием подобной челобитной всегда являлась

---

[596] Сборник Щукина. Т. 1. – С. 126-127.

[597] Сведения поданных в земскую избу челобитных Михайлова и Несмеянова были объединены. В челобитной Несмеянова лишь упоминается, что на обороте столбцов была «рука» Якова Михайлова и А.В. Репина, а в челобитной шуян Михайлов уже «послушит» столбцы совместно с Несмеяновым. Добавлены также дополнительные подробности относительно «променных записей» (Несмеянов упоминал лишь «малое дело») и ознакомления свидетелей с двумя столбцами.

[598] Саратовцев сообщал в земскую избу, что на свадьбе его брата с их матерью случилась болезнь «почала быть без ума и без памяти» (свадьбу отпускал «от всякого лиха» шуянин Г.Т. Баженов). На следующий день в дом Саратовцева явился шуйский тюремный сторож О.Г. Палачев и «рекся» мать «поставить в целе разуме по прежнему». За работу он получил 64 д., но обещания не сдержал. В результате царю была отправлена челобитная за авторством земского старосты и «всех посадских людей»: они извещали о происшествии и просили «извет принят и записат чтоб нам в той их Гришкине и Оскине плутне в пене не быт». В данном случае шуяне не встали на сторону челобитчика: они осторожно показывали, что на фигурантах «в прежних годех никакова плутовства не видали и не слыхали». В ответ Палачев показывал, что денег от Сартовцева не получал и за лечение его матери не брался. 9 декабря 1670 г. шуянами была получена память о выдаче сказки по этому поводу: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № V. – С. 234; ЛЗАК. Вып. 26. – № 479, 480. – С. 270-271; РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-3 об.

[599] 28 октября 1698 г. подьячий Большой Казны провел в Шуе обыск о злоупотреблениях кабацкого и таможенного головы Якова Нагибина, назначенного из Москвы. Среди целого ряда злоупотреблений шуяне сообщили о том, что он взял у И.И. и П.А. Болотовых «ларчик з денгами и крепостями» и «у себя держал безвинно», о чем свидетельствуют «челобитье наше в приказной избе и ево Яковлевы допросные речи»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 113. Л. 1-3. Таким образом, оформленная шуянами челобитная по иску Болотовых вызвала вмешательство воеводы (но во время исполнения государственной службы Нагибин не мог понести наказания).

[600] Осенью 1669 г. жена шуянина И.А. Маурина «кликала в порче» на жену Федора Якимова. «Изветная» челобитная об этом была подана шуянами воеводе И.И. Боркову «чтоб нам от великого государя в пене и опале не быть»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 112. – С. 131-132. В новой челобитной 23 ноября 1669 г. шуяне сообщали, что «одержимые от нечистых духов», приезжавшие в Шую к чудотворному образу Смоленской Богородицы, «кличут в порче» на разных людей и просили «записать» это челобитье в съезжей избе во избежание «пени и опалы»: Там же. – № 46. – С. 187-188.

[601] Шуянин А.И. Тюленев «бил челом и подал в земской избе явку» на своего сына, который «своим малоумием ево не слушает и пьет и бражничает». 21 сентября 1670 г. соответствующая челобитная была направлена в приказную избу от имени всей общины. В 1674/75 г. земский староста бил челом на шуянина Г.И. Меркурьева, который «плутает, и в дому своем с матерью своею мало живет, отходит неведомо куда, и дома многие дни не живет, а ремесла и промыслу у нево никакова нет»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 126, 136. – С. 403, 409-410; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 64. – Л. 1-1 об.

просьба заинтересованного лица.[602] Эти просьбы адресовались в земскую избу с тем, чтобы явка доводилась в приказную избу и использовалась в случае возникновения уголовных дел по отмеченным вопросам. Об этом прямо свидетельствует челобитная дворника шуйского осадного двора кн. М.И. Куракина, Г.Ф. Жукова от 22 февраля 1692 г.[603] Они подавались не в качестве основания для разбирательства, а лишь в качестве явки в случае возникновения судебных дел.

В ходе городовой реформы 1699 г. земским бурмистрам были переданы судебные полномочия. Подробный обзор реформы посадского управления дан М.М. Богословским[604] и П.Н. Милюковым.[605] Еще Милюков отмечал, что побудительным мотивом реформы были интересы фиска. В результате посад встретил реформу довольно прохладно: лишь 11 городов согласились на двойной платеж, подразумевавший выбор бурмистров. А.Г. Маньков рассмотрел посадскую реформу 1699 г. с позиций интересов посада и оценил ее «в этом отношении как безусловно положительное явление».[606] Однако еще М.М. Богословский указывал, что «изучение деятельности бурмистрских учреждений после 1 сентября 1699 г. едва ли возможно».[607] Шуя оказалась в числе городов, «безразлично» встретивших реформу: отказавшись от двойного платежа, шуяне соглашались «чтоб у росправных их дел быть, кому великий государь укажет».[608] Память о выборе бурмистров и об

---

[602] 28 января 1636 г. шуянка Ульяна Данилова била челом на своего зятя, который «приводит колодников, а сам запиваетца домертва», в результате чего его проходится отливать водою. Данилова опасалась «кручины» в случае, если «друзья» подкинут Якимова под ворота, а они не заметят этого. 3 июля 1688 г. шуянин П.Г. Посников сообщал, что его сын Карпушка «побрел на Макарьевскую ярманку для работы своей», и заранее отговаривался от «пены и опалы» в случае, если он «опричь работы своей объявится на корчмах, или на кабаках, на поле, или на зерни и на бляднях и на татбе и на разбое». Еще одна челобитная подобного типа была подана 2 января 1669 г. шуянином И.И. Лисиным. Он «извещал», что его сын Якушка «пьет и бражничает», а отца «ни в чем не слушает и не почитает», за что Лисин его «сослал от себя с двора». 3 сентября 1683 г. вдова Варвара Шомякина жаловалась на мотовство своего сына Ивана, а 30 декабря 1686 г. вдова Федора Кириллова – на сына Якова, ведущего нетрезвую жизнь: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 48, 120, 209. – С. 336, 397-398, 455; Сборник Щукина. Т. 3. – С. 44; ЛЗАК. Вып. 26. – № 467, 566, 606. – С. 269, 282, 287

[603] Он сообщал, что в дом шуянина сапожника И.И. Попова «приеждяет ночною порою» его отец и брат «незнамо с какими людьми», пьют у него по ночам, и «напившися крик и вопь и драка великая чинитца». Челобитчики опасались «погинуть» в том случае, если в доме сапожника «какое дурно учинитца и смертное убийство» и просили «записать явку», поданную ими: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 181. – Л. 1-1 об.

[604] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1946. – С. 214-335.

[605] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. Реформа Петра Великого. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – С. 87-91.

[606] *Маньков А.Г.* К истории реформы посадского управления в 1699 г. // Исследования по социально-политической истории России. – Л.: Наука, 1971. – С. 232-246.

[607] Изучение архивов земских изб было бы «бесконечно длительным», а архив московской Ратуши не сохранился: *Богословский М.М.* Петр I. Т. 3. – С. 332-334.

[608] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство… С. 88. Впрочем, такое отношение не было новостью, поскольку «все старые и значительные города Замосковного края обнаружили к реформе категорически отрицательное

освобождении посадских людей от суда воевод в город поступила 24 мая 1699 г.[609] В сентябре 1699 г. земским бурмистрам поступила память об изменении порядка налоговых сборов. В этом указе появляется новшество, побудившее А.Г. Манькова говорить о «безусловно положительном» значении земской реформы для посада: «которые купецкие и торговые и промышленные люди и чернослободцы и приезжие из городов живучи в слободах и у беломесцов, а податей не платят и тех им (бурмистрам – Е.Б.) податми обложит вновь».[610] Одновременно поступил указ о передаче бурмистрам судебных полномочий. Главным бурмистром избран был И.Я. Корнилов,[611] а всего выбирались 3 чел. «с переменой погодно».[612]

Сохранилось значительное количество указаний на судебные дела, которые вели шуйские бурмистры. В архиве земской избы сохранились сведения более чем о десятке конфликтов на бытовой почве между посадскими людьми в 1699-1701 гг.[613] Абсолютно все участники стремились официально зафиксировать побои, а также указывали на свидетелей, которых необходимо было привлечь к разбирательству. При разборе указанных дел и фиксация побоев и расследование проводились

отношение». В числе городов края не оказалось ни одного, принявшего двойной платеж, хотя значительная часть выбрала бурмистров: *Богословский М.М.* Петр I. Т. 3. – С. 320-322.

[609] ЛЗАК. Вып. 26. – № 654. – С. 294.

[610] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 328. – Л. 1-18.

[611] 4 декабря 1699 г. он получил от воеводы Ф.И. Ломоносова память о доставлении сведений о количестве «оброчных мелочных доходов»: Там же. – Д. 329. – Л. 1-1 об.

[612] Там же. – Д. 625. – Л. 22.

[613] 3 ноября 1699 г. на кружечном дворе С.С. Лисин «бранил и безчестил» И.И. Смолянинова, а также «взяв полено, ушиб в голову» оппонента. На следующий день земской администрацией было велено его «бои осмотрет и записат». 4 января 1700 г. шуянин С.И. Архиповский бил челом «в бесчестье» на И.И. Селиванова, но 15 января они дали мировую запись. 24 января 1700 г. шуянин И.И. Телегин бил челом на шуянина Ф.С. Архиповского в том, что тот «бранил и безчестил» его и просил допросить обидчика «в земской избе перед бурмистром». 18 марта 1700 г. человек А.М. Кайсарова жаловался на избиение его шуянином С.С. Лисиным, но 21 марта они также дали мировую. Шуянин С.А. Загребин сообщал, что в мае 1700 г. И.А. Розмазин «бранил и безчестил» его. Жена И.М. Болотова жаловалась на племянника, Г.С. Болотова, который 20 сентября 1700 г. на родинах у П.Я. Лисина «всякими словами издевочными находил» ее, а после явился к ее дому, «в окна каменьем и грязью метал и, перелезши через забор, в сени ломился». 12 марта 1701 г. шуянин Т.Н. Лилин «бранил, бил и увечил» шуянина И.И. Поздеева. На допросе в земской избе Лилин показал, что челобитчика «не бивал и не увечил» ссылаясь на Д.И. Демина, который утверждал, что именно Поздеев «зашиб» Лилина, а не наоборот. В результате 15 марта было вынесено решение «истца обвинить, а ответчика оправить». 10 ноября 1701 г. возвращавшийся с кружечного двора С.С. Лисин «избранил матерны и ушиб голову рычагом» шуянина И.А. Гневышева. На крики последнего сбежались свидетели, и подняв его «замертво, привели в домишко». Челобитчик просил выделить из земской избы подьячего, чтобы осмотреть его и «записать раны». 15 мая 1702 г. целовальник кружечного двора Г.И. Ожималова жаловался на земского бурмистра А.И. Шигина, который во время возвращения с Николаевской ярмарки с подручными «его били и увечили смертным боем и живот оттоптали, правую руку перебив, связали будто вору назад руки и ноги». 23 июня 1702 г. шуянин И.А. Дурин избил И.И. Подшивалова на кружечном дворе, «содрав» с него кафтан, шапку, серебряный крест и рушник. 6 декабря 1702 г. целовальник кружечного двора Д.Л. Архангельский избил шуянина А.М. Бобылева. 4 июля 1703 г. шуянин С.В. Селиванов избил земского старосту С.К. Мельникова, когда тот «стал просить государевы доходы на нем по мирскому разводу»: ЛЗАК. Вып. 26. – № 671, 672, 681, 682. – С. 296-297; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 205, 206, 227, 229, 231. – С. 217-219, 464-466; ГАИО. – Там же. – Оп. 2. Д. – 209. Л. 1-1 об.; Там же. Д. 217. – Л. 5-5, 9-9 об.; Там же. – Д. 219. – Л. 2 об.

земской администрацией. Ранее эта функция целиком лежала на воеводской администрации.[614] Таким образом, по новой реформе земская изба должна была принять на себя издержки, связанные со следствием и судом. Значительное число подобных дел должно было затруднять основную деятельность избы, связанную с разверсткой и сбором податей и исправлением «посадских служб». При этом съезжая изба во главе с воеводой (комендантом)[615] действовала в качестве апелляционного органа. Об этом свидетельствуют обстоятельства дела о получении наследства П.Г. Порываевым.[616]

Таким образом, переход внутренних судебных исков в руки посадских людей способствовал скорее, увеличению служебной нагрузки на них, чем активизации городского самоуправления. Посадская верхушка и при воеводской администрации держала его в руках. Это и стало причиной того, что «городовая реформа» Петра I была встречена населением большинства городов достаточно прохладно. То же самое касается и финансового управления – несмотря на самостоятельность посада в этом вопросе, декларированную еще указами 1679-1681 гг. и подтвержденную указами 1699 г., воевода продолжал играть значительную роль в сборе податей, поскольку эти же указы предусматривали за ним определенную контролирующую функцию.[617] Эти права позволяли воеводе вмешиваться и в сам процесс сбора

---

[614] Этот вывод можно сделать исходя из челобитной шуянина С.И. Куимова от 25 декабря 1649 г. Его отец, кабацкий целовальник, был избит кабацким головой И.И. Лисиным. Куимов привез отца в съезжую избу, где были записаны «боевые места и ножовые раны» пострадавшего. Воевода С.И. Змеев допросил о происшествии кабацкого ларечного, который подтвердил факт побоев и самого виновника, который также «не запирался» в этом: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 50. – Л. 1-1 об.

[615] О должности коменданта см.: *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. – Ч. 349. 1903, сентябрь. – С. 57-61.

[616] Его отец умер, после чего он остался жить с матерью, которая вышла замуж за шуянина П.И. Киселева, не наделив его ничем из «пожитков» отца и его недвижимости. Порываев утверждал, что отцовский двор является выморочным и кроме него, «сродников» у умершего не осталось. После первой челобитной Киселев отдал ему «малое число из пожитков» отца, но двор не вернул. Порываев подал соответствующую челобитную, но «пошлинных денег» с нее у него не приняли, и указ по ней не учинили. После новой челобитной Киселев был допрошен, но показал, что крепостей на двор не имеет, а затем попытался разрешить иск собственными методами: 29 июня 1714 г. избил истца, называя его «нетяглецом и неслуживцем». Затем Порываева забрал в земскую избу бурмистр И.И. Воинов «и стал увечить из своих рук без розыску неведомо за что». Тогда истец обратился к шуйскому коменданту «чтоб на мне бои и раны записать», но того дома не оказалось, а приказной подьячий «дружа и норовя» Киселеву, этого не сделал. После возвращения коменданта Порываев обратился к нему, но тот челобитной у него не принял, а «взятого к допросу» Киселева освободил: ВГВ. – 1864. № 24. – С. 135-136.

[617] В большинстве отписей о приеме стрелецких и оброчных денег с Шуи на протяжении последних двух десятилетий XVII в. фигурирует отписка воеводы. Земский староста упоминается лишь в 6 актах (7 июля 1682 г., 21 мая 1690 г., 9 января 1691 г., 15 марта 1693 г., января 1695 г. и 2 января 1696 г.). Воевода направлял в Москву деньги значительно чаще – 15 раз (20 января и 16 марта 1680 г., 17 марта 1681 г., 7 марта 1682 г., 23 января 1684 г., 29 января 1690 г., 13 марта 1691 г., 8 января 1692 г., 4 января 1693 г., 11 января 1694 г., 24 февраля и 28 августа 1695 г., 1 декабря 1696 г., 7 января 1697 г., 20 января 1698 г.): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 66. Л. 1-8 об., 9-15 об.; Там же. К. 4. Д. 21. Л. 8-9 об; Там же. К. 5. Д. 63. Л. 6-11 об.

«таможенных и кабацких» денег.[618] Таким образом, городовая реформа предстает скорее, важнейшим звеном в длинной цепи преобразований, направленных на превращение посада в финансового агента государства, чем «освобождением посада».

Подводя итоги исследования посадских органов земского самоуправления, можно констатировать, что основную роль в управлении посадом играла земская изба. Десятинная организация, имевшая полицейское предназначение, оказалась мертворожденным организмом, практически не проявлявшим себя на протяжении XVII в. Все нити управления (политического, экономического, финансового и судебного) замыкались на земскую избу. Она не просто «уравновешивала» приказную избу: часть вопросов общинного самоуправления решались именно на уровне земской избы. В случаях, когда внутреннее решение вопроса было невозможно, она аккумулировала сведения о конфликте, и вырабатывала определенную позицию в нем, исходя из интересов посада. Причем в земской избе собиралась информация обо всех общественных конфликтах на достаточно обширных территориях. Таким образом, политическое значение ее трудно переоценить. Во второй половине XVII в. наблюдается сокращение объема полномочий мирского собрания: земская изба замыкала на себя значительное число общественных дел, для решения которых прежде требовалась санкция мира. А данные начала XVIII в. свидетельствуют об «аристократизации» состава мирских сходов. Столь серьезное политическое значение земской избы в судебных и финансовых делах послужило причиной того, что шуяне достаточно прохладно приняли посадскую реформу 1699 г. Она «нагружала» мир дополнительной службой, при этом воевода сохранял контроль за финансовыми сборами, а приказная изба служила в качестве кассационного органа по судебным делам.

---

[618] 4 сентября 1728 г. в шуйскую воеводскую канцелярию поступил указ о свободном сборе бурмистрами таможенных и кабацких сборов. Губернаторам и воеводам в эти сборы «вступать» запрещалось: они не должны были «печатать» ящики с денежной казной и требовать сборные книги. Однако «по справке шуйской ратуши» оказалось, что «прежние магистрацкие управители» в этих сборах в ратуше «писменно не обязались», а сборы эти собираются «под ведением воевоцким». При этом воевода «всянеделно» осуществляет «осмотрение, запечатывание и высыпки из ящиков»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 715. – Л. 1-1 об.

Глава II. Органы местного управления в Шуе

2.1. Особенности эволюции института губных старост в Шуе в XVII в.

Прежде всего, следует остановиться на характеристике управления городом во второй половине XVI в. После отмены кормлений центральную власть в уезде представляли городовой приказчик и губной староста. В руках первого сосредотачивалось преимущественно финансовое управление, в руках второго – уголовная юстиция. Вопрос о соотношении сфер деятельности этих должностных лиц разработан недостаточно, но хорошо известно о роли губных старост в организации землевладения в уезде.[619] Подобного рода деятельность осуществлялась и шуйскими губными старостами.[620] Однако в ряде случаев рядом с ними действовали городовые приказчики, которые могли действовать и самостоятельно.[621] Достаточно распространенной была практика привлечения иногородних управленцев для проведения земельных отделов в соседних уездах.[622]

Спектр судебных полномочий губных старост в этот период четко определен в уставной грамоте шуянам царя Василия Ивановича от 7 июля 1606 г.[623] Все судебные дела со сторонними людьми «оприч татбы и розбою с поличным» должны были рассматриваться в Москве. В случае же поимки «на разбое» либо наличия «поличного» дело передавалось губным старостам и целовальникам. Шуяне должны были «доводить» им на людей, содержащих «корчму и блядню», продавцов краденого, укрывающих татей, разбойников и других лихих людей. Наконец, в ведении губных старост находились все дела о случайных смертях.[624] В качестве примера реализации шуйскими губными старостами своих полномочий следует

---

[619] Они санкционировали сделки, проводили межевание, осуществляли наказание за земельные нарушения: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений... С. 527-537.

[620] Они санкционировали «отделы» земель, как в Шуйском, так и в Суздальском уезде: М.Д. Кишкин (26 сентября 1580 г.): Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. 1. М.: Археографический центр, 1997. – № 258. – С. 232-233; Лев Ананьин (1588/89 г.): Там же. Т. 2. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – № 90. – С. 100; Игнатий Линев (1598/99 г. и 1600/01 г.): Там же. Т. 1. – № 198. – С. 166-167; Там же. Т. 3. – М.: Древлехранилище, 2002. – № 44, 45. – С. 37-38.

[621] Суздальский и шуйский городовые приказчики В.С. Блудов и Алексей Карпунин (20 февраля 1594 г.): АСЗ. Т. 1. – № 198. – С. 166-167; шуйский городовой приказчик Алексей Колобов (1597/98 г.): Там же. – № 176. – С. 168; шуйские губной староста Игантий Линев и городовой приказчик Алексей Карпов (24 октября 1599 г.): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 1. – С. 30.

[622] Имеется подобный пример и в отношении Шуйского уезда: в 1602/03 г. юрьев-польский сын боярский Г.Ю. Прокудин получил отдельную выпись суздальского губного старосты на сц. Новое Юрьевского уезда и бывшее поместье Ивана Внукова в Шуйском уезде: АСЗ. Т. 2. – № 363. – С. 314.

[623] Рядом с губными старостами в этом акте в ряде случаев фигурируют и городовые приказчики.

[624] «Кто от своих рук утеряется, или кого древом убьет, или кого зверь съест, или кого гром убьет, или кто с студена умрет, или рекою припловет убитой человек, или мертвого кто вывезчи из города на всполье на городской земле покинет»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 1. – С. 140-145; ААЭ. Т. 2. – № 52. – С. 117-121.

обратить внимание на конфликт, случившийся у крестьян Суздальского Покровского монастыря с шуйским губным старостой М.Д. Кишкиным.[625] Данная ситуация показывает, что шуйский губной староста мог привлекаться для судебных разбирательств с крестьянами Суздальского уезда, причем действовал в чужом уезде вполне самостоятельно.

Проблема изучения распределения полномочий воевод и губных старост в этот период осложняется заменимостью этих должностных лиц (в случае отсутствия одного его полномочия должно были исполнять другое лицо). 15 марта 1613 г. шуйский воевода И.С. Блохин получил грамоту «по челобитью Осипа и Микиты» об отказе им поместья. А 21 марта губному старосте была направлена грамота об отказе поместья по челобитью Никиты Козынского.[626] Таким образом, указ губному старосте дублирует указ, несколько ранее направленный воеводе. Подобный казус имел место также 1 апреля 1613 г., когда в Шую были направлены грамоты по челобитной Василия Алалыкина «об управе в бою и грабеже».[627] Таким образом, полномочия лиц городового управления в ряде случаев пересекались настолько, что грамоты о решении дела получали оба. При этом воевода имел право ведения дел по челобитным и о «грабежном деле» и о земельных наделах наряду с губным старостой.[628]

Актовый материал 1610-х гг. свидетельствует, что шуйские губные старосты занимались не только расследованием «татинных и разбойных» дел, но и других судебных исков в Шуйском уезде, а также сохраняли полномочия по санкционированию земельных сделок.[629] Именно в этот период намечается

---

[625] В зимний мясоед 1584 г. приказчик с. Дунилова В.А. Заломов прислал своих людей и в монастырскую вотчину – д. Гроздылево. Нападавшие «пограбили» двух монастырских крестьян и «посадили в железа на чепи» в с. Горицах. Монастырский слуга Второй Васильев отправился к дуниловскому приказчику узнать о причине ареста. «Дай де сто рублев и мы крестьян отдадим» – отвечал Заломов. Васильев в ответ укорял дуниловцев в самоуправстве. В ответ его арестовали и ограбили. Прибывший на место шуйский губной староста забрал его в Шую, но затем отпустил восвояси. Крестьян же он «пытал трижды крепкими и великими пытками без обыску»: *Маштафаров А.В.* Явочные челобитные… № 18. – С. 291-292.

[626] Судя по всему, в обоих случаях речь идет об одном лице.

[627] Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1994. (ДПП). – С. 22, 27, 36, 47, 65.

[628] В записной книге подписных и печатных пошлин Печатного приказа 1613 г. упоминается об отправке 8 марта 1613 г. шуйскому воеводе И.Д. Гундорову грамоты по челобитью Василия Кишкина «о управе в грабежном деле». 10 марта шуйский губной староста Андрей Кайсаров получил грамоту по челобитью суздальца Михаила Сабурова «в сыску о крестьянской вывозке». Предположению о заменимости этих должностных лиц в данном случае препятствует хронологическая близость отмеченных актов.

[629] Шуйские губные старосты Петр Крюков и М.Н. Кишкин вели дело об отказе сц. Жилина и д. Булатова с пустошами в Талицком стану Суздальского уезда (11 мая 1615 – 11 мая 1616 гг.). Губной староста П.П. Калачев 19

тенденция к резкой конфронтации посада с губными старостами. Характерным случаем является поведение губного старосты П.П. Калачева, прибывшего в Шую в 1611/12 г.: он немедленно начал «похвалятись поклепом, и подметом, и наученьем язычною молкою» на шуян. Во избежание этого, Калачев велел «к себе носити корм всегда, хлеб, и мясо, и рыбу, и питье, мед и вино». Кроме того, он «учал у нас (шуян – Е.Б.), заставаючи к себе на двор, животину всякую бити». В 1613/14 г. они попытались избавиться от него, известив государя, что «того Посника в губные старосты не выбирали». Однако тот немедленно предпринял ответные действия. В Шую по «по язычной молке» доставили крестьянина Осбанку, и Калачев велел ему «клепати напрасно» своих противников. В результате трое посадских были взяты «за приставы», а еще один подвергнут «продаже».[630] Интересным является упоминание в челобитной шуян об отсутствии «выбора» на Калачева: «а тот Посник не из нашего города, не суздалец и не шуянин». Этим уточнением челобитчики стремились иллюстрировать невозможность выбора Калачева в губные старосты.[631]

В 1613/14 г. в Шуйском и Суздальском уездах появился сыщик П.И. Кузьминский. В Шую явилась делегация, включавшая губных старост, их братьев и племянников, а также целовальников и рассыльщиков. Шуяне жаловались, что незваные гости «у нас себе и коням корм и питье из кабака и подводы и проводники и сторожи и понятые емлют ежеденно», а арестованных «с пытки сажают на дворех у нас, а в тюрьму в сторожу не сажают».[632] Аналогичный случай произошел несколькими годами позже. В 1616/17 г. в Шуе появился сыщик М.М. Беклемишев.

июня 1613 г. произвел в Шуе обыск о наличии а городе «татей и розбойников и всяких лихих людей». 15 ноября 1614 г. Калачев провел в Шуе обыск о связи с татями и разбойниками крестьянина д. Мишенина Телешовской волости Шуйского уезда Петра Жукова. В 1616/17 г. губной староста М.Н. Кротков произвел обыск о разбое крестьян кн. Василия Куракина в д. Белавиной. 16 декабря 1616 г. он провел обыск о присвоении суздальцами Колобовыми поместных книг сына боярского Тимофея Молчанова. 29 мая 1617 г. он провел в шуйском посаде обыск о набеге литовцев на вотчину А.М. Кашинцева в Суздальском и Шуйском уездах. 16 июля 1618 г. он же вместе со стряпчим Сытного дворца произвел обыск об оскорблении архимандрита Николо-Шартомского монастыря, 23 августа 1618 г. – обыск в Шуйском уезде о преступлениях И.С. Болотникова, а 5 мая 1619 г. он же с товарищем Ф.В. Сеченым произвел обыск о разбое в вотчинах Николо-Шартомского монастыря: ПДП. – № 106. – С. 150; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 6. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 16, 26. – С. 215-216; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 10, 11, 32, 42. – С. 217-218, 298-302.

[630] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 5. – С. 149-150; Там же. Т. 2. – № 35. – С. 61-62; ЛЗАК. Вып. 26. – № 11. – С. 214; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 5. – Л. 1-1 об.

[631] Следовательно, практика назначения губных старост из центра не являлась новшеством. Но посад указывал на формальную невозможность получения «выбора» на Калачеве, не входившем в число землевладельцев местной дворянской корпорации. Этот факт подтверждает мнение А.А. Кизеветтера о формальном характере выборов, которые были «не столько показателем общественного доверия, сколько коллективной порукой за избираемого человека», истребованной государством: *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX-XIX вв. – М.: Издательство журнала «Русская мысль», 1910. – С. 49-50.

[632] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 4. – С. 148-149.

Однако вместо «сыска» татей и разбойников Беклемишев «норовил» им, собирая с них «поминки рублев по сту и по двести и больше».[633] К сыщику присоединился и губной староста М.Н. Кротков. Они «научали тюремных сидельцев язышною молкою» на посадских людей.[634] Действия сыщика конкретизируются в донесении на него от 30 мая 1618 г. шуйского воеводы П.И. Волынского. Губной староста «сослал от себя с двора жонку свою Дашку», а уже на следующий день задержал ее в лесу за посадом и «научил ее посадцких людей клепати», что бежать ее подговорили они. Вскоре поступила аналогичная челобитная шуян. В ней отмечено, что губной староста на них «похваляютца в татинных и розбойных делех языков научати», причем «велит людем своим их поличным подмета дати» (подбросить шуянам ворованные вещи).[635] Таким образом, в этом случае воевода встал на сторону посадской общины.

Подобное его поведение вызывало и ответную реакцию, выражавшуюся в предпочтении, оказываемом ему посадской общиной в ходе разбирательства «губных дел» на территории посада. В ходе конфликта 22 августа 1618 г. обиженные посадские люди обратились не к губному старосте (хотя дело относилось именно к его компетенции), а к воеводе П.Ф. Волынскому.[636] В 1619 г. на дворе у шуян Р.И, М.И. и Ф.И. Родионовых «стоял» шуянин Иван Самуилов. Шуянин С.М. Губин «подговорил» Самуилова уйти от них, а в с. Зименках «убил его до смерти», забрав украденные у Родионовых деньги. Губные старосты Ф.В. Сеченый и М.Н. Кротков

---

[633] Подобные сведения имеются и относительно губного старосты П.П. Калачева. Суздальский губной староста Ф.В. Сеченый собирал ямские деньги с Суздальского уезда, а когда перед 15 августа 1615 г. он «заехал к себе в деревню мимоездом», его «розбили розбойники», похитив 30 р. «зборных денег» и на 175 р. другого имущества. П.П. Калачов «переимал» этих разбойников (среди которых оказались крестьяне сс. Парского и Дунилова), посадил их в шуйскую тюрьму, однако затем из нее выпустил. В обыске по этому поводу шуяне должны были дать показания «какие они люди и чем промышляют крадут ли розбивают ли и приезд к себе лихим людем татем и розбойником держат ли и татинной и розбойною рухляд перекупают ли» и объяснить действия губного старосты: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1 . К. 1. Д. 67. Л. 7-7 об.

[634] Механизм действий был таков: люди Беклемишева отправлялись в поместья своих хозяев, забрав с собой лошадей и «всякую рухлядь». Затем «по веленью» хозяев эти люди «от поля по ночем» возвращались на посад, занимая пустые дворы. После этого их господа «ведаючи, где они хоронятца», изымали их в качестве беглых и получали показания о причастности посадских к их мнимому «воровству». В результате шуян «с пиров без полишной, без язычной молки емлют на пытку напрасно»: Там же. Т. 2. – № 13. – С. 39; ПДП. – № 111. – С. 152-153. Упоминание о «пирах» явно является отсылкой к древнему общинному праву «вышибать» с пира непрошенных гостей, не принадлежащих к общине.

[635] В ответной царской грамоте в Шую от 11 июня 1618 г. воеводе было велено поставить фигурантов дела «с очей на очи», и учинить «в Шуе на посаде и около Шуи» повальный обыск по обстоятельствам дела: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 12. – Л. 1-7.

[636] Воевода П.Ф. Волынский с шуянами «береглися от разбойников». К воеводе прибежал сын посадского Ильи Овдокимова, Матюшка, и сообщил, что во двор его отца вломились шуяне Ф.Ф. и К.Ф. Горбуновы с братьями, и начали бить и грабить его. Двор оказался разгромлен – сам хозяин «бит лежит середи двора, а жена его и дочери биты ж над ним вопят голосом»: ПДП. – № 206. – С. 220-221.

«сыскали» убийцу, но Родионовым «в том убойстве стали убытки великие и бесчестие», а Губин в итоге остался безнаказанным.[637]

Через год в Шуе случился наиболее серьезный виток конфликта между воеводами и губными старостами. 17 сентября 1620 г. губные старосты Ф.В. Сеченый и Правоторх Волков жаловались царю на шуйского воеводу Д.С. Змеева, якобы вступавшегося в «губные дела».[638] 29 октября 1620 г. был проведен обыск относительно еще одной жалобы шуйских губных старост. По их версии, воевода вызвал старосту Волкова в съезжую избу, избил его батогами и велел доправить на нем 7 р. Однако шуяне показали, что по воевода действовал по государевой грамоте, деньги были получены «правежем», и никаких побоев губному старосте нанесено не было.[639] Губные старосты не остались в долгу.[640] В этой челобитной воевода оговаривается, что причиной конфликта стала отправленное им ранее сообщение о «небрежении» губных старост: они «покинули тюрьмы и жили в деревнях своих», что стало причиной побега шуйских «тюремных сидельцев».[641]

Таким образом, конфликт был и весьма острым и достаточно продолжительным. При этом наибольший интерес вызывает позиция шуян, вставших на сторону воеводы. В обыске об избиении Волкова они полностью оправдали воеводу, а относительно побега заключенных ими была подана отдельная

---

[637] ПДП. – № 112. – С. 153.

[638] Согласно «изветной челобитной» на вернувшегося в Шую из Нижнего Новгорода П.В. Зорю, тот участвовал в нападении на д. Малышково, за что и был арестован. После этого к воеводе явились губные старосты с требованием отдать его им, но тот отпустил его, взяв «откуп». С шуян воевода «выправил» 100 р. за поруку на Зоре и разделил эти деньги с инициатором иска о его разбое: *Борисов В. А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 16. – С. 43-44. 26 сентября 1620 г. Бессон Борисов получил наказную память об обыске по этому делу. В обыске от 30 сентября шуяне рисовали совершенно другую картину: 21 мая 1629 г. на Зорю бил челом шуянин З.П. Попов «в бесчестье своем и в жене» (сумма иска составляла 25,5 р.). Воевода потребовал у Зори поручную запись «что стати ему к суду» (в качестве поручиков выступили шуянин Иван Павлов «с товарыщи»). Однако затем он сбежал из города, не дождавшись суда, и Павлов был вынужден выплатить челобитчику исковую сумму. Отдельно шуяне уточняли, что Зоря «живет в Нижнем», а когда он прежде приезжал в Шую «торговати», то многократно бывал на подворье у губного старосты Ф.Н. Сеченого: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 66. Л. 1-6.

[639] Обыск был произведен А.Д. Челищевым в Шуе на посаде и в Шуйском уезде «всякими многими людми с ряду с одново а не выбором»: Там же. – № 19. – С. 45-46; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 67. Л. 1-2 об.

[640] 21 сентября 1621 г. воевода Змеев жаловался, что они «крестьянишек моих сажают в тюрьму без поличнова, без язычной молки и без обысков»: Там же. – № 20. – С. 46-47.

[641] В челобитной по этому поводу от 17 октября 1620 г. старосты поясняли, что «тюремные сидельцы» разбежались «небержением» губного целовальника Никиты Лобова: Там же. – № 18. – С. 45. Обыск об этих событиях проводился ранее сыном боярским Бессоном Борисовым и согласно ему губные старосты были оправданы. В ответ воевода сообщил, что Борисов «переделывал обыски». В ходе нового обыска А.Д. Челищева шуяне показали, что губные старосты «у губных дел не живут, к себе по деревням съезжают оба вместе, а живут они у себя по деревням недел по пяти и по шти и болши». Относительно махинаций Борисова шуяне показывали, что последний у губного старосты Ф.В. Сеченого «бывал многажды едал и пивал». Кроме того, шуяне «от слуху слышали», что по приказу губных старост губной дьячок писал крестьян разных помещиков «в обыске заочи, что будто воевода Данило Змеев пишет ко государю по губных старост ложно, что оне живут по деревням»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 67. Л. 3-4 об.

челобитная. По словам шуян, губные старосты не только сами «жили у себя по деревням», но и «губных целовалников роспускали по домом и по деревням неведомо каким умышленьем». 25 сентября 1620 г. это привело к побегу «ис тюрьмы татей и розбойников и розбойниковых жен».[642]

Исходом этого конфликта явился указ, по которому все «губные дела» в городе изымались из ведомства губного старосты, полученный 18 января 1621 г. Д.С. Змеевым. Непосредственным поводом к нему послужил очередной конфликт воеводы с губными старостами. Они сообщали в Москву, что «в Николин ден осенней» 1620 г. во дворе шуянина А.Ф. Дедерева «удавили» его брата, рассыльщика Илью. Воевода же отправил осматривать покойника сотского «мимо губных старост» и велел ему похоронить его. Кроме того, губные старосты жаловались, что воевода «сыскивая воров (на посаде – Е.Б.), сажает их у себя под судебною избою, а в тюрму их к ним не присылает», тогда как уездных людей «в тюрму присылает, а у себя их под судебною избой не сажает».[643] В ответ Змеев получил напоминание, что ему запрещено вмешиваться «в татиные и в розбойные и в убийственные дела, которые учинятся в Шуйском уезде» и сажать «в розбойные тюрмы опалных всяких людей». Зато он должен был «ведать убивственные дела на посаде».[644] В случае с убийством Дедерева в ход расследования стремились вмешаться обе стороны, опираясь на свой административный аппарат: воевода действовал, опираясь на сотную организацию, а

---

[642] Для их «береженья» оставался лишь один губной целовальник – Никита Лобов и сторож Иван Подрез. Лобов отпустил Подреза «ужинат» и взял из тюрьмы «розбойникову жену Оксютку к себе на постелю». Она отвязала у Лобова тюремные ключи и «отомкнув» замок, выпустила из тюрьмы всех «сиделцев». Провинившиеся Лобов и Подрез «тое ж пору збежали». После этого в город явились губные старосты. Поручиком по сбежавшему сторожу был шуянин А.О. Ярыш. Ему удалось «сыскат» Подреза и «с поруки ево здат» губным старостам. Они отправили Подреза в тюрьму, однако затем «неведомо где ево дели» и потребовали у Ярыша вновь предоставить его: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 55. – Л. 1-3 об.

[643] В более ранней челобитной губные старосты жаловались, что воевода сажает в «татинную и розбойную тюрму» уездных и посадских людей «не в великих делех пияных с ножами и с опоясками». Однако в обыске от 7 октября 1620 г. шуяне опровергли эти показания, уточняя, что «в ямских денгах ослушников и по ком поруки не было», воевода отправлял в «сторожню» и губным целовальникам «никоторого насилства не чинивал». Что касается его «вступки» в губные дела, то он был вынужден вмешаться в них, поскольку губные старосты жили «у себя по деревням». Таких эпизодов случилось два: после побега «тюремных сидельцев» воевода разослал в уезд «заказные памети» и по одной из них была задержана «розбойникова женка Оксютка», выпустившая сидельцев. После ее поимки воевода допрашивал всех участников событий: саму Аксютку, губного дьячка, палача, целовальников и тюремного сторожа «и последних сиделцов, которые ис тюрмы не успели уйти». Кроме того, 3 мая 1620 г. человек С.Я. Милюкова привел в Шую татя Ивана Попова «з двема лошадми» и по случаю отсутствия губных старост привел его к воеводе, который допросил татя «и ево розпросные речи записал». Но после приезда губных старост воевода передал его им и губным целовальникам: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 66. Л. 7-8 об.

[644] Там же. – Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.

губные старосты – на губную администрацию.[645] В сфере противостояния также оказалась тюрьма: воевода сажал пойманных «за воровство» на посаде людей в свою темницу, не отправляя в тюрьму, контролируемую губными старостами. Задержанных уездных людей он отправлял в тюрьму. Это поведение вызвало единственное нарекание – воеводе запрещалось отправлять в тюрьму «опалных» людей (задержанных по подозрению не в губных делах, а в менее тяжких преступлениях).[646] В то же время грамота признавала за воеводой право губной юрисдикции на всей территории города.[647]

Одновременно с окончательной потерей права губной юрисдикции на посаде старосты теряют и полномочия по делам о случайных смертях. В 1620/21 г. шуяне жаловались, что старосты «сажают их в тюрьму и чинят продажу и убытки великие» по делам о случайных смертях. В ответ им была выдана грамота, по которой эти дела переходили в ведение воеводы Д.С. Змеева.[648] Таким образом, позиция шуян относительно полномочий губных старост в этот период была вполне определенной: воеводская администрация представлялась городской общине гораздо более предпочтительной. В результате у губных старост остается лишь право привлекать к суду посадских людей в случае их причастности к «татинным и разбойным делам» в уезде. Результатом реализации этого права стал следующий конфликт, в котором старосте противостояла непосредственно посадская община. В 1634/35 г. в Шуе был пойман разбойник Ф.Д. Замыцкий. Он клепал шуян «разбойничьими покупками» и «винною продажею». По этой «молке» губной староста Ф.Н. Кишкин арестовывал посадских и «печатал» их дома.[649] Ссылаясь на застарелый конфликт с Замыцким, шуяне называли его слова «поклепными» и жаловались, что губной староста им

---

[645] Сотная организация также была подведомственна губным старостам. Однако в данном случае она была использована воеводой в противовес губной администрации. Очевидно, ее позиция в данном конфликте объяснялась ее земским характером.

[646] Содержание всех подобных лиц в съезжей избе, а не в тюрьме было общим правилом: *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 474.

[647] Встает вопрос о времени передаче этих прав воеводе. Вероятнее всего, они были адресованы ему после разбирательства по челобитной посадских людей на губного старосту и сыщика, проведенного по грамоте от 11 июня 1618 г.

[648] «Которой человек удавитца, или ушибетца, или вина опився, згарит, или утонет, или рекою мертвый человек подплывет под посад, или хто промеж себя подеретца хмельным делом». Уступая место новому воеводе, Змеев «свез» грамоту с собой, что и вызвало выдачу нового документа 29 марта 1622 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 12. – С. 157-158; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 35. – Л. 1-1 об.

[649] Ход этого дела освещен в обыскных речах шуян от 20 февраля 1635 г. сыщику И.Л. Шаховскому. В числе других Замыцкий оговорил посадского бобыля, который якобы «ему ворожил на воровство и костьми розводил». Шуяне признавали, что за ним «хлопотишка есть ворожить», но о ворожбе Замыцкому ничего не знали: РИБ. Т. 2. – № 4. – С. 711-717.

«проведного сыску и росправы не дает».[650] Была высказана просьба, чтобы губные старосты и сыщики «татинные и розбойные дела без воевод и приказных людей не ведали». Таким образом, можно наблюдать, как в результате перманентных конфликтов с городской общиной полномочия губных старост основательно сужаются.

Однако выше уже отмечалась практика взаимозаменяемости лиц воеводского и губного управления. Подобный механизм не способствовал четкому разграничению полномочий этих лиц. Также не следует упускать из виду, что аппарат, имевшийся в распоряжении губных старост, был более приспособлен к решению задач, относящихся к губному ведомству, чем приказный аппарат, имевшийся у воеводы. В результате реальная практика расследования «губных и татинных дел» на посаде зачастую расходилась с предписаниями. Ночью 9 октября 1635 г. у посадского Тришки Баженова из хлева была похищена лошадь, у Захарки Шоблукова – лошадь и две клети. Шуяне били челом об этом происшествии губному старосте С.Ф. Кишкину и воеводе И.В. Кирикрейскому и с ними отправились по следу «за теми татьми».[651] Пасынок, шуйского дворника И.Л. Лядинина, Ивашко Жучко попал в тюрьму и поклепал шуянина М.В. Панина скупкой краденого. Губной староста Л.В. Кишкин арестовал отца Панина Ваську Павлова, исполнявшего должность кабацкого целовальника.[652] 1 марта 1654 г. шуяне обнаружили тело К.С. Губина. Выяснилось, что 28 февраля он был принят «в товарищи торговать» Г.Л. и С.Л. Калининими, сыновьями дворника кн. Г.С. Куракина. Они были арестованы, поставлены перед губным старостой Л.В. Кишкиным и «с пытки» признались в убийстве Губина.[653] Ночью 10 января 1667 г. произошла кража в шуйской Воскресенской церкви. Попы и прихожане немедленно начали поиски. Подозрение пало на «служебников» Шуйского Троицкого монастыря. Подозреваемые были арестованы и губной староста Л.В. Кишкин «пытал их разными пытками».[654] Таким образом, в ходе расследования дел на посаде губной староста действовал обычно без контроля

---

[650] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 18. – С. 163-164. Очевидно, подобный конфликт произошел и годом ранее: 21 июля 1634 г. Кишкиным была получена грамота о прекращении розыска по делу о разбое Григория Попова и освобождении задержанного по этому делу Григория Степанова: ЛЗАК. Вып. 26. – № 129. – С. 228-229.
[651] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 47. – С. 335.
[652] Там же. – № 76. – С. 100-101.
[653] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 107. – Л. 1-1 об.
[654] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 97. – С. 228-230.

воеводской администрации, но при этом в плотном контакте с посадской общиной. Любое ущемление прав посадских людей вызывало немедленное обращение к воеводе (как произошло в случае с Паниными).

Это касается также и дел о случайных смертях: вопрос об их юрисдикции возник в конце столетия. Сыщик И.Ф. Парфеньев, посланный в Шую для «сыску татинных и розбойных дел», требовал с шуян «за прошлые годы поземные поголовные денги с мертвых тел», обнаруженных на полевой земле г. Шуи. Шуяне отвечали, что эти тела явились не от посадских людей «а от сторонних людей подкинены».[655] 30 октября 1698 г. им была выдана грамота, согласно которой за тела, объявившиеся на полевой земле, либо приплывшие водой, «поголовных денег править не велено».[656] Таким образом, притязания сыщика на получение «поголовных денег» за подкинутые мертвые тела были отвергнуты.

Как свидетельствует практика, для освобождения от платежа поголовных денег необходимы были доказательства «подмета». Вследствие этого шуяне тщательно отслеживали несчастные случаи на территории посада. Для их фиксации требовались официальные лица, в роли которых выступали представители губного аппарата.[657] Причины этого раскрывает казус 1664 г. Сыщик А.И. Огибалов и вместе с губным старостой Л.В. Кишкиным получил показания, что в Шуе «в прошлые годы

---

[655] Там же. Т. 2. – № 198. – С. 210-212. В связи с этим были составлены «Росписи поголовным и приводным денгам, кои довелис взят на шуянех посадцких людех по старым и новым делам прошлых лет». Поголовные деньги в сумме 4 р. 4 ал. 1,5 д. были получены с мертвых тел Сидорки (человек П.Г. Кашинцева, обнаружен у кружечного двора), Мишки Шолуданова (крестьянин с. Лежнева, обнаружен у р. Тезы), Якушки (работник Николо-Шартомского монастыря, обнаружен «повыше мелницы»), неизвестного (обнаружен на посаде «по конец кабацкого десятка»). В случае обнаружения трупа на «частной» земле посадского человека, поголовные пошлины взимались с него лично: с мертвого тела, осмотренного по челобитью И.Д. Дорожаевского, деньги заплатил его сын Тимофей, а с убийства в кабаке шуянина П.Г. Гусева «поголовные» деньги заплатил И.Г. Шилов (сын кабацкого головы Г.К. Шилова). «Приводные» деньги (за доставку в суд) также взимались воеводой: по 4 ал. 2 д. д. было получено с шуян Степана Размазина (а также его жены и лошади), Герасима Родионова и Абрама Русанова: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 66. Л. 1 об.

[656] Они интерпретировали это таким образом, что Парфеньеву вообще «поголовных денег с подъемных мертвых тел, которые подняты и впред явятца, имат не велено»: ГАИО. – Оп. 1. Д. 323. – Л. 1.

[657] 1 ноября 1647 г. земский староста Т.Ф. Рудаков извещал губному старосте И.Г. Меншикову, что шуянам «учинилось ведомо», что на посадской земле обнаружен мертвый человек, после чего губной староста отправил осматривать тело губных целовальников. 1 января 1682 г. на шуйской мельнице мололи крестьяне с. Васильевского и «у колеса изломало» крестьянина д. Кстова Тараса Иванова. Его товарищи «положа ево в сани, мертвова увезли» и шуяне били челом об их допросе по этому поводу. В октябре 1686 г. «объявилось мертвое тело близ города» и шуяне просили его «досмотреть и записать». 19 февраля 1696 г. досмотр мертвого тела производили по челобитью земского старосты Б.Т. Ламанова шуйский площадной подьячий, сторож приказной избы и губной целовальник со свидетелями. 11 марта 1702 г. о мертвом теле на льду р. Тезы «извещали» губные целовальники и земский староста бил челом о высылке из съезжего двора «то тело осмотреть и записать». 9 июня 1705 г. на посадской земле объявилось мертвое тело «знатно подкинено» и шуяне просили из приказной избы «послать его досмотря, записать»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 239. – Л. 1-1 об.; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 64, 168, 225, 235. – С. 89, 186, 462-463, 470; Там же. Т. 1. – № 65. – С. 203.

тати лошадей и клети и анбары крали, а иные воры посацких людей побили и ножи резали». Виновных найти не удалось, а о самих инцидентах есть «записка в съезжей и губной избах».[658] В результате 30 октября шуянам была направлена грамота, по которой необходимо было «доправить» на них большую пеню за то, что среди посада «учинилось два убойства», а земские старосты не сообщили об этом в Суздаль «и то воровство знатное дело, что хотели тех воров укрыть».[659] Таким образом, во время отсутствия своего губного старосты, шуяне должны были информировать обо всех криминальных происшествиях на посаде его суздальского коллегу.

Еще одной точкой конфликтного соприкосновения губных старост и посадской общины была проблема обеспечения внутреннего порядка в городе. Эти вопросы находились в компетенции воеводы, однако наличие тюрьмы, подведомственной губному старосте, позволяло ему вмешиваться в них. В 1635/36 г. староста С.Ф. Кишкин сообщил в Москву, что «были в Шуе преж сего на посаде, в улицах и по переулкам надолбы и остроги», у которых по ночам стояла «сторожа». Он жаловался, что посадские люди разломали эти «надолбы и остроги» и ликвидировали сторожу, а когда он велел восстановить их, его не послушали. В Шую поступил указ, предписывавший поставить надолбы и назначить ночную сторожу по улицам и у тюрьмы. В ответной челобитной шуяне показывали, что ранее у них всего перечисленного «не бывало» и жаловались, что от этой сторожи «погибли вконец и промыслов своих отбыли».[660] Сторожевая служба, введенная губным старостой, в связи со своими особенностями[661] получила не традиционный для «государевых служб» выборный, а очередной характер, предполагавший регулярное привлечение к ней посадских людей чрез короткие промежутки времени.[662] Губной староста

---

[658] Там же. Т. 2. – № 94. – С. 119; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. – Л. 1-1 об. Судя по всему, причиной обыска стало длительное отсутствие в городе губного старосты.

[659] За «понаровку воровских людей» земский староста должен был заплатить 5 р., а посадские люди «безобходно со всякова двора» по 1 р. Кроме того, шуяне должны были заплатить поголовных денег 8 р. 8 ал. 4 д.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 37. – С. 180; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 138. – Л. 1-1 об.; РГАДА. – Ф 1641. Оп. 1. Д. 58. – Л. 1-1 об.

[660] Это объяснялось тем, что они не могли покидать ее: если посадский человек выезжал из города «для промыслу», наняв себе замену, то «воевода и губной староста тех посацких людей и наемщиков бьют батогами и сажают в тюрьму, веля стеречь самим»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 47-48. Ныне хранится: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 46.

[661] Массовость и ежедневное исполнение в сочетании с отсутствием требований по квалификации.

[662] Иначе трудно интерпретировать сообщение о неопределенной численности сторожи в сочетании со сведениями о найме замены отлучавшимися из города лицами.

настаивал на личной ответственности каждого лица за исполнение службы. Этот принцип применялся при исполнении лишь квалифицированных «земских служб». Однако такой порядок оказался неприемлемым для горожан, которые терпели наказания за поставку «наемщиков».

Важным является вопрос о взаимоотношениях губной и приказной администрации. Согласно мысли правительства, губной староста и воевода должны были осуществлять контроль друг за другом.[663] Результатом этого были серьезные конфликты, часть которых рассмотрена выше. События нового противостояния между воеводой и губным старостой подробно изложены в челобитной воеводы Д.М. Овцына от 29 мая 1628 г. 8 декабря 1627 г. в Шуе появился тяглец московской мясницкой полусотни, М.Н. Фролов с грамотой из приказа Новой четверти, по которой кабак было велено ему отдать ему на откуп, предварительно оценив его и взяв цену на откупщике. Фролов «всякой кабацкой завод» принял, но отписи в приеме шуйскому верному голове не дал, а 14 декабря уехал из Шуи. Воевода велел дать на нем поручную запись «во всяком заводе кабацком». Сам Фролов обвинял воеводу в том, что тот 16 декабря он «на правежи мучил и в тюрьму сажал» его товарищей, оставшихся в Шуе, и опечатал кабак, отчего три недели «продажнова питья на кабаке не было». По этому челобитью розыск было велено произвести губному старосте Ф.Н. Кишкину. Однако тот обыскивал «норовя» откупщику.[664] Следовательно, воевода в этом конфликте встал на сторону посада,[665] а губной староста – на сторону откупщика.

Немного позднее у Овцына возник еще один конфликт с губным старостой (в центре противостояния оказалась тюрьма). 2 января 1628 г. на мирской сход в земскую избу явился шуйский поп Тавлей. Он должен был приложить руки «вместо

---

[663] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 484.

[664] Технология была такова: получив обыск из Шуйского Троицкого монастыря, он велел губному дьячку переписать обыск, вырезав руку монастырского дьякона на склейке и вставив ее ниже склейки. Этот обыск он направлял в Николо-Шартомский монастырь и уездные села: «чтоб против того обыску все дали обыски». О подлоге узнал троицкий архимандрит Варнава. Он явился к Кишкину и потребовал показать обыск. Тот отправил его в монастырь, переписав набело первый обыск, но уже «без дьяконовы руки»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 16. – С. 160-162. Реальность показаний откупщика действительно вызывает сомнения: ночью 18 декабря в кабаке случился пожар, в ходе которого пострадал ярыжный кн. И.И. Гундоров: Там же. – № 15. – С. 159-160. Следовательно, кабак в это время функционировал.

[665] Не вызывает сомнения, что первопричиной конфликта с воеводой стало противостояние откупщика посадскому миру: по собственным словам, он отправился в Москву, чтобы «бить челом на вернова шуйскаго голову Ивана Володимерова с товарищи».

детей своих духовных» к мирским челобитным. Однако поп бросил челобитные на стол и начал шуян «лаяти матерны», о чем воеводу уведомил земский староста. Тот велел дать попа на поруки, однако поручиков по нему не оказалось, и он отправил Тавлея в тюрьму. Губной же староста выпустил попа на свободу. Он предписал тюремным сторожам не слушать воеводу, а отправленных Овцыным в тюрьму лиц «ис тюрьмы выбивать».[666] Этот конфликт свидетельствует, что главной точкой соприкосновения губной и приказной администрации являлась городская тюрьма. В обязанности губного старосты входил «досмотр» за ней и «тюремная поделка». Для этого специально определялся денежный оклад на губные расходы, раскладывавшийся по сошному обложению. Распоряжение «потюремными деньгами» являлось прерогативой губных старост, но в случае их отсутствия деньги могли принимать и губные целовальники.[667] Эта система была весьма гибкой, поскольку и старосты и целовальники были вынуждены часто отлучаться в уезд в связи со служебными делами.

Однако в отсутствие губного старосты контроль над тюрьмой переходил в руки воеводы.[668] В ноябре 1636 г. шуяне по наказной памяти воеводы И.В. Кирикрейского «смечали и ценили в Шую тюрьму и около тюрьмы тын и сторожню».[669] Картину полного контроля воеводы над губной системой рисует челобитная человека А.Ф. Наумова на воеводу И.И. Боркова. Поведение воеводы в данном случае представляется автору челобитной вполне нормальным.[670] Таким образом, в случае отсутствия губного старосты воевода принимал на себя не только

---

[666] ПДП. – № 129. – С. 163-165.

[667] 7 марта 1615 г. губной целовальник И.Е. Ушаков получил с шуйского посада 2 р. потюремных денег. А 20 ноября 1617 г. деньги на «тюремную поделку» с шуйского посад приняли уже губные старосты Ф.В. Сеченый и М.Н. Кротков. Потюремные деньги на 1619/2 и 1620/21 гг. приняли губные старосты Ф.В. Сеченый и П. Волков, а на 1622/23 г. – губной староста И.В. Коноплев. 20 сентября 1656 г. и 16 сентября 1657 г. потюремные деньги с Шуи получал губной староста Л.В. Кишкин. В остальных случаях деньги принимались губными целовальниками (подьячими) «по приказу» губных старост (воевод): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 11. – С. 37-38; ЛЗАК. Вып. 26. – № 24, 349, 359. – С. 216, 254-255; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 7. – Л. 1; Там же. – Д. 13. – Л. 1; ПДП. – № 227. – С. 231-232.

[668] Потюремные деньги с шуйского посада по приказу воевод принимались 29 июля 1631 г. (П.Н. Вельяминов), 17 ноября 1662 г. и 1 сентября 1663 г. (Г.Б. Кайсаров), 9 октября 1667 г., 20 сентября 1668 г. и 1 сентября 1670 г. (И.И. Борков), 2 сентября 1672 г. (Г.В. Буйнов), 5 ноября 1673 г. и 23 сентября 1674 г. (И.С. Ушаков), 30 сентября 1675 г. и 27 сентября 1676 г. (И.И. Борков), 8 октября 1677 г. (В.М. Козлов): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 26. Л. 1-11; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 41. – С. 332; АЮБ. Т. 2. – № 246/5. – С. 749; ЛЗАК. Вып 26. – № 108. – С. 226.

[669] АЮБ. Т. 3. – № 347/1. – С. 375-376; РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 37. – Л. 1.

[670] Он сообщает, что 23 декабря 1667 г. воевода взял к себе из тюрьмы сидельца Ивана Хохла «шапок и одежи шит», тюремного целовальника взял на двор «лошедей опряживат и конюшня чистит и дров в ызбы носит и барды животине возит»: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 208.

его служебные обязанности, но и руководство над губным аппаратом. Естественно, подобная практика оказывала влияние на оценку правительством компетенции лиц приказного и губного управления: наибольшим доверием пользовалась система, представители которой имели постоянное местопребывание в городе.

В связи с этим следует поставить вопрос об особенностях сменяемости губных старост. Поскольку должность эта не предполагала вознаграждения, губные старосты не имели особых стимулов к ее рьяному исполнению. В результате возникали казусы, отмеченные в актах: 25 сентября 1620 г. шуяне сообщили, что губные старосты «жили у себя по деревням». А 22 мая 1622 г. губной староста Мурза Ковалев сообщал, что его товарищ, староста Ф.И. Кишкин «из Шюи съехал и живет у себя в деревне для своеи черные немочи».[671] Таким образом, практика «отъезда» в деревню была если не постоянной, то вполне терпимой. Подобные отлучки необходимо должны были способствовать расширению полномочий приказной администрации.

В 1645/46 г. по отписке губного старосты И.Г. Меншикова в Шую была направлена грамота о постоялых дворах для губного старосты. По словам Меншикова, прежде губные старосты «стаивали» на посадских дворах, что давало такое право и ему самому. В ответной челобитной шуяне ссылались на то, что «преж сего губные старосты на посадцких дворех не стаивали, стояли на губном дворе», и просили не чинить им «тесноту».[672] При этом грамота была направлена не губному старосте, а воеводе И.В. Толбузину.[673] 29 октября 1648 г. в Шую была направлена грамота по челобитной того же Меншикова. Он жаловался, что в городе «около тюрем тын подгнил и иные тюремные крепости худы». Шуянам необходимо было выбрать целовальников, которым надлежало «сметить прямо вправду, сколько на тюрьму надобно» материала и «мастерам дать от дела». Однако приставов на ослушников староста должен был брать у шуйского воеводы.[674] Эти акты свидетельствуют о подчиненном положении губного старосты по отношению к

---

[671] ПДП. – № 118. – С. 156. Формуляр документа свидетельствует о том, что челобитная была «изветной»: Ковалев не жаловался на Кишкина а лишь сообщал о его отсутствии.
[672] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 257. – Л. 1.
[673] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 70. – С. 350-351; АЮБ. Т. 3. – № 369/5. – С. 475-476; ЛЗАК. Вып. 26. – № 257. – С. 243.
[674] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 66. – С. 90-91.

воеводе, при взаимодействии последнего с посадской общиной. Сведения об осуществлении контроля над «тюремными сидельцами» содержатся в челобитной их старосты на губного старосту Л.В. Кишкина 1661/62 г. «Сидельцы» жаловались на боярских людей и крестьян, сидевших с ними «в боярских делах»: «нам от них голод и теснота и со всякие тюремные нужи с духу и с цынги погибаем».[675] Сидельцы «в боярских делах» были особой категорией заключенных. Согласно указу от 18 января 1621 г. эти лица должны были содержаться в приказной избе. Именно их «выбивал» из тюрьмы Кишкин в ходе конфликта 1628 г. Тот факт, что в 1660/61 г. они находились в тюрьме, свидетельствует об успехе воевод и в этом противостоянии.[676]

Таким образом, факты свидетельствуют о постепенном и неуклонном сокращении полномочий губных старост на территории посадской общины в течение первой половины XVII в. Община стремилась не просто ограничить юридические права губного старосты на своей территории, а фактически свести их на нет, используя губную администрацию во вспомогательных целях. К середине столетия губные старосты в своих взаимоотношениях с посадской общиной практически полностью находились под контролем воевод, выступавших в качестве управленцев, лояльных посаду. Постепенное сокращение полномочий губных старост неминуемо должно было привести к полной замене их воеводской администрацией. В 1679/80 г. по государеву указу «велено в Шуе татинные и розбойные дела ведать воеводам, и губные избы сломать и губным старостам не быть».[677] Недостатки губной системы правительство старалось исправить разнообразными реформами. В качестве главного противовеса губными старостам выступали экстренные чиновники из Москвы – сыщики.[678] Многочисленные реформы свидетельствуют, что

---

[675] Там же. Т. 1. – С. 57-58. Акт не сохранился.

[676] Возможно, этот успех связан с неоднократными совмещениями одним лицом воеводской и губной должностей. 20 ноября 1641 г. Г.Б. Кайсаров «вынял ис тюрмы в Шуе» у А.М. Мишукова человека Василия Ртищева Никиту, посаженного туда «в холопье суде что он от нево збежал»: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 41. – Л. 1. Подобные «сидельцы» должны были содержаться в «сторожне», однако губной староста, совмещавший воеводскую должность, мог вполне свободно распоряжаться тюрьмой, отправляя туда арестованных «в боярских делах».

[677] Шуяне в ответ били челом (через суздальского воеводу К.А. Лопухина), что они построили для старосты «постоялый двор», а поскольку ныне он пуст, просили оставить его «для приказных людей постою». Поскольку он не обвалился, то был оставлен шуянам на эти цели: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 219-220; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 59 а. – С. 198-199.

[678] Практика использования их в качестве реальной силы для борьбы с разбоями была организована сразу после окончания Смуты, но по указу 1627 г. все розыскные и карательные мероприятия были переданы губным старостам. Однако через десять лет практика направления сыщиков была возобновлена. По Новоуказным статьям 1669 г. губные старосты были подчинены особым сыщикам, а в 1679 г. все губные учреждения были переданы в

неэффективность губной системы на местах (вследствие ее конфронтации с посадом) хорошо осознавалась властями. Однако система сыщиков оказалась еще более неэффективной. В Шуе оттеснение губного старосты от власти случилось уже в середине столетия: Л.В. Кишкин впервые упоминается в качестве губного старосты в 1649/50 г., а в последний раз в 1661/62 г.[679] 18 января 1664 г. сыщик А.И. Огибалов сообщал, что в Шуе губного старосты не было, и просил указа о его назначении.[680] Столь длительный срок исполнения должности Кишкиным свидетельствует, что для него она стала бессрочной и в результате была оставлена им. По требованию Огибалова он вновь был избран в губные старосты, но вскоре он оставил должность в связи с личными трудностями.[681]

В следующий раз фигура шуйского губного старосты является лишь в конце столетия. Ни о каком «земском выборе» в данном случае речь уже не шла. 10 октября 1699 г. из приказа Сыскных дел в Шую был направлен указ о назначении губным старостой приказного подьячего Г.И. Манатьина. Он должен был производить губные дела вместе с воеводой Ф.И. Ломоносовым.[682] Однако уже первое дело, участником которого стал новый губной староста, выявило противоречия между ним и воеводой. Воевода действовал по этому делу «оприч» Манатьина: сам подписывал челобитные, без государева указа освободил «тюремных сиделцов», а также не выдал ему губных дел для взятия по ним приводных и поголовных денег.[683] В августе 1700 г. сыщиком «татинных и разбойных и убийственных и всяких розыскных дел» в Шуе и Лухе был назначен кн. И.С. Засекин, а губной староста Г.И. Манатьин придан ему в товарищи.[684] Таким образом, вновь возникшая в конце XVII в. фигура губного старосты была новшеством. В данном случае он был не выборным лицом – на это место был назначен шуйский приказной подьячий. Полномочия его в данном случае были сужены до вспомогательных – он не имел права

руки воевод. Однако в 1684 г. должность губных старост была восстановлена с прежними полномочиями: *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб… С. 186-187.

[679] ЛЗАК. Вып. 26. – № 284. – С. 246-247; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 57-58.

[680] АМГ. Т. 3. – № 655. – С. 548-549.

[681] Последний раз упоминается в этой должности в деле о краже 10 января 1667 г. в шуйской Воскресенской церкви.

[682] «А друг без друга тех дел делать не велено»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 54.

[683] 17 октября 1699 г. по челобитной стольника Д.И. Давыдова воеводе было велено допросить Василия Карпова и Василия Оболдуева: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 222-223.

[684] ВГВ. – 1859. № 38. – С. 154; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 199. – С. 212.

судопроизводства. Фактически он был подчиненным воеводе лицом, исполнявшим канцелярскую работу. Для действительного усиления уголовного контроля в город был направлен специальный сыщик. Это вызвало недовольство Манатьина. Он полагал, что согласно указу становился лицом, равным воеводе (во всяком случае, в сфере уголовного судопроизводства), однако эти полномочия были узурпированы прибывшим в город сыщиком, а Манатьин вынужден был исполнять те же функции, что и ранее, в качестве приказного подьячего. Судя по всему, попытка введения должности губного старосты была связана с усилением контроля за воеводской администрацией.[685]

Теперь следует коснуться вопроса о совмещении полномочий представителями губной и приказной администрации. В первой половине XVII в. в Шуе губной староста многократно заменял воеводу в случае отсутствия последнего. 14 апреля 1621 г. в Шую была направлена грамота, согласно которой воевода Д.С. Змеев из города отзывался, и его полномочия переходили губному старосте Ф.В. Сеченому. Его требовалось «во всяких делех слушать и под суд к нему ходить», а он должен был «посацких людей от насилства и от обид оберегати накрепко».[686] Сеченый исполнял воеводские обязанности до июля 1621 г., когда воеводой был назначен П.И. Ярцев.[687] Поскольку налоговые сборы входили в компетенцию воеводы, то все свидетельства об участии губных старост в исполнении этих обязанностей предполагают замещение ими должности «приказного человека».[688] 17 августа 1619 г. губной староста М.Н. Кротков получил грамоту о сборе с Шуи доходов по новым дозорным книгам, а 16 января 1620 г. – о делопроизводстве по иску Ф.В. Сеченого к шуянам о неплатеже денег за даточного человека. 6 января 1624 г. губной староста

---

[685] Приказной подьячий в новой роли должен был стать эффективным «противовесом» воеводе. Однако, не имея реальных инструментов для контроля, подьячему сложно было исполнить свою миссию, которая в результате была доверена экстраординарному чиновнику.

[686] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 20. – С. 311-312; ЛЗАК. Вып. 26. – № 58. – С. 220.

[687] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 22. – С. 313. Судя по всему, воевода прибыл в город позднее срока, указанного в грамоте, поскольку еще 31 июля 1621 г. Сеченый получил указание о не взимании с шуян «недоимочных денег» за казачий корм: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 60. – Л. 1-2 об. У этого губного старосты возник серьезный конфликт с земским дьячком относительно платежа собранных им «доимочных ямских денег» за 1614-1619 гг. с посада и уезда (25 р. 1 гр.). 10 ноября 1620 г. земский дьячок Григорий Васильев, собиравший эти деньги вместе с Сеченым, сообщил, что последний деньги «держит у себя и с теми денгами к себе в деревню отъезжает». В обыске от 7 октября 1624 г. шуяне показали, что явка дьячка у них имеется, а кто завладел деньгами после смерти губного старосты – дьячок или жена Сеченого – они не ведают: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 67. Л. 5-6.

[688] 19 июля 1613 г. суздальские губные старосты приняли у шуйского земского старосты оклад ямских денег на 1610/11 и 1611/12 гг.: Там же. – Д. 5. – Л. 1.

Ф.И. Кишкин велел заплатить ямские деньги с Шуйского посада целовальнику Емельке Онофрееву. В том же году губные старосты велели тому же целовальнику внести оклад с Шуи «за стрелецкой хлебной запас». 21 февраля 1624 г. оброчные деньги за мельницы и перевоз были высланы из Шуи губным старостой И.В. Коноплевым. В 1625/26 г. губной староста Ф.И. Кишкин велел целовальнику Ивану Матвееву оплатить оклад «за стрелецкий запас» с шуйского посада.[689] 13 октября 1629 г. Ф.И. Лошаков взял в шуйской губе пристава и с ним «посылал людей своих и крестьян» за крестьянами кн. Михаила Барятинского.[690] В 1638/39 г. в Шую была прислана грамота, по которой губному старосте С.Ф. Кишкину велено было собрать с двора по 2 р. на жалование «государевым ратным людям».[691] А в 1639/40 г. он получил указ с требованием о высылке в Москву каменщиков и кирпичников.[692] 21 марта 1640 г. на С.Ф. Кишкина бил челом служка Троице-Сергиева монастыря Гаврило Опочинин. Он сообщал, что шуян Данила Калинина и его сына Лукьяна велено поставить «ответу на Москве» по монастырскому иску в заемных деньгах. Однако губной староста не дал их на поруки, и выпустил Калинина из тюрьмы.[693] Поскольку все затронутые в этих актах вопросы входили в компетенцию воеводы, можно предполагать, что Кишкин исполнял его должность в течение двух лет. 27 июня 1640 г. он бил челом на А.М. Мишукова, не принимавшего у него должность губного старосты.[694] Причины конфликта понятны: он желал расстаться с обязанностями воеводы, неожиданно свалившимися ему на плечи.

Фигура самого А.М. Мишукова представляется достаточно интересной. 18 июля 1641 г. шуянам была направлена память, по которой о дворовом постое незнакомых людей надлежало извещать А.М. Мишукову.[695] 22 февраля 1643 г. в съезжей избе перед ним Куприян Петров дал на себя кабалу П.И. Голенкину.[696] 31 марта 1643 г. он получил память об ограждении шуян от исков суздальских

---

[689] Там же. – Д. 47. – Л. 1-2 об.; Там же. – Д. 49. – Л. 1-2 об.; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 32. – Л. 1; Там же. – Д. 33. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 38. – Л. 1.

[690] Там же. – Д. 43. – Л. 1-1 об. Те настигли их на Палецкой дороге у Вангиря, «били и грабили» их и хозяина «за очи лаяли». Один из крестьян был задержан, доставлен в губу и «опошлинен не по делу». Челобитчик ссылался на то, что Лошаков принес челобитную «ни в татбе, ни в розбое, в грабежном деле».

[691] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 45. – С. 70-71.

[692] ЛЗАК. Вып. 26. – № 184. – С. 235.

[693] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 73. – Л. 1-1 об.

[694] ЛЗАК. Вып. 26. – № 189. – С. 235.

[695] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 24. – С. 168.

[696] Там же. Т. 2. – № 67. – С. 347-348.

дворян.[697] 21 июня 1643 г. по наказу А.М. Мишукова был произведен отказ Г.А. Кашинцеву пустошей в Шуйском уезде.[698] 25 июля 1643 г. разбойники на Вангире напали на нескольких дворян, и в тот же день «на тех розбойников ходили из Шуи Аврам Мишуков, а с ним были дворяне и дети боярские и мы, посацкие люди».[699] Во всех случаях Мишуков исполнял функции воеводы, причем использовал для этого и административные здания и приказной аппарат, подчиненный воеводе. Однако в целом ряде актов он именуется губным старостой.[700] Практика замещения сохранялась и в дальнейшем.[701]

Следует отметить тот факт, что в ходе исполнения воеводской должности губные старосты должны были отстаивать интересы посадских людей. Можно остановиться на конфликте, случившемся в ходе деятельности в Шуе «табашного сыщика» И.М. Тарбеева. Его «обыски» приносили шуянам огромные убытки. В результате они выступили против него «единым фронтом» с губным старостой, С.Ф. Кишкиным. 16 октября 1639 г. в Шуе был проведен обыск специально направленным туда А.Ф. Палицыным. Необходимость в нем была вызвана челобитной Тарбеева, утверждавшего, что к нему на двор «скопом и заговором» явились посадские люди, забрали государев наказ, бранили и хотели убить его. Все это якобы было проделано ими «по совету» с губным старостой. Сам С.Ф. Кишкин обвинялся в том, что держит у себя «оговорного человека» И.К. Свиньина. Тарбеев утверждал, что и Свиньин, и сбежавший палач Еремка «с ведома Кишкина табаком торговали».[702] Следовательно, губной староста (который обязан был во всем подчиняться сыщику) на этот раз встал на сторону посадских людей. Это свидетельствует, что исполнение старостой обязанностей воеводы предполагало тесные связи с посадской общиной и лояльность ей. Приведенные факты дают понять, что должность губного старосты должна была представлять собой местный противовес приказному управлению. При этом лица

---

[697] Там же. – № 58. – С 84-85; ЛЗАК. Вып. 26. – № 204. – С. 237.
[698] Историко-юридические акты XVI-XVII вв. / Собр. М.И. Семевский. – СПб.: Типография В. Балашева, 1892. – № 21. – С. 25.
[699] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 27. – С. 170-172.
[700] Там же. Т. 2. – № 43, 48. – С. 68-69, 76-77; РИБ. Т. 2. – № 11. – С. 748-749.
[701] Губной староста Л.В. Кишкин на съезжем дворе принял с шуян 93 р. 25 ал. 2,5 д., которые они должны были таможенному откупщику – москвичу Тимофею Федотову согласно сборным таможенным книгам 1664/65 г.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 63. Л. 1-5.
[702] Столь неожиданный вывод подтверждается тесным общением Кишкина с женами «оговорных людей»: он брал их к себе на двор, расспрашивал, поил вином, причем «из тюрьмы их днем и ночью отпущает».

приказного и губного управления были взаимозаменяемы, исполняя чужие функции в случае отсутствия партнера. Как показывает шуйская практика первой половины XVII в., такая ситуация возникала достаточно часто.

Однако посад стремился оттеснить губного старосту от судопроизводства на своей территории, предпочитая по этим вопросам обращаться к воеводе. Причиной этого было то, что воевода был гораздо теснее связан с местной общиной и экономически (кормление), и политически.[703] Губной же староста являлся представителем служилой корпорации. Поэтому практически во всех конфликтах первой половины столетия посадские люди и воеводы единым фронтом выступают против губных старост. Лишь в случае исполнения воеводских функций губной староста проявляет лояльность посаду. В результате к началу 1620-х гг. губной староста теряет большую часть своих судебных прав на территории посада. Даже в вопросе о «сместном» суде с уездными людьми посад стремится поставить его под контроль воеводы. В этом свете представление о «земском» характере должности губного старосты, на котором настаивал И.Д. Беляев,[704] представляется несколько преувеличенным. Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский в один голос отмечали преобладание «приказного начала» в должности губного старосты.[705] Н.Е. Носов полагал, что губные старосты были ставленниками местной служилой корпорации.[706] С ним в целом солидарен и В.И. Бовыкин, полагающий, что институт губных старост «получил от власти более высокую оценку, чем его земские конкуренты».[707]

С начала XVII в. институт губных старост был вынужден конкурировать с более серьезным противником – воеводским управлением. Конфликт между губным и воеводским управлением решила позиция правительства. Ему воеводское

---

[703] Вопрос о кормлении губных старост является дискуссионным. Г.П. Енин привел ряд фактов выдачи кормов губным старостам, но В.Н. Глазьев отмечает, что если воеводский корм – продолжение и развитие наместнического кормления, то губные старосты не могли претендовать на него «по старине»: *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в конце XVI-XVII вв.: губные старосты и губное дело. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – Воронеж, 2002. – С. 209-210. Против установленного размера корма свидетельствует и указание о незаконных поборах П.П. Калачева в 1612 г. Возможно, приведенные Ениным факты относятся к моментам, когда губной староста совмещал и воеводские полномочия, получая за их исполнение «воеводский корм».

[704] *Беляев И.Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. – М.: Типография общества распространения полезных книг, 1905. – С. 99-100.

[705] Еще Б.Н. Чичерин считал неопределенность срока исполнения должности губного старосты признаком «правительственного начала в губном управлении»: *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 460-461, 470, 502.

[706] *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений… С. 376-385.

[707] *Бовыкин В.И.* Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 324-342.

управление представлялось более предпочтительным не столько в силу «земского» характера должности губного старосты, сколько по техническим причинам: наличию разработанного набора инструментов административного контроля приказного управления. Следствием этого стало практическая ликвидация должности губного старосты в Шуе уже в середине XVII в. Это связано с тем, что новый губной староста назначался указом из центра, а земские выборы по нему имели формальный характер.[708] Результатом этого было назначение старост в соответствии с практическими потребностями: после Смутного времени в течение десятилетия они менялись достаточно часто и действовали вдвоем.[709] Последний раз пара губных старост упоминается 12 ноября 1624 г.[710] В дальнейшем речь идет лишь об одном из них, Ф.Н. Кишкине.[711] В последний раз он упоминается в 1634/35 г.[712] В дальнейшем пост был принят его сыном, С.Ф. Кишкиным (впервые упоминается 11 октября 1635 г.).[713] А.М. Мишуков, приняв должность у Кишкина, длительное время исполнял обязанности воеводы.[714] Губным старостой в 1645/46 г. стал И.Г. Меншиков, а в 1649 г. его сменил Л.В. Кишкин (впервые упоминается 16 октября). Таким образом, снижение практической потребности в губных старостах привело сначала к исчезновению их «товарищей», затем – к увеличению срока исполнения должности. А невозможность исполнять ее в течение длительного времени привела Л.В. Кишкина к сложению с себя этих полномочий.

2.2. Губной аппарат в посаде: состав, происхождение, функции

Губная система включала не только чиновничью администрацию, но и низший исполнительный аппарат. Описывая его, необходимо оценить состав аппарата, его происхождение и функции его представителей. Наибольший интерес эти вопросы

---

[708] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 460-461.

[709] Эта практика давала возможность проводить крупномасштабные операции. 6 июня 1619 г. по наказу суздальского воеводы Г.П. Порошин с отрядом дворян и детей боярских разгромил стан разбойников у д. Колачево. Бежавшие разбойники в Кохомской волости разграбили дд. Афанасово и Ясюнино, а также «ссекли» сына боярского А.М. Кайсарова, который ехал в Шую за губными старостами Ф.В. Сеченым и М.Н Кротким «к Гарасиму Порошину на сход»: РГАДА. Ф. 1641. Оп.1 Д. 10. Л. 1-1 об.

[710] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 14. – С. 159.

[711] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 38. – Л. 1; Там же. – Оп. 1. Д. 41. – Л. 1; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 16. – С. 160-162; ПДП. – № 129. – С. 163-165.

[712] ЛЗАК. Вып. 26. – № 129. – С. 228-229; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 35. – С. 61-62; Там же. Т. 1. – № 18. – С. 163-164.

[713] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 47. – С. 335.

[714] Новый воевода, кн. Н.И. Оболенский впервые упоминается 15 июля 1644 г.: Там же. – № 68. – С. 348-349.

вызывают применительно к должности губных целовальников. Сохранилась рядная запись в шуйские целовальники от 18 марта 1615 г. Е.Д. Ушакова. Он должен был «стоять» у этого дела «безотступно» и «хитра никоторо не учинить», а также «с посацких людей убытка никакова не довести, что и своим волощаном». В этом акте впервые упоминается о шуйской «губной кости» (административном округе, обязанном поставлять губного целовальника). В него входили черные волости Шуйского уезда: Телешовская (треть сохи) и Борисоглебская (четверть сохи).[715] Таким образом, формирование «кости» отталкивалось не от административного деления, а от «сошной раскладки». 12 ноября 1624 г. шуйские губные старосты получили указание вновь соединить с посадом «в губново целовальника сошным письмом в одну кость» вотчину Николо-Шартомского монастыря.[716] Таким образом, соединение «в одну кость» с Телешовской и Борисоглебской волостями поставило перед шуянами определенные проблемы.[717] Изменение состава «кости» напрямую отразилось на составе губных целовальников.[718] Можно также определить, что многие лица исполняли эту должность в течение нескольких сезонов, причем в ряде случаев она оказалась наследственной. Что касается их числа, то в 1619/20, 1620/21 и 1621/22 гг. известно о трех целовальниках.[719]

На губном целовальнике требовалась поручная запись. Сохранилась поручная запись по Е.Д. Ушакову, порядившемуся в губные целовальники на срок с 9 мая 1618 г. до такого же числа следующего года.[720] Ушаков обязывался «в губных целовальниках быт безотступно», причем упоминалось обязательство «шуяном в губных делах убытка никакова не привесть». В случае «отъезда», «хитрости» или

---

[715] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 7. – С. 153.

[716] Там же. – № 14. – С. 159. Это указание было получено по просьбе шуян. Они жаловались, что представители их кости не дают «подмоги» посадскому целовальнику, тогда как ранее шуяне уездному «подмогу» дали», а также не дают ему «перемены». Прежде губной целовальник ставился «в одной кости» с вотчиной Николо-Шартомского монастыря, однако ныне «та вотчина с ними росписана».

[717] Если прежде эти волости были черными и имели органы самоуправления, то после раздачи их «розных городов дворянам и детям боярским» эти органы были утрачены.

[718] В 1614/15, 1615/16, 1616/17 и 1618/19 гг. должность целовальника исполнял крестьянин М.М. Трусова Е.Д. Ушаков, в 1619/20, 1620/21 и 1621/22 гг. его сын, И.Е. Балин, в 1617/18 и 1620/21 гг. крестьянин с. Васильевского Никита Лобов. А в 1621/22, 1624/25-1639/40 гг. эту должность исполнял крестьянин Николо-Шартомского монастыря Филимон Евдокимов, в 1645/46, 1646/47, 1648/49 гг. – крестьянин того же монастыря Дей Филимонов (возможно, сын предыдущего целовальника), в 1660/61 и 1663/64 гг. – Михаил Фомин, 1659/60, 16665/66 и 1666/67 гг. – Никита Филимонов, 1658/59 и 1667/68 гг. – Иван Родионов.

[719] И.Е. Балине, К.Л. Вороне и Н. Лобове, И.Е. Балине, К.Л. Вороне и Е. Власове, Ф. Овдокимове, Н. Лобове и Е. Власове соответственно. Однако поскольку в актах обычно обозначался лишь главный (как и в случае с земскими), то в большинстве случаев сохранились сведения лишь о нем.

[720] Состав поручителей был весьма пестрым. Ими стали два попа и 12 крестьян, из разных вотчин Телешовской и Борисоглебской волостей.

«убытка» шуяне имели право двойную сумму по убыткам взыскать на поручителях. В поручной отмечена и подмога (6 р.) полученная Ушаковым с посада.[721] На губного целовальника давался также специальный выбор представителями его «кости». 1 сентября 1646 г. шуяне «выбрали и излюбили» в губные целовальники крестьянина Николо-Шартомского монастыря Дея Филимонова, поскольку «человек он добрый, душою прям и животом прожиточен».[722]

На размере «подмоги» следует остановиться подробнее. И.П. Сиянка,[723] порядившийся губные целовальники с 1 сентября 1614 г., получил от земского старосты 2 р. «подмоги своей». 14 марта 1615 г. И.Е. Ушаков получил с Шуи 2 р. «подможных денег» от сотского Н.В. Аристова. Однако затем размер подмоги резко меняется. В поручной записи от 9 марта 1618 г. фигурируют 6 р.[724] В дальнейшем сумма раскладки оставалась неизменной в течение длительного времени, несмотря на изменение «сошного оклада».[725] Имелся и еще один вид «подмоги» – постоялые деньги.[726] «Постоялое» связано с работой в качестве «тюремного целовальника». Раскладка этого сбора (как и подмоги) на несколько сроков в течение года свидетельствует об отсутствии связи между ними.[727]

---

[721] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 10. – Л. 1-2; ЛЗАК. Вып. 26. – № 34. – С. 217.

[722] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 62. – С. 88.

[723] Посадский человек – он упоминается в качестве плательщика денежных сборов с посада воеводе В.А. Давыдову от 14 апреля 1619 г.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 13. – Л. 1.

[724] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 25. – Л. 1. Сст. 6-7; Эта сумма подтверждается в приемной записи Ушакова от 9 июня 1618 г.: Там же. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 31. – Л. 1-1 об. Очевидно, такая же сумма была получена им по отписи 29 мая 1617 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 19. – С. 215. Причина изменения оклада ясна: по дозору 1615/16 г. Шуя получила сошный оклад в полчети сохи. Новая сошная раскладка вызвала и изменение оклада.

[725] 25 августа 1671 г. губной целовальник К.Н. Хлебник получил «подможных денег» 6 р.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 118. – Л. 1-1 об. Имеются отписи в приеме «подможных денег» с Шуйского посада крестьянина Телешовской волости И.Е. Балина (сын Е.Д. Ушакова) в 1619/20 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 53. – С. 220; крестьянина Николо-Шартомского монастыря Филимона Евдокимова от 18 июня и 8 ноября 1631 г.: Там же. – № 106, 109. – С. 226.

[726] Шуйский губной целовальник Филимон Евдокимов получал «постоялые денги» за 1624/25 г. (в 1625/26 г.), за 1625/26 г. (12 сентября 1626 г.), за 1628/29 г. (1 июня 1629 г.), за 1635/36 г. (11 августа 1636 г.) и за 1636/37 г. (11 июля 1637 г.). В первых двух случаях фигурирует сумма в 2 р., в третьем – 2,5 р., а в двух последних – 3,5 р. (при этом сбор именуется «тюремным постоялым»). Этот сбор мог раскладываться и на несколько сроков: 28 ноября 1629 г. тот же целовальник получил у земского старосты «подмоги своих постоялых денег» на 1629/30 г. 1,5 р., а 8 ноября 1631 г. он получил «постоялые деньги» от земского старосты И.П. Смолянина: ПДП. – № 228. – С. 232; Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 95. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 109. – С. 226; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 3. Л. 1-2 об., 10-11 об.

[727] Тот же Филимон Евдокимов получал «подмогу» 11 августа 1627 г. (2 р.), 25 августа 1628 г. («сполна»), 1 мая 1632 г. (3 р.), 1 марта 1634 г. (3 р.), 9 декабря 1634 г. (1,5 р.), 3 августа 1635 г. (1,5 р.), 18 сентября 1636 г. (2 р.), 5 марта 1638 г. (1 р.), 8 мая 1638 г. (3 р.), 12 марта 1640 г. (3 р.). Как видим, имелось несколько сроков выплаты подмоги и «сполна» она выплачивалась в разное время (25 августа в 1628 г., 8 мая в 1638 г., 12 марта в 1640 г.). 30 августа 1630 г. Филимон Евдокимов получил у земских целовальников «подмоги досталные денги» на 1629/30 г. – 1 р.: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 98. – Л. 1-1 об.; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 3. Л. 3-9 об., 12-15 об. При этом сумма всегда раскладывалась на несколько платежей (в 1634/35 г. части взяты 9 декабря и 31 августа, в 1637/38 г. – 5 марта и 8 мая). Соответственно, мы не имеем сведений о полной сумме «подможных денег».

Обязанности губных целовальников были достаточно широкими. 3 февраля 1618 г. губному целовальнику Никите Лобову была выдана наказная память, согласно которой он должен был «обыскивати» шуйских попов и посадских людей о происшествии 17 августа 1617 г.[728] 25 июля 1671 г. шуйский губной целовальник Гришка Осипов и понятые задержали за посадом «вора», который во время поимки «ножем резал» целовальника.[729] 21 апреля 1680 г. шуянину С.И. Саратовцову по челобитной в заемных деньгах на Ф.Г. Подрезова был выделен губной целовальник. Он явился на двор брата ответчика и забрал «за заемные деньги» его лошадь.[730] Таким образом, губные целовальники по указанию начальства имели право проводить обыск, занимались задержанием преступников и арестом имущества. Также они должны были свидетельствовать все криминальные происшествия на посаде.[731] Кроме того, губные целовальники исполняли обязанности по охране «тюремных сидельцев». На их плечи ложился и контроль за исправностью тюремного строения.[732]

Степень самостоятельности губных целовальников определить помогают отписи в приеме «потюремных денег»: в случае отсутствия старост «потюремные деньги» принимались губными целовальниками. Можно отметить также казусы 7 сентября 1620 г. с упомянутым выше целовальником Никитой Лобовым, который «вынял из тюрьмы сиделицу разбойничью жонку Оксютку к себе на постелю» и 12 сентября 1617 г., когда целовальник К.Л. Ворона и тюремный сторож якобы отпустили двух арестованных «взяв у них от того посул».[733] Тогда же шуяне жаловались на К.Л. Ворону, который хотел «опошлинить» многих шуян, «рняс тому», что они сообщили губным старостам о бесчинствах целовальников: те «емлют

Отписи от 18 сентября 1636 г. и от 11 июля 1637 г. свидетельствуют о том, что «подмога» и «постоялое» взимались в течение одного «рабочего года».

[728] «Коим обычаем Якова Колобова до смерти убили и хто именем убил»: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. – Л. 1-1 об. А 5 января 1618 г. тот же Никита Лобов по наказу сыщика М.М. Беклемишева проводил обыск о происшествии 12 сентября 1617 г.: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

[729] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 120. – С. 138-139.

[730] Там же. – № 165. – С. 428; АЮБ. Т. 3. – № 372/2. – С. 496-497.

[731] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 64, 225, 235. – С. 89, 462-463, 470. 9 марта 1672 г. Шуянину И.И. Лисину подкинули печеный хлеб, калачи и мед. «Подмет» осмотрели губной подьячий, целовальники и понятые: Там же. Т. 1. – № 47. – С. 188.

[732] 7 октября 1684 г. шуйский воевода А.А. Тархов «по извету» губного целовальника «досматривал» шуйскую тюрьму: Там же. Т. 2. – № 164. – С. 183.

[733] Там же. – № 18. – С. 45; РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

с кабака вино и пиво и мед и в тюрме бражничают».[734] Таким образом, в отсутствие губного старосты целовальник вполне самостоятельно мог вести губные дела и даже претендовать на особые привилегии. С другой стороны, при наличии начальника целовальник был полностью подчиненным лицом, обязанным выполнять приказы, не имевшие никакого отношения к его «служебным обязанностям».[735]

Особо следует остановиться на фигуре «тюремных целовальников». В челобитной 1635/36 г. шуяне отмечали, что «сторожу» у тюрем осуществляют «у нас сторожа целовальники».[736] В челобитной от января 1668 г. человек Ф.А. Наумова сообщает, что крестьянин его вотчины, Абросим Филатьев был выбран «сошными людми к государеву делу в Шую к тюрме в губные целовалники» и ныне «сидит у тюрмы потому что очеред пришла».[737] Таким образом, тюремные целовальники выбирались сошными людьми, а фраза об «очереди» свидетельствует о распределении обязанностей между целовальниками. Как и губные целовальники, они получали подмогу от посадских людей.[738]

Однако имелись также наемные тюремные сторожа. Именно таким был сторож Ивашко Подрез, упустивший «тюремных сидельцев» 25 сентября 1620 г.: как следует из логики развития событий, он был лицом, подчиненным губному целовальнику. Сохранилась поручная запись уездных крестьян по тюремным сторожам, нанявшимся в г. Шую: крестьянину И.И. Болотникова Федору Прокофьеву и крестьянину М.М. Трусова, Василию Томилову. Они должны были исполнять должность тюремных сторожей в течение года с Вербного воскресения 1618 г. Найму они «рядили» 16 р. и должны были «в Шуе у тюрмы быт в сторожех переменяючис понедельно и в своей стороже стеречь крепко день и ночь

---

[734] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 55. – Л. 1-3 об.

[735] Губной целовальник Абросим Филатьев обязан был на воеводском дворе «лошедей опряживат и конюшня чистит и дров в ызбы носит и барды животине возит» (23 декабря 1667 г.): Сборник Щукина. Т. 3. – С. 208. 4 июля 1621 г. губной староста Ф.В. Сеченый прислал на осадный двор кн. А.П. Скопиной-Шуйской в Шуе целовальников Филимона Овдокимова, Никиту Лобова и Еформе Власова. Они арестовали человека Скопиной Захара Меньшова, однако доставили его не в губную избу, а на подворье Сеченого, который избил его и посадил в тюрьму: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-1 об.

[736] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – С. 47-48. Ныне хранится: Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 260. – Оп. 1. Д. 46.

[737] Сборник Щукина. Т. 3. – С. 208.

[738] 24 апреля 1653 г. тюремный целовальник Д.Л. Мителяшин принял у земского старосты 7 р. «подможных денег», в 1655/56 г. тюремный целовальник Федор Матвеев принял у земского старосты 6 р., а в январе 1677 г. тюремный целовальник А.В. Репин принял 6 р. подможных денег «по уговору мирских людей»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 78. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 135. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 354. – С. 255. Таким образом, оклад «подмоги» тюремному целовальнику соответствовал «подмоге» губному целовальнику.

безотступно». В случае ухода сторожей «та тюремная сторожа» становилась обязанностью поручиков.[739] О процедуре найма тюремного сторожа свидетельствует также челобитная крестьянина С.Я. Милюкова А.И. Трескина. 17 ноября 1628 г. он жаловался, что порядился на 1628/29 г. «в Шуе на губе в тюремные сторожи на год». Губной староста и целовальники велели ему предоставить по себе поручную запись и «к той поручной записи» отпустили его домой, в с. Тумаково.[740]

Таким образом, наряду с «тюремными целовальниками» имелись также наемные сторожа. Они нанимались людьми всей «губной кости», а выбора на них не производилось. Судя по всему, появление наемных сторожей было связано с уклонением шуян от «очередной» сторожи тюрьмы посадскими людьми. Именно об этой службе шла речь в челобитной шуян в 1613/14 г., («проводники и сторожи и понятые емлют ежеденно»). В 1635/36 г. губной староста С.Ф. Кишкин жаловался, что «в Шуе преж сего» у тюрьмы по ночам стояла «сторожа». Посадские люди ликвидировали ее, что вызвало попытку восстановления. Городская сторожа была восстановлена,[741] а вот тюремная осталась прерогативой наемных сторожей.[742] В 1669/70 г. беглый дуниловский крестьянин Гришка Сидоров оказался в Шуе «у тюрем в сторожах». Он нанялся у сошных людей «свою волею» и они «сбирали» поручную запись по нему. Шуяне оправдывались, что они «в нем не ручались и выбору не давали». Однако в записи от 1 сентября 1668 г. поручиками значились семеро шуян и крестьянин Николо-Шартомского монастыря.[743] В данном случае ярко проявляются различия «выбора» и поручной. Поручная была актом, устанавливавшим личную ответственность поручителей, а выбор – всей общины.[744]

---

[739] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 35. – Л. 1-1 об. Адресатами поручительства выступали не только посадские люди, но представители всей шуйской губы. Одновременно сторожа получили «наемные деньги»: ЛЗАК. Вып. 26. – № 36. – С. 217.

[740] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 32. – Л. 1-1 об. В это время из шуйской тюрьмы «ушли» тюремные сидельцы и сторож опасался ответственности.

[741] 22 октября 1670 г. Иван Романов стоял на стороже, а один из караульщиков, Л.И. Калинин отлучился «пит» на кружечный двор. Привести его должны были Романов и Осип Иванов, но тот «порубил» Романова бердышом по голове: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 160. – Л. 1; ЛЗАК. Вып. 26. – № 478. – С. 270.

[742] Именно эти сторожа имеются в виду в челобитной Моисея Кишкина, который 8 сентября 1638 г. сдал своего человека, обвиняемого в «татьбе» на руки губным целовальникам И.К. Свиньину с товарищами и тюремным сторожам: РИБ. Т. 2. – № 7. – С. 722-723. Целовальник И.К. Свиньин продолжил «губную карьеру» в качестве тюремного сторожа – 21 августа 1641 г. земский староста сообщал, что он «от тюрем збежал з женою и з детми и со всеми своими животы»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 9. Л. 1-2.

[743] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 113. – С. 132-134; Там же. – № 128. – С. 404-405.

[744] Шуяне доказывали, что «мир» не должен нести ответственность за Сидорова, поскольку нанимался он у всех «сошных людей», а ручались по нему частные лица.

Вопрос о найме и выборе представителей губной администрации вызывает определенные разногласия исследователей. Еще Б.Н. Чичерин отмечал, что представители всех должностей губной системы (за исключением целовальников) могли и выбираться и наниматься[745] М.Б. Булгаков полагал, что обычно целовальники выбирались, но в качестве редких исключений указывал и на их найм по «рядным записям».[746] Согласно указной книге Разбойного приказа 1616/17 г., на целовальников и дьячков следовало давать выбор, а на сторожей – поручные записи.[747] О таком же характере процедуры свидетельствуют документы архива шуйской губной избы: в 1676/77 г. в нем хранились «выборы на шуйских губных целовалников и по сторожах порушные записи» нынешнего и предыдущего года, а также грамота И.В. Титову, по которой «крестьян ево в губные целовалники х тюрмам в сторожи выбират не велено».[748]

Как известно, новоуказными статьями 1669 г. губные целовальники были отменены, оставались лишь наемные тюремные сторожа. Однако акты шуйской губы свидетельствуют, что разделение на целовальников и сторожей сохранилось: первые именовались «тюремными целовальниками» и по ним брался выбор, а по наемным сторожам, приданным им в помощь – поручная запись. Таким образом, реформа не изменила положения на местах. Реформой 1679 г. для выборных целовальников была отменена «подмога». Эти действия выявляют характер стремлений правительства: они были направлены на ликвидацию мирских сборов на корм целовальникам. Все жалование должно было поступать «из тамошних доходов, которые собираются в губную избу». Однако одной реформой не удалось изменить многолетний обычай и лишь после ликвидации губных старост «кормовые» сборы были ликвидированы.

Из вышеизложенного можно заключить, что и сторожа и целовальники избирались «миром», но исправность их службы гарантировалась сообразно полномочиям – для целовальника всем миром, а для его подчиненного-сторожа – частными лицами. После ликвидации губных изб в 1679 г. выбор «тюремных целовальников»

---

[745] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 465-469.

[746] *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб… С. 192-193.

[747] Для всех участникам губного дела ежегодно собирались «подможные деньги» «почему с ними сошные люди уговорятца». О том, что различие выбора и найма было лишь формальным, свидетельствует указ от 28 августа 1638 г., в котором предписывалось выбрать целовальника, сторожа и палача, получив по первому выбор, а по остальным – поручные записи: *Глазьев В.Н.* Власть и общество… С. 210-224.

[748] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 69. – Л. 12.

сохранился.[749] 6 декабря 1700 г. шуяне получили память от губного старосты Г.И. Манатьина о перемене крестьян Николо-Шартомского монастыря «от тюрьмы из сторожей». В «прошлых годах» у шуйских тюрем служили двое «губных целовальников» по выбору из посадских людей, а на следующие два года их меняли двое выборных крестьян вотчины Николо-Шартомского монастыря.[750] В августе 1688 г. шуяне избрали двоих лиц на должность губных целовальников с условием «чтобы стеречь им шуйских тюремных сидельцев и всяких воровских людей».[751]
Еще одной ключевой фигурой губной системы являлся палач. 29 октября 1648 г. в Шую была направлен указ, по челобитной губного старосты. Он жаловался, что из города сбежал палач. Шуяне должны были отыскать его, а в случае невозможности – выбрать вновь.[752] Как и другие представители выборных губных должностей, палач получал «подможные деньги», причем эта практика сохранилась до конца столетия.[753] Сохранилась и наемная запись в палачи от 28 августа 1672 г. Ф.М. Шапошник порядился у посадских и «сошных» людей «в губу» в палачи, за порукой своего пасынка с условием «посацким людем никакова убытка не привесть».[754] Таким образом, подтверждается однородность процедуры найма всех представителей губной администрации: по ним давали выборы (поручные), и выплачивали «подмогу» по договору, фиксировавшемуся специальным актом.

Последним представителем губной системы в посаде являлся губной дьячок. Согласно указной книге Разбойного приказа и Уложению 1649 г. дьячок должен был избираться «сошными людьми» и нес ответственность наравне с губными

---

[749] В памяти сыщика И.П. Парфеньева подьячему Тихону Федорову от 7 августа 1698 г. предписывается шуйского губного подьячего Петра Матвеева и двух губных целовальников (посадских людей), бывших «у тюрьмы» в 1697/98 г. отдать воеводе: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 188. – С. 202-203.
[750] Там же. – № 204. – С. 216-217. Выборные монастырских крестьян заступили на пост в сентябре 1697 г., однако шуяне не меняли их.
[751] Историко-юридические акты XVI-XVII вв. – № 57. – С. 35. Сохранились отписи о сборе с губных целовальников («которые были в Шуе у тюрем») крестоприводных пошлин в приказной избе (от 6 июня 1689, августа 1692, 1 августа 1695 и 5 октября 1697 гг.). Во всех записях фигурируют двое целовальников. В первых двух случаях деньги платил земский староста, в последнем – сам целовальник. Лишь в этой записи в качестве целовальников выступают не шуяне: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 12. Л. 1-4 об.
[752] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 66. – С. 90-91. С выборщиков требовалось получить «выборы за руками».
[753] 17 февраля 1697 г. и 12 марта 1698 г. «заплечный мастер» Ф.М. Шапошник получил по 5 р. «годовых подможных денег» у земских старост А.А Гневышева и Я.Ф. Голятина и «всех мирских людей». В марте 1689 г. он выдал сразу 3 отписи в получении им «подможных денег» от земского старосты И.И. Котельникова. Имеются еще пять его расписок за 1692/93, 1693/94 и 1701 гг. в получении им за работу «подможных денег» от шуйского земского старосты: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 311. – Л. 1-2; ЛЗАК. Вып. 26. – № 631. – С 291; Историко-юридические акты XVI-XVII вв. – № 81. – С. 45.
[754] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 48. – С. 188-189.

целовальниками. Новоуказные статьи 1669 г. о выборе уже не упоминают, а после ликвидации губных изб в 1679 г. в приказных избах были введены особые подьячие губных дел. В 1639/40 г. шуяне били челом кн. С.В. Прозоровскому на его человека И.С. Акинфова (ранее исполнявшего обязанности шуйского губного дьячка).[755] 11 февраля 1672 г. посадский человек А.Г. Посников получил место «в таможне у насыпу без жалованья» вместо губного подьячего Микишки Иванова, получавшего жалованье 5 р.[756] Серьезные навыки и умения, необходимые лицу, исполнявшему эту должность, способствовали ее профессионализации. Ермолай Корякин исполнял эту должность в 1619/20-1622/23 гг., И.С. Акинфов – в 1627/28 г. и в 1628/29 г.[757] И.П. Воинов упоминается в этой должности в 1671/72 г. и в 1677/78 г. Следовательно, губные подьячие исполняли должность в течение длительного времени.[758] В связи с этим они раньше всего становятся членами приказной администрации. Для губного дьячка был сооружен особый двор, упоминаемый в переписи 29 июля 1629 г.[759] А после реформы 1669 г. подьячий становится членом приказной избы: выбор на него уже не требовался.[760]

В связи с исполнением своих обязанностей фигура губного дьячка возникает достаточно редко. Это связано с тем, что на его плечах лежала исключительно канцелярская работа. Он изготавливал все документы, возникавшие в ходе губного дела, и лишь в связи с отсутствием целовальника его обязанности ложились на дьячка.[761] Большее значение подьячий приобретает с начала 1660-х гг., когда неоднократно проявляется в качестве приемщика «потюремных» денег у воеводы (губного старосты).[762] Такое различие вызывало серьезную неприязнь между

---

[755] Он получил зазывную грамоту на посадских людей, «ложно поклепав» их в иске на 75,5 р.: Там же. Т. 2. – № 48. – С. 76-77; ЛЗАК. Вып. 26. – № 197. – С. 236. В этом качестве упоминается в отписи от 1 июня 1629 г.: ПДП. – № 228. – С. 232.

[756] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 122. – С. 140-141. Поскольку в акте от 9 марта 1672 г. в должности губного подьячего фиксируется И.П. Воинов можно предположить, что Посников имел в виду исполнение Ивановым должности губного дьячка в течение предыдущего времени: Там же. Т. 1. – № 47. – С. 188. В переписи 20 октября 1709 г. Никита Иванов фиксируется в числе персонала приказной избы.

[757] Там же. – № 16. – С. 160-162; ПДП. – № 228. – С. 232.

[758] Это и было причиной того, что уже после ухода их с этой должности в челобитных посадских людей они именовались губными подьячими (И.С. Акинфов в 1639/40 г. и Никита Иванов в 1672 г.).

[759] Для освобождения посада от выплаты постоялых денег и в связи с длительным пребыванием на должности.

[760] В переписи 12 декабря 1677 г. отмечено, что губной подьячий И.П. Воинов «живет на тяглой земле», но является приказным человеком.

[761] 2 декабря 1615 г. губной староста М.Н. Кротков сообщал, что отправил губного дьячка И.А. Утешева с целью забрать «прожиточное» поместье у вдовы К.И. Ефимьева: АСЗ. Т. 3. – № 537. – С. 455-462.

[762] 17 ноября 1662 г., 29 сентября 1664 г., 30 ноября 1671 г., 2 сентября 1672 г., 5 ноября 1673 г., 23 сентября 1674 г., 30 сентября 1675 г., 27 сентября 1676 г., 8 октября 1677 г.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 26. Л. 1-1 об., 6-11

представителями этих ветвей губной администрации. 6 апреля 1622 г. губной дьячок Ермолка Корякин жаловался на губных целовальников Кирилла Ворону и Ефрема Власова. Они 14 марта были отправлены в дворцовое с. Ивановское и Решму «для обыскных речей про татей розбойников», однако взяли 100 р. «посулу» и воров в Шую не доставили. Привезенными деньгами они поделились с губными старостами. Присутствие Корякина во время раздела оказалось весьма нежелательным – Власов его «взял за гороло и вывел вон, а сказал: тебе де тут что за дело». После этого он похвалился убийством на Корякина: «не пустим тя жива за то, что с нами не советен и делаеш не по нашему».[763] 29 апреля 1622 г. губной целовальник И.Е. Болин в Шуе избил Корякина «насмерть в лежку ослопом», причем «приговаривал», чтобы Корякин не давал явок.[764] Судя по всему, это избиение было составной частью акции устрашения губного дьячка целовальниками. Выясняется и служебная причина конфликта.[765] Однако в противостоянии с внешним противником губная администрация действовала единым фронтом. Ярко характеризует этот факт челобитная того же Корякина:[766] атака на одного представителя губной администрации являлась угрозой организации в целом.

В проблеме материального обеспечения деятельности губной администрации важнейшим является вопрос о принципе распределения нагрузки между городом и уездом. Потюремные деньги собирались на обеспечение жизнедеятельности тюрьмы и губного двора. Анализируя трансформацию формуляра в сохранившихся отписях в приеме оклада этих денег с шуйского посада, можно заключить, что они не отражают реальных изменений в расходных статьях «потюремных денег», представляя собой лишь разные варианты одной и той же актовой клаузулы.[767] Более интересным

об.; Там же. Д. 25. Л. 3-3 об., 7-7 об. Как видим, после реформы 1669 г. подьячие выходят на первые роли в губной избе.

[763] ПДП. – № 115. – С. 155.

[764] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 26. – Л. 1-1 об.

[765] Целовальники не желали делиться «посулами» с лицом, не участвовавшим в практических действиях, и были недовольны тем, что дьячок фиксировал все явки в губную избу, увеличивая объем их работы.

[766] ПДП. – № 116. – С. 155. 19 мая 1622 г. он жаловался, что шуйские десятильники суздальского архиепископа били его «ослопьем насмерть» и ограбили. Явка подана не только от имени Корякина, но и от имени губного целовальника, хотя тот в составлении жалобы не участвовал. В акте упоминается лишь об избиении одного Корякина, и именно ему адресовалась угроза: «где ся де не съедем, тут тебя Ермолку не пустим жива».

[767] 7 марта 1615 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 11. – С. 37-38; 1619/20 и 1620/21 гг.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 7. – Л. 1; Там же. – Д. 13. – Л. 1; 1622/23 г.: ПДП. – № 227. – С. 231-232; 1625/26 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 77. – С. 222; 29 июля 1631 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 41. – С. 332; АЮБ. Т. 2. – № 246/5. – С. 749; 27 ноября 1640 г.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 58. – Л. 1; 5 октября 1653 г.: Там же. – Д. 79. – Л. 1.

является изменение оклада «потюремных денег» с посада.[768] Раскладка «потюремных денег» по «ряду» посадских и уездных людей изменялась достаточно часто. Это было вызвано изменением суммы, требующейся на содержание губной системы. Пределы изменения этой суммы были невелики в пределах одного «сошного оклада», но введение другого оклада резко изменяло их.[769] Поскольку на экстренные мероприятия по «тюремному строению» назначался специальный сбор, то изменение суммы «потюремных денег» следует связывать с увеличением жалования губным служителям.

Вопрос о соотношении «подможных» и «потюремных» денег в литературе не поднимался. В.Н. Глазьев полагает, что подмога выделялась из потюремных денег.[770] Однако шуйские акты свидетельствуют о выплате «подмоги» непосредственно посадским миром, тогда как «потюремные» деньги собирались в губную избу. Следовательно, «подмога» была дополнением к жалованию, выдававшемуся из губной избы. Их соотношение позволяют установить данные рядной записи шуйских сторожей 1618 г.: они получали по 18 р. годового найма, тогда как «подмога» прдставителям шйуской кости в этот период составляла 6 д. Троекратная разница объясняется просто: посадскими людьми выплачивалась лишь треть общей

[768] 7 марта 1615 г. деньги (2 р.) были получены «с чети сохи». Оклад определен по дозору, произведенному в городе по наказу кн. Р.П. Пожарского Ф.М. Болотниковым и М.Д. Шиловым в 1611/12 г. В 1619/20, 1620/21 1622/23 гг., а также 29 июля 1631 г. они брались по новому дозору 1618/19 г. с 7 четвертей. С 27 ноября 1636 г. они брались по писцовым книгам 1627-1630 гг. с 25 четвертей. Сумма определялась по «посадцких и уездных людей ряде»и изменялась достаточно часто. 7 марта 1615 г. было получено 2 р. с чети, в 1619/20 г. – 30 д. с чети, в следующем году – 29 д. с чети, в 1622/23 г. – 25 д. с чети, 29 июля 1631 г. – 23 д. с чети. Затем оклад резко повышается как по общему объему, так и по четвертной раскладке. Низшей была сумма в 72 д. с чети (27 ноября 1636 г., 25 ноября 1640 г., 20 ноября 1646 г., 27 ноября 1648 г., 5 октября 1653 г., 18 сентября 1659 г.). Также брались суммы в 74 д. (25 февраля 1640 г.), 76 д. (29 октября 1665 г.), 80 д. (18 сентября 1658 г., 11 октября 1660 г., 1 сентября 1663 г.), 84 д. (29 сентября 1664 г.), 87 д. (7 ноября 1661 г.), 88 д. (25 ноября 1645 г.), 180 д. (17 ноября 1662 г.). В последнем случае сумма собиралась «по приговору сошных людей» явно с целью масштабных ремонтных работ. В 1640/41 г. деньги «на тюремное строение» были получены отдельно от основной суммы «потюремных денег» 16 января 1641 г. (по раскладке в 70 д. с чети). В одном случае оказался необходимым дополнительный сбор: 15 июля 1664 г. было принято по 20 д. с чети (дополнительно к раскладке в 80 д. с чети за этот год). Наконец, в 1666/67 г. отдельно были приняты «потюремные» деньги (17 октября 1666 г. по раскладке 72 ал. с чети) и деньги «шуйским губным целовалником и сторожем на жалованье» (27 апреля 1667 г. по раскладке 36 д. с чети). После этого сумма взималась вместе, но резко изменилась по объему: 120 д. с чети (9 октября 1667 г.), 124 д. с чети (20 сентября 1668 г.) и 128 д. с чети (1 сентября 1670 г., 30 ноября 1671 г., 2 сентября 1672 г., 5 ноября 1673 г., 23 сентября 1674 г., 30 сентября 1675 г., 27 сентября 1676 г., 8 октября 1677 г.): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 41, 63, 70. – С. 332, 345, 350-351; ПДП. № 227. С. 231-232; АЮБ. Т. 2. – № 246/9. – С. 751. АЮБ. Т. 3. – № 369/5. – С. 475-476; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 7. Л. 1; Там же. Д. 13. Л. 1; Там же. Д. 58. Л. 1; Там же. Д. 79. – Л. 1; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 22. Л. 1-8 об.; Там же. Д. 25. Л. 1-7 об.; Там же. Д. 26. Л. 1-11 об.

[769] Подобная тенденция в целом была характерна для финансового управления в XVII в. При этом введение нового оклада среди «миров» резко отставало от требований правительства. Шуйский уезд был положен в «живущую четверть» еще в 1619/20 г.: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. –С. 660; Акты писцового дела / Ред. С.Б. Веселовский. Т. 2. – М.: ОИДР, 1917. – № 81. Перепись по новым правилам была проведена лишь 29 июля 1629 г., а введение их в «мирской раскладке» состоялось еще позднее.

[770] *Глазьев В.Н.* Власть и общество… С. 213, 218.

«подмоги» представителям своей кости. Остальные две трети губные целовальники получали от представителей двух других костей в качестве жалования из потюремных денег, собиравшихся в губной избе. Тюремные сторожа нанимались на всю губу, поэтому получали всю сумму наемных денег из губной избы (размер их устанавливался рядной записью). Отличие «выбора» и найма в отношении представителей губной администрации было лишь терминологическим. Профессионализация администрации способствовала формализации «выбора», в конечном итоге превратившегося в найм.[771] Рядная запись Ф.М. Шапошника от 28 августа 1672 г. свидетельствет, что он также давал обязательство посаду «убытка никакого не привесть». Очевидно, выплата «подможных денег» непосредственно посадом (без посредства губной избы) служила серьезным рычагом в обеспечении лояльности шуянам предстваителей губной администарции. Этот факт объясняет положения реформ 1669 и 1679 гг., направленные на ликвидацию «мирской подмоги» представителям администрации – «подмога» выступала в качестве гаранта лояльности ее посаду, тогда как требовалось полностью отделить губную администрацию от общины, переведя ее на казенное содержание.

О распределении обязанностей посада и уезда в экстренных мероприятиях по строительству тюрьмы свидетельствует сметная роспись, составленная по наказной памяти воеводы И.В. Кирикрейского в ноябре 1636 г.[772] Оценкой и строительством тюрьмы должны были заниматься все «сошные» люди и оценочная сумма раскладывалась на всю соху. Однако могли применяться и другие системы «строительной раскладки». 30 ноября 1673 г. воевода И.С. Ушаков получил указание о постройке тюрьмы в Шуе.[773] Для ее строительства «лес велено возить розвытя на жилые чети почему доведетца», треть денег на строительство получить с уездных, а

---

[771] Выше отмечены процессы профессионализации губных дьячков и целовальников, то же касается и должности палача.

[772] В оценке работ принимали участие представители всего Шуйского уезда. Стоимость сооружения тюремной избы «с кровлею и тыном» была оценена в 12 р., «стороженной» избы – в 8 р., а большого тына, окружавшего избы – в 40 р. Кроме того, имелась земляная новая тюрьма, которую «ставил князь Иван Шеховской, а денги сбирал на тое тюрму с сохи»: АЮБ. Т. 3. – № 347/1. – С. 375-376.

[773] Указ о строительстве новой тюрьмы и губной избы шуйский воевода получил еще в начале весны 1674 г. Однако 10 марта шуяне сказали, что «без уездных сошных людей тово тюремного строенья и губной избы сметит во что станет не смеют», поскольку «в прошлых годех то тюремное строенье и губной двор смечали вместе с уездными сошными людми»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 26. Л. 1-2 об. Таким образом, без «уездных людей» строительство тюрьмы было невозможно.

остальные – с посадских людей.[774] Шуяне жаловались, что должны уплатить 60 р., тогда как на долю уездных выпадали лишь 30 р.[775] Согласно новой грамоте, от февраля 1674 г., воевода должен был собрать деньги, «розвытя» по четвертям с уездных и посадских людей «чтоб от них никто изобижен не был».[776] Сбор средств «на строенье» контролировался земским старостой.[777] Посаду не всегда удавалось привлечь уездных людей к исполнению обязанностей по обеспечению губного дела. В 1668/69 г. шуяне жаловались, что воеводский и губной дворы шуяне вынуждены строить «и всякую поделку делать» третий год одни.[778] В 1689-1696 гг. посадские люди жаловались на крестьян вотчины Суздальского Покровского монастыря, «ведомых в Шую губою» которые не давали в Шую губных целовальников, а также не платили никаких сборов.[779]

Можно сделать вывод, что привлечение уездных людей к губному делу было сопряжено со значительными трудностями. Причем они касались всех сторон обеспечения: финансовые сборы, привлечение к работам, поставка целовальников. Соответственно, наиболее тяжелая часть этого дела ложилась на посад.[780] Что касается «губной кости», то она распространялась лишь на право поставки целовальников, тогда как остальное губное дело – на всю губу.[781] Еще Б.Н. Чичерин отмечал, что губа обычно совпадала с уездом.[782] Не возражали ему и позднейшие исследователи. Однако относительно Шуи имеются прямые свидетельства об обратном. В описи архива губной избы, (1676/77 г.) упоминается государева грамота М.П. Кашинцеву, согласно которой его крестьян «в губные целовалники имат не велено», поскольку за ним в поместье Суздальского уезда имеется менее 20

---

[774] ДАИ. Т. 6. – № 99. – С. 332-333.

[775] ЛЗАК. Вып. 26. – № 504. – С. 274. Между тем у посадских людей «по писцовым книгам живущего только 25 четей, а у уездных 264 чети».

[776] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 133. – С. 407-408. К строительству запрещалось «припущать» сторонних подрядчиков.

[777] 1 сентября 1659 г. новому земскому старосте была передана роспись, что «недобрано в воевоцкой и в губной двор» (33 р. 4 ал.): Там же. Т. 1. – № 34. – С. 178. Имеются в виду «недобранные» деньги с уезда.

[778] Уездные люди, «которые присудны Шуе всякими делами» в этом им не помогают: Там же. Т. 2. – № 93. – С. 118-119; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 155. – Л. 1-1 об. Архивный документ является черновиком, но текст челобитной сохранился в нем в более полном виде.

[779] Историко-юридические акты XVI-XVII вв. – № 89. – С. 47. Датировка основана на особенностях адресата: Петр и Иван Алексеевичи выступали соправителями и вместе обозначались в юридических актах именно в этот период.

[780] Именно посадские люди должны были организовывать сбор средств и строительство тюрьмы, что в 1673 г. вылилось даже в попытку введения новой системы распределения финансовой нагрузки.

[781] Поэтому тюремные сторожа 1618/19 г. давали поручную не только представителям шуйской «кости», но и других вотчин уезда, и в оценке «тюремного строенья» в ноябре 1636 г. принимали участие представители всего уезда.

[782] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 461-463.

дворов.[783] Еще целый ряд челобитных в шуйскую губную избу также был подан помещиками Суздальского уезда.[784] Во всех случаях, где имеется волостная идентификация, упоминается Матницкий стан, который именуется «приписным шуйской губы». Следовательно, крестьяне этого стана были «губным делом присудны» Шуе.

Подводя итоги, следует заострить внимание на вопросе о поставке губных целовальников. Именно эти должностные лица являлись «приводным ремнем» губной системы и имели наиболее тесный контакт с посадом. В Шуе имелось трое губных целовальников, которые должны были поставляться с разных «костей». Как сообщается в челобитной 1624 г., внутри кости выборы были распределены между уездом и посадом: одна сторона должна была поставить целовальника, другая обязана была предоставить «подмогу». Однако тяглая принадлежность выборного очень скоро потеряла свое значение. «Профессионализация» (вплоть до наследственности) представителей этой должности, привела к формализации «выбора». Основная часть денежного жалования целовальникам обеспечивалась из «потюремных денег». Однако поведение представителей губной системы при исполнении ими должности регулировалось рядной записью, выдававшейся при получении «подмоги» (посадские люди имели право выплачивать ее непосредственно, минуя губную избу). Причем если первоначально это право рапространялось лишь на предстваителей шуйской кости, то позднее – на всех губных служителей. Основное обязательство по этой записи – не «приводить убытка» оплатившей подмогу общине (шуйскому посаду). Выплатой «подмоги» посад стремился нейтрализовать возможные враждебные действия губных целовальников, обязанных были противостоять ему в силу служебных обязанностей.[785] Из этого следует, что система, обозначенная в челобитной 1624 г., теряет свою актуальность.

Результатом стала эволюция «выбора» в найм, причем по большей части он осуществлялся посадскими людьми. А они использовали для него лиц, не имевших

---

[783] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 69. – Л. 2.
[784] Там же. – Л. 2-5, 7, 10, 11.
[785] Поэтому «подмога» выплачивалась даже посадским людям, исполнявшим губные должности. Тому имеются многочисленные примеры: целовальники И.П. Сиянка в 1614/15 г., Д.Л. Мителяшин в 1652/53 г., А.В. Репин в 1676/77 г.

серьезных экономических корней, гарантируя их лояльность выплатой «подможных денег».[786] Подобная система обеспечивала посадской общине большую лояльность губной администрации. Попытка лишить посад этого контроля была предпринята с помощью реформ 1669 и 1679 г., в ходе которых земский дьячок получил статус приказного лица, а губные целовальники были заменены тюремными сторожами, «подмога» которым не требовалась. Эта система была ликвидирована лишь второй реформой, однако затем шуйская кость оттесняет от выбора другие кости и поставляет «тюремных сторожей» одна.[787] Таким образом, шуяне стремились хотя бы частично сохранить контроль над губной системой.

2.3. Экстренные чиновники в Шуе: контролеры от местной власти в уезде

Последней формой центрального управления в городе и уезде в XVII – начале XVIII вв. были экстренные чиновники, отправляемые для выполнения специальных задач – сыщики и сборщики. Сыщики были должностными лицами, направлявшимися из центра для выполнения определенных поручений, связанных с противодействием уголовной преступности. Для населения прибытие сыщика выливалось в серьезные проблемы по обеспечению его проживания, не говоря уже о том, с какими тяготами был сопряжен сам процесс розыска. Поскольку сыщик не имел никакой связи с уездом, его служебное рвение при исполнении своих обязанностей, становилось причиной многочисленных конфликтов. Губные старосты выступали единым фронтом с сыщиками, поскольку по требованию правительства подчинялись им. Подобным образом сложилась ситуация в 1613/14 г., аналогичный случай произошел и в 1616/17 г. Недовольство посада таким положением дел характеризует челобитная шуян от 4 июня 1624 г.[788] В челобитной 1634/35 г. шуяне высказывают просьбу, чтобы губные старосты и сыщики «татинные и розбойные

---

[786] В числе подобных лиц можно отметить беглого дуниловского крестьянина (1668/69 г.), казанского посадского человека Ф.М. Шапошника, а также появившегося в посаде по отпускной К.Н. Хлебника (1670/71 г.): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 157. – С. 175-176. Шапошник впервые в губной системе упоминается в 1655/56 г. в качестве тюремного целовальника, длительное время исполнял должность палача (в качестве «заплечного мастера» упоминается в рядной записи от 28 августа 1672 г., последний раз получил «подможные» деньги за исполнение этой должности в 1701 г.).

[787] К 1700 г. у тюрьмы «погодно переменяясь» работали шуйские и николо-шартомские «сторожа».

[788] В ней они сообщают, что к ним приезжают «для сыску татинных и розбойных дел сыщики частые, чинят налогу и продажу великую, емлют те сыщики у нас понятых многих людей и подводы емлют многие ж и иные многие затейные статьи на нас наметывают»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 38. – Л. 1-1 об.

дела без воевод и приказных людей не ведали».[789] Ряд документов свидетельствует об отношениях подчинения между сыщиками и губными старостами.[790] Эти казусы свидетельствуют, что компетенция сыщиков была выше, чем губных старост: последние исполняли роль «подручных» сыщика.

После уничтожения «разбоев» была предпринята попытка повсеместно заменить сыщиков губными старостами: согласно губной реформе 1627 г. сыщики были отменены.[791] Однако еще Б.Н. Чичерин заметил, что этот «указ был более временной мерой».[792] В.Н. Глазьев также отмечает, что сыщики направлялись в уезды уже вскоре после этого указа. Но они уже не осуществляли общее руководство розыском «татинных и разбойных дел в уезде», а исполняли поручения по розыску конкретных преступников. Наиболее ярким примером их деятельности в Шуе является розыск, произведенный «табашным сыщиком» И.М. Тарбеевым. 24 апреля 1637 г. перед шуйским воеводой И.А. Судаковым были допрошены шуяне, причастные к «табашной торговле»: Еремей Павлов, «приходец» Ивашко Вандыш, Тренька Коновал, Давид Кривощеков. Последний назвал в качестве продавца И.К. Свиньина, а тот – Тимошку Оверкиева. 26 апреля Кривощеков сбежал от пристава.[793] Поскольку «воеводский» розыск закончился неудачно, было решено направить из столицы специального сыщика.[794] Начал сыщик со скрывшегося Ивашки Вандыша.[795] Дальнейшие его действия обосновываются в челобитной от 23 июля

---

[789] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 18. – С. 163-164. Очевидно, подобный конфликт произошел и годом ранее: 21 июля 1634 г. Кишкиным была получена грамота о прекращении розыска по делу о разбое Григория Попова и освобождении задержанного по этому делу Григория Степанова: ЛЗАК. Вып. 26. – № 129. – С. 228-229.

[790] 20 марта 1614 г. люди С.Я. Милюкова дали мировую запись по иску к шуянам «о розбойном деле», о чем сообщили сыщику в Шую: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 10. – Л. 1-1 об. При этом в этот момент в городе действовал губной староста П.П. Калачев: упоминается 19 июня 1613 г. и 15 ноября 1614 г.: ПДП. – № 106. – С. 150; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 6. – Л. 1-1 об. 3 февраля 1618 г. шуйский губной целовальник получил наказную память от сыщика М.М. Беклемишева, согласно которой обязан был провести обыск об убийстве, случившемся 17 августа 1617 г.: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. – Л. 1-1 об. В Шуе в этом время в Шуе исполнял должность губной староста М.Н. Кротков: упоминается 30 мая, 16 июля, 23 августа 1618 г.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 12. – Л. 1; ЛЗАК. Вып. 26. – № 32. – С. 217; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 13, 11. – С. 39, 298-302; ПДП. – № 111. – С. 152-153. Обыск был повторен 13 сентября 1619 г. На сей раз его осуществляли Дей Горин, Максим Балакирев и Михаил Абрамов по наказу нового сыщика, кн. Д.И. Долгорукого. Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. – Л. 2-2 об. Эти лица не были губными целовальниками. Следовательно, они выступали в качестве доверенных лиц сыщика в Шуе. Таким образом, в ходе деятельности сыщиков губные целовальники оттесняются на задний план.

[791] *Глазьев В.Н.* Власть и общество… С. 81-82.

[792] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 452; *Градовский А.Д.* История местного управления… С.186-187.

[793] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 37. – С. 63-64.

[794] 8 апреля и 14 мая 1638 г. И.М. Тарбеев произвел обыск о корчемстве в Шуйском уезде: ЛЗАК. Вып. 26. – № 175, 177. – С. 234.

[795] 4 июня 1639 г. шуяне получили от него память о расспросе «на сходе в земской избе» о долгах Вандышу: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 39. – С. 65.

1639 г. Сначала он потребовал у воеводы «корчемных и табачных дел и приводных книг», а также «оговорных людей».

14 мая 1639 г. Тарбеев провел обыск о табаке среди посадских людей. В качестве лиц, которые «держали табак и торговали им и сами пили», они показали восьмерых шуян, двух монастырских бобылей, и двух дворников. Тарбеев велел немедленно задержать «облихованных» в обыске людей, однако задержаны были лишь четверо. По мнению Тарбеева, остальным шуяне велели «от сыска розбежатца». Обосновывал он это тем, что за два дня до обыска сообщил о нем земскому старосте и «луччим людям» посада и потребовал, чтобы они принесли ему список имен известных им «табачников». Однако этого требования шуяне не выполнили. Тогда он прибег к радикальным мерам: велел отправить в тюрьму жен «облихованных» до тех пор, «как мужья их объявятца».[796] 16 мая начались допросы и задержанные «с пытки» показали на ряд шуян, участвовавших в обороте табака. 21 мая были арестованы все лица, фигурировавшие в показаниях «облихованных людей».[797] Однако посадские люди воспрепятствовали ему: на съезжий двор «скопом и заговором» явился староста Л.И. Ляпунов со многими людьми. Они были посланы миром с вопросом, по какой причине сыщик хочет пытать арестованных посадских людей «без их ведома» и силой забрали у сыщика государев наказ, чтобы удостовериться в подобных его полномочиях. В пытке арестованных сыщику было отказано: «те люди в допросе без пытки повинились». За них шуяне выплатили по 4 р. «заповедных денег». Тарбеев «убоясь их» забрал деньги и отпустил арестованных (сам он утверждает, что их забрали со двора «сильно»).[798] Он начал сыск других «лихованных и оговорных людей», арестовал пятерых шуян, однако допрашивать их и проводить очные ставки не смел, поскольку посадские люди предупредили его: «будет де станешь роспрашивать и пытать без нашего ведома, и от нас де тебе живу

---

[796] Представление о методах розыска сыщика дает челобитная бобылей Борисоглебского монастыря: хотя задержаны они были «без табаку», Тарбеев применил пытку. Чтобы выйти из тюрьмы, пришлось умилостивить сыщика: он получил в щедрый «посул», но едва освободив арестованных, снова отправил их в темницу: Там же. Т. 1. – № 22. – С. 166-167; ПДП. – № 143. – С. 174-175.

[797] Тарбеев с помощью пытки хотел узнать у задержанных «кто к ним в Шую табак привозит, и у кого они табак покупают и кому продают, и кто заводчик».

[798] Он полагал, что шуяне не дали пытать их, поскольку «приличны сами табачному промыслу» и опасались показаний на себя.

не быть». Палача же, якобы по совету с губным старостой, шуяне вывезли из города в деревню и «хоронили его безвестна многое время».

Позицию губного старосты С.Ф. Кишкина в этом деле четко обозначили губные целовальники: «буде возьмешь за них (арестованных – Е.Б.) заповедные денги, а пытать их не станешь, и те заповедные денги пришлю, а пытать де их не дам». И.К. Свиньина он держал у себя на дворе, а его жену, ранее посаженную в тюрьму Тарбеевым вместо мужа, выпустил оттуда и «ухоронил».[799] Арестованные жены и матери «облихованных» людей содержались не в тюрьме, а на съезжем дворе «для тюремной тесноты».[800] Земский староста свел от этих «колодниц» посадских сторожей, а губной староста весьма вольно вел себя с арестованными «табашниками»: брал их из тюрьмы к себе на двор, расспрашивал, поил вином, а ночью распускал по домам. Таким образом, сыщик жил практически в осаде: посадские люди ему «чинятца силны и супротивны», а он «сидит, от них на дворе запершись, и никуды выйти не смеет». 18 июля Тарбеев хотел отослать в Москву губного целовальника Г.Ф. Лопухина с заповедными деньгами. В тот же день к нему явился земский староста с целовальниками и сообщил, что если Тарбеев «денег за своим счетом целовалнику не отдаст и отписки (в Москву – Е.Б.) перед ними не прочтет, и его де миром пришедчи, камением убьют». Деньги сыщик распечатал, отписку же читать отказался, поскольку в ней было «писано про их воровство». Ее он отправил тайно, «мимо целовалника» (доставлена в Москву 6 августа).[801]

28 июля губной староста подал собственную челобитную. По его словам, 7 июня Г.Ф. Лопухин сообщил ему, что сыщик арестованных «жонок по ночем емлет к себе насилством на постелю». Шуяне подтвердили это, показав, что Тарбеев не только присылал за «жонками» своих людей, но и «сам к ним приходил и в окно к ним лазил». Земский староста обвинял сыщика в том, что тот «заповедные денги правит не против указу и наказание чинит не по вине», а также в том, что он «табатчиков на них научал, клепал табаком для своей корысти».[802] К.К. Свиньин

---

[799] В результате у сыщика возникло экстравагантное предположение, что и палач и бывший губной целовальник торговали табаком с ведома губного старосты, «или будет и с ним, Семеном, вместе».

[800] Среди них были две дворницы и семь жен посадских людей.

[801] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 42. – С. 67.

[802] 17 июля было получено заявление и от арестованных жен: трое из них показали, что Тарбеев «угрожает им пыткою и торговою казнью» в случае отказа в любезности: Там же. – № 41. – С. 66-67; *Возилов В.В., Якушкин Г.Р.,*

сообщил, что сыщик въехал к нему во двор «насилством, сведав у него жену молоду, и жену его хотел опозорить», в результате чего ему пришлось уйти со двора. 15 августа в Москву поступила еще одна челобитная от Тарбеева.[803] В результате 30 августа 1639 г. ярославский сыщик А.Ф. Палицын получил указание провести обыск по этому делу и освободить «тюремных жонок».[804] 16 октября 1639 г. шуяне показывали, что никаких насильственных действий не предпринимали и никого из тюрьмы не выпускали. При этом они сообщали, что арестованные «люди добрые и табаком не торгуют». Опровергаются и показания относительно Кишкина.[805] Однако Палицын встал на сторону коллеги.[806] 14 января 1640 г. губной староста получил грамоту об освобождении шуян, задержанных в ходе этого обыска.[807]

Противостояние сыщика и посадских людей в Шуе в 1639 г. четко характеризует систему взаимодействия посадской общины и воеводского управления. Следует отметить внутреннее единство общины во всех действиях.[808] В результате большая часть «лихованных» в ходе обыска людей оказалась недоступна сыщику. Остальных посад «выкупил», заплатив «заповедные деньги» за них. Все попытки сыщика втянуть в розыск новые круги посадских людей наталкивались на резкое противодействие общины.[809] Таким образом, конфликт перерос практически в открытое противостояние, в котором сыщик стал противником всего посада, поддержанного губным старостой. В ответ сыщик выдвинул обвинение в торговле табаком «с ведома» последнего.

Якушкина М.М. Новые актовые материалы... № 4. – С. 70-71. Сначала они били челом самому Тарбееву, но успеха это не принесло.

[803] Он жаловался, что Кишкин с «советники своими» К.К. и И.К. Свиньиными «подговорили» его человека Зинку забрать у сыщика «коробью» с делами, однако беглеца «изымал» посадский человек М.В. Москвитин.

[804] РИБ. Т. 2. – № 9. – С. 724-747.

[805] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 47. – С. 72-76; ПДП. – № 139. – С. 171-173; ЛЗАК. Вып. 26. – № 179. – С. 234. О его «табачной торговле» и «подговорном человеке» Тарбеева они не ведали, никакого тесного контакта с женами «оговорных людей» у него не было, а из тюрьмы он выпускал лишь одну из них «для родин».

[806] Обыск о деле шуян с Тарбеевым был произведен им по челобитной последнего от 16 сентября 1639 г. Таким образом, прежде всего он опирался на показания сыщика. Хранится: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 260. Оп. 1. Д. 53 а. В челобитной, направленной по этому поводу посадскими людьми боярину кн. И.Б. Черкасскому в 1639/40 г. отмечено, что Палицын пытал сыщика Тарбеева и четверых шуян «крепко насмерть, не против наших обысков, по своим расспросным речам»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 44. – С. 69-70; ЛЗАК. Вып. 26. – № 196. – С. 236.

[807] ЛЗАК. Вып. 26. – № 182. – С. 235.

[808] Тарбеев попытался наметить раскол – он обратился в «луччим» посадским людям, однако его просьбы была оставлена без удовлетворения.

[809] Тактика проведения «розыска» базировалась на том, что отсутствие показаний в ходе «роспроса» компенсировалось показаниями, данными «с пытки». Однако община жестко пресекла эту практику, запретив применять пытку без своей юридической санкции. Это застопорило розыск.

Обычно сыщики действовали на территории нескольких уездов. Наиболее распространена была комбинация Суздальского и Шуйского уездов.[810] Однако комбинация уездов могла быть и шире. В феврале 1644 г. в Шуе появился кн. М.И. Щетинин. Ему было велено «быти в Суздале, и в Шуе и, и в Луху для сыску татинных и розбойных и убийственных дел».[811] Щетинин пребывал в Шуе более месяца.[812] Главной проблемой для сыщика было получение администрации для розыска: губная администрация ориентировалась на местных руководителей. Вследствие этого миссия Щетинина особым успехом не увенчалась. Дети боярские, бывшие с ним «для сыску», были распущены 26 февраля 1645 г. Назначенные же по новому указу оказались отправленными на «береговую службу». Без дворян организовать поимку разбойников не представлялось возможным: монастырские служки «собою худы и безконны», а о посадских и уездных людях Щетинин даже не упоминает.[813] В результате сыщик все же был вынужден привлечь к сыску монастырских служек.[814] Следовательно, сложные операции сыщикам выполнять было трудно.

Значительная территория «розыска» обуславливала тот факт, что сыщики действовали в течение достаточно длительных промежутков времени. Сыщик М.И. Щетинин упоминается еще 15 июля 1649 г.[815] 4 апреля 1660 г. шуяне дали сказку о «татях, розбойниках и всяких ворах» сыщику Ф.Б. Шетневу.[816] 18 января 1664 г. его сменил новый сыщик, А.И. Огибалов, назначенный в Суздаль, Юрьев-Польской, Шую, и Кинешму. Он сообщал об отсутствии в большинстве городов губных старост: во Владимире, Шуе и Кинешме их не было, а юрьев-польский староста по его прибытии «пошел было» на государеву службу. Огибалов просил указа о

---

[810] Л.Н. Битяговский (1612/13 г.), П.И. Кузьминский (1613/14 г.), кн. Д.И. Долгоруков (1619/20 г.). И.М. Тарбеев также действовал в этих уездах: 5 января 1639 г. он провел обыск о «корчемном питье» в вотчинах Покровского монастыря в Суздальском уезде: АЮ. – № 60. – С. 101; РИБ. Т. 35. – № 474. – С. 980-981.

[811] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 27. – С. 170-172.

[812] Об этом свидетельствует челобитная суздальского помещика М.И. Соколова. На его пустоши Новишки было обнаружено тело крестьянина Спасо-Евфимьева монастыря, зарезанного крестьянином той же вотчины Ф.Л. Чуркой. Последний был доставлен в Шую к М.И. Щетинину 8 марта 1645 г.: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 207.

[813] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 28. – С. 172-173; ААЭ. Т. 3. – № 425. – С. 475-476; РИБ. Т. 35. – № 538. – С. 1154-1158.

[814] 8 августа ему в Суздаль была направлена грамота о «перемене» монастырских служек. Ранее ему для сыска разбойников были выделены служки суздальских монастырей: 20 человек из Спасо-Евфимьева монастыря, 20 человек – из Покровского девичьего, 5 – из Николо-Шартомского и 5 из Кибергинского. Согласно новому указу, вместо них было велено привлечь служек владимирских и костромских монастырей: РИБ. Т. 35. – № 532-534. – С. 1148-1152.

[815] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 78. – С. 358.

[816] Он был направлен во Владимир, Суздаль, Шую, Лух и Юрьевец: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 124. – Л. 1.

назначении новых губных старост.[817] В Шуе губным старостой был избран прежний староста, Л.В. Кишкин. Сыщик провел обыск о татях и разбойниках, по итогам которого шуяне должны были заплатить солидную сумму «пенных денег». Разыскав в Шуе 10 семей крестьян с. Дунилова, Огибалов велел вернуть их на прежнее место жительства, а также доправить с шуян за этих крестьян «зажилых денег» 950 р.[818] Важность финансовой составляющей миссии Огибалова иллюстрируется количеством собранных им в ходе «розыска» доходов.[819] Объем собранных средств предполагает, что он действовал в рамках практически неограниченных полномочий.

После миссии Огибалова сыщики на длительное время исчезают. При этом по реформе 1669 г. все губные учреждения на местах переходили под контроль сыщиков. В.Н. Глазьев связывает эту реформу с удачными действиями сыщиков в предыдущие годы.[820] В действительности «Новоуказные статьи» имели несколько другое значение. К этому периоду должность губного старосты в значительном числе городов «естественным образом» отмирает, либо утрачивает свое значение. Сыщики становились единственным противовесом воеводской власти со стороны государства. Но при этом им трудно было обеспечить контроль на достаточно значительной территории, а особенности их исполнения ими полномочий способствовали возникновению конфликтных ситуаций. Результатом этих проблем явилась губная реформа 1679 г., по которой все «татинные и разбойные» дела были переданы в компетенцию воеводы. Однако при этом он становился практически бесконтрольным лицом, следствием чего стало восстановление в 1684 г. должности губных старост. В данном случае можно предполагать желание центра обеспечить противовес воеводской власти. Об этом свидетельствуют попытка губной реформы в Шуе на рубеже XVII-XVIII вв.

Эту попытку можно связывать с предысторией «городовой» реформы 1699 г. Сыщик И.Ф. Парфеньев прибыл в город в 1696/97 г. Он брал на съезжий и постоялый

---

[817] АМГ. Т. 3. – № 655. – С. 548-549.

[818] Шуяне просили «не править» на них этой огромной суммы «для их бедности» и указом от 8 февраля 1665 г. их просьба была удовлетворена: Там же. – № 36. – С. 179-180; Там же. Т. 2. – № 121. – С. 398; ДАИ. Т. 5. – № 84. – С. 409-410.

[819] 27 февраля 1665 г. у Огибалова было принято «что он будучи у сыску собрал в Володимере, в Суздале, в Юрьеве Польском, на Кинешме, в Ростове, в Луху по всяким росправным и сыскным делам» 5569 р. 32 ал. 1 д. 5 июня с него было принято еще 5818 р. 32 ал. 5 д.: РИБ. Т. 23. – С. 531-532, 535.

[820] *Глазьев В.Н.* Власть и общество… С. 145-146.

дворы сторожей из посадских людей, свечи, дрова и «всякие столовые запасы», привозил с собой из Суздаля подьячих, приставов и палачей. Его «посыльные люди» жили в городе «по неделе и больше» и арестовывали невиновных крестьян. В челобитной по этому поводу шуяне просили доверить «сыскные дела» воеводам. В январе 1698 г. шуйскому воеводе Г.И. Тулубьеву было велено разыскать о «налогах и обидах» шуянам от Парфеньева и принять от него ведение «сыскными делами».[821] Сначала ему были переданы все уездные губные дела, но 28 апреля 1698 г. было велено вновь передать их Парфеньеву «опричь шуйского посаду».[822] На этом конфликт исчерпан не был. Парфеньев уехал из города, оставив на постоялом дворе «всякия губныя дела без розыску». Шуяне просили освободить постоялый двор от «губных дел.[823] В другой челобитной шуяне сообщали, что на съезжем и постоялом дворах «в осыпи» города живут «присылные» люди сыщика «и всякие губные дела делают». Они просили забрать эти дворы у его людей.[824] 7 августа Парфеньев дал подьячему Тихону Федорову память относительно передачи губных дел воеводе.[825] Из нее следует, что губная администрация подчинялась Парфеньеву вплоть до сентября 1698 г. Пока уездные губные дела находились в ведении Парфеньева, постоялого двора он посаду не уступил. С 10 октября 1699 г. губным старостой был назначен шуйский приказной подьячий Г.И. Манатьин. Однако воевода легко оттеснил его от реального контроля за полицией. 24 августа 1700 г. в Шую был назначен новый сыщик, кн. И.С. Засекин.[826]

В историографии существуют противоречивые суждения относительно института сыщиков. А.Д. Градовский отмечал тот факт, что они «часто злоупотребляли властью»,[827] а Б.Н. Чичерин – дифференциацию их взаимоотношений с губными старостами, которые могли как подчиняться им, так и

---

[821] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 189. – С. 203-204.
[822] Сыщику необходимо было отвести «съезжий и стоялый дворы», предоставить «для письма» губных подьячих, а для посылок – площадных. В его ведение переходила и тюрьма: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 220-221.
[823] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 187. – С. 201-202.
[824] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 323. – Л. 1.
[825] В ней предписывается отдать шуйского губного подьячего и двух губных целовальников. При этом Федоров должен был на съезжем дворе «всякие челобитчиковы дела делать и над тюрьмою надзирать, чтоб все было бережно». Губные дела до указа запрещалось переносить с посадского двора «на нынешний съезжий двор»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 188. – С. 202-203.
[826] ВГВ. – 1859. № 38. – С. 154.
[827] *Градовский А.Д.* История местного управления… С. 344-345.

находиться в товарищах.[828] В.Н. Глазьев считал, что указы 1627 г. и 1669 г. не имели обязательного характера.[829] Е.В. Камарули рассматривала институт сыщиков в контексте контроля за злоупотреблениями воевод, отмечала высокую сферу их компетенции, но полагала подобный вид контроля недостаточно эффективным.[830] На наш взгляд, институт сыщиков в XVII в. являлся единственным инструментом центральной власти, контролировавшим органы местного управления. Его действия направлялось в ту сферу, в которой в данный момент он являлся наиболее необходимым. Отсутствие всякой связи с местностью и предоставляемые сыщикам широкие полномочия приводили к острым конфликтам с местным населением. Отсюда – неоднократные попытки реформ этого института, которые в действительности оказывали ничтожное влияние на повседневную практику.

В начале XVIII в. широко распространяется институт сборщиков податей. Его эскалация была обусловлена введением весьма значительного количества новых сборов. Это вызывало увеличение объема требуемых денежных средств, что неминуемо вело к недоимкам. Институт сборщиков применялся и в предыдущее время, но весьма ограниченно. Посылка сборщика являлась исключительной мерой.[831] Появление «нарочного сборщика» зафиксировано лишь в одном случае.[832] Согласно известному указу о введении нового налога – стрелецких денег, направленному в Шую 20 октября 1679 г., процедура сбора должна была обходиться

---

[828] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 485, 487. Это мнение представляется нонсенсом, поскольку пребывание «в товарищах» и означало подчинение губного старосты сыщику.

[829] *Глазьев В.Н.* Власть и общество… С 82-83, 142-150.

[830] *Камарули Е.В.* Механизмы контроля за воеводской администрацией: институт сыщиков в Российском государстве XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. – 2014. № 2. – С. 54-56.

[831] 18 декабря 1637 г. в Шую поступил указ о сборе даточных людей (посады должны были выплатить им на жалование по 2 р. с двора). «Приставы и сборщики» не были направлены на места, «жалея о вас, чтоб вам от них продажи и убытков не было» (постой и обеспечение сборщиков ложилось на посад): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 52. – С. 339-341. 6 января 1637 г. воевода И.В. Кирикрейский получил предписание собрать «доимочный» оброк за предыдущие годы. Ему также грозили появлением в Шуе сборщиков: РГАДА. Ф. 1641. – Оп. 1. Д. 38. – Л. 1-2; ВГВ. – 1840. № 11. – С. 43-44. 22 ноября и 28 декабря 1695 г. шуйский земский староста получил угрожающие памяти с требованием собрать по окладу на 1695/96 г. стрелецкие и оброчные деньги и выслать в Москву «тотчас, не дожидаяс о том впред с кебе иного указу и нарочной присылки». В первом случае старосте грозили пеней, во втором – большой пеней и «доправкой» на нем всей суммы: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 67. Л. 1-3 об. 19 мая 1680 г. шуйский земский староста получил память с требованием высылки в Москву 200 р. «кабацких заводных денег». До этого он неоднократно получал подобные требования, но деньги присланы не были. Ему угрожали «нарочной присылкой», «жестоким наказаньем» и получением пени: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 98. Л. 3-3 об.

[832] 19 февраля 1679 г. для производства сбора «на корм ратным людям» (по 1 р. с двора) в город был направлен стольник Б.И. Протопопов: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 57. – С. 195-196.

без вмешательства «нарочных» лиц.[833] Своеобразным «промежуточным этапом» было использование специально высылавшегося «нарочного подьячего»: сбор осуществлялся воеводой под контролем подьячего.[834]

Впервые институт сборщиков широко был применен при сборе «десятой деньги» на строительство кораблей на исходе XVII в. До этого времени этот сбор осуществлялся местной администрацией.[835] В конце столетия были введены новые принципы сбора. 4 ноября 1696 г. был издан указ о постройке 12 кораблей «применяясь против збору десятой деньги прошлых лет». В следующем году было велено сделать еще 6 кораблей. Вскоре у шуян возникли затруднения с выплатой этого оклада.[836] В 1698 г. для осуществления сбора из Москвы были высланы тяглецы Гостиной сотни и Голутвинской слободы. Шуянам надлежало «во всем быт послушными» сборщикам.[837] В случае нарушения срока высылки требовалось получить у земского старосты «посыльщика и провоз» до Москвы с отпиской по этому поводу.[838] Новый указ от 14 марта 1701 г. предписывал выделить на достройку и снаряжение 14 кораблей еще 108 тыс. р. Для нового сбора «десятой деньги» вновь

---

[833] «Обложить и збират те денги шуйским посадцким людем самим земскому старосте и выборным и лутьчим людем за верою и за выбором всех посадцких людей, кому они в том меж собою верят и чтоб богатые и полные люди перед бедными во лготе а бедные перед богатыми в тягости не были». Шуяне должны были «учинит тем доходом окладные книги за своими и за окладчиковыми руками и держать те книги в земской избе впред для спору». Казну требовалось доставить в Москву «на указной строк с целовалники и с провожатыми не дожидаяс к себе о том указу с опалою». В случае доимки деньги взимались в двойном размере – с шуян и воеводы: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 71. Л. 1-8.

[834] 31 июля 1695 г. шуйский воевода Ф.И. Пивов получил указание уже к 6 августа собрать и выслать в Москву оклад стрелецких денег (263 р. 30 ал.) на «предбудущий» год, для чего в Шую направлялся подьячий Галицкого приказа Федор Борисов. В случае «ослушания» воевода обязан был заплатить сумму «мимо» посадских людей, да еще 100 р. пени. При отбытии Борисова «в ыные городы» воевода должен был обеспечить ему подводы: «а прогонные денги на те подводы ямщиком велел дат из земской избы». Из земской избы оплачивался и корм подьячего (6 д. в день): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 68. Л. 1-2.

[835] 21 февраля 1668 г. шуйскому воеводе И.И. Боркову была направлена грамота о сборе десятой деньги: Там же. Т. 2. – № 116. – С. 393-394; ДАИ. Т. 5. – № 64. – С. 333-334. 7 июня 1668 г. Борков получил новый указ, в котором сообщалось, что деньги были отосланы в Москву: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 457. – Л. 1-1 об. В 1678/79 и 1679/80 гг. десятую деньгу «с торгов и с пожитков и с лавок и с анбаров и со всяких промыслов» собирали шуяне-окладчики под контролем воеводы М.С. Жихарева: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 149. – С. 167-170; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 52. Л. 1-6. 30 сентября 1686 г. шуйский воевода Ф.И. Пивов получил указ к 1 декабря «собрать десятую деньгу против окладу и збору» 1678/79 г. Сбор осуществляли выборные окладчики, а воевода должен был «править доимку» на «ослушниках»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 53. Л. 1-2.

[836] Шуйский земский староста сообщал, что шуяне «стоят на правеже» в высылке 67 р. «корабелных денег» в 4-й побор, тогда как крестьяне осадных дворов и уездные «торговые люди» торгуют и промышляют в Шуе, а десятой деньги с торгов не платят. При этом шуяне «от податей оскудали и одолжали великими долгами и розошлис врознь». Указом 15 октября 1698 г. с крестьян торгующих и промышляющих в Шуе велено было взять десятую деньгу в 1-й и 2-й поборы: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 30. Л. 1-3.

[837] Из инструкций сборщикам в выданном им наказе можно судить о причинах введения новой системы: сбор требовалось производить «без пощады и без поноровки», устанавливая «не далный» срок высылки «корабельных денег» в Москву: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 320. – Л. 1-1 об.

[838] Там же. – Д. 358. – Л. 1. Посадские люди должны были обеспечивать сборщикам выдачу подвод и корма – такое указание они получили 22 марта 1700 г.: ЛЗАК. Вып. 26. – № 683. – С. 297-298.

были отправлены специальные «посыльщики». В случае задержки сбора «прогонные денги» взимались на ослушниках вдвое.[839] Подобные меры оказались достаточно действенными: полный оклад «десятой деньги» в 6-й корабельный сбор был получен уже 30 апреля 1700 г.[840] 17 февраля 1702 г. шуяне получили указание о новом сборе оклада десятой деньги. Собрать деньги необходимо было уже к 21 февраля, иначе горожанам грозило появление московских «начальных людей с солдаты».[841] 26 января 1706 г. шуйские бурмистры получили угрожающее предписание о высылке десятой деньги за предыдущий год: «знатно вы плуты, того платежу отбываете». В случае очередной задержки казна угрожала «доправить доимку» на самих бурмистрах, после чего они «сосланы будут в сылку на вечное житье».[842] Однако оклад «десятой деньги» за 1705 г. был полностью изъят в Приказ военных дел 6 декабря 1705 г.[843] В 1707 г. в Шую вновь трижды поступали указы о сборе этого оклада и лишь после предоставления шуянами расписки в приеме платежа они прекратились.[844] 8 марта 1707 г. шуяне сообщали, что 100 р. из оклада десятой деньги на 1707 г. уже заплачено, 26 р. зачтено за выплату «солдацкого набору урядчиком», а остальные 31 р. 24 ал. «не в зборе». Однако уже в марте шуйский земский бурмистр «собрав, а на убогих доправя» эти деньги, выслал их в Москву.[845]

Удачный опыт использования сборщиков при взимании «десятой деньги» способствовал расширению этого института в дальнейшем.[846] Наличие значительного числа сборщиков вылилось в конфликт: 29 мая 1710 г. шуяне жаловались, что в Шую присланы для высылки провиантского хлеба кн. Иван Гундоров, для «набору доимочных солдат» капитан Степан Лупандин, а для

---

[839] ВГВ. – 1882. № 9. – С. 3-5.
[840] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 380. – Л. 1-1 об.
[841] ВГВ. – 1886. № 21. – С. 2-3. В 1703 г. оклад был собран и отправлен в Москву со сборщиком В.В. Носовым, но в декабре 1703 г. «на дороге воровские люди того зборщика били и рубили и провожатых перебили ж», забрав собранную казну. Шуяне неоднократно писали об этом в Москву, уповая на «сложение» с них пропавшей суммы, но в 1708 г. им было велено «доправить» ее «безстрочно», что и было исполнено, хотя и с «великою нуждою и правежами»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 511. – Л. 4-4 об., 13 об.; Там же. – Д. 528. – Л. 2.
[842] ВГВ. – 1864. № 27. – С. 156-157.
[843] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 468. – Л. 1-1 об.
[844] Там же. – Д. 470. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 511. – Л. 1 об.-2.
[845] Там же. – Д. 511. – Л. 3, 9-9 об.
[846] 10 сентября 1701 г. шуйские бурмистры получили указание об отводе двора Степану Бестужеву, посланному в Шую для сбора ямских и полоняничных денег: ЛЗАК. Вып. 26. – № 744. – С. 305. 9 сентября 1702 г. им было велено выделить съезжий и постоялый дворы стольнику Д.И. Давыдову, присланному «для збору и правежу денежной казны» с крестьян Шуйского уезда: ВГВ. – 1881. № 41. – С. 5-6. 21 сентября 1702 г. бурмистры получили память выделении дворов Д.Г. Готовцеву, прибывшему в город в город для «правежу» ямских и полоняничных денег: ВГВ. – 1882. № 5. – С. 4.

«высылки доимочных работников в Петербург – кн. Алексей Вяземский. В июне 1710 г. в Шую прибыли дьяк Провиантского приказа для «правежу на уездных людях недоимки правиантского хлеба» и также подьячие из Ямской и Семеновской канцелярии «для правежу доимочных денег и подвод».[847] После пожара 12 июля 1710 г. на посаде осталось 13 дворов. «Посыльщики» немедленно заняли их «и живут на них з женами и детми и с людми своими».[848] Посадские люди обязаны были обеспечивать сборщиков не только постоялыми дворами, но и помощниками.[849]

Таким образом, сборщики в рамках своей миссии были наделены достаточно широкими полномочиями. Посадская община и воеводы были обязаны оказывать помощь им. Генетическое родство институтов сыщиков и сборщиков сомнений не вызывает: это были чиновники, направлявшиеся из центра для исполнения экстренных государственных поручений. Однако практическое применение этих институтов приняло различное направление. Если сборщики направлялись на места исключительно для организации экстренных сборов, то сыщики превратились в единственный инструмент контроля центра за органами местного управления. Стремительный взлет этого института после Смуты можно связывать с ослаблением института губных старост: усиление воеводской власти требовало контроля со стороны правительства. Что касается сборщиков, то отсутствие этого института на протяжении длительного времени (от «пятинных сборов» первых лет царствования Михаила Федоровича до реформ рубежа XVII-XVIII вв.) предполагает наличие весьма умеренного налогового гнета, с которым мог справляться местный административный аппарат.

2.4. Институт воевод в Шуе: особенности функционирования

Анализируя систему управления на исходе XVI в., мы заметили, что рядом с губным старостой имелась фигура городового приказчика. Приведенные выше

---

[847] ВГВ. – 1877. № 39. – С. 4-5.

[848] Посадские люди просили перевести указанных дворян в осадные дворы: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 571. – Л. 1-2 об.

[849] 26 февраля 1706 г. стольник И.П. Одинцов прибыл в Шую для сбора «работных людей» в Петербург. Однако воевода предоставил ему лишь одного подьячего и рассыльщика, а бурмистры – подьячего и трех «ходоков». Для столь широкомасштабных мероприятий этого оказалось недостаточно: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 476. – Л. 1-2 об. 20 марта 1706 г. шуйский бурмистр получил указание выделить двоих целовальников воеводе Г.Ф. Загряжскому для сбора с уезда лошадей: Там же. – Оп. 1. Д. 475. – Л. 1.

данные свидетельствует о взаимозаменяемости этих лиц.[850] О других полномочиях лиц шуйского городового управления в последней четверти XVI в. свидетельствуют льготные грамоты, выданные Суздальскому Покровскому монастырю, часть вотчин которого (с. Ярлыково) располагалась на территории Шуйского уезда.[851] Как можно судить из адресации этих государевых грамот, посвященных вопросам податного управления, никакого четкого разграничения полномочий губных старост и городовых приказчиков не существовало, несмотря на различие происхождения этих должностей. Городовой приказчик – лицо не выборное, а назначенное правительством. Его полномочия должны были включать сбор государевых доходов и контроль за исполнением «государева дела». В ведении же губного старосты находилась уголовная администрация и земельная политика на территории уезда. Однако на практике отсутствие одного лица возлагало на другое его полномочия, а в ряде случаев они действовали совместно.[852]

Важнейшим является вопрос о территориальном распространении податных полномочий шуйского городового управления.[853] Таким образом, мы вплотную подходим к вопросу о времени образования Шуйского уезда, как самостоятельной административно-территориальной единицы. В.А. Борисов отмечал, что прежде город Шуя имел название Борисоглебской слободы.[854] В качестве доказательства своего утверждения Борисов ссылается на то, что от Борисоглебской церкви

---

[850] Можно обратить также внимание на указную грамоту великого князя Симеона Бекбулатовича от 14 марта 1576 г. шуйскому городовому приказчику Василию Блудову по челобитной В.С. Каблукова. Последний жаловался, что его поместная д. Щапово Шуйского уезда «сошным письмом списана» с поместьями ряда других лиц. Однако Блудов «ямские деньги и всякие подати» правил на поместье Каблукова: АИ. Т. 1. – № 195. – С. 360-361; АСЗ. Т. 3. – № 148. – С. 126-127.

[851] 17 января 1585 г. в уезды, где имелись монастырские вотчины, была направлена память, запрещавшая «въезжати» в вотчины и выбирать монастырских крестьян «к денежному сбору и к нашим ко всяким делом, и к тамгам». 25 марта приказным людям тех же уездов адресована память, запрещавшая «править» на крестьянах монастырских вотчин «ямских охотников и подмоги», а 22 октября 1605 г. – грамота об освобождении монастырских вотчин от поставки ямщиков, посошной службы, таможенных пошлин, «намесничего и волостелина корма». К этим актам примыкает и память царя В.И. Шуйского от 5 февраля 1608 г., адресованная шуйскому городовому приказчику и юрьев-польскому губному старосте. В ней напоминался запрет собирать с монастырских вотчин, располагавшихся в указанных уездах, «наместнича доходу кормовых денег: Описание актов собрания графа А.С. Уварова. (АУ). – № 57, 62, 63, 87. – С. 64-65, 69-72, 98-99; АИ. Т. 2. – № 61. – С. 76-77. Все эти акты адресованы губным старостам, городовым приказчикам, денежным сборщикам и ямским стройщикам.

[852] Сосуществование этих двух систем управления должно было поддерживать баланс между правительственными интересами и интересами местной служилой корпорации.

[853] Налоговая система (в отличие от казуальной уголовной), была основана на традиции.

[854] Источником этого утверждения явилось предание, сохранившееся при шуйской Крестовоздвиженской церкви. Главная особенность подобных преданий – стремление удревнить историю храма, связав ее с одной стороны, с историей поселения, а с другой – со значимым историческим событием. В данном случае таким событием стала поездка митрополита Алексия в Орду (1357 г.): *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М.: Наука, 1978. – С. 32.

получила наименование прилегавшая к городу Борисоглебская волость.[855] Он утверждает, что Борисоглебский стан (волость) именовался также Шуйским, ссылаясь при этом на ввозную грамоту от 29 октября 1573 г. И.С., Г.С. и Ф.С. Лазаревым. Однако содержание акта прямо свидетельствует об обратном.[856] Следовательно, территориально Шуйский стан существовал отдельно от Борисоглебской волости.[857] Однако административным центром его являлся Суздаль. Древнейший документ, касающийся местного самоуправления в Шуе, – кормленая грамота царя Ивана Васильевича IV И.Б. Голохвастову 1547/48 г., получившему «городок Шую с правдою, с пятном и с корчмою». В числе лиц, подведомственных кормленщику, упоминаются лишь «все люди того городка», но не волости.[858] Следовательно, Шуя на тот момент не являлась волостным центром. Шуйский уезд впервые упоминается в уже цитированной грамоте от 14 марта 1576 г.[859]

Телешовская и Борисоглебская волости в ряде актов начала XVII в. именуются «сторонами» с уточнением, что ранее были черными, а ныне «в роздаче розных городов за дворяны и детьми боярскими».[860] Очевидно, именно эти волости составляли Шуйский уезд на рубеже XVI-XVII вв. Наименование их «сторонами» указывает на то, что некогда они были частью единого территориального образования – Шуйского стана. Образование Шуйского уезда, как административной единицы, по нашему мнению, следует связывать с отменой опричнины в августе

---

[855] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 3. – С. 269-270; Там же. Т. 1. – С. 30-31.

[856] Лазаревы получили сц. Леньково с деревнями в Шуйском стану и ряд деревень в Борисоглебском стану: АСЗ. Т. 3. – № 202. – С. 167; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 67. – С. 204-205.

[857] На наличие Шуйского стана указывает еще целый ряд актов: 15 марта 1558 г.: *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – № 62. – С. 284-285; 1564/65 г.: АСЗ. Т. 3. – №. 172. – С. 146; 1575/76 г.: Там же. – № 261. – С. 213.

[858] *Голохвастов А.Д.* Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. (ЧОИДР). – 1847. Т. 4. – М.: Университетская типография, 1847. – № 3. – С. 103.

[859] В ней упоминаются поместья, находившиеся в Горенском стану. Однако согласно отдельной грамоте П.Ф. Голенкину от 25 марта 1578 г. Горенский стан относился к Суздальскому уезду. А 18 сентября 1591 г. П.Ф. Голенкин получил ввозную грамоту на пустоши Горетова стана Шуйского уезда: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 1. – Л. 1-1 об.; АСЗ. – Т. 4. – № 365. – С. 273-274; Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества / Собрал и издал А.И. Юшков. Т. 1. – М.: Университетская типография, 1898. (Акты Юшкова). – № 211, 252. – С. 10-191, 270-271. По валовому описанию 1627-1630 гг. Горетов стан относился к Суздальскому уезду, а в Шуйский входили лишь Борисоглебская и Телешовская волость: Писцовые книги Восточного Замосковья. – С. 297-298, 302, 318-319. Следовательно, территория уезда сформировалась не единовременно и в последней четверти XVI в. претерпевала определенные изменения.

[860] Подобные сведения имеются в обыске шуйских губных старост о крестьянине д. Мишенина Петре Жукове от 15 ноября 1614 г., рядной записи в губные целовальники Е.Д. Ушакова от 18 марта 1615 г., обыске И.Ф. Заборовского о нападении отрядов А.Ю. Лисовского на Шуйский уезд от 29 марта 1616 г.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 6. – Л. 1-1 об.; Борисов В.А. Собрание трудов. Т. 1. – №. 7, 8. – С. 153-154; РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-3 об. В писцовом описании г. Шуи 29 июля 1629 г. отмечено даже общее дворовое место этих волостей: ВГВ. – 1854. №. 35. – С. 274.

1572 г.[861] Суздальский уезд вместе с Шуей находился в опричнине, но после ее отмены был возвращен в «земское».[862] Учитывая активную раздачу помещикам земель «черных» Борисоглебской и Телешовской волостей, вошедших в состав уезда, можно предполагать, что его появление было связано с переводом обратно земцев, ранее потерявших свои поместья в опричном Суздальском уезде.[863] Платежи в государеву казну платились по «сошному письму» отдельно с вотчин Покровского монастыря во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах.[864] Кроме государственных сборов, монастырские вотчины платили «кормовые денги за намесников доход».[865] В данном случае оклад с Суздальского уезда отличался от оклада, по которому производился платеж большой и малой ямщины, а также полоняничных денег.[866]

Крестьян монастырских вотчин Суздальского и Шуйского уездов, списанных вместе по «сошному письму», к исправлению «ямчужного дела» привлекала суздальская администрация. Факт привлечения монастырских вотчин Шуйского уезда к обеспечению суздальской губной и приказной избы подтверждается еще рядом актов.[867] Исследованные акты свидетельствуют, что «кормовые деньги за

---

[861] *Каштанов С.М.* Финансы Средневековой Руси. М.: Наука, 1988. – С. 176.

[862] *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 21, 380.

[863] Это вывод подтверждается и данными деловой записи 1577/78 г. Третьяка, Торха, Григория и Ивана Антоновичей Никитиных на и ряд деревень в Телешевской и Борисоглебской волостях Шуйского уезда. Этим поместьем Никитиных «государь пожаловал против отца нашего переславские вотчины»: АСЗ. Т. 1. – № 200. – С. 168; *Якушкин Г.Р.* Обзор документов РГАДА по истории города Шуи и Шуйского уезда XV-XVII вв. – С. 15. На этот период приходится и первое упоминание о межевых работах в Шуе: «шуйские книги письма и дозору Истомы Выповского да подьячего Оленя Гаврилова» 1574/75 г. С.Б Веселовский, а вслед за ним и В.А. Кадик полагают, что это – первое упоминание Шуйского уезда: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 2. – С. 639-640; Писцовые книги Восточного Замосковья. – С. 316.

[864] Шуйские вотчины были положены в соху, полчети и полполчети, суздальские – в три сохи с полусохой, полчети и полполчети, а владимирские – в две сохи с полусохой. 1586/87: ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 231. – Л. 16-16 об.; 31 марта 1588 г. и 29 января 1589 г.: Там же. – Л. 17-17 об., 22-22 об.; 29 марта 1589 г.: Там же. – Л. 24-24 об.

[865] Деньги взимались городовым приказчиком А.Н. Кротковым с целовальниками «денежного збору» 10 июня и 29 ноября 1592 г., в 1593/94 г., 15 января 1595 г., 12 января и 28 декабря 1597 г., 27 ноября 1598 г. В первых двух отписях деньги вместе с Кротковым принимал его товарищ, городовой приказчик В.С. Блудов: ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 84. – Л. 5, 6, 6 а, 6 б, 7, 7 а, 7 б. 3 февраля и 29 декабря 1601 г. этот оклад принял суздальский губной староста Захарий Сабуров: ВГВ. – 1860. № 24. – С. 105-106; *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве… С. 322. Оклад с Суздальского уезда составлял три сохи и полполчети сохи.

[866] В памяти 1584/85 г. суздальскому городовому приказчику Афанасию Раткову запрещалось привлекать крестьян монастырских вотчин Шуйского и Суздальского уезда к ямчужному делу именно по этому окладу: АУ. – № 66. – С. 73.

[867] 18 декабря 1586 г. Я.В. Милюков получил «кормовые денги» (32 ал.) с вотчин Покровского монастыря, села Ярлыкова Шуйского уезда, а 5 января 1697 г. – с монастырских сел Хрепелева Шуйского уезда и Родников Суздальского уезда: *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве… № 183. – С. 301; ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 17. – Л. 9. По такому же окладу с хрепелевской вотчины суздальские губные целовальники приняли «потюремные деньги» 37 ал. 3 д. на 1605/06 г., а 15 марта 1605 г. суздальский городовой приказчик П.Ф. Голенкин взял с вотчины Покровского монастыря с. Ярлыкова Шуйского уезда «на чернила и на пищую бумагу и на дрова и дьячком в подмогу и избному сторожу на наем» 15 ал. 5 д.: ВГВ. – 1860. №. 24. – С. 106. Тот факт, что платеж

намеснич доход» в начале XVII в. заменяются выплатой «потюремных денег» на содержание губных изб,[868] а также о том, что на рубеже XVI-XVII вв. шуйские вотчины Покровского монастыря были обязаны обеспечивать содержание суздальской приказной и губной изб. Следовательно, они подчинялись Суздалю, а не Шуе.[869] Такая же ситуация зафиксирована рядом актов на исходе Смутного времени.[870] После ликвидации чрезвычайных платежей шуйская приказная администрация предприняла попытку установить податной контроль над шуйскими вотчинами Покровского монастыря.[871] Однако эта попытка не увенчалась успехом.[872] Таким образом, на протяжении последней четверти XVI – первой половины XVII вв. судебное и податное управление ярлыковскими вотчинами Покровского монастыря, располагавшимися в Шуйском уезде, осуществлялось суздальской приказной избой. Это свидетельствует, что территориальные рамки полномочий представителей городового управления Шуйского уезда в XVI-XVII вв. были достаточно размытыми. В ряде случае они могли определяться желанием местных вотчинных властей, которые имели различные предпочтения.

Важнейшим в этом свете представляется вопрос о податной самостоятельности шуйского посада. Летом 1612 г. шуяне били челом кн. Д.М. Пожарскому «с товарищи» о «своей бедности и о разоренье». В ответ была получена грамота, по которой шуйскому воеводе запрещалось брать с шуян «кормов и даточных людей, и

оклада мог осуществляться не только монастырской уездной вотчиной в целом, но и отдельными ее частями, подтверждается практикой взимания «каменья» к городовому делу в Смоленске: ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 17. – Л. 6, 30, 77, 99.

[868] *Воробьев А.В.* Делопроизводство Разбойного приказа, как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII вв. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. М., 2012. – С. 22.

[869] Этот факт стал причиной того, что в жалованной тарханной грамоте царя В.И. Шуйского 1605/06 г. оба села локализуются в Суздальском уезде: АИ. Т. 3. – № 119. – С. 179-182; РИБ. Т. 35. – № 313. – С. 541-548.

[870] 11 мая 1612 г. суздальский воевода кн. Р.П. Пожарский получил указную грамоту кн. Д.М. Пожарского о невзимании денег и кормов с крестьян вотчин Покровского монастыря в Суздальском, Шуйском и Юрьевском уездах: *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Об архиве… № 454. – С. 332. 21 декабря 1612 г. он принял «в земскую казну» с суздальских и шуйских вотчин Покровского монастыря деньги и хлебные запасы «на корм ратным людем»: АУ. – № 92. – С. 104-105. В связи с этим крестьяне с. Ярлыкова жаловались, что в 1611/12 г. посланник суздальского воеводы Ф.Г. Алексеев заставлял их «в Лопатничи (дворцовое село в Суздальском уезде – Е.Б.) пашни государевы пахати и сена косит», а другой «неделщик» воеводы, Василий Коротнев, «правил» на них хлебные запасы «ратным людем на корм»: ГАВО. – Ф. 575. Оп. 1. Д. 17. – Л. 123-123 об.

[871] 31 июля 1618 г. шуйскому воеводе П.Ф. Волынскому была направлена память с указанием количества монастырской, «служней» и крестьянской пашни но новому дозору в с. Ярлыкове: АУ. – № 130. – С. 162.

[872] Об этом свидетельствуют отписи суздальских воевод С.Я. Молвянинова от 22 декабря 1626 г. и В.К. Нестерова от 13 декабря 1636 г. в приеме стрелецкого хлеба и денег, а также от 12 ноября 1629 г. воеводы А.Ф. Наумова в приеме денег на постройку моста в Суздале: Там же. № 141, 143, 162. С. 165-167, 176. Эти данные подтверждаются и целым рядом «наказных памятей», выданных суздальским воеводой В.Л. Корсаковым по судебным и финансовым вопросам представителям администрации с. Ярлыкова: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 149-152, 159-160, 164-166.

денежных всяких доходов, с перевозных и с мельниц оброшных денег на прошлые лета» до 1 сентября 1612 г. Однако суздальский воевода кн. Р.П. Пожарский запрещению не внял.[873] Для сбора денег и кормов в Шую были присланы 8 стрельцов станицы Никифора Михайлова и «велено их кормити». А 9 ноября 1612 г. в Шую из Суздаля явились Первый Корсаков и черкасский сотник Иван Суходольский, а с ними 60 черкас и казаков. Они стояли на посаде 5 дней и «имали сильно» корм и кабацкое питье. В новой челобитной шуяне просили не брать на них денежных доходов за прошлые годы и кормов на нынешний год, а суздальских стрельцов, присланных для сбора, «с посаду свести». Впредь они просили взимать деньги в приказе Галицкой чети в Москве.[874]

В течение короткого промежутка времени было подано две подобных челобитных.[875] По первой челобитной в Шую И.Д. Гундорову 26 ноября была направлена грамота, по которой с шуян «не велено имать денег оброчных и кормов, и никаких доходов», а стрельцов выслать в Суздаль.[876] По второй челобитной 2 декабря 1612 г. шуйский воевода получил указ «чтоб из Суздаля отнюдь никаких грамот и наказов и посланников не принимал, а «всякие доходы» платил в Москву.[877] Однако 18 декабря суздальский воевода кн. Р.П. Пожарский взял с шуйского посада хлеб и деньги «в земскую казну ратным людем в жалованье».[878] Также в Шую поступил наказ от кн. Р.П. Пожарского, согласно которому с посада требовалось собрать 150 четвертей ржи и столько же овса для стрельцов сотни Никифора Михайлова. На податной контроль над шуйским посадом претензии заявила также и

---

[873] В 1611/12 г. он взял на шуянах в Суздаль двоих посошных и пятерых даточных людей. 5 ноября 1612 г. от него шуйскому воеводе И.Д. Гундорову поступил приказ «доправить» на шуянах «з дворовых мест и с лавок всякие оброшные и пищальные денги» на 1609-1612 гг. Он также требовал сбора на корм ратным людям. По этому поводу им 20 сентября 1612 г. была отправлена память шуйским кабацким откупщикам, по которой откупные деньги (300 р.) велено было доставлять в Суздаль «на жалованье ратным людем»: *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – № 3. – С. 239-240.

[874] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 6. – С. 294-295.

[875] В одной сообщалось о прибытии в город стрельцов Никифора Михайлова (очевидно, доставивших грамоту от 5 ноября), а во второй – о прибытии казаков Корсакова и Суходольского (9 ноября).

[876] *Якушкин Г.Р.* Обзор документов РГАДА… С. 18-19.

[877] Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / Ред. С.Б. Веселовский. М.: Императорское общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1911. – № 84. – С. 101-103.

[878] *Якушкин Г.Р.* Обзор документов РГАДА… С. 19. Сбор шуб осуществлялся централизованно. Р.И. Чупрунов 17 января 1613 г. получил с шуйского посада 2,5 шубы: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 3. – Л. 1.

владимирская администрация.[879] В новой челобитной земский староста Т.И. Дубовиков сообщал, что в Шую являются «посланники и казаки и гонцы и стрелцы и всякие ратные люди». Также он заявлял, что им «платити невозможно» хлеба для «ратных людей», требуемого суздальским воеводой. Указом 9 марта шуйскому воеводе И.Я. Блохину было велено освободить шуян от этого платежа.[880]

Однако суздальцы, несмотря на запрещение собирать кормы для стрельцов сотни Никифора Михайлова, находившейся у них в городе, получали его с шуян в 1612/13 г.[881] Сборы на них продолжались и в 1613/14 г.:[882] шуяне должны были обеспечивать суздальскую станицу деньгами, хлебными кормами и подводами. Этим притязания суздальцев не ограничивались. 11 марта Ф.Г. Кобылин принял с Шуи 75 р. «за стрелецкий корм».[883] 28 июня 1613 г. в Шую прибыл В.Ю. Бобынин, производивший натуральный сбор на московских стрельцов в Суздальском уезде. [884] 5 января 1614 г. по наказу воеводы И.И. Салтыкова он взял также деньги на корм суздальским пушкарям и затинщикам и на хлеб – суздальским стрельцам.[885] Суздальские приказные лица осуществляли и сбор ямских денег.[886] Это послужило также причиной участия суздальцев в поставке лошадей с шуйского посада.[887] Столь активное участие суздальских приказных лиц в податном контроле над посадом вызвало притязания сотрудников приказной избы на получение «подмоги» от

---

[879] 25 января 1613 г. в Шую из Владимира по наказу воевода В.И. Бутурлина и И.В. Измайлова прибыл Н.С. Мальцев. Он собрал в Шуе деньги «с лавок и с полков» (2 р. 13 ал. 2 д.) и отвез их во Владимир: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 4. – Л. 1-1 об.

[880] Также было повторено указание оберегать шуян от «казаков, стрельцов и всяких ратных людей»: *Любомиров П.Г.* Очерк истории… № 4. – С. 240-241.

[881] 29 мая 1613 г. суздальские сборщики И.И. Исаков и С.И. Костеев собрали «астроханским стрельцам» Михайлова на годовое жалование 37,5 р., а 9 июня суздальский осадный голова Г.П. Мякишев принял «недоплатных денег азтороханским стрелцом» Михайлова 16 ал. 25 июня 1613 г. И.А. Исаков принял астраханским стрельцам на корм по наказу суздальского воеводы 20 четвертей ржи, 5 четвертей круп и толокна, а 23 октября И.Е. Болотников принял для астраханских стрельцов Михайлова у шуйского земского старосты 5 подвод: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. – Л. 1; Там же. – Д. 5. – Л. 5.

[882] 12 декабря 1613 г. суздальский воевода И.И. Салтыков принял им на жалование 100 р. из шуйских кабацких доходов уже сбора 1613/14 г.: Там же. – Л. 6.

[883] Там же. – Д. 3. – Л. 1. Корм составлял 50 четвертей ржи и 50 – овса, но был принят в денежном эквиваленте. Принадлежность сборщика не обозначена, но имеются в виду явно суздальские стрельцы.

[884]Он «розвытя, почему довелос взяти по сошному писму живущаго по 2 гроша с четверти сохи» собрал с шуйского посада «за всо про всо» 6 р.: Там же. – Д. 3. – Л. 1.

[885] Там же. – Д. 8. – Л. 1-2.

[886] 19 июля 1613 г. суздальский воевода Ф.В. Сеченый, а также суздальские губные старосты (Иван Казимиров, М.Н. Кротков) и губные целовальники приняли с шуйского посада 5 р. ямских денег на 1610/11 и 1611/12 гг.: Там же. – Л. 5. – Л. 1.

[887] 27 сентября 1613 г. по наказу суздальского воеводы Ф.В. Каблуков принял с Шуи «в государевы подъемные лошади» 3 р., а 7 марта 1614 г. суздальский осадный голова Г.П. Мякишев принял с шуйского посада «мерина со всею извозною снастью для государева дела»: Там же. – Л. 4; ВГВ. – 1874. № 3. – С. 2-3.

шуян.[888] 11 января 1616 г. шуйскому воеводе Т.Г. Охотину была направлена грамота с запрещением «править» с шуян указанные деньги. Однако это административное предписание не прекратило уже установившейся практики.[889] Кроме подмоги «ямским охотникам», суздальский воевода включил в свою компетенцию хлебные запасы на государево дело и деньги за «городовую постройку» в Суздале. Эта практика вызывает еще одну челобитную шуян, в которой они жаловались, что «емлют на них сильно в Суздале даточные люди и посоху и городовую поделку и стрельцам корм и подьячим подмогу», хотя прежде они собирали «всякие доходы» сами и платили в Москве.[890]

Очевидно, требование на шуянах «подмоги» суздальским подьячим было следствием практики получения «корма» для суздальских стрельцов, а также «подмоги» суздальским целовальникам, занимавшихся доставкой собранных сумм. Однако если эти выплаты были «казуальными», то требование сбора подмоги суздальским приказным лицам по окладу предполагало претензии на административную самостоятельность города. Указом от 7 марта 1620 г. практика взимания «государевых доходов» на шуянах в Суздале была пресечена окончательно. В дальнейшем встречаются лишь две попытки актуализации этой практики. 7 декабря 1625 г. суздальский воевода И.В. Хилков должен был принять с шуян деньги «ямским охотникам».[891] Однако эта операция осуществлена не была.[892] Неудача этой попытки легко объясняется устоявшейся практикой: в течение предыдущих пяти лет «малая ямщина» направлялась непосредственно в приказ

---

[888] 23 декабря 1615 г. в Шую прибыл суздальский губной староста М.Д. Шилов, который должен был получить с Шуйского уезда хлеб на корм для присланных в Суздаль московских стрельцов и суздальских стрельцов, а также подмогу для суздальских дьячков. В ответ шуяне жаловались, что суздальских стрельцов и дьячков они не выбирали и подмоги им не рядили: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 10. – С. 156.

[889] 15 февраля 1617 г. по приказу В.Я. Воронова суздальский целовальник Федор Рогачев принял «московским охотникам на подмогу» 6 р. Сам целовальник при этом получил 0,5 р. подмоги. 14 апреля 1619 г. суздальский воевода В.А. Давыдов принял 100 р. «московским охотникам на прогоны». Также он получил 25 р. «за тверские хлебные запасы» и 3 р. на жалование суздальским подьячим. Еще 2 р. он получил «за государев лес за бревна, что иманы на государево дело к тайнику». 12 октября 1619 г. суздальский воевода Г.И. Дрозжин получил указ о взимании с шуян пошлины «на жалованье и прогоны московских городов охотникам», а 13 декабря 1619 г. суздальский целовальник Фрол Иванов принял «ямским охотникам на жалованье и прогоны» 15 р. При этом суздальские целовальники получили «в подмогу» по 10 д. с чети: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 6. – Л. 1; Там же. – Оп. 1. Д. 13. – Л. 1; Там же. – Д. 16. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 48. – С. 219.

[890] Это их право было подтверждено указом шуйскому воеводе от 7 марта 1620 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 15. – С. 306-307.

[891] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 36. – Л. 1-1 об. О воеводстве И.В. Хилкова см.: *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – С. 219.

[892] В этой отписи не имеется указания на сумму и отметки об участниках платежа, а уже через два дня, 9 декабря этот оклад был выслан шуйским воеводой С.М. Воейковым: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 13. – Л. 1.

Большого прихода, а «большая ямщина» – воеводами в Ямский приказ.[893] 18 декабря 1640 г. суздальскому губному старосте С.И. Заборовскому был направлен указ с запрещением взимать на шуянах «доимочные деньги» на жалованье ратным людям, поскольку эти деньги уже были уплачены ими в Москве.[894] Таким образом, и в данном случае шуянам удалось пресечь притязания суздальцев.

Из изложенного выше можно заключить, что в течение десятилетия после окончания Смутного времени суздальская администрация занималась сборами в Шуе определенных видов налогов. Возникновение этой традиции имеет вполне определенное происхождение. Неизвестный автор, получивший в 1610 г. в приставство Суздальский уезд, в своей челобитной сообщал, что шуяне «кормы всякие и подати платят в Суздале».[895] Судя по всему, это право было узурпировано суздальскими воеводами в ходе установления контроля тушинцев над территорией Шуйского уезда. Об этом прямо сообщает суздальский воевода Ф.И. Плещеев в отписке гетману Я.П. Сапеге.[896] При отсутствии «четвертного» управления, находившегося под контролем Шуйского, тушинские воеводы на местах узурпировали его права.[897] Они рассматривали подобную практику, как экстренную, в условиях гражданской войны. В дальнейшем, с нормализацией центрального «четвертного управления», претензии суздальской администрации сужаются, распространяясь лишь на ряд сборов: ямские деньги (своего яма у шуян не было), экстренные сборы «на государево дело», а также на корм суздальским стрельцам. Последний вид сбора возник в качестве логического продолжения сбора на корм ратным людям, квартировавшим в Суздале. Несмотря на неоднократные запрещения

---

[893] Малая ямщина – 28 марта 1620 г., 16 июля 1621 г., 15 июля 1622 г., 9 мая 1623 г., 15 октября 1624 г.: Там же. Д. 18. Л. 1; Д. 25. Л. 1-1 об.; Д. 37. Л. 1-1 об.; Оп. 2. Д. 27. Л. 1; Д. 29. Л. 1-1 об. Большая ямщина – 16 января 1621 г., 1 января 1622 г., 21 января 1623 г., 6 января 1624 г., 1624/25 г.: Там же. – Оп. 2. Д. 14. – Л. 1; Там же. – Д. 23. – Л. 1; Там же. – Д. 28. – Л. 1; Там же. – Д. 32. – Л. 1; Там же. – Оп. 1. Д. 33. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 39. – Л. 1.

[894] ЛЗАК. Вып. 26. – № 194. – С. 236.

[895] РИБ. Т. 35. – № 128. – С. 220-221; ААЭ. Т. 2. – № 198. – С. 246-247.

[896] По его словам «у нас во многих городех от великих денежных сборов учинилась смута великая», вследствие чего «мужики заворовались и крест целовали Василию Шуйскому». Воевода осуществил поход на Шую, в ходе которого суздальцы «их (воров – Е.Б) побили и острог взяли, и посады шуйские пожгли»: ААЭ. Т. 2. – № 110. – С. 139-140. Датируется после 6 декабря 1608 г.

[897] *Лисейцев Д.В.* Четвертные приказы в России начала XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. № 3. – С. 205. 14 мая 1611 г. суздальские воеводы приняли оброчные деньги с посада у шуйского целовальника. 18 июля 1611 г. суздальский воевода принял 20 р. «за запасы» у шуйского кабацкого целовальника. 15 февраля 1612 г. суздальский воевода А.З. Просовецкий принял «четвертных денег» с посада 37,5 р. – «что было в зборе»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 3, 4, 6. – С. 33-34.

(дважды в 1612, в 1613 и в 1616 гг.), эта практика продолжается. Лишь в 1620 г. шуянам удается ликвидировать ее.

Не менее важную роль играло во взаимоотношениях Шуи и Суздаля играло «городовое дело». В 1645/46 г. по царскому указу шуяне должны были принять участие в строительстве «рубленого кремля». По смете «городельца» Н.М. Беклемишева с 25 четвертей пашни шуянам требовалось сделать башню, «что подле Ильинской башни», две огородни, земляное дело «и всякия городовыя крепости».[898] Однако с определением объема работ шуян в следующие годы возникали проблемы. В 1662 г. шуяне просили освободить их от поставки четырех целовальников и леса к «суздалскому городовому делу».[899] В 1666 г. суздальскому воеводе В.И. Прокудину было поручено исправить «худые места» в городских укреплениях. Для привлечения к этой работе шуян, он направил к ним приставов. В ответ они били челом об оставлении за ними прежнего строительного участка, поскольку «то их городовое дело и доныне стоит цело».[900] Новый суздальский воевода Б.В. Яковлев в письме шуйскому воеводе вновь повторил требования о привлечении шуян к «городовой поделке». Аргументировал он это тем, что «в Суздале без поделки быть нельзя, а то городовое дело общее».[901] 23 июля 1668 г. шуяне в съезжей избе перед воеводой И.И. Борковым сказали суздальскому приставу, что их городовое дело «и по се время стоит все цело».[902] Они подали челобитную, в которой жаловались на убытки, причиняемые им суздальскими приставами.[903] 25 ноября 1668 г. суздальский воевода получил предписание освободить шуян от городовой поделки.[904]

В 1673 г. этот вопрос вновь поднял суздальский воевода Тимофей Савинов. Однако 6 сентября 1673 г. шуяне подали воеводе И.С. Ушакову список грамоты, по которой шуянам в Суздале «чужих поделок городовых делать не велено», а в сказке

---

[898] В строительстве должны были принять участие все сохи Шуйского и Суздальского уездов. С 568 четвертей были сооружены 50 городен, 3 башни, еще две не закончено, а также заложено 28 новых городен: *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения… С. 381-382. Вместо своих работников для выполнения городских работ в Суздале шуяне наняли суздальских плотников: ЛЗАК. Вып. 26. – № 239, 243. – С. 241-242.

[899] 4 июня им была дана отсрочка до весны, «для их пожарного разоренья»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 97. – С. 373-374; ДАИ. Т. 4. – № 119. – С. 275.

[900] 25 января 1667 г. Прокудин получил соответствующий указ: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 42. – С. 184-185.

[901] ВГВ. – 1860. № 4. – С. 19-20.

[902] РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 62. – Л. 1-1 об.

[903] ПДП. – № 167. – С. 191; ЛЗАК. Вып. 26. – № 450. – С. 266.

[904] ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-3; ЛЗАК. Вып. 26. № 462. С. 268.

они показали, что «то их дело по се число в целости».[905] Таким образом, посадские люди стремились ограничить свое участие в «городовой поделке» Суздаля участком, определенным для них еще в 1645 г. и всячески противились привлечению к общим работам. В этом их полностью поддерживала местная воеводская администрация. Аналогичная ситуация возникла и относительно строения воеводского двора.[906] 8 апреля 1669 г. суздальский воевода получил предписание на строение воеводского двора в Суздале с шуян «денег ныне и впред не спрашивать».[907]

В период отсутствия своего губного старосты (воеводы) шуяне обязаны были подчиняться суздальскому. В 1664 г. они были объявлены виновными в том, что среди посада «учинилось два убойства», а земские старосты не сообщили об этом в Суздаль.[908] В 1679/80 г. шуяне именно через суздальского воеводу К.А. Лопухина били челом о разрешении оставить для постоя приказных людей двор губного старосты.[909] Однако едва 6 декабря 1681 г. в Шую прибыл новый воевода кн. Н.П. Вяземский, шуяне били челом о возвращении ему права «в Шуе ведать губные дела», поскольку от суздальских «подьячих и губных целовальников и приставов» им чинится «обида большая, налоги и убытки великие».[910] Очевидно, практика распространения на Шую уголовной юрисдикции суздальской администрации была следствием того, что гражданские дела можно было отложить, а уголовные не терпели ожидания.[911]

Таким образом, спектр притязаний суздальской администрации на самостоятельность Шуи в течение XVII в. был достаточно широк. В податную зависимость от суздальской администрации Шуя попала в результате кризиса «четвертного управления» в период «Тушинского сидения» (1608–1610 гг.). Сразу

---

[905] Эту сказку и отписку об отказе от помощи воевода 10 сентября отправил в Суздаль. Однако тамошний воевода отвечал, что «нынешнее городовое дело» необходимо делать «вновь от реки Каменки до самой городовой стены в зруб дубовыми бревны, а не сосновым лесом, и землею насыпат, и город и башни все крыт вновь, и всякую городовую поделку делат, которой бес починки быт нельзя»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 185. – Л. 1.

[906] 16 декабря 1668 г. в Шую явился подьячий суздальской съезжей избы и потребовал собрать с шуян на строение воеводского двора по 5 ал. с чети. Однако они отвечали, что строят «воеводской и губной дворы и съезжую избу у себя в Шуе на посаде» и денег подьячему не выделили: Там же. – Д. 154. – Л. 1-1 об.

[907] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 122. – С. 398-399; ДАИ. Т. 5. – № 87. – С. 412.

[908] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 94. – С. 119; Там же. Т. 1. – № 37. – С. 180; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. – Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 138. – Л. 1-1 об.

[909] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 59 а. – С. 198-199.

[910] Там же. – № 59. – С. 198.

[911] Эта явно практика не нравилась посаду, который при любой удобной возможности стремился обратиться к своему воеводе, не доводя расследование до Суздаля.

после реконструкции органов центрального управления шуяне постарались освободиться от нее. Однако кризисная ситуация в государстве до 1621 г. способствовала произволу местной администрации. Два других направления притязаний на самостоятельность Шуи – привлечение шуян к «городовому делу» в Суздале и распространение на них уголовной юрисдикции суздальского воеводы – на наш взгляд, были прямо связаны с особенностями административной политики центра. Однако эта политика встречала пассивное сопротивление шуйской земской администрации – любые попытки притязаний на самостоятельность города воспринимались шуянами резко негативно.[912] Это можно объяснить тем, что административная зависимость была сопряжена с выполнением определенных обязательств по обеспечению приказной администрации. Особенности взаимоотношений суздальской и шуйской администрации в течение XVII в. свидетельствуют, что следы административной зависимости Шуи от Суздаля в XVI в. сохранялись на протяжении следующего столетия.

Общеизвестно, что в начале XVII в. посадская судебная администрация теряет самостоятельность и попадает под власть воевод. Вопрос о введении воеводского управления неоднократно рассматривался исследователями.[913] Конкретный ход и особенности этого процесса можно проследить именно на примере Шуи. 7 июля 1606 г. шуяне получили уставную грамоту от царя Василия Ивановича. В преамбуле акта сообщается, что прежде у них была аналогичная жалованная уставная грамота Ивана Васильевича IV, которая затем была «переписана на Ростригино имя». По новой грамоте шуяне имели право по прежнему «судится меж себя самим», для чего они должны были ежегодно выбирать «всем посадом меж себя» излюбленных земских судей, которые обязаны были их «судити, управа меж их чинити и четвертные доходы сбирати по книгам сполна». В случае иска на шуянах «сторонних

---

[912] Такая же тенденция фиксируется на материале городов Южной окраины: *Глазьев В.Н.* Особенности социальной структуры... С. 28.

[913] Е.Н. Швейковская отмечает, что «законодательного акта о введении воеводской власти не известно»: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне... С. 220. А.П. Павлов полагает, что еще в конце XVI в. местное самоуправление характеризуется «постепенным утверждением новой воеводской формы власти». Став господствующей на окраинах государства, в конце XVI в. она распространяется на районы черносошного Севера, а после Смуты конституируется в центре страны: *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. – СПб.: Наука, 1992. – С. 242-244.

людей» дело переносилось в столицу.[914] Таким образом, земские судьи сосредотачивали в своих руках и судебные и податные полномочия. Очевидно, так в акте именуются земские старосты. К заключительному этапу Смуты относятся первые данные о недовольстве действующей судебной системой. Шуйский земский староста Т.И. Дубовиков в своей челобитной упоминал тот факт, что «дворяне и дети боярские розных городов емлют на Москве зазывные грамоты в ыскех, и в том де им (шуянам – Е.Б.) продажа чинитца великая». 9 марта 1613 г. в Шую И.Я. Блохину была направлена грамота, в которой ему предписывалось шуян к Москве по «зазывным грамотам» на поруки не давать, «а судил бы еси шуян, посадцких людей, в ысцовых искех в Шуе, и с судных дел пошлинные денги записывал».[915]

Таким образом, полномочия воеводы должны были касаться только «сместного» суда. Однако воеводы немедленно распространили свои полномочия на всех представителей посада. В 1614/15 г. Шуяне били челом воеводу И.Д. Гундорова, который судил их «во всяких делех» и получал судебные пошлины. Они напоминали, что по уставной грамоте им положено «промеж собою, выбирая судей, судится самим».[916] В грамоте, выданной посадским людям по этой челобитной 20 августа 1615 г., воевода отстранялся от судебной власти и шуянам велено «меж себя судится самим, выбирая по годом целовальников», а пошлины по судным делам высылать в Москву.[917] Толчком к выдаче этого акта послужила другая челобитная, в которой просители заявляли, что их судят «во всяких делах воеводы, а от воевод им чинятся продажа и убытки великие» и просили дозволения «судиться самим».[918] Однако в реальности и после выдачи этого акта суд осуществлялся воеводой.[919] Вскоре шуяне вновь жаловались, что «иные люди емлют по них же в ыскех судимые грамоты в Суздаль и в Лух», от чего они терпели «продажи и убытки великие». Они

---

[914] В случае же поимки посадского «на разбое» либо наличия «поличного» дело передавалось губным старостам и целовальникам: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 1. – С. 140-145.

[915] *Любомиров П.Г.* Очерк истории… № 4. – С. 240-241.

[916] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 3. – С. 147-148. Однако они требовали изъять из ведения воеводы лишь прием судебных пошлин, а вовсе не отнять у него право суда вообще. Шуяне просили: «Уставные грамоты не вели у нас порудити и не вели [с] нас, сирот своих, воеводе князю Ивану Давидовичу с суда пошлин имати».

[917] Там же. Т. 2. – № 7. – С. 295-296.

[918] Следовательно, через некоторое время после первого челобитья о «пошлинных деньгах» последовало второе, в котором требования были выражены более радикально.

[919] Данная практика получила отражение в челобитной воеводы П.Ф. Волынского на шуян Ф. Ф. и К. Ф. Горбуновых, обвиняемых в избиении и грабеже жителей двух посадских дворов (22 августа 1618 г.): ПДП. – № 206. – С. 220-221.

просили «велети б их по прежнему судить в Шуе приказным людем»: таким образом, они отказывались от судебных прав, адресуя их воеводам. 7 марта 1620 г. шуйский воевода Д.С. Змеев получил соответствующее предписание.[920] Таким образом, решающим в деле передачи воеводе суда над посадскими людьми вновь оказался «сместный суд». Посад не имел права осуществлять его, что вело к многочисленным убыткам. Воевода же имел возможность осуществлять суд на месте, хотя и по искам ограниченного размера.

В результате оказалось потерянным и право сбора судебных пошлин. Воевода Д.С. Змеев должен был получать пошлину «с тех судных дел», фиксировать ее в книгах и отправлять в Москву. Однако ни денег, ни книг, ни дел воевода к 1 сентября 1620 г. в Москву не прислал. Грамотой от 4 сентября 1620 г. ему было предписано судить посадских людей лишь в исках до 10 р. «и менши». В случае насильственного (или добровольного) суда воеводы по крупным искам об этом следовало сообщить в Москву. Сбор пошлин осуществлялся воеводой, но «пошлинные книги» по искам должен был вести земский дьячок.[921] Эти права шуян были подтверждены указами от 14 апреля 1621 г. и от июля 1621 г.[922] Однако обстоятельства дела 1627 г. по поводу злоупотреблений воеводы судебной властью, указывают на то, что посадские люди потеряли право совместного суда. Воевода Г.П. Шаховский самостоятельно осуществлял и судопроизводство, и сбор судебных пошлин, и их отправку в Москву. В столице «ведомо учинилось», что воевода судит шуян в исках до 50 р. «а наши пошлины с тех судных дел емлет себе и корыстуется сам». Согласно указу от 5 июня 1627 г. впредь воеводе такие дела судить запрещалось.[923] В августе 1635 г. Григорий Овдокимов «приставливал» к Степану Фомину по кабальному долгу в 82 р. Разбирательство происходило в съезжей избе перед воеводой И.В. Кирикрейским.[924] Этот казус свидетельствует, что шуяне обращались к воеводе по кабальным искам

---

[920] «Зазывные грамоты» принимались лишь из приказа Галицкой четверти: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 15. – С. 306-307.

[921] Там же. – № 17. – С. 308-309. Судя по всему, именно вопрос с «пошлинными деньгами» стал причиной нового привлечения посадских людей к судебной деятельности.

[922] Там же. – № 20, 22. – С. 311-313.

[923] Там же. – № 32. – С. 319-320. Из обстоятельств дела можно сделать вывод, что шуяне уже не принимали никакого участия в судопроизводстве. Чтобы уточнить размер казенных убытков, требовалось сделать специальную роспись исков посадских людей. Значит, практика составления «записных книг» земским дьячком уже отсутствовала, не говоря уж о совместном суде. При этом сообщение о «корысти» воеводы было получено не от шуян, а от сторонних лиц.

[924] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 157. – Л. 1-4. См. прил. 1.

свыше 10 р. Значит, подобная практика отвечала интересам посада. Причины такого «доверия» воеводе выясняются из целого ряда челобитных шуйской общины.

Столичный суд по «зазывным грамотам» являлся тяжким бременем для участвовавших в разбирательстве посадских людей. Вызванные к ответу лица терпели огромные «протори и убытки». В 1621 г. шуяне добились временного ограничения исков по «зазывным грамотам»: для них были установлены «три годичных срока», на которые они должны были держать ответ в московском суде. Однако в 1636/37 г. земский староста К.К. Свиньин жаловался, что люди «разных чинов» берут на шуян «зазывные грамоты» из приказа Галицкой четверти «поклепав напрасно, мимо тех указных трех сроков».[925] В связи с «московской волокитой» возникает и вопрос о повышении размера иска. В 1632/33 г. шуяне били челом на Ф.Д. Замыцкого, продававшего их «поклепными и зазывными грамотами».[926] В 1639/40 г. шуяне по аналогичному поводу били челом на владимирского сына боярского Евсевия Погаркова.[927] В 1640/41 г. по той же причине они жаловались на попа Алексея Кузьмина.[928] Из содержания жалоб можно заключить, что наиболее жестко вопрос о размере иска на месте ставился для торгово-промышленной верхушки посада.

В дальнейшем рефрен об убытках, которые несут в Москве шуйские «торговые и промышленные люди» стал постоянным. В 1643 г. шуяне жаловались на суздальских дворян, которые «емлют на них многие зазывные грамоты». 31 марта 1643 г. шуйский воевода А.М. Мишуков получил грамоту, предписывавшую шуян «от налогов» дворян оберегать.[929] В том же году шуяне вновь жаловались, что по «зазывным грамотам» их «волочат их к Москве и убытки и продажу чинят великую» и просили о привилегии судиться в Шуе в исках до 200 р.[930] 15 июля 1644 г. это

---

[925] Там же. – Д. 64. – Л. 1-1 об.
[926] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 35. – С. 61.
[927] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 70. – Л. 1-1 об. См. прил. 2.
[928] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 32. – С. 58-59. Датируется по дате службы земского старосты К.С. Лисина, упоминаемого в акте. Он служил старостой также в 1623/24 г., но это было еще до появления архиепископа Серапиона, упоминаемого в акте (1634 г.), и в 1647/48 г., но уже при царе Алексее Михайловиче (с 1645 г.), а не Михаиле Федоровиче.
[929] Отвечать по «поклепным искам» вынуждены все шуяне, оказавшиеся в Москве по торговым делам: Там же. – № 58. – С. 84-85; ЛЗАК. Вып. 26. – № 204. – С. 237. Эту грамоту земский староста Денис Иванов просил подтвердить в 1646/47 г.: Там же. – № 237. – С. 241.
[930] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. – Л. 1-1 об. Позднее, судя по изложению челобитной в грамоте, она была немного изменена: расширен перечень истцов, добавлена величина поклепных исков – «в тридцати, и в пятидесяти и в сте и в двусот рублех», а в просьбе отмечена «московская волокита».

право было предоставлено шуйскому воеводе кн. Н.И. Оболенскому.[931] Желание посадских людей расширить полномочия воеводского суда прослеживается и далее. После получения воеводой полномочий разбирательства дел по крупным искам, встал вопрос о праве суда по любым искам к лицам, представлявшим его уезд. В 1653 г. шуяне вновь били челом относительно «зазывных грамот».[932] По этой челобитной 7 сентября 1653 г. воевода П.О. Овцын получил указ не давать посадских людей на поруки без «кабал и без записей», а чинить суд в городе.[933]

Таким образом, тенденция на отчуждение судебных прав у городской общины наметилась после окончания Смуты. Власть в данном случае использовала весьма действенный рычаг давления: в отличие от «земских судей», воевода имел право производить «сместный суд». Это позволяло избежать затяжки судебного процесса и увеличения финансовых издержек, связанных с его переносом его в столицу. Посадские люди попытались использовать в качестве рычага давления на государство право сбора судебных пошлин.[934] В результате право внутреннего суда шуянам было возвращено. Однако рычаг «сместного суда» уже в 1620 г. заставил шуян самих просить об установлении воеводского судопроизводства. Для предотвращения произвола воеводские полномочия были ограничены исками размером до 10 р. При этом сбор их должен был осуществляться под контролем посадской общины. Однако реальная практика шла в разрез с законодательными установлениями. В 1627 г. выяснилось, что контроль над судом и сбором пошлин со стороны посадских людей отсутствовал, при этом размер исков к воеводе увеличился. Следовательно, противостояние посада и воеводы по вопросу о праве суда и сбора пошлин сменяется их симбиозом. Следующие три десятилетия были заполнены борьбой посада за увеличение объема судебных полномочий воеводы. Эти требования вытекали из реальной судебной практики: многочисленных случаев

---

[931] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 68. – С. 348-349; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 78. – Л. 1-3. В 1645/46 г. шуйский земский староста К.С. Лисин бил челом о подтверждении этого права: ЛЗАК. Вып. 26. – № 229, 237. – С. 240-241.

[932] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 79. – С. 105-106. Выражения этой челобитной практически идентичны челобитной десятилетней давности.

[933] Там же. Т. 1. – № 53. – С. 174-176; ЛЗАК. Вып. 26. – № 328. – С. 252.

[934] Право осуществления суда и сбора судебных пошлин позволяло воеводам получать значительные суммы в обход государевой казны, поскольку контроль за действиями воевод отсутствовал. Именно поэтому первая челобитная шуян 1614/15 г. была посвящена праву сбора судебных пошлин, и лишь во второй они заявляли о намерении вернуть контроль над судом.

использования разными лицами «поклепных» челобитных для получения «зазывных грамот» в московский суд. Эта практика наносила шуянам «великие протори и убытки». Шуяне стремились к тому, чтобы воевода мог сосредоточить в своих руках всю полноту судебной власти в уезде.[935] В разных городах процесс становления воеводского суда принимал разные направления, однако преимущественно шел в отмеченном нами русле.[936] В большинстве городов воеводы оттесняют земство от суда достаточно быстро. Изредка община активно включалось в борьбу за земский суд (Вятка, Торопец, Псков), но в большинстве случаев уступала его без особого сопротивления.[937]

Что касается полномочий воеводы, то они были весьма велики. Этот вопрос подробно освещен в соответствующих работах,[938] поэтому мы остановимся на нем лишь обзорно. Воевода обязан был контролировать сбор пошлин по оброчным статьям, важнейшими из которых были таможня, кабак и конская площадка.[939] В юрисдикции воеводы также находились дела о нелегальном производстве алкоголя и открытии притонов («корчме и блядне»). 13 августа 1617 г. шуйский воевода П.Ф. Волынский получил объемный указ, в котором строго регламентировалось производство алкоголя на территории уезда.[940] То же самое касалось и таможенного сбора: об этом свидетельствует указ от 2 августа 1617 г. тому же П.Ф. Волынскому.[941] Общегосударственные указы доводились до сведения посадских

---

[935] Очевидно, подобное направление действий общины было связано не только с тяжестью расходов по искам, разбиравшимся в Москве. Можно думать, что уже с начала 1620-х гг. система воеводского суда и управления обрела весьма тесные и взаимовыгодные связи с посадским миром.

[936] Земский суд выявлен в немногих городах: Устюжна, Ярославль, Калуга, Соль Галицкая, Юрьев-Польской, Вятка, Шуя, Торопец. При этом он существовал либо эпизодически, либо под контролем воевод: *Булгаков М.Б.* Посадские люди в системе государевых служб… С. 153-181.

[937] При этом в комплексе документации о борьбе торопчан за земский суд имеется до боли знакомая мотивация отстранения от суда воеводы: «приставливают всякие служилые люди и ищут напрасно и от тех поклепных исков (они – Е.Б.) бредут все врознь». Если шуяне с этой мотивировкой ходатайствовали об увеличении воеводских полномочий, то торопчане – об их полной отмене.

[938] *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения… С. 103-262; *Градовский А.Д.* История местного управления… С. 307-360.

[939] 4 сентября 1626 г. кабацкий дьячок сообщил шуйскому воеводе Г.Ф. Шаховскому, что кабацкий голова Харитон Иголкин «покрал государево вино с кабака», а также собирал кружечные деньги «на себя месяц»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 41. – Л. 1-1 об.

[940] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. – Л. 1-5. См. прил. 3. 9 марта 1659 г. и 20 декабря 1669 г. шуяне дали воеводам сказки о том что «вином и всяким корчемным питьем и табаком не торгуют»: ВГВ. – 1870. № 9. – С. 2; ЛЗАК. Вып. 26. – № 472. – С. 269. 15 октября 1669 г. шуйским земским старостой была получена память от воеводы И.И. Боркова относительно «сыска корчемников и табачников»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 111. – С. 130-131.

[941] НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 46. Л. 1-5 об. Воевода обязывался «береч накрепко чтоб откупщик лишних пошлин на торговых людех не имал», а в случае ослушания последних должен был «дават приставов и таможные денги на них правит нещадно» (часть их отсылалась в Москву). А 15 марта 1614 г. шуйский воевода И.Д. Гундоров

людей воеводой, им же осуществлялось и наказание.[942] Отвечал воевода и за пожарную безопасность.[943] Дела о «государевом слове» также находились под контролем воеводы.[944]

В съезжей избе должны были регистрироваться все происшествия на посаде, которые могли угрожать «пеней» посадским людям.[945] Основанием такой «записки» была челобитная шуян, причем она могла иметь и устный характер.[946] 12 ноября 1680 г. шуяне получили память от воеводы М.С. Жихарева, по которой «всякие крепости» требовалось регистрировать в приказной избе.[947] Таким образом, приказная изба являлась первичной инстанцией для апелляции посадской общины по любым происшествиям. Можно сделать вывод, что после потери губными старостами права суда над посадскими людьми по уголовным делам, вся полнота судебной и исполнительной власти оказалась сосредоточена в руках воевод. Воевода был единственной инстанцией между «миром» и московским правительством. В связи с этим следует рассмотреть вопрос о конфликтах воеводы и посада.

получил указ о взимании в таможне «померной пошлины» хлебом, а не деньгами: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 61. Л. 1-1 об.

[942] 29 февраля 1668 г. земский староста получил от воеводы И.И. Боркова память, по которой шуянам запрещалось работать в воскресенье. Штраф (2 р.) фиксировался в книге. В случае вторичного нарушения он увеличивался (4 р.), а виновный «бит будет кнутом, да посажен в тюрму на неделю»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 117. – С. 394-395; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 150. – Л. 1-1 об. 24 декабря 1648 г. воевода С.И. Змеев получил указ, запрещавший колядование, топку бань и праздничные дни, брань, пьянство и бритье бород: ЛЗАК. Вып. 26. – № 280. – С. 246.

[943] В 1638 г. шуяне били челом, что «приказные люди» летом запрещают им топить избы и «мыльни», а также готовить товар в печах и «кузнецом в кузницах делать». 28 марта 1638 г. воевода И.А. Судаков получил предписание разрешить все вышеперечисленное «с великим береженьем»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 20. – С. 165. При вступлении на престол следующего государя, в 1646/47 г. шуяне били челом о подписи им этой грамоты «на свое царское имя»: Сборник Щукина. Т. 3. – С. 212; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 21. – С. 166. 9 мая 1691 г. воевода В.В. Шилов дал земскому старосте память о запрещении летом топить избы и бани в жаркие дни, а также сидеть и ходить поздно вечером с огнем: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 180. – С. 196-197.

[944] 30 июня 1628 г. в съезжую избу явился поп Иван Никонов и извещал воеводе Д.М. Овцыну «государево слово» на земского старосту. Однако о существе доноса Никонов не сообщил. В результате он был взят на поруки, а о решении его судьбы Овцын запросил Разрядный приказ: ПДП. – № 208. – С. 221.

[945] Именно поэтому в 1664 г. в сказке сыщику А.И. Огибалову шуяне заявляли, что обо всех уголовных инцидентах на посаде есть «записка в съезжей и губной избах», а 11 мая 1681 г. по поводу смерти П.А. Гусева показывали, что о происшествии есть «записка» в приказной избе: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 94, 171. – С. 119, 431; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. – Л. 1-1 об.

[946] 30 мая 1649 г. шуяне «били челом словесно» воеводе С.И. Змееву на посадскую вдову, которая «учала у себя держать блядню и корчму». Змеев приказал «выбить» ее с посада. В 1669 г. (после 23 ноября) шуяне сообщали, что «одержимые различными скорбми» люди, прибывшие в Шую для излечения у чудотворной иконы, «кличут в порче на посадских людей» и просили «записать» это челобитье в съезжей избе. В другой челобитной они сообщали, что жена И.А. Маурина «кличет в порче» на жену посадского человека и просили «явку» об этом записать в съезжей избе, чтобы им «в пене и опале не быть»: Там же. Т. 2. – № 77, 112. – С. 131-132, 358; Там же. Т. 1. – № 146. – С. 187-188.

[947] Там же. – № 167. – С. 429; ДАИ. Т. 8. – № 81. – С. 288-289; ЛЗАК. Вып. 26. – № 535. – С. 278.

Случаев явного злоупотребления воевод, вызывавших челобитные на них от посадского мира, зафиксировано немного. В 1661/62 г. шуяне били челом на воеводу И.Я. Трегубова. По словам челобитчиков, он чинил им «тесноту и налогу большую, стакався с подговорщиками и ябедниками». Однако конкретные претензии, излагаемые в челобитной, свидетельствуют о том, что воевода лишь исправно исполнил свои служебные обязанности.[948] Учитывая наличие «подговорщиков и ябедников», на сторону которых встал воевода, можно констатировать, что действия его вызывались не столько жаждой наживы, сколько «сговором» с этими людьми.[949] Следовательно, данная челобитная являлась скорее, отражением политической борьбы на посаде. Подобный характер имел и следующий конфликт. В 1664/65 г. ларечный целовальник Тимофей Федоров «и во всех шуян посацких людишек место» бил челом на земского старосту И.П. Смолянина, который «в наших мирских делах учинил многое большое дурно, а в денежных доходах и расходах чинил большую хитрость, а себе корысть». Он «подговаривался к воеводе и таможенному откупщику» и с этой целью «пьет и ест с ними беспрестанно, и на нас им наговаривает». В результате воевода и откупщик шуян «убытчат большею продажею и убытками».[950] Таким образом, воевода вновь встал на сторону одной из сторон в политической борьбе в посаде.[951] Процесс обыска послужил источником еще одной жалобы на Смолянина,[952] однако челобитной с жалобами на воеводу подано не было.

Следующий крупный конфликт посадской общины с воеводой возник в 1668 г. В челобитной на него[953] воевода И.И. Борков обвиняется в том, что «бьет посацких

---

[948] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 35. – С. 178-179; ПДП. – № 160. – С. 186. Трегубов сообщил в Москву, что таможенный голова якобы «собрал казну с большею прибылью», но положил ее мало, утаив значительную часть денег.

[949] Именно по их просьбе и был сделан донос на таможенного голову, поскольку никакой корысти в этом у воеводы не было.

[950] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 38. – С. 180-181; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 141. – Л. 1-2 об. Отметим, что конкретные претензии предъявляются только к старосте, «продажи и убытки», причиненные шуянам воеводой, никак не конкретизируются.

[951] Однако наказан он не был – воевода Г.Б. Кайсаров 15 сентября 1665 г. получил указ, в котором ему предписывалось учинить обыск о Смолянине: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 416. – Л. 1-4. Впервые он упоминается 12 января 1664 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 92. – С. 117-118; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 135. – Л. 1. Так что именно Кайсаров являлся лицом, к которому «подговаривался» Смолянин.

[952] По приходо-расходным книгам на нем было обнаружено «недочету» 27 р. 10 д.: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 142. – Л. 1-1 об.

[953] В.А. Борисовым датируется 1664 г. Соответственно, конфликт с Селивановым он относит к 1663/64 г., с Карповым – к 26 сентября 1664 г., а с елатомцами – к 29 сентября 1664 г. В действительности, как следует из сыскных речей и челобитной посадских людей о конфликте с Карповым, он случился 26 сентября 1668 г. (*Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 110. – С. 130; ПДП. – № 166. – С. 190-191). Противоречие датировки позволяют разрешить имена лиц, упомянутых в актах: если Семен Лукоянов в качестве земского старосты действовал и в

людей без иску и без вины, и сажает в тюрьму для своей корысти». В 1667/68 г. он «убил» таможенного целовальника В.С. Селиванова, а также «многих приезжих торговых людей в тюрьму сажал». 26 сентября 1668 г. он «убил, заперши у себя на дворе» выборного голову кружечного двора Г.К. Шилова, а 29 сентября на конской площади «переимал приезжих торговых людей ялатомцов и посажал их в тюрьму».[954] Столь значительные притеснения вызвали две челобитные посада на действия воеводы. Однако в обыскных речах о конфликте с таможенным головой шуяне уверяли, что он уже исчерпан. В качестве причины конфликта воевода называл тот факт, что Шилов продавал алкоголь в субботу и воскресенье. Это было нарушением государева указа, и воевода запечатал кабак. После этого на двор к воеводе «побить челом» отправились голова Шилов и ларечный Тимофей Федоров. Однако воевода Шилова их «учал по щекам бит и за бороду драл и топтунами топтал», после чего «велел з двора на улицу сволоч замертво».[955] Сам Борков обвинял Шилова в том, что тот бранил его «всякими неподобными словами и невежливыми». 9 октября шуяне (священники, земский староста и мирские люди) призвали обоих «к церкви Божией на паперть», и «выслушав у них ссору, помирили».[956] Такая же позиция была занята посадским миром и по остальным вопросам. Об этом свидетельствует челобитная шуян 1668/69 г. об оставлении Боркова в качестве воеводы, поскольку он «всякие дела делает и росправу меж нами чинит, и налог и обид никаких» посадским людям не приносит.[957]

Таким образом, в данном случае челобитная на воеводу выступает, как инструмент «мира» в борьбе за экономическую и политическую самостоятельность. Однако конфликт не был доведен до логического завершения – напротив, было осуществлено примирение, результаты которого оказались столь удачными, что оно действовало в течение следующих двух лет. В этом конфликте ярко выявляются и противоречия земского и воеводского управления, и рычаги их урегулирования.

1664/65, и в 1668/69 гг., то И.И. Борков был назначен воеводой в Шую в 1667 г. (впервые упоминается 19 августа: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 148. – Л. 1).

[954] Таким образом, воевода «чинил поруху» кабацкому, таможенному и конскому сбору: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 39. – С. 181-182.

[955] ПДП. – № 166. – С. 190-191.

[956] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 110. – С. 130.

[957] Там же. – № 104. – С. 126. Ее нужно относить к исходу лета 1669 г., поскольку просьба шуян была исполнена, и Борков был оставлен воеводой «в третей» год. Последний раз он упоминается 28 ноября 1670 г.: Там же. – № 116. – С. 136.

Единоличная политическая власть в городе, узурпированная воеводами, неминуемо должна была вести к их злоупотреблениям. Однако община также имела в руках определенные орудия политической борьбы, позволявшие привлечь его к ответственности. Но открытый конфликт был невыгоден для обеих сторон. Можно заключить, что именно таким образом осуществлялась регуляция взаимоотношений, а константой их был симбиоз земской и воеводской администрации. Соответственно, не были редкостью челобитные земской администрации об оставлении на воеводстве удобного лица.[958]

При этом в конфликтах шуян со сторонними людьми воевода всегда выступал на стороне посада. Характерный пример представляет длительное противостояние шуян с соседским помещиком П.Г. Кашинцевым. Началось оно со спора последнего с крестьянами дворцового села Дунилова об острове на р. Мардас.[959] Когда на «святой неделе» 1677 г. Кашинцев «ехал из гостей» с шуйским воеводой И.И. Борковым, он напал на него, «убил и бороду у него выдрал без остатку», так что посадские люди подняли воеводу «чють жива».[960] В челобитной 1682 г. шуяне перечисляют «обиды» Кашинцева посаду: тот «живучи в ближнем соседстве» с посадскими людьми, «продает и убытчит» их своими ложными челобитными «стакався» с подьячим приказной избы.[961] Вторая группа претензий касалась выпускных лугов: на них он «животинишко наше к себе на луга насильством наганивая, грабит», а его крестьяне через луга «днем и ночью ездят и траву и луга мнут и толочат». Но самые серьезные убытки шуянам были нанесены в результате проезда через город боярина А.Ф. Матвеева, к которому Кашинцев поступил под покровительство Матвеева и «научал» его разорить шуян.[962] Сохранилась

---

[958] В 1671/72 г. земский староста П.Г. Посников бил челом об оставлении в Шуе воеводы Г.В. Буйнова, а в 1682/83 г. земский староста Б.Т. Бабин бил челом об оставлении на воеводстве в Шуе кн. Н.П. Вяземского: ЛЗАК. Вып. 26. – № 232, 556, 557. – С. 240, 281.

[959] Относительно этого острова шуянами были даны сразу две сказки (в июле и в октябре 1676 г.) содержание которых противоречило позиции Кашинцева: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 138. – С. 411; Там же. Т. 1. – № 53. – С. 191-192; АЮБ. Т. 3. – № 340/8. – С. 330; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 203. – Л. 1-4 об. 4 августа Кашинцев жаловался, что шуяне дали подобные показания, поскольку у него с ними «безпрестанная недружба», а затем начал похваляться на посадских людей «всяким дурном и смертными убийствы»: ВГВ. – 1871. № 19. – С. 3-4.

[960] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 54. – С. 192-194; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 209. – Л. 1-3.

[961] Перечисляются и основания исков: Кашинцев ищет «напрасно пропалых своих гусей», покупает у сторонних людей «многие старые плаченые кабалы» на шуян. Отдельная челобитная по этому делу была послана и на подьячего съезжей избы Г.И. Манатьина: шуяне жаловались, что они с Кашинцевым посадских людей «многими составными делами продают». По этой жалобе воевода Н.П. Вяземский на некоторое время отстранил Манатьина от приказных дел: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 169. – С. 186-187; ЛЗАК. Вып. 26. – № 554. – С. 281.

[962] Там же. Т. 1. – № 58. – С. 196-197; Т. 2. – № 186. – С. 441-442; ГАИО. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 46. – Л. 1-2.

«заготовка» челобитной на Кашинцева, свидетельствующая об особенностях сбора сведений для подобной челобитной земской администрацией.[963]

В челобитной на Кашинцева 1682 г. шуяне упоминают и обиду, нанесенную им шуйскому воеводе: Кашинцев в приказной избе «бранил матерно и безчестил» воеводу кн. Н.П. Вяземского и тот на него «являл в том всему посаду».[964] 19 августа 1677 г. в город прибыл Н.А. Каблуков с челобитной на Ф.А. Мишукова. В съезжей избе перед воеводой И.И. Борковым явился ответчик, который начал бранить Каблукова «всякою неподобною бранью», и едва тот вышел на крыльцо, как хотел «ушибить» его булавой. Воевода «с россыльщики и с посадцкими людьми» едва отнял Каблукова.[965] 30 апреля 1681 г. М.Г. Кайсаров жаловался, что Н.А. и Г.А. Каблуковы «перед воеводою и при свещенниках и при многих шуйских посацких людех» его «бранили неподобною бранью».[966] Как видим, во всех рассмотренных случаях воевода в приказной избе действует совместно с посадскими людьми. Это намекает на то, что разбирательство проводилось в присутствии посадских людей, если не при прямом их участии.[967]

Выше уже указывалось, что воевода мог вступать в достаточно тесный контакт с отдельными представителями посадской общины.[968] В случае благожелательного отношения к ним он мог достаточно активно выступить на их защиту.[969] В этих конфликтах воевода действовал в интересах ответчиков, не стесняясь вступать в

---

[963] ПДП. – № 185. – С. 203-204. К ней сделана приписка: «Черная явки, таковы розданы». Это позволяет предположить, что заготовка челобитной была роздана земским целовальникам, которые осуществляли сбор сведений об обидах, нанесенных Кашинцевым отдельным представителям посада. В соответствии с перечнем этих обид и должен был трансформироваться формуляр челобитной. В перечне обид значительная часть оказалась связана с уводом домашней скотины и птицы и поклепами на подобные действия посадских людей, исходившими от Кашинцева. Вторым предметом претензий посадской общины были необоснованные иски Кашинцева к посадским людям по разным поводам. Наконец, ряд шуян подвергся нападению людей Кашинцева с целью грабежа.

[964] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 58. – С. 196-197; Там же. Т. 2. – № 186. – С. 441-442; ГАИО. – Ф. 32. Оп. 1. Д. 46. – Л. 1-2. А 23 июля 1682 г. по тому же поводу на Кашинцева бил челом сам Вяземский: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 155. – С. 173-174.

[965] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 148. – Л. 1-2.

[966] Там же. – Д. 166. – Л. 1-1 об.

[967] При этом описанные выше дела никакого отношения к посаду не имели. Логично предположить, что представители посада могли присутствовать при любых судебных делах, разбираемых воеводой.

[968] Например, 22 октября 1618 г. шуйский воевода П.Ф. Волынский дал мировую запись в примирении с посадским человеком Василием Софроновым в 10 р. долга: ЛЗАК. Вып. 26. – № 33. – С. 217.

[969] Об этом свидетельствует дело 1635 г.: когда для разбирательства по делу о кабальном долге в Шую явился недельщик суздальского архиепископа Серапиона, воевода И.В. Кирикрейский не отдал недельщику виновного: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 157. – Л. 1-4. Привлечь воеводу к ответственности не удалось – посад дал нейтральные показания по этому делу. В результате он оставался на должности до декабря 1636 г., когда был заменен И.А. Судаковым: РИБ. Т. 10. – С. 3. 15 июня 1635 г. недельщик Галицкой чети сообщал, что прибыл в Шую для вызова в Москву по «судному делу» шуян Л.И. Ляпунова и Д.К. Терентьева. Однако шуйский воевода не отдал ему ни судного дела, ни истца: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 155. – Л. 1-1 об.

конфликт даже с московским приказным человеком. При этом сведений о воеводском произволе по отношению к сторонним лицам имеется достаточно.[970] Практически все перечисленные жалобы касались взяток, вымогаемых воеводой в ходе судебных дел. Главным аргументом его в данном случае являлось тюремное заключение. В то же время указаний на подобное поведение воевод относительно посадских людей не имеется (кроме уже отмеченной челобитной на Боркова). Это свидетельствует о лояльности, проявляемой воеводой к посаду.

Важнейшим вопросом взаимодействия воеводской и земской администрации было обеспечение функционирования приказной избы и воеводского двора. Ключевой в данном случае являлась проблема привлечении к этому уездных людей. В 1652 г. шуяне жаловались, что уездные люди не оказывают им помощь в строительстве воеводского двора. 28 октября шуйский воевода получил указ об исправлении этого положения.[971] 15 марта 1653 г. шуяне вновь жаловались, что сошные люди «во всякое изделие в Шуе им не помогают». Воевода вновь получил соответствующий указ,[972] но когда он направил к сошным людям рассыльщиков «о высылке с подможными деньгами», но подчинилась лишь часть из них.[973] 21 апреля 1665 г. воевода С.С. Ушаков получил указ о строительстве приказной избы городскими и уездными людьми.[974] Однако в 1668/69 г. шуяне жаловались, что воеводский и губной дворы они вынуждены строить одни, а также «в съезжую избу и на воеводской двор дрова и лучину и всякую посуду» покупают сами.[975] Положение было исправлено.[976] Однако в 1678/79 г. шуяне жаловались, что стряпчий Николо-

---

[970] Балахонские «соляные прасолы» А.А. Перелыгин и А.Я. Глухов жаловались на шуйского воеводу Т.Л. Облезлова, который в 1623 г. посадил их в тюрьму и «вымучил» 30 р. 19 апреля 1673 г. воевода И.С. Ушаков безвинно арестовал крестьянина с. Телешова, и держал его «в приказе за приставом трое сутки». 5 апреля 1664 г. дуниловцы жаловались на заключение воеводой в тюрьму двух крестьян. 21 сентября 1672 г. С.В. Козынский бил челом на воеводу Г.В. Буйнова, обвиняя его в безвинном заключении в тюрьму его людей. В 1693/94 г. крестьянин с. Гориц жаловался на воеводу Н.И. Козлова, который не заплатил ему денег за покупку: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 23. – С. 51-52; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 180. – Л. 1-1 об.; ЛЗАК. Вып. 26. – № 402, 487. – С. 260, 272; Историко-юридические акты XVI-XVII вв. – № 78/5, 6, 9. – С. 44-45.

[971] ЛЗАК. Вып. 26. – № 323. – С. 251.

[972] НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 10. Л. 1.

[973] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 28 а. – С. 173-174. 21 марта 1653 г. ему была выдана грамота, разрешавшая править деньги на ослушниках.

[974] ЛЗАК за 1918 г. Вып. 31. – Пг.: Типография Первой Петроградской трудовой артели печатников, 1923. – № 11. – С. 211. Хранится: Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 111. Оп. 1. Д. 11.

[975] Там же. Т. 2. – № 93. – С. 118-119; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 155. – Л. 1-1 об.

[976] В составлении ценовной росписи на строительство воеводского двора 17 августа 1669 г. принимали участие не только шуяне, но и земские старосты вотчины Николо-Шартомского монастыря, а также с. Ярлыкова: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 157. – Л. 1-1 об. В рядной записи плотников на строительство воеводского двора в Шуе от 14 июля 1675 г. в качестве подрядчика также выступала не только посадская община, но и земские старосты вотчин

Шартомского монастыря Ф.И. Лызлов и монастырские старосты в шуйской приказной избе «тое грамоту опорочили» и «чинятся силны» ей.[977] 7 июня 1693 г. воевода Н.П. Козлов сообщал, что «в Шуе на воевоцком дворе всякое хоромное строенье згнило и обвалилос и жить не мочно». 14 августа он получил указ, предписывавший «того строенья осмотрет и описат з градцкими и с уездными лутчими людми», оценить стоимость починки «и тому строенью осмотр и сметную роспис прислат к Москве».[978]

Механизм организации сбора средств на строительство воеводского двора раскрывает память от 5 июня 1702 г. шуйскому воеводе И.Г. Кашинцеву. 27 апреля последний прислал в Разряд сметную роспись, по которой расход на «строенье» воеводского двора и приказной избы должен был составить 225 р. Соответственно, раскладка по уезду должна была составить по 8 д. с двора. Земским бурмистрам было указано «в том сборе и строении быть послушными» воеводе, а 23 июня велено «к тому сбору и строенью выбрать из шуян посацких людей и из уездных крестьян человек трех или четырех самых добрых людей».[979]

Подводя итоги исследованию взаимодействия воеводской администрации и шуйской посадской общины в XVII в., можно выяснить, что именно ей шуяне отдавали явное предпочтение. Она вызывала значительно большее доверие, чем губная администрация, не говоря уж об экстренных чиновниках, появление которых в городе рассматривалось, как жестокое наказание. Этому способствовала сменяемость воевод: в случае сигнала о злоупотреблениях власть реагировала достаточно оперативно. Иная ситуация складывалась с губным старостой[980]. Между представителями этих должностей велась острая борьба за сферу уголовного

Николо-Шартомского и Суздальского Покровского монастырей (с. Ярлыкова): *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 132. – С. 150-152.

[977] Монастырские крестьяне «в приказную избу в сторожа и в дрова и в лучину и в подводы и в провожатые нам не помогают и подможных денег не платят», тогда как остальные сошные люди «в те росходы подможные денги платят по прежнему»: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 14. Л. 1-2. Датируется по времени совместной деятельности земского старосты А.И. Дурина и воеводы В.М. Козлова.

[978] НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 2. Д. 32. Л. 1-2.

[979] Эти лица должны были осуществлять контроль над сбором средств и их расходованием во время постройки: ВГВ. – 1879. № 18. – С. 4-5. Следовательно, средства на строительство собирались со всего уезда. Но в числе подрядчиков, как мы видели, упоминаются только крестьяне вотчин Николо-Шартомского и Покровского монастырей. Причиной использования представителей этих вотчин, было наличие в них развитых органов самоуправления.

[980] Само это лицо было ставленником местной служилой корпорации, но главное – его «выборность» (к тому времени в значительной степени являвшаяся фикцией) не предполагала такой возможности смены должностного лица.

судопроизводства, в которой посад встал на сторону воеводы. В результате уже к середине столетия губные старосты потеряли прежнее значение.

2.5. Приказная администрация в посаде: состав, значение, пути рекрутрования

Следует также остановиться на вопросе о воеводской администрации. Рассыльщики представляли собой низший разряд исполнительных лиц воеводской администрации. Согласно грамоте от 13 августа 1617 г. воеводе П.Ф. Волынскому, он должен был осуществлять изъятие улик и арест виновных именно с помощью рассыльщиков.[981] Умножать примеры нет необходимости – рассыльщики в качестве исполнителей фигурируют во всех мероприятиях воеводской власти.[982] Однако при отсутствии этих исполнительных лиц воевода не стеснялся использовать для подобных нужд посадских людей.[983]

Интересным представляется вопрос об их происхождении и условиях службы. В 1628 г. воевода Д.М. Овцын не мог отослать арестованного попа в Москву, поскольку у него не было рассыльщиков.[984] Следовательно, служба рассыльщиков была не постоянной. 9 сентября 1676 г. подьячий Афанасий Федоров представил роспись шуйских подьячих и розсыльщиков для присяги. Однако рассыльщик А.Г. Подрезов явился к нему с упреком: «на што де меня в роспись писал в розсыльщики».[985] Несомненно, упреки Федорову были связаны с желанием выйти из «государевой службы» в посад. Следовательно, должность рассыльщика не была ни наследственной, ни пожизненной. Она была ограниченна определенным сроком и исполнялась по найму.

---

[981] Архив СПб ФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. – Л. 1-5.

[982] Они выступали в роли полномочных представителей государства – 1 сентября 1665 г. шуяне во главе с земским старостой «поручилис друг по друге» в платеже таможенной пошлины на два года рассыльщику И.С. Щеголеву: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 64. Л. 1-3 об. В 1648/49 г. шуяне поручились по земскому старосте и целовальнику в платеже впредь откупа за «мыльные и дегтярные промыслы ежегод беспереводно» по наказу воеводы С.И. Змеева рассыльщику Ивану Осипову: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 4. Д. 52. Л. 1-1 об. После того, как отсутствовавший в Шуе 15 недель Л.Н. Нехорошево был посажен в тюрьму в мае 1670 г., трое шуян поручились за него рассыльщикам И.С. Щеголеву, И.Е. Шишигину и Степану Розмазину: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 24. Л. 1-1 об.

[983] В январе 1685 г. по подозрению в торговом мошенничестве была арестована вдова Степана Лисина. Ее дом был опечатан, и воевода А.А. Тархов велел земскому старосте «взят сторожи» к дому из посадских людей: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 258. – Л. 1-1 об.

[984] ПДП. – № 129. – С. 163-165.

[985] Свою позицию подьячий аргументировал тем, что в рассыльщиках умер отец Подрезова, да и сам он «ходил многое время»: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 133. – С. 152-153. В переписных книгах 1677 г. Подрезов не обозначен: его мать «жила бес тягла» с двумя сыновьями. При этом в челобитной от 30 апреля 1680 г. он именует себя посадским человеком и упоминает о собственном дворе: Там же. – № 165. – С. 428.

Происхождение определялось особенностями найма – поскольку он производился в уездном городе, большинство рассыльщиков были посадскими людьми. 28 ноября 1620 г. во дворе шуянина А.Ф. Дедерева «удавили» его брата, рассыльщика И.Ф. Дедерева.[986] Сам А.Ф. Дедерев также «стал в россылщики» в 1635/36 г.[987] Шуянин И.Я. Развозин был поставлен в рассыльщики в 1629/30 г. По «посадскому строению» И.Ф. Акинфова 1640 г. Развозин и дети Дедерева были сведены на посад, причем им были выделены дворы.[988] Рассыльщик Иван Шишигин (упоминается 26 сентября 1664 г.)[989] также был посадским человеком. 13 августа 1670 г. шуяне показывали, что на посаде живет старый солдат из охочих людей, И.С. Щеголев и «ходит в съезжей избе в розсылке».[990] Рассыльщик Степан Розмазин также был посадским человком.[991] Не все рассыльщики происходили из посадских людей, как свидетельствует пример И.О. Подреза.[992] Однако большинство их рекрутировалось из обедневших посадских людей, стремившихся с помощью «государевой службы» улучшить материальное положение.[993]

Более значительную роль в воеводском управлении играл подьяческий состав приказной избы. В переписи 1677 г. упоминаются подьячие: губной избы И.П. Воинов и съезжей избы – Г.И. Манатьин и Тимофей Федоров.[994] Все они проживали в своих дворах на тяглой земле.[995] Площадных подьячих вовсе не отмечено – Афанасий Глистин умер, как и Тимофей Погарков. Согласно переписи 20 октября

---

[986] Архив СПбФИРИ РАН. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. – Л. 1-1 об.

[987] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 65. – Л. 1. Упоминается в этом качестве 14 мая 1639 г.: РИБ. Т. 2. – № 9. – С. 724-747.

[988] РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. – Л. 509-509 об., 515-515 об. Следовательно, посадские дворы рассыльщиками были утрачены.

[989] ПДП. – № 166. – С. 190-191. Двор его вдовы упоминается в переписи 12 декабря 1677 г.

[990] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 114. – С. 134-135; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 165. – Л. 1-3 об. В сентябре 1677 г. они уточняли, что он не был поставлен в солдаты посадом: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 70. – Л. 1-2. Он в 1653/54 г. «был для торгового своего промыслу под Смоленским и в приступное время написался в охочие люди», поступив солдатом в полк Абрама Листьева. Поскольку он именуется «прежним» рассыльщиком, можно заключить, что Щеголев прекратил службу в съезжей избе и вернулся в статус посадского человека. Его брат В.С. Щеголев упоминается в переписных книгах 12 декабря 1677 г. Сам Щеголев обозначен без фамилии, как «Иван Семенов сын». Как посадский человек он обозначен в поручной по С.Г. Скорняку от 9 января 1678 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 152. – С. 421-422.

[991] В качестве рассыльщика упоминается 25 мая 1670 г. В переписных книгах 12 декабря 1677 г. именуется посадским человеком.

[992] Он упоминается в этом качестве 4 ноября 1631 г. и 8 августа 1646 г., однако избежал возвращения на посад в ходе строения И.С. Акинфова в 1640 г.: ПДП. – № 240. – С. 238; *Возилов В.В., Якушкин Г.Р., Якушкина М.М.* Новые актовые материалы…. № 5. – С. 72-73. Подрез был крестьянином и дворником в осадном дворе в Шуе дьяка И.И. Болотникова (позднее – его наследников Г.Н. и Л.А. Болотниковых).

[993] Об этом свидетельствует тот факт, что рассыльщики при поступлении на службу теряли посадские дворы.

[994] В описи Шуи воеводы В.М. Козлова 1677/78 г. упоминаются трое подьячих в приказной и губной избах, и площадной дьячок: ДАИ. Т. 9. – № 106. – С. 222.

[995] А Федоров также владел дворовым местом своего умершего тестя, посадского человека Емельяна Шишигина. Еще один двор подьячего съезжей избы Федора Иванова был пуст, поскольку тот умер.

1709 г. в Шуе в приказной избе имелось 4 «старых» подьячих (все они назначались указами из Разрядного приказа): В.Г. Манатьин (с 1690/91 г.), Петр Федоров (с 1705 г.), Петр Матвеев (с 1708 г.), и С.И. Попов (с 7 сентября 1703 г.), а также 3 «молодых»: Алексей Афанасьев (с 5 февраля 1701 г.), И.К. Сунгуров (с 1709 г.), Никита Иванов.[996]

Благодаря переписи апреля 1710 г. устанавливается происхождение посадских дворов подьячих. Их имели приказные подьячие В.Г. Манатьин, Петр Матвеев, Алексей Афанасьев, С.И. Попов, Иван Кузьмин и Тихон Федоров («а податей он никаких не платит»).[997] Манатьин жил во дворе, купленном своим отцом, Г.И. Манатьиным. У него же «по свойству на время» проживал подьячий И.К. Сунгуров. С.И. Попов и Тихон Федоров жили во дворах «на посацкой земле», Алексей Афанасьев – на посаде в своем купленном дворе, Иван Васильев – «на время по свойству» во дворе подьячего Никиты Иванова.[998] Матвеев кроме собственного двора, имел также половину двора посадского человека С.Г. Скорняка, которую купил у него в феврале 1710 г.[999] Судя по оговорке относительно Тихона Федорова, остальные должностные лица, проживавшие на посадской земле, обязаны были «подати платить и службы служить» вместе с посадскими людьми. Однако они регулярно уклонялись от этих обязанностей. В 1680/81 г. шуяне жаловались на подьячих Г.И. Манатьина и Тихона Федорова, которые живут «на посаде в тяглых дворех», но стрелецкие деньги платить отказываются.[1000] 15 июня 1718 г. шуяне в своей челобитной в числе обид от подьячего Петра Матвеева называли тот факт, что он живет в Шуе на посадской земле уже 30 лет, а «податей никаких не платит

[996] РГАДА. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 468. – Л. 4-5 об. Манатьин кроме двора на посаде имел осадный двор «в осыпи». К приказной избе относился и площадной подьячий Иван Кузьмин.

[997] Его сын Алексей был отправлен «с работными людми» в Санкт-Петербург в марте 1706 г. Таким образом, к посадским службам он привлекался. В деле о дворе шуянина С.С. Свешникова, который «построился домом своим на посацкой тяглой земле» в мае 1727 г., имеются сведения, что эта земля была пустой после пожара 1710 г., а до пожара ей владел приказной подьячий Тихон Федоров, который «со оной земли своим ослушанием никаких податей не платил»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 549. – Л. 1-2 об. Очевидно, освобождение Федорова от тягла имело иные причины: к 1709 г. ему было 76 лет, он ослеп на правый глаз, жена его умерла, а второй сын Иван ушел из дома еще в возрасте 20 лет.

[998] РГАДА. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 469. – Л. 8 об., 14 об., 16 об., 19, 19 об., 21, 35-40 об. Двор Никиты Иванова в описи пропущен.

[999] Скорняк обязывался освободить оставшуюся часть двора в июле, после чего «Семеново хоромное строенье будет сломано и припущено к моей Петрове половине и будет один двор».

[1000] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 360. – Л. 1. В данном случае речь шла о нововведенном налоге, заменявшем ряд других сборов. Этот факт свидетельствует о том, что практика привлечения приказных подьячих к посадскому тяглу была постоянной, и лишь в данном случае встретила их сопротивление. В то же время согласно росписи «доимки тяголных и полошных (за пашенную полосу – Е.Б.) денег» за 1679/80 г. Тихон Федоров уплатил 5 ал., а за 1677/78 г. аналогичная «доимка» с него составила 16 ал. 4 д.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 64. Л. 1-2.

насилством». Они просили также «доправить» на нем поборы «в завладении насилством» с 4 дворов и «тяглые дворы очистить».[1001] Таким образом, шуяне причисляли подьячих, имевших дворы на посадской земле, к своему «тяглу». Однако согласно мысли правительства, дворы подьячих выходили из тягла.[1002] На этот факт указывают обстоятельства дела о рекрутском наборе, память о котором поступила в Шую 1 июля 1707 г.[1003] Из его материалов можно заключить, что передача в земскую избу изменила статус подьячих: они были поверстаны в тягло, тогда как в качестве приказных подьячих его не исполняли.

Пути рекрутирования приказных помогает прояснить исследование института площадных подьячих. С 1633/34 г. площадное письмо на откуп получил шуянин Михаил Овдокимов, однако в результате целого ряда жалоб на мошеннические действия откупщика при составлении юридических актов, указом 9 января 1637 г. «площадное письмо» было передано на откуп посадским людям.[1004] По указу от 9 марта 1654 г. шуянам полагалось «тем промыслом кормитца без откупу и безоброчно».[1005] В конце XVII в. площадные подьячие находились в распоряжении воеводы.[1006] 28 апреля 1698 г. шуйский воевода Г.И. Тулубьев должен был передать «розыскные» дела в уезде сыщику И.Ф. Парфеньеву, предоставив ему «для посылок площадных подьячих».[1007] 7 августа 1698 г. Парфеньев предписывал подьячему Тихону Федорову отдать воеводе шуйского губного подьячего и двух губных целовальников, а для «посылок» взять у воеводы двух площадных подьячих. Также

[1001] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 621. – Л. 1-4. См. прил. 4. В результате было велено «доправить» с Матвеева «деньги по окладу» в захваченной им тяглой земле.

[1002] 28 марта 1720 г. шуяне получили указ отвести для постоя прибывшему в Шую судье двор умершего подьячего С.И. Попова: Там же. – Д. 640. – Л. 1-1 об. Следовательно, двор Попова не считался тяглым.

[1003] Сборщик И.Л. Тихменев должен был шуйских подьячих «кто угоден, написать в солдацкую службу»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 500. – Л. 1 об.-2 об. 21 августа 1706 г. шуяне сообщили, что подьячие И.Н. Михайлов и Б.Я. Коверин в 1699/1700 г. по государевым указам были взяты из приказной избы к земским бурмистрам для «письма росправных дел» и поверстаны в тягло, а Г.С. Болотов изначально был тяглым человеком: Там же. – Д. 479. – Л. 1 об.-2. Отец Михайлова был вологжанином, явился в с. Китово Шуйского уезда, где женился и стал попом, а отцы Коверина и Болотова происходили из посада.

[1004] Архив СПбФИРИ РАН. – Оп. 1. Д. 163. – Л. 1-4. См. прил. 5.

[1005] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 85. – С. 363; АЮБ. Т. 1. – № 55/13. – С. 273-274. Анализируя обстоятельства откупа площадного письма в Пскове, М.Б. Булгаков заключает, что «откуп этого промысла для псковичей был не средством обогащения, а возможностью сохранить свой источник существования». Причем если в Пскове откуп получила подьяческая корпорация, то в Шуе – весь «мир»: *Булгаков М.Б.* Псковские площадные подьячие в первой половине XVII в. // Псков. – 2004. № 20. – С. 66-69.

[1006] 19 февраля 1696 г. досмотр мертвого тела производили шуйский площадной подьячий Алексей Афанасьев, сторож приказной избы и губной целовальник: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 225. – С. 462-463.

[1007] Сборник Щукина. Т. 3. – С. 220-221.

предписывалось отставить из съезжего двора Матвея Григорьева с сыном.[1008] Эти данные позволяют установить происхождение приказных подьячих. Алексей Афанасьев (подьячий приказной избы с 5 февраля 1701 г.) до этого был площадным подьячим. Отставленный Парфеньевым из съезжей избы Матвей Григорьев также до этого был площадным подьячим.[1009] Подьячий съезжей избы Афанасий Федоров, упоминаемый 9 сентября 1676 г. также являлся площадным подьячим.[1010] Можно предположить, что братом его был Тихон Федоров, упоминаемый в переписи 1677 г., отцом – умерший подьячий съезжей избы Федор Иванов,[1011] а сыном – будущий подьячий съезжей избы Алексей Афанасьев. В сентябре 1690 г. по государеву указу шуйскому площадному подьячему И.Н. Михайлову «для малолюдства велено быть в приказной избе в молодых подьячих».[1012] Таким образом, подьячие съезжей избы рекрутировались непосредственно из площадных подьячих. Одинаковым было и их происхождение. Михаил Огрысков, упоминаемый в качестве приказного подьячего в 1652/53 г., был рекрутирован в эту должность из посадских людей.[1013] Посадским человеком был и площадной подьячий Т.М. Погарков, упоминаемый в переписи 1677 г.[1014] А.В. Репин, фигурирующий в качестве площадного подьячего в 1686 г.,[1015] в переписи 1677 г. также обозначен посадским человеком. Уже отмеченный Тихон Федоров был зятем посадского человека.[1016]

Таким образом, в большинстве своем чиновники приказной избы рекрутировалось из посадских людей. Н.Ф. Демидова отмечает проникновение подьячих в приказные избы из посадской среды именно для центрального и северного региона, и наследственность службы подьячих.[1017] Н.Н. Оглоблин также указывает, что основным источником пополнения дьяческого состава приказной

[1008] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 188. – С. 202-203.
[1009] Упоминается в феврале 1686 г.: Борисов В.А. Собрание трудов. Т. 2. – № 198. – С. 450-451; Сборник Щукина. Т. 1. – С. 126-127.
[1010] Это умерший Афанасий Глистин, упоминаемый в переписи 12 декабря 1677 г.
[1011] Упоминается еще в 1675/76 г.: Сборник Щукина. Т. 2. – С. 51.
[1012] *Оглоблин Н.Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII в. // ЖМНП. – Ч. 295. 1894, сентябрь, октябрь. – С. 146. После городовой реформы он был переведен из приказной в земскую избу.
[1013] Ф.Г. Огрысков упоминаются среди посадских людей 30 апреля 1655 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 1. – № 31. – С. 176-177; В.Г. Огрысков – 18 января 1671 г.: ПДП. – № 168. – С. 192; и в переписных книгах 1677 г.; П. Огрысков – 27 октября 1681 г.: *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 153. – С. 172.
[1014] Сын посадского человека М.В. Погаркова, отмеченного в переписных книгах 1646 г.
[1015] Там же. – № 198. – С. 450-451; Сборник Щукина. Т. 1. – С. 126-127.
[1016] Его собственное происхождение устанавливается благодаря сказкам от 25 февраля 1670 г. и 1675/76 г. – он именуется посадским человеком: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 162. – Л. 1; Там же. – Д. 203. – Л. 1-1 об.
[1017] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия… С. 63-67.

избы были местные площадные подьячие. Площадные подьячие находились в распоряжении воеводы и утверждались по личному челобитью согласно «указному числу».[1018] Эта ситуация фиксируется для второй половины XVII в. В первой половине столетия происхождение площадных подьячих определялось держателем «откупной статьи»: в подавляющем большинстве случаев эта была посадская община.[1019] В качестве подьячего приказной избы впервые фиксируется И.К. Свиньин: 22 января 1648 г. и 2 марта 1649 г. он получил «подможные деньги» с шуйского посада (размер «подмоги» определялся специальным указом из Разрядного приказа).[1020] Судя по всему, Свиньин был первым представителем этой должности в Шуе, и назначен на нее он был по просьбе воеводы. Он также был рекрутирован из посадских людей.[1021] Основанием для назначения подьячего в приказную избу служила личная челобитная «ищущего подьячества» лица, подкрепленная «выбором» всего уезда. О порядке назначения шуйских подьячих свидетельствует челобитная подьячих съезжей избы А.Ф. Глистина, Федора Иванова и площадного подьячего Тихона Федорова на «ведомова плутишка» бездомовного шуянина Т.М. Погаркова, который за «плутовство» был отставлен «от всякова писма» в 1670/71 г., но «хвалитца насилством быт в Шуе в съезжей избе у писма» без царского указа и без «выбору».[1022]

Подьячие могли назначаться разными путями – по личному челобитью, челобитью воеводы, или уездных людей, однако на них всех требовался «выбор», гарантировавший их лояльность местному населению. В случае недовольства любое лицо и сословная группа могла выразить его в челобитной.[1023] Окончательное

[1018] *Оглоблин Н.Н.* Происхождение приказных подьячих… С. 141-150, 235-241.

[1019] Новая система была установлена после отмены откупов в 1654 г.

[1020] Эта практика, несомненно, вела происхождение от «подмоги» губным служителям, но санкционировалась не общиной, а государством (она именуется «государевым жалованьем подмогой»). В обоих случаях сумма начислялась по грамоте из Разряда исходя из посадского сошного оклада «живущего з 25 чети пашни». Выплачивалась она земским старостой, причем не в приказную избу, а непосредственно целовальнику (что было обусловлено его посадским происхождением). Причем за год сумма «подмоги» резко изменилась в сторону увеличения: с 1 р. 75 к. до 2 р. 80 к.: НИОР РБГ. Ф. 67. Оп. 1. К. 6. Д. 7. Л. 1-2.

[1021] Он был сыном влиятельного посадского человека К.К. Свиньина. В этом качестве он фиксируется в росписи от мая 1658 г.: РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 56. Л. 5. Впервые в качестве приказного подьячего И.К. Свиньин упоминается в отписи о приеме с посада «малой ямщины» и пищальных денег т 30 ноября 1648 г.: НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 35. Л. 2.

[1022] На подьячих съезжей избы имелись «выборы», а на Тихоне Федорове «собраны в поручную запис шуяня добрые люди»: РГАДА. – Ф. 1641. Оп. 1. Д. 66. – Л. 1-1 об. См. прил. 6.

[1023] Шуяне жаловались на Михаила Огрызкова и просили не назначать его подьячим в шуйскую съезжую избу во избежание составления им поклепных исков на посадских людей: ЛЗАК. Вып. 26. – № 234. – С. 241. Датируется по сроку исполнения должности земским старостой И.П. Смоляниным 1652/53 или 1664/65 гг.

утверждение подьячий получал после предоставления «выбора». Это никак не проясняет весьма острого для посада вопроса о тягле лиц, поступивших в подьячие. Как мы уже выяснили, большинство подьячих рекрутировалось их посадских людей. Поскольку они были «государевыми слугами», то от тягла должны были освобождаться. Однако посад стремился привлечь их к тяглу. Это удавалось осуществить с переменным успехом, о чем свидетельствует ситуация Тихона Федорова.[1024] Иная ситуация сложилась с подьячим Петром Матвеевым, который в начале XVIII в. уклонялся от тягла вследствие значительного административного влияния.

Чиновники приказной избы на первый взгляд представляются фигурами несамостоятельными, поскольку рекрутировались из посадских людей, кормившихся «площадным письмом». Но следует учитывать, что они постоянно оставались на месте, в отличие от должностных лиц, назначенных из центра. Знание местной обстановки выводило именно их на первый план во взаимоотношениях с земской администрацией. В результате подьячие приказной избы приобретали весьма серьезные полномочия: воеводы не могли обходиться без них в делопроизводстве.[1025]

О процессе увеличения роли в управлении приказных подьячих свидетельствует целый ряд казусов конца XVII – начала XVIII вв. Прежде всего, с начала 1670-х гг. они отторгают у земских целовальников право приема налоговых сборов с посада.[1026] В 1681/82 г. шуяне жаловались на приказного подьячего Г.И. Манатьина,[1027] который им «обиду и налогу чинит большую» и просили отставить

[1024] В 1727 г. посадские люди утверждали, что он не платил тягла «своим ослушанием», однако казус с отсылкой его сына в петербургские работники указывает на участие его в тягле.

[1025] Подьячие также становились участниками воеводских афер. Д.И. Давыдов в 1675/76 г. сообщал, что подьячий съезжей избы, посланный для «сыску» спорной пустоши Яблоннова «взяв посулы великие» с противников Давыдова, приводит к ним в дом «обыскных людей» и «поя вином», пишет их обыскные речи, благоприятные для последних. В 1686 г. возникло дело о спорных землях, на которые претендовали кн. М.А. Черкасский и кн. П.М. Долгоруков. Шуйский воевода Ф.И. Пивов с подьячим Г.И. «Пьяным» Манатьиным «ради мзды своей в этом деле «дружил и норовил» Долгорукову: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 269. – Л. 1-1 об.; Сборник Щукина. Т. 2. – С. 51.

[1026] До этого «большая» и «малая» ямщина, деньги за стрелецкий хлеб, пищальные полоняничные сборы с посада взималась земскими целовальниками (26 актов, последний – 20 августа 1666 г.). В одном случае (отпись в принятии ямских денег от 14 декабря 1635 г.) упоминается земский подьячий, еще в одном (отпись в принятии ямских и пищальных денег от 30 ноября 1647 г.) – подьячий съезжей избы. В следующий раз подьячий съезжей избы упоминается в отписи о принятии ямских и пищальных денег от 11 января 1668 г. В феврале 1668 г. ямские деньги с посада принял земский целовальник, но уже 17 августа 1671 г. ямские и пищальные деньги вновь были приняты подьячим съезжей избы. В дальнейшем именно представители этой должности занимались приемом этих пошлин (7 актов, последний от июня 1678 г.): НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 5. Д. 59. Л. 1-5 об., 7-8 об; Там же. К. 5. Д. 33. Л. 1-6 об., 8-16 об.; Там же. К. 5. Д. 35. Л. 1-2 об., 5-16 об.; Там же. К. 5. Д. 39. Л. 1-1 об.

[1027] Он был единственным в Шуе подьячим «со справою», представляя собой фактически товарища воеводы: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия… С. 164.

его от дел.[1028] С этой жалобой связана и челобитная на воеводу Н.П. Вяземского, который посадских людей «бьет и увечит и в приказ и за решотку сажает».[1029] Г.И. Манатьин стал настолько важной фигурой в Шуе, что 10 октября 1699 г. был назначен губным старостой. Реальных полномочий он не получил, в сентябре 1700 г. был придан в товарищи сыщику И.С. Засекину, а 4 февраля 1701 г. был получен указ о его высылке в Москву.[1030] Преемником Манатьина стал бывший губной подьячий Петр Матвеев. Он демонстрировал весьма пренебрежительное отношение к земской администрации.[1031] С 3 апреля 1706 г. апреля подьячие приказной избы Петр Матвеев и С.И. Попов были переведены в земскую избу. Им надлежало вести книги записи «крепостных всяких дел», но эти книги Матвеев вел у себя дома и денег к отчету не предоставил.[1032] В челобитной на Матвеева от 15 июня 1718 г. шуяне приводили весьма длинный перечень своих «обид» от него за 12-летний срок: безвинное заключение в тюрьму ряда лиц, сопровождавшееся избиениями и пытками. Как мы видели выше, подобные расправы представляли собой рычаг для получения взяток.[1033]

Таким образом, к рубежу XVII-XVIII вв. подьячие приобретают большое влияние в управлении. Мы не имеем данных о наличии в Шуе приказных подьячих в первой половине столетия. Это свидетельствует о появлении их сравнительно поздно. Несмотря на свое «земское» происхождение, подьячие оказываются отделены от посадской общины и защищают лишь свои интересы. Это служило составляющей и их карьерного роста, и улучшения имущественного благосостояния. В результате «старые» подьячие, отмеченные в переписи 1710 г., в имущественном отношении серьезно отличались от большинства посадских людей.[1034]

[1028] *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. – № 169. – С. 186-187.

[1029] Там же. – № 182. – С. 439. Датируется по службе Ламанова земским старостой. Е.Г. Вопилин и В.И. Баделин в одном случае датируют ее июлем-августом 1682 г. (*Борисов В.А*. Собрание трудов. Т. 1. – Прим. 2.11. – С. 281), а в другом – до смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. (Там же. Т. 2. – Прим. 182. – С. 532). В данном случае воевода и подьячий действовали в тандеме, но по этой жалобе Манатьин был отстранен воеводой от дел, что свидетельствует об оперативном урегулировании конфликта: ЛЗАК. Вып. 26. – № 556, 557. – С. 281.

[1030] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 397. – Л. 1-1 об.

[1031] Еще 30 декабря 1700 г. земский подьячий Иван Михайлов просил о снятии ответственности за дела, которые берет на дом подьячий Петр Матвеев: ЛЗАК. Вып. 26. – № 715. – С. 302.

[1032] ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 483. – Л. 1-1 об.

[1033] В 1715 г. помещики Шуйского уезда жаловались на него ландрату А.В. Татищеву, в результате чего «вотчины и двор» Матвеева были отписаны на государя. Но новый ландрат, Я.Г. Сытин вновь предоставил Матвееву право «управлять всякие дела»: ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 621. – Л. 1-4.

[1034] В.Г. Манатьин имел во дворе 8 крепостных людей, Петр Матвеев – 6 крепостных людей, а также купленных – крестьянского сына и целую семью крестьянина сц. Крапивнова (он платил с его тяглового жеребья «обще з

Исследование вопроса о взаимодействии посада с воеводской администрацией свидетельствует, что представление о всевластии воевод, сложившееся в историографии, сильно преувеличено.[1035] Воевода оказывался под сильным приказным контролем – в случае нарушения прав влиятельного тяглеца ему грозило неприятное расследование и снятие с должности. С другой стороны, он сталкивался с явным недостатком бюрократического аппарата, формировавшегося, прежде всего, засчет местных элементов, окончательно не утративших связи с посадом. Как свидетельствует практика, взаимодействие «приказной» и земской власти на месте определялось не авторитетом властного лица, а наличием у него реальной силы, которую он мог применить для защиты своих интересов. Учитывая тот факт, что количество приказной администрации было весьма незначительным, воеводам и губным старостам нелегко было осуществлять действия в ущерб посадскому миру. Кроме того, практически все представители низшей администрации рекрутировались из посадской среды, а губные служители кроме казенного «жалования» получали «подмогу» от посада, гарантировавшую их лояльность «миру». В результате, в течение всего XVII в. случилось лишь три серьезных конфликта посадской общины с воеводской администрацией. Это заставляет солидаризироваться с выводом, высказанным в свое время В.А. Александровым и Н.Н. Покровским на материалах Сибири: «миры» (в нашем случае – шуйская посадская община) играли немалую роль в местном управлении, а воевода являлся своеобразным «буфером» во взаимоотношениях центральной власти и «мира».

другими крестьяны всякие денежные подати»), С.И. Попов – 3 крепостных людей. А.В. Жуковская установила, что предпринимательский элемент занимал в деятельности севских подьячих не менее важное место, чем подьяческий труд. В связи с этим она полагает, что их фактическая причастность к приказной работе «в ряду элементов самоидентификации могла уступить место их роли представителей местной городской элиты»: *Жуковская А.В.* «Животы и промыслы» подьячих на рубеже XVII-XVIII вв. (на материале г. Севска) // Уральский исторический вестник. – 2011. № 3. – С. 55-63. В данном случае автор упускает из вида тот факт, что именно приказная работа позволяла подьячим столь успешно осуществлять предпринимательскую деятельность. Вследствие этого большую роль в их самоидентификации должны были играть все же чиновные различия, чем «экономическая общность» с местной элитой. Лишившись чиновных привилегий, подьячий рисковал выпасть из этой элиты в течение достаточно короткого времени.

[1035] Недаром Г.П. Енин (придерживавшийся, в целом, этого мнения) видел главное отличие воевод от кормленщиков в установлении над ними бюрократического контроля и отсутствии права осуществлять управление с помощью слуг: *Енин Г.П.* Воеводское кормление… С. 11.

Заключение

Особенности формирования состава шуйской посадской общины в XVII в. определялись ее гомогенным характером. В большинстве русских городов этой эпохи имелись более или менее значительные группы «белого» населения (служилые люди по прибору, государственные ремесленники, ямщики, а также жители частновладельческих слобод).[1036] В Шуе же крупные группы «белого» населения изначально отсутствовали. Церковные слободки в Шуе являлись не равноправным противником посада в борьбе за тяглецов, а своеобразным буфером, аккумулировавшим с одной стороны, обнищавшее посадское население, с другой – население окрестных сел, стремившееся в город. Нарастив хозяйственный потенциал, эти семьи включались в посадскую общину. Соответственно, колебания населенности церковных слободок отражают экономическое состояние посада в целом. В результате к концу XVII в. на церковной земле остаются лишь нищие, не принимаемые в общину. При этом фиксируется резкое увеличение населенности осадных дворов – засчет крестьян их хозяев.

Оценивая роль факторов, негативно влиявших на численность посадской общины, первое место следует отвести Смутному времени и эпидемии 1654 г. Стихийные бедствия (пожары) могли оказывать значительное влияние на хозяйство, но не на численность населения.[1037] В ходе наборов даточных людей и рекрутов выбирались самые маломощные члены мира.[1038] Мощный поток выхода из состава общины в конце 1610-х гг. связан с хозяйственным разорением в результате Смуты, однако в 1620-х гг. он был с лихвой перекрыт притоком «новоприходцев». Затем тенденция меняется, и снижение численности населения было компенсировано лишь строениями посада в 1640-1642 и 1649 гг. Причиной бегства в большинстве случаев были сложные экономические условия, лишь небольшая группа лиц стремилась улучшить условия производственной деятельности. Правительственные сыскные

[1036] Процесс оформления посадских людей как отдельного торгово-промышленного сословия, как раз и был связан с ликвидацией дихотомии посадского и «белого» населения.

[1037] Снижение численности населения и хозяйственные потери частично компенсировались льготами, предоставляемыми государством.

[1038] Самым сложным испытанием для посада оказался набор 1703 г., квота которого была явно неадекватна возможностям шуян.

мероприятия второй половины XVII в. если не перекрыли выход беглецов, то значительно осложнили его.

Рассматривая темпы роста населения, можно констатировать, что после эпидемии 1654 г. и восстановления числа дворов, их количество не растет, а с 1668 г. вплоть до 1715 г. прекращается и рост численности их населения. Этот факт был обусловлен не столько ограничением перехода, введенного Уложением 1646 г. (это не помешало посаду в короткое время восстановить численность населения после эпидемии 1654 г.), сколько появлением сельских торгово-промышленных центров: они стягивали большой процент беднейшего сельского населения, ранее стремившегося в посад. Оценивая «новоприходцев», пополнявших посад до конца 1660-х гг., следует определить их основную часть как беднейшую группу крестьянского населения, а вот стремление в посад деревенской «верхушки» вызывает большие сомнения. Процесс разделения дворов искусственно ограничивался общиной и «высвобождался» лишь экстремальными обстоятельствами. Этот процесс явился реакцией на усиление феодального гнета – посад санкционировал выделение лишь обладавших достаточной тягловой мощью семей. Еще одним следствием этого было сокращение общиной практики освобождения от тягла.[1039]

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. в Шуе наблюдается процесс замены свободной наемной рабочей силы крепостными людьми, большая часть которых использовалась в качестве не работников на производстве, а слуг-помощников. Следовательно, структура производства в посаде была традиционной, а экономическая состоятельность достигалась посредством торговых оборотов. Это определяло социальную стратификацию. Согласно окладным книгам начала XVIII в., на посаде выделяются три достаточно устойчивых группы плательщиков: «молодшие» (70-70%), «середние» (20-25%) и «лучшие» (5%). Взаимный обмен между этими группами был постоянным, но не слишком большим. Динамика изменения экономического положения была достаточно равномерной, но постоянно существовала возможность резкого ухудшения имущественного положения. Одним

[1039] В результате в течение XVII в. расширяется категория «подсуседников»: обедневших посадских лиц – свободных пожизненных арендаторов части двора. Она исчезает в связи с резким увеличением оборота дворов и полудворов в посаде на рубеже XVII-XVIII вв.

из главных факторов подобных негативных «скачков» была смерть дворохозяина. Это указывает на незавершенность процесса формирования экономической структуры посада. Соответственно, в Шуе не существовало предпосылок для серьезных всплесков социального недовольства внутри мира. Единственный случай (1703 г.) связан с несправедливым распределением посадских служб и является характерным для города конца XVII – начала XVIII вв. [1040]

Вопрос о юридической природе посадской общины следует решать не столько с формально-государственной точки зрения, сколько с практической позиции общины по этому вопросу. Фактическим признаком принадлежности к миру было «посадское тягло». Оно давало лицу право на определенную долю участия в экономической и политической жизни общины и обеспечивалось системой поручных записей. Владельческие права общины определялись взаимодействием тягла и оброка. Тяглой землей община могла распоряжаться по своему усмотрению. Однако в случае отсутствия «крепости» на нее, земля считалась оброчной. Сам «мир» был склонен включать в число тяглой всю землю, находившуюся в хозяйственном обороте общины, таким образом сдерживая экономическую инициативу отдельных лиц.

Исследование органов самоуправления посадской общины убеждает в исключительной роли земской избы в структуре местного управления. Значительная часть вопросов общинного управления решалась именно на уровне земской избы. Вследствие этого число конфликтов личного интереса с общественным, вышедших на государственный уровень, было не слишком высоким. При невозможности внутреннего решения, земская изба вырабатывала определенную позицию и отстаивала ее в дальнейшем. Поскольку он аккумулировала информацию обо всех общественных конфликтах на достаточно обширных территориях, ее позиция играла решающую роль в судебном процессе. Так что она вполне «уравновешивала», если не «перевешивала» роль приказной администрации.

Обозрение административных взаимоотношений посада и уезда позволяет сделать определенные выводы о системе их связей. Никаких отношений подчинения

[1040] На наш взгляд, отсутствие конфликтов между социальными слоями напрямую связано с распространением «клиентской системы» в посаде: вертикальные связи (клиент-патрон) подавляли собой связи горизонтальные (между посадскими людьми одной статьи).

в данном случае не просматривается. Связь города и уезда имела исключительно тяглый характер. Город был буфером взаимодействия «земли» и власти, но никак не источником последней. Особые функции города породили систему государевых служб, организация которых была сосредоточена в нем. Эта система действовала во всех сферах общественной жизни: хозяйственной, политической, судебной и даже военной. Часть служб имела общеуездный характер, часть (хозяйственные) – исключительно посадский. Их организация преимущественно и определяла сферу городского тягла, коренным образом отличавшегося от сельского. Однако эта система не приводила к концентрации власти у городской общины, о чем свидетельствуют многочисленные конфликты относительно распределения тягла между городом и уездом. Сельская община обладала значительной самостоятельностью, что зачастую позволяло ей игнорировать сложившуюся систему распределения общеуездного тягла. Посад не имел реальных инструментов для политического контроля над уездом.

Рассматривая взаимоотношения посада и чиновников местного управления, можно сделать вывод, что шуяне явно отдавали предпочтение воеводской администрации. Она вызывала значительно большее доверие, чем губная администрация, не говоря уж об экстренных чиновниках. Свою роль в этом сыграла тенденция к резкой конфронтации шуян с губными старостами, наметившаяся еще в первые годы после Смутного времени. Враждебные действия губных старост по отношению к посаду вызывали недовольство не только шуян, но и шуйских воевод. Это привело к отторжению воеводами у губных старост права уголовного суда на посаде. Поскольку все гражданские дела находились в ведомстве воеводы, это привело к подчинению губного старосты воеводе при взаимодействии последнего с посадской общиной. Сокращение полномочий губных старост в Шуе уже в середине XVII в. привело к полной замене их воеводской администрацией. Московская администрация стремилась преодолеть конфронтацию, возникавшую между этими отраслями управления, с помощью реформ, однако вынуждена была сделать выбор в пользу воеводского управления.

Тенденция на отчуждение судебных прав у городской общины наметилась непосредственно после окончания Смуты. В качестве рычага давления

использовалось право «сместного суда», который в отличие от «земских судей», имел право производить воевода.[1041] Поскольку шуяне стремились добиться увеличения судебных прав воевод, можно думать, что система воеводского суда обрела весьма тесные и взаимовыгодные связи с посадским миром. Одновременно судебная практика свидетельствует, что разбирательство проводилось в присутствии посадских людей. Соответствие интересов посада и воеводы можно наблюдать и в вопросе об административной зависимости от Суздаля:[1042] подобные претензии встречали пассивное сопротивление шуян, поддержанное воеводами.

Несмотря на то, что уже с начала 1620-х гг. вся полнота судебной и исполнительной власти над посадом оказалась сосредоточена в руках воевод, случаев их явного злоупотребления, вызывавших челобитные на них от посадского мира, зафиксировано немного, а часть их имела определенный политический подтекст: воевода выступал на стороне одной из посадских группировок. Конфликтная практика свидетельствует, что община имела в руках серьезные орудия политической борьбы, позволявшие привлечь к ответственности воеводу, но конфликт был невыгоден для обеих сторон.[1043] Кроме того, воевода был тесно связан с местной общиной и экономически (кормление), и политически. Приказная администрация была важнейшим инструментом, без которого воеводское управление было немыслимо. Знание местной обстановки выводило чиновников приказной избы на первый план в местном управлении, а подавляющее большинство их имело посадское происхождение. Они стремились отделиться от посадской общины, поскольку это служило составляющей их карьерного роста. Однако этот процесс вызывал для них некоторые затруднения, поскольку община имела определенные механизмы контроля над ними.

Анализ конкретных коллизий всего XVII в. свидетельствует, что представление о всевластии воевод, сложившееся в историографии, сильно преувеличено. В случае нарушения прав влиятельного тяглеца воеводе грозило

[1041] Это позволяло избежать затяжки судебного процесса и увеличения финансовых издержек, связанных с его переносом его в столицу.

[1042] Поскольку до последней четверти XVI в. Шуя была его пригородом, суздальская администрация неоднократно заявляла права на судебную и податную самостоятельность Шуи.

[1043] Иная ситуация складывалась с губным старостой – его «выборность» не предполагала такой возможности смены должностного лица.

неприятное расследование и снятие с должности. С другой стороны, он сталкивался с явным недостатком бюрократического аппарата. Кроме того, практически все представители приказной администрации рекрутировались из посадской среды. В результате в течение всего XVII в. случилось лишь три серьезных конфликта посадской общины с воеводской администрацией, причем два из них окончились примирением с посадом еще до вмешательства третьей стороны.

Вся совокупность фактов, выявленных нами, характеризует посадскую общину конца XVI – начала XVIII вв. как важнейший организм социально-политической структуры государства. Она выступала в качестве одной из несущих опор при выстраивании государственной политики на местах. При скудости аппарата принуждения реализация любых преобразований была невозможна без опоры на местные «миры», а в условиях развитого поместно-вотчинного землевладения наиболее эффективной опорой государства являлась именно посадская община.[1044] При этом не приходится говорить об «искусственности» русского города, на которой настаивал ряд представителей дореволюционной историографии. Исследование шуйской посадской общины конца XVI – начала XVIII вв. свидетельствует о достаточно устойчивом и традиционном характере этого социально-политического организма. Можно предполагать его происхождение непосредственно от городской общины «черных людей» XIV-XV вв., а вот мнение П.П. Смирнова о смене в середине XV в. «вотчинного» города «слободским» представляется необоснованным.

С другой стороны, тяглый характер общины оказывал влияние на все стороны ее жизнедеятельности. При этом именно XVII в. дает возможность «в реальном времени» наблюдать за процессом увеличения феодальной эксплуатации, выражавшемся в повышении объема «государева тягла» (прямых и косвенных налогов, натуральных повинностей и земских служб). Если глобально определять процесс социально-экономического и политического развития посадской общины от конца XVI к началу XVIII вв. можно сказать, что она постепенно теряет политические права, зато приобретает экономическую власть. Этот процесс явился прямым следствием выстраивания сословной структуры общества в условиях

[1044] Разумеется, это относится, прежде всего, к землям Центра, поскольку и южное приграничье, и черносошный Север имели иную социальную структуру, значительно отличавшуюся от классического уезда Восточного Замосковья.

абсолютизма. В результате именно тягло становится определяющим фактором формирования и социально-политической и экономической структуры общины. Соответственно, уже с первых десятилетий после Смуты посадская община предстает, как достаточно замкнутый организм, жестко контролирующий экономическую инициативу отдельных лиц, фактически – определявший для них «предельную» степень экономического развития.[1045] Этот механизм представлял собой систему «самозащиты» общины от распада: крупный тяглец мог не только захватить политическую власть, подавляя конкурентов, но в конечном счете стремился выделиться из общины и войти в более сильную корпорацию (гостиные и суконные сотни). Одновременно тягло заставляло «сворачивать» традиционные общинные механизмы поддержки малоимущим, которые либо теряли часть прав, либо вынуждены были искать лучшей доли в других местах.

Результатом процесса «консервации» тяглой общины стало то, что государство определяло пути дальнейшего экономического и политического развития посада, зачастую в связи с требованиями момента. Главным направлением государственных потребностей на протяжении следующего столетия было увеличение дохода, в результате чего городские реформы имели в большей степени экономическое значение. В этом смысле именно государственные потребности во многом определяли не только социально-экономическое, но и общественно-политическое развитие общины. Эта концепция хорошо укладывается в теорию Л.В. Милова, согласно которой ограниченный объем совокупного прибавочного продукта общества рассматривается как фактор, обусловивший специфику развития российского социума. Небольшой объем совокупного продукта предопределял жесткие механизмы его изъятия у непосредственных производителей. Основой этого механизма уже с XVI в. становится тяглая община, на следующие три столетия определившая особенности исторического развития России.

[1045] Не случайно в потоке беглых в первой половине XVII в. среди основной массы маломощных тяглецов выделяется небольшая группа состоятельных лиц, стремившихся освободиться от гнета общины.

Список источников и литературы

Источники

Архивные источники

Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (Архив СПбФИРИ РАН).

1. Ф. 21 (Коллекция В.А. Борисова). Оп. 1. Д. 3, 5, 7, 8, 10, 22, 23, 27, 31, 35, 47, 49, 55, 56, 57, 60, 64, 78, 90, 91, 95, 96, 98, 155, 157, 163, 168, 181, 202, 245, 257, 258, 282, 287, 336, 347, 386, 395, 405, 416, 420, 455, 457, 466, 582.

Ф. 260 (Коллекция Н.К. Никольского). Оп. 1. Д. 25.

Государственный архив Ивановской области (ГАИО).

2. Ф. 324. (Коллекция Я.П. Гарелина). Оп. 1. Д. 5, 6, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 36 а, 37, 38, 39, 40, 41, 45, 52, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 63, 67, 69, 70, 71, 73, 78, 81, 84, 90, 96, 97, 101, 103, 106, 107, 110, 111, 116, 118, 119, 120, 124, 126, 129, 135, 137, 138, 139, 141, 142, 147, 148, 150, 152, 153, 154, 155, 157, 160, 162, 165, 166, 168, 171, 178, 180, 182, 184, 185, 192, 197, 201, 202, 203, 204, 209, 210, 215, 216, 233, 234, 235, 239, 240, 258, 263, 269, 270, 271, 274, 280, 284, 288, 291, 304, 311, 320, 323, 326, 329, 330, 333, 334, 336, 341, 342, 344, 358, 359, 360, 372, 377, 380, 382, 384, 387, 392, 395, 396, 397, 398, 400, 406, 407, 409, 410, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 425, 426, 428, 429, 430, 431, 432, 435, 436, 438, 440, 441, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 456, 458, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 483, 486, 487, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 500, 501, 504, 505, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 516, 517, 521, 522, 523, 524, 525, 528, 529, 530, 533, 537, 538, 539, 540, 543, 546, 547, 548, 549, 551, 557, 558, 561, 562, 564, 565, 567, 568, 571, 572, 574, 577, 579, 580, 581, 586, 594, 597, 600, 601, 602, 604, 605, 606, 607, 608, 611, 616, 620, 621, 624, 625, 635, 637, 638, 640, 642, 643, 648, 650, 651, 656, 657, 659, 660, 661, 665, 668, 675, 678, 679, 680, 691, 694, 696, 704, 713, 715, 717, 718, 722, 723, 724, 734, 733, 740, 741, 743, 747, 753, 754, 763, 765, 769, 770, 771, 772, 774, 775, 783, 1004, 1009, 1010, 1014, 1021, 1069; Оп. 2. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 43, 47, 48, 51, 52, 53, 54, 58, 65, 69, 76, 78, 79, 80, 90, 93, 96, 118, 129, 135,

165, 172, 181, 201, 202, 205, 209, 210, 213, 215, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 321, 322.

3. Ф. 32. (Коллекция Д.Г. Бурылина). Оп. 1. Д. 2, 9, 12, 15, 18, 26, 45, 46, 48, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 61, 62, 72, 74, 75.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

4. Ф. 1641 (Шуйская приказная изба). Д. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 20, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 50, 56, 57, 58, 62, 63, 65, 66, 64, 67, 68, 69, 70, 73, 71, 72, 75.

5. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 468, 469, 470.

6. Ф. 1209 (Архив прежних вотчинных дел). Оп. 1. Д. 11324, 11329, 11330.

7. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО).

8. Ф. 575 (Суздальский женский Покровский монастырь). Оп. 1. Д. 17, 84, 231.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

9. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 3, 31, 34, 39, 45, 49, 66, 67, 80, 81, 98, 104, 106, 109, 113; К. 2. Д. 30, 32, 37, 46, 48, 62, 83, 88, 91; К. 3. Д. 1, 5, 10, 11, 51; К. 4. Д. 6, 8, 15, 21, 29, 46, 48, 50, 52, 57, 61, 62, 63, 66, 71; К. 5. Д. 2, 6, 12, 14, 31, 33, 35, 39, 52, 53, 59, 63, 62, 64, 66, 67, 68; К. 6. Д. 3, 7, 10, 14, 16, 22, 25, 26, 30, 60, 62, 64, 66, 69, 71, 77, 84, 86, 88; К. 7. Д. 4, 9, 12, 24, 46, 89; К. 8. Д. 50, 51.

Законодательные источники

10. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Ред. Н.Ф. Дубровин. Т. 3. Кн. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – 1571 стб.

11. Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1994. – 479 с.

12. Памятники русского права. Вып. 5. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. – 668 с.; Вып. 6. – М., 1857. – 504 с.; Вып. 7. – М., 1963. – 511 с.; Вып. 8. – М., 1961. – 667 с.

13. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. – 1041 с.; Т. 2. – СПб, 1830. – 976 с.;

Т. 3. – СПб., 1830. – 690 с.; Т. 4. – СПб., 1830. – 884 с.; Т. 5. – СПб., 1830. – 780 с.; Т. 6. – СПб., 1830. – 815 с.

14. Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1984. – 519 с.; Т. 3. – М., 1985. – 512 с.; Т. 4. – М., 1986. – 512 с.

15. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.

Мемуарные источники

16. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. – СПб.: Археографическая комиссия, 1884. – 260 с.

Кадастровые документы

17. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра в Московском государстве / Ред. С.Б. Веселовский. Т. 2. – М.: ОИДР, 1917. – 490 с.

18. Писцовые книги Восточного Замосковья / Сост. Зенченко М.Ю., Воскобойникова Н.П., Иванова Г.А., Кадик В.А., Маштафаров А.В. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 542 с.

Делопроизводственные и актовые источники

19. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. – СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. – 613 с.; Т. 2. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1841. – 475 с.; Т. 3. – СПб., 1841. – 520 с. ; Т. 4. – СПб., 1842. – 588 с.; Т. 5. – СПб., 1842. – 560 с.

20. Акты Московского государства. Т. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. – 766 с.; Т. 2. – СПб., 1894. – 773 с.; Т. 3. – СПб., 1901. – 671 с.

21. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. – 776 стб.; Т. 2. – СПб., 1864. – 872 стб.; Т. 3. – СПб., 1884. – 522 стб.

22. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / Ред. С.Б. Веселовский. – М.: ОИДР, 1911. – 228 с.

23. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества / Собрал и издал А.И. Юшков. Т. 1. – М.: Университетская типография, 1898. – 432 с.

24. Акты служилых землевладельцев. Т. 1. – М.: Археографический центр, 1997. – 432 с.; Т. 2. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 608 с.; Т. 3. – М.: Древлехранилище, 2002. – 680 с.; Т. 4. – М.: Древлехранилище, 2008. – 632 с.

25. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1836. – 526 с.; Т. 2. – СПб., 1836. – 409 с.; Т. 3. – СПб., 1836. – 522 с.; Т. 4. – СПб., 1836. – 521 с.

26. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1838. – 494 с.

27. Новые актовые материалы по истории города Шуи и Шуйского уезда / Публ. В.В. Возилова, Г.Р. Якушкина, М.М. Якушкиной // Интеллиигентоведение и регионоведение. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2012. – С. 59-80.

28. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых / Публ. А.Д. Голохвастова // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. (ЧОИДР). – 1847. Т. 4. – М.: Университетская типография, 1847.

29. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1846. – 432 с.; Т. 2. – СПб.: Типография Эдурада Праца, 1846. – 293 с.; Т. 3. – СПб., 1848. – 553 с.; Т. 4. – СПб., 1851. – 437 с.; Т. 5. – СПб., 1853. – 527 с.; Т. 6. – СПб., 1857. – 500 с.; Т. 7. – СПб., 1859. – 383 с.; Т. 8. – СПб., 1862. – 358 с.; Т. 9. – СПб.: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1875. – 354 с.; Т. 10. – СПб.: Типография Эдурада Праца,1867. – 504 с.; Т. 11. – СПб., 1869. – 312 с.; Т. 12. – СПб.: Типография В.В. Прац, 1832. – 447 с.

30. Историко-юридические акты XVI-XVII вв. / Собр. М.И. Семевский. – СПб.: Типография В. Балашева, 1892. – 71 с.

31. Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. – Вып. 26. –СПб.: Типография М.А. Александрова, 1914. – 483 с.; Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Вып. 31. – Пг.: Типография Первой Петроградской трудовой артели печатников, 1923. – 450 с.

32. Явочные челобитные 1568-1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря / Публ. А.В. Маштафарова // Русский дипломатарий. Вып. 9. – М.: Древлехранилище, 2003. – С. 273-338.

33. Описание актов собрания графа А.С. Уварова / Сост. И.М. Катаев, А.К. Кабанов, М.В. Довнар-Запольский. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. – 667 с.

34. Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / Ред. С.И. Котков. – М.: Наука, 1984. – 367 с.

35. Русская историческая библиотека. Т. 2. – СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1875. – 1234 стб.; Т. 10. – СПб.: Типография МВД, 1886. – 587 с.; Т. 23. – СПб.: Сенатская типография, 1904. – 1730 стб.; Т. 35. – Пг.: Типография Министерства земледелия, 1917. – 1340 стб.

36. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Т. 1. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1896. – 152 с.; Т. 2. – М., 1897. – 310 с.; Т. 3. – М., 1897. – 349 с.; Т. 4. – М.,1898. – 243 с.

Периодическая печать

37. Владимирские губернские ведомости. – 1840. № 11. – С. 43-44; 1854. № 35. – С. 273-275. № 36. – С. 281-282; № 37. – С. 289-291; 1859. № 12. – С. 51-52; № 38. – С. 154-155; № 47. – С. 199-200; 1860. № 4. – С. 19-20; № 43. – С. 199-201; 1862. № 18. – С. 75-76; № 37. – С. 136-137; 1864. № 13. – С. 56-57; № 20. – С. 102-106; № 22. – С. 109; № 24. – С. 133-136; № 27. – С. 156-158; № 35. – С. 230-231; № 36. – С. 236; № 44. – С. 304-306; 1865. № № 20. – С. 120-121; 1868. № 24. – С. 2-3, № 40. С. 3; № 43. – С. 5; 1870. № 9. – С. 2; № 10. – С. 2-3; 1871. № 18. – С. 2-3; № 19. – С. 3-4; 1873. № 23. – С. 2; № 42. – С. 2-3; № 43. – С. 1-2; 1874. № 3. – С. 2-3; № 6. – С. 3; № 13. – С. 1; № 14. – С. 1; № 18. – С. 3; № 31. – С. 3; № 32. – С. 1-4; № 35. – С. 1-2; № 37. – С. 4-5; 1876. № 27. – С. 2-3; № 30. – С. 3; 1877. № 4. – С. 2-4; № 13. – С. 2-3; № 39. – С. 4-5; № 47. – С. 3-5; № 51. – С. 4; 1878. № 3. – С. 3-4; № 16. – С. 1-2; 1879. № 10. – С. 4-5; № 18. – С. 4-5; № 19. – С. 4-5; № 25. – С. 2-4; 1880. № 31. – С. 2-5; 1881. № 3. – С. 4-5; № 34. – С. 3-5; № 35. – С. 3-5; № 36. – С. 1-4; № 38. – С. 2-4; № 41. – С. 3-6; № 45. – С. 4-5; 1882. № 2. – С. 5-6; № 5. – С. 4; № 9. – С. 3-5; 1886. № 21. – С. 2-3.

Литература

Диссертации и авторефераты

1. Аракчеев В.А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII вв. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – М., 2011. 507 с.

2. Булгаков М.Б. Посадские люди в системе государевых служб в XVII в. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – М., 2007. – 405 с.

3. Воробьев А.В. Делопроизводство Разбойного приказа, как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII вв. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2012. – 33 с.

4. Глазьев В.Н. Власть и общество на Юге России в конце XVI-XVII вв.: губные старосты и губное дело. Диссертация на соискание… доктора исторических наук. – Воронеж, 2002. – 389 с.

5. Градобойникова Е.В. Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 г.: причины, ход событий, итоги. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2012. – 21 с.

6. Жиброва Т.В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2010. – 23 с.

7. Камарули Е.В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления второй половины XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2006. – 23 с.

8. Кондратьева Н.Д. Посадские люди Юга России в XVII в. Диссертация на соискание… кандидата исторических наук. – Воронеж, 2012. – 219 с.

9. Наседкин Е.Н. Казенные службы московского купечества в 20-30-е гг. XVIII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2011. – 24 с.

10. Суханов М.С. Социально-экономическое развитие Арзамаса и Арзамасского уезда в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Нижний Новгород, 2005. – 21 с.

11. Тихонов В.А. Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Диссертация на соискание… кандидата исторических наук. – М., 2013. – 269 с.

12. Цырульников Д.Е. Социальное и экономическое развитие г. Брянска в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – Брянск, 2010. – 20 с.

13. Чернышев В.Я. Социоэкономическая история Мурома в XVII в. Автореферат диссертации… кандидата исторических наук. – М., 2006. – 27 с.

Литература

14. Авдеев А.Г. Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2012. Вып. 1. – С. 121-132.

15. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 400 с.

16. Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. – 1986. № 1. – С. 47-68.

17. Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // ИЗ. Т. 103. – М., 1979. – С. 202-274.

18. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. – Л.: Наука, 1982. – 296 с.

19. Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 272-334.

20. Аракчеев В. А. Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV-XVII вв. – Псков: Псковская областная типография, 2004. – 360 с.

21. Аракчеев В.А. «Псковичи посадские люди» на службах и дома // Псков. – 2002. № 16. – С. 6-10.

22. Аракчеев В.А. Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в конце XVI – начале XVII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 5. – М., 2001. – С. 39-69.

23. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд. – М.: Московский Общественный Научный Фонд, 2000. – 317 с.

24. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 611 с.

25. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 264 с.

26. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. – М.: Типография общества распространения полезных книг, 1905. – 136 с.

27. Бовыкин В. И. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – 421 с.

28. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. – М.: Синодальная типография, 1909. – 495 с.; Т. 2. – М., 1912. – 379 с.

29. Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. – Ч. 349. 1903, сентябрь. – С. 45-144.

30. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1946. – 503 с.

31. Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII вв. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 608 с.

32. Борисов В.А. Собрание трудов (материалов) / Ред. Вопилин Е.Г., Баделин В.И. Т. 1. – Иваново: МИК, 2002 . – 428 с. Т. 2. – Иваново: МИК, 2004. – 560 с. Т. 3. – Иваново: МИК, 2005. – 784 с.

33. Боровой С.Я. Ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII) вв. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – С. 497-537.

34. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. – М.: Наука, 1969. – 440 с.

35. Булгаков М.Б. Воеводское управление в г. Ростове Великом XVII в.: малоизвестные факты // История и культура Ростовской земли. 2000 г. – Ростов, 2001. – С. 39-43.

36. Булгаков М.Б. Опыт количественного анализа экономического состояния ростовских торговцев в первой половине XVII в. // История и культура Ростовской земли: 1994 г. – Ростов, 1995. – С. 84-88.

37. Булгаков М.Б. О составе документации земских посадских изб XVII в. // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. – М., 2003. – С. 115-117.

38. Булгаков М.Б. Переписная книга г. Коломны 1678 г.: форма, особенности, результаты // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – Вып. 3. М.: МГУ, 2013. – 555 с.

39. Булгаков М.Б. Промыслово-торговые связи белозерского посада с округой в XVII в. // Русский город. – Вып. 2. М., 1979. – С. 198-217.

40. Булгаков М.Б. Псковские площадные подьячие в первой половине XVII в. // Псков. – 2004. № 20. – С. 66-69.

41. Булгаков М.Б. Ростовская книга «записным крепостям» конца XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2003. – Ростов, 2004. – С. 255-259.

42. Булгаков М.Б. Ростовские купчие конца XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2004. – Ростов, 2005. – С. 170-175.

43. Булгаков М.Б. Состав документации Ростовской приказной избы первой половины 60-х гг. XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2001 г. – Ростов, 2002. – С. 99-103.

44. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 611 с.

45. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 2. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – 716 с.

46. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

47. Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 416 с.

48. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. – М.: Наука, 1977. – 265 с.

49. Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. – М, 1966. – С. 271-296.

50. Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. – М.: Наука, 1994. – 231 с.

51. Вопилин Е.Г. Шуйский подвижник русской истории. – Иваново: МИК, 1999. – 308 с.

52. Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от Смутного времени до кануна Петровских реформ. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 200 с.

53. Глазьев В.Н. Особенности структуры населения и административного устройства Южной окраины России XVII-XVIII вв. // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 1. – С. 24-32.

54. Голикова Н.Б. Очерки из истории города в России конца XVII – начала XVIII вв. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 215 с.

55. Голомбиевский А.А., Ардашев Н.Н. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства: Обзор документов XVI-XVII вв. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – 86 с.

56. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – 480 с.

57. Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – 384 с.

58. Данилова Л.В. Сельская община в Средневековой Руси. – М.: Наука, 1994. – 318 с.

59. Дворниченко А.Ю. Земская и государственная традиция в истории дореволюционной России // История: мир прошлого в современном освещении. – СПб., 2008. – С. 459-474.

60. Дворниченко А.Ю. Уложение 1649 г. и государственный строй России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. – СПб., 2004. – С. 5-14.

61. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 229 с.

62. Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России. Т. 1. – СПб.: Типография И.П. Меркульева, 1875. – 509 с.

63. Дубман Э.Л. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. – Самара: Самарский университет, 2012. – 236 с.

64. Дьяконов М.Н. Бобыли в XVI и XVII вв. // ЖМНП. – Ч. 304. 1896, апрель. – С. 243-275.

65. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке. – СПб.: Издательство РНБ, 2000. – 350 с.

66. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. – Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – 224 с.

67. Жуковская А.В. «Животы и промыслы» подьячих на рубеже XVII-XVIII вв. (на материале г. Севска) // Уральский исторический вестник. – 2011. № 3. – С. 55-63.

68. Журов Ф.Г. Исторический очерк г. Шуи. – Владимир: Типография губернского правления, 1892. – 200 с.

69. Загоскин Н.П. О праве владения городскими дворами в Московском государстве // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1877. № 1. – С. 43-84.

70. Заборовский Л.В. Борьба посадов Владимира и Суздаля с беломестцами в XVII в. // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 239-246.

71. Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. – М.: Издательство АН СССР, 1953. – 516 с.

72. Камарули Е.В. Механизмы контроля за воеводской администрацией: институт сыщиков в Российском государстве XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. – 2014. № 2. – С. 54-57.

73. Каштанов С.М. Феодальный иммунитет в свете марксистко-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. – М., 1970. – С. 148-199.

74. Каштанов С.М. Финансы Средневековой Руси. – М.: Наука, 1988. – 248 с.

75. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX-XIX вв. Исторический очерк. – М.: «Русская мысль», 1910. – 165 с.

76. Кизеветтер А.А. Посадская община России в XVIII в. – М.: Университетская типография, 1903. – 810 с.

77. Клокман Ю.Р. Историография русских городов второй половины XVII-XVIII вв. // Города феодальной России. – М, 1966. – С. 54-64.

78. Клокман Ю.Р. Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 59-68.

79. Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – 435 с.

80. Колеченкова В.Н. К вопросу о соседях как социальной категории // Русское государство в XVII в. – М., 1961. – С. 201-207.

81. Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. – Л.: Наука, 1984. – 228 с.

82. Кром М.М., Шлюбом Ю., Зоколл Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом / Ред. Кромм М.М. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003. – С. 7-26.

83. Космовская А.А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. // Вестник Пермского университета. – 2012. Вып. 1. – С. 135-143.

84. Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв. // Отечественная история. – 1991. № 2. – С. 73-84.

85. Кучкин В.А. Сотские по документальным данным XV – начала XVI вв. // Древняя Русь. – 2004. № 4. – С. 63-81; 2005. № 2. – С. 5-40.

86. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1890. – 557 с.

87. Лисейцев Д.В. Четвертные приказы в России начала XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. № 3. – С. 203-210.

88. Лядов И.М. Архив шуйской ратуши, состоящий из старинных дел земской избы XVII и XVIII столетий // ВГВ. – 1881. № 33. – С. 2-4.

89. Лядов И.М. Историческая и современная записка о городе Шуе. – М.: Типография И. Чуксина, 1863. – 42 с.

90. Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 343 с.

91. Мазур Л.Д. Реконструкция плана подворных владений Шуи в 1629 г. // Академический вестник Уральского научно-исследовательского проектного института. – 2012. №. 1. – С. 43-48.

92. Маньков А.Г. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. // ИЗ. – Т. 64. М., 1959. – С. 217-232.

93. Маньков А.Г. К истории реформы посадского управления в 1699 г. // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971. – С. 232-246.

94. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 422 с.

95. Маньков А.Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

96. Медик Х. Микроистория // Thesis. – Т. 2. Вып. 4. – С. 193-202.

97. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 576 с.

98. Миловидов Д.С. Исторические заметки о городе Шуе и его окрестностях // ВГВ. – 1847. № 21. – С. 91-93; № 22. – С. 95-96.

99. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – 687 с.

100. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. – 223 с.

101. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с.; Т. 2. – СПб., 2000. – 568 с.

102. Муравьев А.В. Население г. Дмитрова в первой четверти XVIII в. // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967. – С. 329-336.

103. Носов Н.Е. Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России. – СПб., 1991. – С. 63-71.

104. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. – Л.: Наука, 1969. – 602 с.

105. Оглоблин Н.Н. Провинциальные архивы XVII в.: Очерк из истории архивного дела в России. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1886. – 133 с.

106. Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII в. // ЖМНП. – Ч. 295, сентябрь. – С. 118-150; 1894, октябрь. – С. 219-241.

107. Оглоблин Н.Н. Обозрение документов Чарондской земской избы // ЖМНП. – Ч. 316. 1898, апрель. – С. 269-320

108. Описание Шуйского Воскресенского собора и сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской Смоленской Божией матери, находящегося при Воскресенском соборе. – М.: Типография Н.Д. Калужского, 1862. – 162 с.

109. Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши, найденного в посаде Большие Соли Костромского уезда XVI-XVIII вв. / Сост. Н.Н. Селифонтовым. – СПб.: Типография А. Бенке, 1902. – 190 с.

110. Орехов А.М. Из истории борьбы Нижегородского посада против беломестцев // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 249-255.

111. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. – СПб.: Наука, 1992. – 280 с.

112. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М.: Наука, 1988. – 696 с.

113. Панеях В.М. Холопство в первой половине XVII в. – М.: Наука, 1984. – 242 с.

114. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1852. – 286 с.

115. Покровский Н.Н. Российская власть и общество XVII-XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 2005. – 448 с.

116. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М.: Наука, 1978. – 134 с.

117. Правдин Е.И. Описание города Шуи и шуйских церквей. – Шуя: Литотипография Я.И. Борисоглебского, 1884. – 180 с.

118. Пригара А.П. Опыт состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – 171 с.

119. Прокофьева Л.С. Обзор материалов архива ЛОИИ АН СССР по аграрной истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. – Вып. 1. Вологда, 1970. – С. 506-521.

120. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 557 с.

121. Ряпухина Т.А. Оброчные земли на Вятке в XVII в. // Русское государство в XVII в. – М., 1961. – С. 39-49.

122. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 594 с.

123. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. – М.: Издательство Московского университета, 1959. – 236 с.

124. Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 485 с.

125. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – 688 с.

126. Середа Н.С. Отечественная историография о структуре населения городов России XVII-XVIII вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. – 2013. Вып. 1. – С. 94-111.

127. Смирнов А.В. Город Шуя // ВГВ. 1901. № 28.С. 8-17.

128. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. – Киев: Типография А.П. Гросман, 1917. – 144 с.; Т. 2. – Киев: Типография Университета св. Владимира, 1919. – 354 с.

129. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1947. – 490 с.; Т. 2. – М.-Л.,1948. – 738 с.

130. Смирнов С.Н. Структура российского общества и проблема правосубъектности в XVII в.: возможные подходы к решению // Современное право. – 2006, № 10. – С. 108-112.

131. Спицын А.А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. – Вятка: Губернская типография, 1888. – 65 с.

132. Спицын А.А. Оброчные земли на Вятке в XVII в. – Казань: Типография Императорского университета, 1892. – 45 с.

133. Тимошина Л.А. Топография Костромского посада в XVII в. // Очерки феодальной России. – Вып. 2. М., 1998. – С. 123-173.

134. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России в XVII в. – М.: Наука, 1969. – 447 с.

135. Тихомиров М.Н. Население Дмитрова в XVII и начале XVIII вв. // Российское государство XV-XVII вв. – М.: Наука, 1973. – С. 159-284

136. Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы / Ред. С.О. Шмидт. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 686 с.

137. Тихонов Ю.А. Социальное расслоение и классовая борьба в Новгороде во второй половине XVII в. // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 308-318.

138. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – М.: Наука, 1956. – 275 с.

139. Хлебников Н.И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. – СПб.: Типография А.М. Котомина, 1869. – 384 с.

140. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 900 с.

141. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1889. – 352 с.

142. Чистякова Е.В. Городские восстания в России в перовой половине XVII в. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. – 247 с.

143. Чистякова Е.В. О тактике верхушки посада в восстаниях 30-х гг. XVII в. // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 224-230.

144. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. – М.: Типография Александра Семина, 1856. – 593 с.

145. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне в России. Поморье в XVII в. – М.: Археографический центр, 1997. – 285 с.

146. Шилов В.В. Гостиная сотня Серпухова в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // Очерки феодальной России. – Вып. 1. М., 1997. – С. 164-196.

147. Якушкин Г.Р. Обзор документов РГАДА по истории г. Шуи и Шуйского уезда XV-XVII вв. // Борисовский сборник. – Вып. 2. Иваново, 2011. – С. 13-19.

148. Якушкин Г.Р. Обзор документов РГАДА по истории Шуи XVIII в. // Борисовский сборник. – Вып. 3. Иваново, 2012. – С. 51-62

149. Якушкина М.М. Обзор материалов по истории Шуйского района Ивановской области в ОПИ ГИМ // Борисовский сборник. – Вып. 2. Иваново, 2011. – С. 85-99.

Приложения

Приложение 1

Сказка шуян губному старосте С.Ф. Кишкину по поводу иска Григория Овдокимова к С.Ф. Макарову относительно невыплаты кабального долга. 1635 г., ноябрь

Лета 7144 ноября в […][1046] ден по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте из приказу Большого Дворца за приписью дьяка Григорья Нечаева в обыску шуйскому губному старосте Семену Фроловичю Кишкину посадцкие люди сказали, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью: после у исца у шуянина у посацкого человека у Гришки Овдокимова с ответчиком ево, с шуянином же с посацким человеком с Степанком Фоминым о миру договор меж себя был ли, а в досталных денгах, в осмидесят во дву рублях, Степанко Фомин Гришке Овдокимову на себя заемную кабалу давал ли, или нет, того мы не ведаем, потому то деялос в Суздале, перед архиепископли приказными людми, а не в Шуе.

А в прошлом во 143-м году в августе, а в котором числе, того не помним, приставливал по заемной кабале посадцкой человек шуянин Гришка Овдокимов к шуянину ж к посадцкому человеку к Степанку Фомину в осмидесят в дву рублях. А по той ли будет кабале что в Суздале была у них сделка, или по иной, того мы не ведаем же. А поп Петр с тем Гришкою в съезжую избу к воеводе к Ивану Кирикрейскому приходил, и ту Гришкину кабалу с собою в то время приносил, и воевода Иван Кирикрейской Степанку Фомину дал ли денги считат, а у спасского попа Петра попросил кабалы Гришкины, и поп Петр тое кабалу ему отдал. И как тех денег Степанко Фомин с тем Гришкою счел с половину, и пришел в съежую избу человек воевоцкой, и сказал, что приехали к ним гости. И воевода Иван Кирикрейской пошел из съезжей избы к себе на подворье, а кабалу понес с собою, а Степану Фомину сказал – счетчи де денги все, отдат Гришке Овдокимову. И как Степанко Фомин // денги з Гришкою Овдокимовым счели все, и Гришка Овдокимов хотел те денги к себе в шапку згресть и Степанко Фомин ему не дал в шапку згресть, всыпал в кожаной в свой в мешок, а сказал ему: дам де кабалу я де тебе и денги дам. И в том мешке те денги тот Степанко велел ему Гришке запечатат своею печатью, и пошли тот Степанко да Гришка с теми денгами из съезжей избы вон к воеводе на подворье, а денги понес Степанко Фомин.

И после того с полчаса спустя приходил к нам являт Гришка Овдокимов, а сказал: Степанко де Фомин денег ему не дал, а воевода де Иван Кирикрейской кабалы ему Гришке не отдал же. А воевода после того в том меж ими какую роспр(а)ву у(чи)нил ли, или не учинил, того мы не ведаем. И в прошлом же во 143-м году в августе ж, а в котором числе, того не упомним же, Серапион архиепископ Суздальский и Торуский присылал с наказною памятью недельщика своего

[1046] Оставлено место для даты.

Офонасья Таратина в Шую, по спаского попа Петра Иванова да по шуянина посад//цкого человека по Степанка Фомина. И воевода Иван Кирикрейской тому неделщику Степанка Фомина не дал, и для чего не дал, того не ведаем. А неделщика Офонасья Таратина бил ли, или не бил, и архиепископа какою бранью бранил ли или не бранил, того мы не ведаем же, потому что делалос у воеводы на дворе. А дворника Оску Федорова воевода в тюрму сажал, а в каком деле и за какую вину, того мы не ведаем, то наши и речи.

Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1 . Д. 157. Л. 1-4.

Приложение 2

Челобитная шуян царю Михаилу Федоровичу на владимирского сына боярского Евсевия Погаркова, причинившего им обиды ложными исками и насильным постоем. 1639/40 г.

Царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, бьют челом сироты твои государевы, Шуи посаду земский старостишко Родка Дементьев и во всех шуян посадцких людей место. Жалоба, государь, нам на володимерца на сына боярского Евсевья Погаркова в том: деялос, государь, в нынешнем в 148-м году, бил челом тебе, государю, он Евсевей Погарков на шуян посадцких людей, на Луку Иванова сына Ляпунова, на Тимошка Трофимова сына Дубовикова, да на Захарка Федорова сына Шебукова, да на Митку Парфеньева сына Скорняка. Взял по них твою государеву зазывную грамоту в своем ложном поклепном иску, что бутто они, сироты твои, государевы, Лучка Иванов, да Митка Парфенов, да Тимошка Трофимов, да Захарко Федоров ево Евсевья бранчили и били и грабили за посадом. А грабежем будто, государь, взяли с него восмдесят шесть рублев с полтиною денег. А рняся, государь, тот Евсевей Погарков посадцких людей продает напрасно, что приежает тот Евсевий Погарков к нам сиротам в Шую, и ставитца на подворье насилством, и посадцких людей и жон и детей их побивает насмерть, и впред похваляется, и тех посадских людей Лучку Иванова с товарищи продает напрасно. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих, государевых, не вели, государь нас, сирот своих, тому Евсевью Погаркову зазывными грамотами тех посадских людей Лучки Иванова с товарыщи продат напрасно, и не вели, государь, на подворишках наших насилством ставитца, и посадцких людей и жон и детей побивати, чтоб нам сиротам твоим вконец не погинути и розно не розбрестися. Царь государь, смилуйся пожалуй.

Л. 1 об. К сей челобитной Шуи посаду соборной поп Кондрат по веленью детей своих духовных руку приложил

К сей челобитной Шуи посаду борисоглебской поп Алексей по веленью детей своих духовных руку приложил

К сей челобитной Шуи посаду воскресенской поп Василей в детей своих духовных место и по их веленью руку приложил

К сей челобитной Шуи посаду спаской поп Петр по веленью детей своих духовных руку приложил

ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 70. Л. 1-1 об.

Приложение 3

Грамота царя Михаила Федоровича шуйскому воеводе П.Ф. Волынскому о сдаче на откуп шуйского кабака москвичу Федору Матвееву. 1618 г., 31 августа.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Шую воеводе нашему Петру Федоровичю Волынскому. Бил нам челом москвитин, Дмитровской сотни тяглец Фетка Матвеев, что нам его пожаловати, велети ему в Шуе на посаде кабак дати в откуп из наддачи впред на 126-й год. И мы его, Фетку, пожаловали, велели ему тот шуйский кабак дати в откуп из наддачи впред на 126 год, сентября с 1 числа сентября по 1 число 127 году. А откупу с того кабака к окладу велели ему платит на Москве в нашу казну, в Галицкую чет, старого триста пятдесят рублев, да новые наддачи, что было шуяне посацкие люди наддали, и что он Фетка сверх их наддал, двесте пятдесят рублев. И всего ему с того кабака велели платити старого откупу, и с новою наддачею и с пошлинами шестьсот двентацать рублев с полтиною. И как тебе ся наша грамота придет, и ты б в Шуе на посаде кабак велел ему держати, Фетке Матвееву, в откупу за собою, сентября с 1 числа 126 году сентября ж по 1 число 127 году, а на кабаке велел ему держати пиво, и мед, и вино, и пиво велел ему варить и мед ставит и вино курить на кабацком дворе, где пивоварня и винокурня устроена, а оприч кабацкого двора пива варити, и вин курить и медов ставити на иных дворех нигде не велел никоторыми делы. И кабацкого откупщика Фетку Матвеева ото всяких обид, и от насилства, от приезжих и от тутошних людей береч, чтоб даром у нево на кабаке питья нихто не пил, чтоб ему в каба//цком зборе ни от кого обид и насилства никакова не было. И на кабаке у него всякие люди пили смирно, душегубства и блядни и зерни ни иного никакова воровства не было. И тати бы и разбойники на кабак не приезжали, и татинные б и розбойные рухледи не пропивали нихто никоторыми делы.

Да и того б еси берег накрепко, чтоб в Шуе на посаде и в уезде, в селех и в деревнех нихто корчемного питья не держал. А хто учнет в Шуе на посаде и в уезде в селех в деревнях на продажу мимо кабака питье держати, и ты б по тех людей посылал розсылщиков, и велел у них то питье, и пивные и винные суды, котлы, и кубы, и трубы вымати, да то корчемное питье, оценя, отдавал на кабак откупщику Фетке Матвееву. А что за то питье и за суды денег возмет, и ты у нево те денги имал, и писал в книги по статьям порознь. А у кого корчемное питье выймут впервые, и ты б на тех людех имал заповеди по два рубля на человеке, а на питухах по полуполтине на человеке, да тех выиманных заповедных денег половину отдавал откупщику Фетке, а другую половину имал на нас, и писал в книги особ статьею. А у кого продажное питье выймут в другие, и ты б на тех людех имал заповеди по пяти //

рублев на человеке, а на питухах полтину на человеке, да тех заповедных денег по рублю отдавал откупщику Фетке, а другую половину имал на нас. Да тех людей, у ково корчемное питье выймут вдругие оприч, дворян и детей боярских велел, имая, метать в тюрму дни на два и на три, а ис тюрмы выняв, велел в Шуе на посаде по торгом бити кнутом нещадно. А бив, велел их дават на поруки з записми в том, что им впред продажного питья не держати и никаким воровством не воровати. А на дворян и на детей боярских писал бы еси к нам к Москве, и мы тебе велели указ учинит. А у кого корчемное питье выймут в третье, и ты б на тех людех имал заповеди по десети рублев на человеке, а на питухех по рублю на человеке, да тех заповедных денег по два рубли отдавал откупщику Фетке Матвееву, а восмь рублев имал на нас. А тех людей потому ж, оприч дворян и детей боярских, велел, имая, метат в тюрму до нашего указу, а дворы их и животы переписав, запечатывал, да о том писал к нам к Москве. А отписи велел отдават в Галицкую чет боярину нашему князю Григорью Петровичю Ромодановскому да дияку нашему Семену Головину.

А кому будет лучитца х которому празнику, или к родинам, или ко кстинам, или к свадбе, или к родителским дням пива или браги пьяные сварити, или мед поставити и они б то питье являли откупщику Фетке. А явки велели у них имати с пуда меду по две денги, а с чети пива и з браги пьяные по две денги ж, а ве//лел им то докладное питье пити три дни. А болше трех дней того явленного питья у кого после урочных дней останетца, и ты б у них то питье велел печатати к иным празничным дням, да как им то питье пити, и ты б у них велел распечатывати откупщику Фетке, и велел им то питье питии безъявочно. А будет которые люди то питье учнут сверх урочных дней питии, или сторонним людем продавати, и ты б у тех людей то питье и суды велел выймат, и заповеди на них имал, и поученье им чинил. А что на ком заповеди и на выимочном питье и на судех денег возмешь, и ты б то все велел писати в книги подлинно порознь по статьям, да те деньги и книги прислал к Москве, и велел отдати в Галицкой же чети. А откупные деньги откупщику Фетке Матвееву в нашу казну на Москве, в Галицкую чет, велел платити на три сроки: трет двесте четыре рубли пят алтын полчетверты денги декабря в 20 ден, а другая трет двесте четыре рубли пят алтын полчетверты денги марта в 20 ден, а досталные двесте четыре рубли пят алтын три денги заплатит и кабак отказать до своего откупного сроку за два месяца. А не откажет, и ему тот кабак впред держати в новой год за собою ж, а наддачи что мы укажем.

А по кабацком откупщике по Якиме Левонтьеве поручная запис в том кабацком откупу взята на Москве. А кабацкий двор, и пивоварни, и винокурни, и кабацкие суды, и котлы, и кубы, и трубы, и тщаны, и наполы, и мерники, // и бочки, и братины, и ковши, и всякие запасы: мед пресной, и солод, и хмель, и кабацкое питье – мед кислой, и пиво, и вино, – велел бы еси оценити шуяном лутчим людем опричь посадцких людей вправду. Да тот кабацкой двор, и всякие запасы и суды, оценя, велел бы еси отдавати откупщиком Фетке Матвееву с товарыщи. А на нем за тот

двор, и за запасы, и за суды, взяв по цене деньги, отдал прежним откупщиком, шуяном посадцким людем Ивашке Алимпееву с товарыщи. А прочет сю нашу грамоту, отдал откупщику Фетке Матвееву впред для иных наших воевод и приказных людей, и почему ему тот кабак в откупу за собою держать. А будет откупщики приедут после Семеня дни, и что посадцкие люди по то число, с которого числа откупщику Фетке Матвееву с товарыщи кабак отведеш, на те дни по росчету откупные деньги взял бы еси на посадцких людех, и отдал откупщиком Фетке Матвееву с товарыщи, и велел откупщиком в тех деньгах посадцким людем дати отпись впред для спору и счоту. Писан на Москве лета 7126 августа в 31 ден.
Скрепа по ставам: «Диок Семен Головин»
Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-5.

Приложение 4

Указ из Московской губернской канцелярии шуйскому воеводе о проведении розыска по жалобам шуян на подьячего приказной избы Петра Матвеева. 1718 г., 18 июля.

В нынешнем 718 году июля в 15 день великому государю в губернской канцелярии били челом города Шуи земские бурмистры Иван Голятин с товарищи и все шуяня посацкие люди: шуйской де, прежде бывший с приписью подьячей, Петр Матвеев, в прошлых годех, также и ныне, им, земским бурмистром, и шуянем посадцким людем чинит многую обиду и нападки. А в нынешнем де 718 году февраля в 21 день он, Иван Голятин, был по призыву в доме шуянина Семена Демина, тут же был лантрат Яков Сытин, шуянин Иван меншой Гневышев, и оной Петр Матвеев поносил оного бурмистра и бранил, и говорил такие слова: «пора де тебя розстрелять». Да в прошлом де 704 году в ноябре месяце в первых числех он, Петр, с людми своими в ношных часах шуян посадцких людей Ивана Степанова и Ивана Никифорова детей Баженова, изшед в Шуе на посаде, в Уской улице, бил смертным боем безвинно. И о том у него, Ивана Степанова, в Шуе в земской избе // челобитье и бою осмотр, и в приказной избе явочное челобитье на него, Петра, записано. А Иван Никифоров от тех ево Петровых смертных побои лежал при смерти многие числа, и про то де ведомо отцу духовному, которой в той ево скорби от смертных побои исповедывал. А в прошлом же де 707 году, в ноябре месяце, шуянина посадского человека Гаврила Степанова сына Болотова приказал он, Петр, взять на тюремной двор безвинно, и ругаясь ему, велел ево приковать к тыну, к отходу, и морил судки, и приказал ево, скована, перевесть приставу Ивану Дехтеву в Шуе в приказную избу, и держал ево в приказной избе многие числа, и велел ево Гаврила бити патоги без воевоцкого приказу при свидетелях – Шуйского уезда Николаевского Шартомского монастыря села Веденского при Григорье Иванове, при Тихоне Иванове сыне Горбуне. И от тех ево побои он, Гаврило, лежал при смерти многие числа.

Да в прошлом же 708 году по указу великого государя велено в Шуе стольнику Ивану Григорьеву сыну Кашинцову на прошлые годы из доимки всякие канцелярские зборы править: на прошлой 708 год по окладу собрать з домовых бань указные денги. И для правежу таких денег взяты были в Шуе на съезжей двор шуяня посадцкие люди Козма Лядов с товарыщи. И в прошлом же де 708 году августа в 25 день в первом часу ночи пришед на двор он, Петр, с людми своими сам-четверт нез(н)амо ради какого умыслу, а в то число на том съезжем дворе зборной казны было в зборе // многое число. А той казны у приему целовалники шуяня посадцкие люди, и что Козму Лядова он, Петр, с людми своими били дубьем смертным боем многое число безвинно, при многих свидетелях, которые в то число на съезжем дворе были: города Шуи соборный дьякон Иван Семенов, Суздалского уезду столника Василья Борисова сына Зубова деревни Васильевского при крестьянех Андрее Захарове, Федоре Лукьянове, князь Федора княж Васильева сына Козловского деревни Дорожаева при Семене Степанове, Ерополчской волости деревни Коурова при Михаиле Родионове, шуянина Андрея Осокина при работнике ево Леонтье Гарасимове. И о том де прошение, и бою и увечью на нем Козме досмотр в Шуе в приказной избе записан. А иные посадцкие люди, убояс ево, пометалис с тово съезжева двора из избы в окна, и от того побилис.

Да он же, Петр Матвеев, ныне у них живет в Шуе на посацкой земле многие годы, а великого государя податей по нынешней 718 год никаких не платит насилством, а с Шуи с посаду з дворового числа во всякие поборы сходит податей на год по 3 руб. А вышеписанным их тяглым двором владеет он, Петр, лет с тритцат, да в прошлом 710 году отнял подле себя насилством тяглой двор шуянина Семена Скорняка, и дал толко в уплату 7 руб. Да в прошлом же 706 году он же, Петр Матвеев, отнял насилством третей двор незнаемо какого ради умыслу у шуянина Григорья Колотилова, и о том ево насилии от нево, Григорья, в 706 году явочное челобитье в Шуе в земской избе записано. Да в прошлом же 712 году шуянина посадцкого человека Ивана Шигина // велел взять на тюремной двор, и держал в тюрме безвинно недели з две, и незнаемо какую девку научал на него, Ивана, говорит худые слова, о чем не надлежало и спрашиват. И тое девку роспрашивал, и бил патогом по три перемены, и она ни в чем не винилас. А вышеписанные обиды он, Петр, чинил для того, что купечество по указом велено ведат в приказной избе.

Да в прошлом 715 году Шуйского уезду помещики и вотчинники подали на него прежде бывшему лантрату, Артемону Татищеву, челобитную о розыску в разорении крестьян, и о взятках от переписных книг, о чем стала быть у помещиков в деревнях пустота. И о той челобитной прислан великого государя указ к нему ж, Артемону Татищеву, по той челобитной о розыску. И оной лантрат Артемон Татищев по той челобитной розыскивал, и дом ево Петров и пожитки запечатал, и вотчины ево и двор отписал на великого государя, и людем ево и крестьянем ево Петра слушать не велел. И оное дело взято было ко окончанию в губернскую канцелярию, и в бытность

того дела он, лантрат Артемон Татищев умре, и ныне о том деле повелено розыскивать нынешнему лантрату Якову Сытину. А в нынешнем 718 году оной Петр Матвеев в шуйской канцелярии по приказу лантрата Якова Сытина управляет всякие твои великого государя дела, и пишетца в твоих делах и в отписях камандиром о чем противной царского величества указ, и ныне наипаче обиду шуянам посадцким людям чинит.

И в нынешнем 718 году повелел // поимат шуянина посадцкого человека Бориса Коверина, работника ево шуянина ж Феклиста Ефимова и привести в шуйскую канцелярию, и написав свое имя камандиром, послал с копиею в Лух а его написал городовым жителем. Чего не токмо ему, но и лантратом купечество по твоему, великого государя, указу — в городех и в делех повелено быть одним лантратом и при них камисаром, а камандиров у лантратов и ни в которых приказех указом царского величества быть не определено. Да в прошлом же 712 году он же, Петр Матвеев, поимав шуянина Еремея Павлова, и взял в приказную избу, и бил патоги сме(р)тным боем безвинно, и от тех ево Петровых побои, он, Еремей, лежал при смерти многие числа. Да в нынешнем же 718 году марта в 27 ден он же Еремей Павлов подал явочную челобитную на него же Петр Матвеева в бою и в увечье при свидетелех: шуйском фискале Тимофее Бабкине. И ныне при такой бытности в шуйской канцелярии он похваляетца на земских бурмистров, и на посадцких людей разорить, и от таких ево похвалных слов опасны они смертного убивства. Да в нынешнем же 718 году марта в 11-м, в 26-м, в 27-м числех, разных чинов люди в Шуе в земской избе подали на него, Петра, пять явочных челобитных во всяких обидах, о чем явно будет на улику ему Петру Матвееву.

И великий государь пожаловал бы их, шуйских // земских бурмистров Ивана Голятина товарищи, велел по него Петра из губернской канцелярии послать его, великого государя, указ, а в вышеписанном во всем допросить, а буде он запретца чтоб во всем розыскать. И ему б, Петру, за ссорами с шуяны посадцкими людми у дел не быт, а на нем, Петре, с четырех дворов в завладении насилством всякие поборы доправить, и тяглые дворы очистить, и на той посадсцкой земле не жить. И о том ево, Петрове, в напрасных нападках и в озорническом бою, справитца с прежними в Шуе в приказной и в земской избе с челобитьями, и на битых посадцких людех бою их, з записками, и по досмотром, и по розыску указ учинить. И по его, великого государя указу, и по приказу ближняго кравчего и губернатора Кирила Алексеевича Нарышкина с товарищи, велено против вышеписанного челобитья шуйского подьячего Петра Матвеева о всем допросить, а буде в чем запретца, велеть про все розыскать, а за завладеные насилством тяглые их земли денги по окладу доправить. И напрасных ево, Петровых, нападок и в бою, справитца в Шуе в приказной и в земской избах, с челобитьями на битых посадцких людех бою, и з записками. // И как сей великого государя указ получил, и ты б о всем учинил по вышеписанному его, великого государя, указу. И что учинено будет, о том за своею

рукою прислал доношение, и велел подать в губернской канцелярии и ближнему кравчему и губернатору, Кирилу Алексеевичу Нарышкину с товарищи. У подлинного великого государя указу печать. Припись дьяка Ивана Павлова. Скрепа Степана Баженова. 1718 год, июля 18 ден.
ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 621. Л. 1-4.

Приложение 5

Грамота царя Михаила Федоровича шуйскому воеводе И.А. Судакову о передаче площадного письма на откуп шуянам. 1637 г., 9 января

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Шую воеводе нашему Игнатью Ондреевичю Судакову. В Галицкой чети в приходной в окладной книге прошлого 144 году написано: в Шуе на посаде площадное письмо отдано вновь на откуп шуянину, посадцкому человеку Мишке Овдокимову, сентября с 1 числа 144 году сентября по 1 ж число 145 году. А откупу ему велено заплатить шеснатцать алтын четыре денги, да с откупу пошлин пят денег, и обоево откупу и пошлин — семнатцат алтын три денги. И тех денег на прошлой на 144, и на нынешней на 145 год откупщик в нашу казну не платил.

И ныне били нам челом шуяне посадцкие люди, земской староста Куземка Свиньин, и во всех шуян посадсцких людей место: в прошлом де во 142-м году шуянин Мишка Овдокимов, свестяся воровски с шуянином же с Ларкою Захарьевым, написал на шуянина ж, посадцкого человека, на Иваш//ков двор Семенова сына Свешника, воровскую закладную кабалу в пятнатцати рублях. И по той де воровской закладной кабале, тот Мишка Овдокимов с тем Ларкою, того Ивашка Свечина продали, и учинили ему убытки многие. А на них де, на шуян на всех посадцких людей, тот Мишка похвалился такими ж воровскими составными безделными писмами. И в прошлом де, во 143 году, били нам челом оне, шуяне посадцкие люди, в Шуе на того Мишка Овдокимова, да на Ларку Захарова в их воровстве, а в съезжей избе воеводе Ивану Кирикрейскому подали челобитную, за отцов своих духовных и за своими руками, чтоб тому Мишке Овдокимову, за ево воровство в Шуе на посаде площадного всякого писма, и никаких крепостей писат не велет.

И по нашему указу воевода Иван Кирикрейской, по их челобитью ево Мишкино воровство в Шуе сыскал, и площадного всякого писма и крепостей писат не велел. И в прошлом же де во 143-м году, после того, как // ему Мишке за ево воровство от площадного писма отказано, и тот де Мишка бил нам челом, чтоб нам его пожаловат, велет ему в Шуе на посаде площадное всякое писмо дати вновь на откуп, на 144 год. И по ево де челобитью дана ему, Мишке, наша откупная грамота, что ему в Шуе на посаде площадное писмо писати внов на откупу, на 144 год. И ныне де в Шуе объявилис ево Мишкины многие воровские составные крепости, на дворы и на лавки их, и многие де посадцкие люди от ево Мишкиных составных

крепостей стали без дворов, и без лавок, и от их воровства многие посадцкие люди вконец погибли.

И нам бы их, шуян посадцких людей пожаловат, не велети в Шуе того всякого площадного писма тому Мишке писат, чтоб им, посадцким людям, впред // от ево воровского писма продажи и убытков не было. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Шуе на посаде площадному писму впред велел быт на откупу за шуяны, за всеми посадцкими людми без перекупки, а откуп велел им платит тот же, что велено платит откупщику Мишке Овдокимову: по семнатцати алтын по три денги на год, с ыными нашими четвертными доходы вместе, ежегод безпереводно, а откупщику Мишке Овдокимову в том площадном писме отказал, и впред ему в Шуе на посаде на площади никаких крепостей писат не велел. А на прошлой на 144 и на нынешней 145 год с площадного писма на откупщике, на Мишке Овдокимове, наши откупные денги велел доправит, а доправя, прислал к нам к Москве, з дворовыми и с лавочными с оброчными денгами вместе. А прочет сю нашу грамоту, и списав с нее список слово в слово, оставил у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдал шуяном посадцким людем, и они ее держат у себя впред, для иных наших воевод и приказных людей, почему им тем площадным писмом владет, и откупные денги в нашу казну платить. Писан на Москве лета 7145 генваря в 9 ден.

Л. 1 об. 145 февраля в 6 ден подал Шуи посаду староста земской Куземка Свиньин.

Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1 Д. 163. Л. 1-4.

Приложение 6

Челобитная царю Алексею Михайловичу шуйских подьячих съезжей избы Афанасия Федорова и Федора Иванова и площадного подьячего Тихона Иванова на шуянина Т.М. Погаркова, собирающегося незаконно занять подьяческое место в съезжей избе. 1670/71 г.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, бьют челом холопи твои, шуйской съезжей избы подьячие, Афонка Федоров да Федка Иванов, да площадной подьячей Тишка Федоров, на ведомова плутишка, на шуянина на посадцкого человека бездомовного, на Тимошку Погаркова. По твоему, великого государя указу, тот бездомовной человек Тимошка Погарков, от всякого писма за плутовство отставлен. И в нынешнем во 179 году, тот бездомовной человек, плутишко Тимошка Погарков, хвалитца насилством быт в Шуе в съезжей избе у писма, без твоево, великого государя, указу, и без выбору шуйских помещиков, и вотчинников, и шуян посадцких людей, и монастырских вотчин старост, и крестьян. А мы, холопи твои, Афонка да Федка, в Шуе у твоих, великого государя, судных дел, у писма сидим в съезжей избе, по твоему, великого государя, указу, и по выбору шуйских помещиков, и вотчинников, и всяких жилецких людей. А по мне, Тишке, собраны в поручную запис шуяня добрые люди. А по твоему, великого государя указу, у твоих, великого

государя дел, без твоево, великого государя указу, // и без выборов сошных людей быть, и плутом, не велено. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, челобитье наше принят и записат, чтоб нам холопем твоим, будучи у твоих, великого государя дел, от такова ведомова плута, от шуянина посадцкого человека от Тимошки Погаркова, вконец не погинут. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Л. 1 об. «О выборе всеми сословиями подьячих» [помета В.А. Борисова].

К сей челобитной Афонка Федоров руку приложил

К сей челобитной Федка Иванов руку приложил

178 генваря в 1 ден подана явка.

РГАДА. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 66. Л. 1-1 об.

Приложение 7

Наказная память стольника И.Ф. Парфеньева суздальскому площадному подьячему Андрею Курбатову о получении в Шуе сведений относительно ведения записных книг явочным челобитным. 1698 г., 23 октября. Сказка шуян Курбатову о наличии записных книг, с приложением росписи челобитных с сентября 1693 г. по настоящее время. 1698 г., 27 октября.

Лета 7206 году октября в 23 ден по указу великого государя и царя великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, и по приказу столника Игнатья Федоровича Пафеньева, память Суздалской площади подьячему Андрею Курбатову. Ехать в Шую, а приехав, шуйского земского старосту Якова Голятина с товарыщи велет сыскат на съезжей двор, и взят у них скаску за руками: в прошлых годех записные явочныя книги в Шуе в земской избе были ли, по какому великого государя указу, и с которого году учинены, и по вся ли годы, и чье явочные челобитные записаны до нынешняго 206 году. А взяв у них скаску за рукою, привесть в Суздал для подлинного розыску про явочные челобитные вотчины боярина Петра Васильевича Шереметева жены ево, бояроии вдовы Татьяны Афонасьевны, села Гориц старосты Ивашка Мартемьянова, в побеге деревни Колесниц крестьян Андрюшки Иванова с товарыщи, да вотчины Николаевского Шартомского монастыря стряпчего, Ивашка Фокина, в побеге монастырской вотчины села Чернец крестьянина Гришки Матвеева. И приехав в Суздал, скаску подат на съезжем дворе столнику Игнатью Фведоровичу Парфеньеву. У подлинной наказной памяти Игнатья Федоровича Парфеньева печат приложена. Справа подьячего Василья Годовикова. Сей список против наказной памяти сходен, подьячий Андрюшка Курбатов руку приложил. Против сего отписка с наказной памяти такова скаска и росписи отдана подьячему Ан//дрюшке Курбатову.

206 году октября в 27 ден по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Шуе на

съезжем дворе, суздалской площади подьячему Андрюшке Курбатову города Шуи земский староста Яков Голятин и все посадцкие люди сказали: в Шуе де к ним, посадцким людям, в земскую избу, изстари приносят всяких чинов люди явошные челобитные обо всяких своих делах, и те де челобитные клеилис в столпы, а записных книг изстари явошным челобитным до 202-го году не было. А 202 года сентября с 1 числа[1047] по нынешней 206 год, по вся годы тем явошным челобитным учинены книги, для того, чтобы те явошные челобитные в земской избе меж старостами в переменах явны были. А з 202 года, сентября с 1 числа,[1048] по нынешней 206 год октября по 26 ден, в записных книгах всяких чинов людей об всяких делех явошных челобитен записано 32 челобитные. А чьи явошные челобитные в записных книгах записаны,[1049] и под сею скаскою тем челобитным роспись, то наша и скаска.

В 202 год февраля в 10 ден везниковца виннова подрятчика Михаила Городецкого челобитье.

Марта в 12 ден Никиты Иванова сына Козлова челобитье.

Марта в 13 ден Костромского уезду вотчины околничего князя Юрья Федоровича Борятинского села Шухомоша деревни Попадьина крестьянина Микифорка Карпова челобитье.

// Марта в 27 ден Суздалского уезду, вотчины боярина князя Петра Васильевича Шереметева, села Гориц старосты Ивашка Мартемьянова челобитье.

Апреля в 19 ден Суздалского уезду, вотчины боярина князя Петра Васильевича Шереметева, села Гориц крестьянина Мишки Леонтьева сына Бурнаева челобитье.

Апреля в 23 ден Суздалского уезду, вотчины боярина князя Петра Васильевича Шереметева, села Гориц приказного человека Ивана Уругодеева челобитье.

Маия в 1 ден Суздалского уезду, вотчины боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского, села Иванова старосты Елизарка Иванова челобитье.

Маия в 16 ден шуйской конской площадки конюха Данила Бычкова челобитье.

Маия в 17 ден Федора Федорова сына Шалимова челобитье.

В 203 году сентября в 3 ден Василья Лукьянова сын Оболуева челобитье

Генваря в 4 ден столника князя Андрея Канбулатовича Черкасского, суздалские ево вотчины, села Гориц приказного человека Василья Шарапова, старосты Петрунки Микитина челобитье.

Марта в 12 ден Петра Афанасьева сына Мятлева челобитье.

Марта в 14 ден города Луху, соборной церкви дьякона Стефана Иванова челобитье.

// Апреля в 7 ден Федорова[1050] старосты Шалимова, Матюшки Архипова челобитье.

Апреля в 11 ден ис Костромского уезду села Писцова крестьянина Алимка Афанасьева челобитье.

1047 Далее зачеркнуто: «тое явошным челобитным, до нынешнего 206 году, и в нынешнем 206 году».

1048 Далее зачеркнуто: «и в нынешнем».

1049 Далее зачеркнуто: «и в кото».

1050 Далее зачеркнуто: «Федорова».

Июня в 4 ден Юрьевского уезду Полского, села Палеха старост Васки Тиханова, Микитки Раманова с товарищи челобитье.
Июня в 14 ден Микифора Петрова сын Внукова челобитье.
Июля в 17 ден Суздалского уезду, села Алексина и села Васильевского старост Васки Филипьева с товарищи челобитье.
В 204 году сентября в 5 ден Николаевского Шартомского монастыря стряпчего Ивашка Фокина челобитье.
Генваря в 30 ден города Луху посадцкого человека Алешки Семенова с товарищи челобитье.
Февраля в 4 ден села Гориц, боярина князя Петра Васильевича Шереметева, старосты Ивашка Федорова с товарищи челобитье.
Июня в 30 ден села Дроздова приказного человека Якова Лопатина челобитье.
Июля в 25 ден Ивана Иванова сына Колобова челобитье.
Августа в 1 ден села Гориц приказного человека Ивана Федорова челобитье.
Августа в 3 ден Якова Савинова сына Башмакова, человека ево Ивана Семенова челобитье.
В 205 году сентября в 17 ден шуянина Андрюшки Калинина челобитье //
Генваря в 3 ден Семеновского полку ротного писаря Александра Борисова челобитье.
Генваря в 25 ден Шуйского уезда деревни Коченева, Яковлева старосты Башмакова, Федки Онтипина челобитье.
Февраля во 2 ден Суздалского уезду села Васильевского крестьянина Андрюшки Андреева челобитье.
Июня в 22 ден села Китова деревни Борискова крестьян Сенки Васильева, Родки Демидова челобитье.
Июня в 25 ден Юрьевского уезду Полского села Палеха старосты Оски Вавилова челобитье.
В 206 году сентября в 10 ден села Олексина старосты Ивашка Никонова с целовалники челобитье.
Сия скаска и роспис послана в Суздал за рукою земского старосты Якова Голятина.
// Л. 1 об. «О явочных челобитных и их употреблении и жалоба шуян на сыщика Парфеньева» [помета В.А. Борисова].
НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 1. Д. 39. Л. 1-4 об.

Приложение 8
Таблица 1

Распределение беглецов, возвращенных по «посадскому строению»: по местопребыванию[1051]

Имя	Дата бегства	Местопребывание	Вывезен
Никифор Прокопьев "Кропива"	1614/15	с. Пурех С/у,[1052] вотчина кн. Д.И. Пожарского	помер
Иван Васильев Ошмарин	1614/15; 1616/17	с. Спас-на-Нозоге С/у, вотчина С. Толстого	не сыскан
Прон Васильев Новоторгов Зоря	1614/15	Нижний Новгород	велено жить по прежнему
Федор Васильев Новоторгов Ергол	1614/15	Нижний Новгород	
Григорий Васильев Пономарев "Готовка"	1618/19; 1620/21	(…) у., с. Васильево	помер
Вторышка Иванов Булыгин	1618/19		Нижний Новгород, посад
Сава Никитин Ширяев	1618/19	Нижний Новгород	то же
Михаил Нежданов Губин	1621/22	с. Горицы С/у, вотчина И.Г. и В.Г. Коробьиных	и/з Ивана Коробьина
Иван Дементьев	1623/24; 1614/15	д. Роглово Ш/у, вотчина И.И. Оболдуева	то же
Василий Иванов Дементьев		д. Роглово Ш/у, вотчина И.И. Оболдуева	то же: взят с отцом
Мария, жена Данила Дементьева	1623/24	дворница Николо-Шартомского монастыря в Шуе	то же
Алексей Лазарев	1623/24	за Спасским монастырем в Арзамасе	то же
Бажен Васильев Соплин "Нагиба"	1623/24	д. Сингирь Ярополчской волости В/у	то же
Данил Окулов, сапожник	1626/27	дворник кн. Г.С. Куракина в Шуе	то же
Никифор Васильев Аристов	1626/27	Нижний Новгород	то же (?)
Степан Иванов Ворошилов, портной мастер	1627/28	с. Павлово Н/у, вотчина кн. И.Б. Черкасского	не сыскан
Афанасий Ермолин "Ожог"	1627/28	Нижний Новгород	то же
Алексей Вахрамеев, портной мастер	1628/29	с. Павлово Н/у , вотчина кн. И.Б. Черкасского	не сыскан
Иван Якимов "Розвозя"	1629/30	рассыльщик в Шуе	то же
Иван Кирилов, истопник	1630/31	дворник кн. Д.М. Пожарского в Шуе	то же
Афанасий Осипов Мыльник Ярыш	1630/31	дворник кн. И.Б. Черкасского в Шуе	
Гришка Степанов Валгасов "Крыло"	1631/32	дворник кн. И.И. Гундорова в Шуе	то же
Тимофей Ермолин, "Баба"	1631/32; 1636/37	Нижний Новгород	то же
Кузьма Мартемьянов Калачник	1631/32; 1620/21	Нижний Новгород	то же
Дмитрий Алексеев	1632/33	за Суздальским архиепископом Серапионом в Шуе	то же с двора

[1051] Таблицы составлены по: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 40. Л. 1-4; Там же. Д. 63. Л. 1; Там же. Д. 67. Л. 1-1 об.; Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; Там же. Д. 65. Л. 1-1 об.; Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 202. Л. 1-1 об.; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 501-529; Там же. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 40. Л. 1-1 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 908. Л. 1-11, 39 об.-54 об.; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 7. Д. 4. Л. 1-14 об.; Там же. К. 7. Д. 12. Л. 1-1 об.; *Борисов В.А.* Собрание трудов. Т. 2. № 45. С. 70-71.

[1052] Здесь и далее: С/у – Суздальский уезд, Ш/у – Шуйский уезд, В/у – Владимирский уезд, Н/у – Нижегородский уезд.

Ларион Тимофеев Кириллов Кривой	1633/34	д. Бойтово Ш/у, вотчина за Г.А. Кашинцева	то же
Тишка Федоров Рудаков	1634/35	в Шуе в Борисоглебском монастыре	и/з боросоглебских попов
Андрей Степанов Дедерев	1635/36	рассыльщик в Шуе	помер
Федор, Илья, Василий Андреевы, дети Дедерева			отец взят из рассыльщиков в Шуе
Кирилл Григорьев Сыромятников	1636/37	в Шуе в Спасском монастыре	и/з спасского попа
Андрей Прокопьев, портной мастер	1636/37	Нижний Новгород, слобода Благовещенского м-ря	не сыскан
Тихон Михайлов "Мора"	1636/37; 1635/36	дворник кн. И.М. Барятинского в Шуе	то же
Григорий Овдокимов Пупышев	1636/37	государево Красное Покровское село	
Игошка Васильев, кузнец	1637/38; 1636/37	дворник А.М. Мишукова в Шуе	
Меркул Васильев, портной	1639/40; 1637/38	стрелец в Москве	то же (?)
Иван Вахромеев меншой "Тютя"	1639/40; 1626/27	стрелец в Москве	то же
Андрей Васильев Пугин	1639/40	стрелец в Москве	
Иван Марков "Халез"	1637/38	в Шуе в Спасском м-ре	и/з спасского попа
Иван Васильев Гнида	1617/18	с. Клязьменский Городок, вотчина В.Б. Бутурлина	то же
Давыд Борисов Немой	1617/18	с. Клязьменский Городок, вотчина В.Б. Бутурлина	не сыскан
Прон Иванов Ворошилов			и/з Д.М. Пожарского с. Холуя
П(…) Пронов Ворошилов			и/з Д.М. Пожарского с. Холуя (?)
Карп Фомин (Кузмин) Горбунов	1625/26		и/з Д.М. Пожарского с. Холуя
Левка Леонтьев Татаркин	1630/31		и/з Спасского м-ря в Арзамасе
Иван Левонтьев Татаркин	1630/31		и/з Спасского м-ря в Арзамасе
Иван Леонтьев Татаркин, п. Коза	1630/31		и/з Спасского м-ря в Арзамасе
(…) Кирилов			и/з Спасского м-ря в Арзамасе
Лука Васильев Власов Кожевников	1630/31		и/з Троицкого м-ря в Арзамасе
Иван Прокофьев, дьячок			и/з двора кн. Фомы Мезецкого
Петр Тихонов Горшечник	1637/38		и/з Троицкой слободы Мурома
Иван Федоров Яхлаков Сапожник	1632/33		и/з пог. Николы Гор, Ярополчской вол. В/у
Иван Васильев "Сувор"	1636/37		и/з с. Лысково Курмышского у.
Федор Иванов "Бобыль"	1636/37		и/з Д.М. Пожарского, с. (…)
Иван Лядинин			и/з Пафения Коробьина с. Гориц д-ни (…)
Нефед Лазарев	1637/38		и/з Спасского м-ря в Арзамасе
Федор Федотов Щадра	1638/39	туда же	и/з дворников И.Б. Черкасского из Шуи
Михаил Осипов Щеголев	1639/40	туда же	и/з Д.М. Пожарского, с. Холуя
Авдотья Гурьева, ж. Ариста Федорова	1614/15	туда же	и/з Нижнего Новгорода с посада
Степан Денисов Лаврентьев	1636/37	д. Остапово Ш/у, вдовы Анны Кайсаровой	оттуда же
Елизар Гаврилов Иконник	1631/32	туда же	и/з Бор(исглебского) м-ря в Шуе
Андрей Иванов Коновал			и/з Борисглебского м-ря в Шуе
Павел Митрофанов	1616/17	с. Дорки Ш/у стремянного конюха Д.Д. Оболдуева	по государеву указу отдан назад

Иван и Никита Даниловы		слободка Борисоглебского м-ря	
Степан Архипов		слободка Борисоглебского м-ря	
Василий Иванов Зубков		дворник ТС м-ря	
Иван Яковлев Зубков		дворник ТС м-ря	
Яков Ларионов		дворник Григория Куракина	
Максим Алексеев		дворник В.С. Собакина	
Иван Никитин Хлебник		дворник Григория, Луки и Ивана Болотниковых	

Таблица 2

Распределение беглецов, возвращенных по «посадскому строению»: по объему тягла

Имя		Тягло бывшее	Размер платы	Тягло новое
Никифор Прокопьев "Кропива"		0,5 д.[1053]	24 года: 14 р. 13 ал. 2 д.	
Иван Васильев Ошмарин		0,5 д.	22 года.: 13 р. 6 ал. 4 д.	
Прон Васильев Новоторгов Зоря	с детьми	8 д.		
Федор Васильев Новоторгов Ергол	с детьми	2 д.		
Григорий Васильев Пономарев "Готовка"		1 д.	18 лет: 21 р. 20 ал.	
Вторышка Иванов Булыгин		2 д.	20 лет: 48 р.	0,125 д.
Сава Никитин Ширяев	сын Дмитрий	3 д.	20 лет: 72 р.	?
Михаил Нежданов Губин	с внуком (…) Степановым	6 д.	17 лет: 122 р. 13 ал. 2 д.	0,5 д.
Иван Дементьев	дети: Константин, Никита	6 д.	24 года: 172 р. 26 ал. 4 д.	0,5 д.
Василий Иванов Дементьев				0,125 д.
Мария, жена Данила Дементьева	дети: Степан, Михаил	1 д.	15 лет: 18 р.	0,125 д.
Алексей Лазарев	детьми Василием и Иваном	5 д.	15 лет: 90 р.	0,5 д.
Бажен Васильев Соплин "Нагиба"		1 д.	15 лет: 18 р.	0,25 д.
Максим Иванов		2 д.	13 лет: 31 р. 6 ал. 4 д.	0,5 д. вместе
Роман Иванов		2 д.	13 лет: 31 р. 6 ал. 4 д.	0,5 д. вместе
Данил Окулов, сапожник		1 д.	12 лет: 14 р. 13 ал. 2 д.	0,125 д.
Никифор Васильев Аристов	детьми Иваном, Федором, Мартемьяном	5,5 д.	12 лет: 79 р. 6 ал. 4 д.	с полу(…)
Степан Иванов Ворошилов, портной мастер		2 д.	11 лет: 26 р. 13 ал. 2 д.	
Афанасий Ермолин "Ожог"	сын Андрей	1 д.	11 лет: 13 р. 6 ал. 4 д.	0,125 д.
Алексей Вахрамеев, портной мастер		1 д.	10 лет: 12 р.	
Иван Якимов "Розвозя"	сын Осип	1 д.	10 лет: 10 р. 20 ал. 4 д.	0,125 д.
Иван Кирилов, истопник	сыном Иваном и внучатами: (…),	5 д.	8 лет: 48 р.	?

[1053] Здесь и далее: д. – деньга, ал. – алтын, р. – рубль, гр. – гривна.

	Иваном			
Афанасий Осипов Мыльник Ярыш	с сыном	1 д.		
Гришка Степанов Валгасов "Крыло"		1 д.	7 лет: 8 р. 13 ал. 2 д.	0,25 д.
Тимофей Ермолин, "Баба"	дети: Кузьма, Роман, Борис	1 д.	2 года: 2 р. 13 ал. 2 д.	?
Кузьма Мартемьянов Калачник		1 д.	18 лет: 21 р. 20 ал.	0,125 д.
Дмитрий Алексеев		1 д.	6 лет: 7 р. 6 ал. 4 д.	0,25 д.
Ларион Тимофеев Кириллов Кривой		0,5 д.	5 лет: 3 р.	0,125 д.
Тишка Федоров Рудаков		1 д.	4 года: 4 р. 26 ал. 4 д.	0,125 д.
Андрей Степанов Дедерев		1 д.	3 года: 3 р. 20 ал.	
Федор, Илья, Василий Андреевы, дети Дедерева				бобыльское: 1 гр. на год
Кирилл Григорьев Сыромятников	дети: Осип, Софон, Герасим	0,5 д.	2 года: 1 р. 6 ал. 4 д.	?
Андрей Прокопьев, портной мастер		2 д.	2 года: 4 р. 26 ал. 4 д.	
Тихон Михайлов "Мора"	с сыном Лукой	2 д.	3 года: 7 р. 6 ал. 4 д.	0,25 д.
Игошка Васильев, кузнец		0,5 д.	2 года: 1 р. 6 ал. 4 д.	
Меркул Васильев, портной	дети: Семен, (…)	0,5 д.	1 год: 20 ал.	0,25 д.
Иван Вахромеев меншой "Тютя"		1 д.	12 лет: 14 р. 13 ал. 2 д.	0,125 д.
Иван Марков "Халез"		0,5 д.	1 год: 20 ал.	0,125 д.
Михаил Овдокимов, дьячок		1 д.	1 год: 1 р. 6 ал. 4 д.	
Иван Васильев Гнида	дети: (Деми)д, Григорий	вдвоем 5 д.	21 год: 126 р.	?
Давыд Борисов Немой		вдвоем 5 д.	21 год: 126 р.	
Прон Иванов Ворошилов	сыновья: Перфил, Симон, Иван, Андрей	3 д.	13 лет: 46 р. 26 ал. 4 д.	0,5 д.
П(…) Пронов Ворошилов				0,25 д.
Карп Фомин (Кузмин) Горбунов		0,5 д.	13 лет: 7 р. 26 ал. 4 д.	0,25 д.
Левка Леонтьев Татаркин		впятером: 5 д.	8 лет: 48 р.	0,125 д.
Иван Левонтьев Татаркин	дети: Василий, Макар	впятером: 5 д.	8 лет: 48 р.	полу(четь)?: 0,125 д.
Иван Леонтьев Татаркин, п. Коза	дети: Родион, Прон	впятером: 5 д.	8 лет: 48 р.	?
Василий Леонтьев Татаркин "Репа", портной		впятером: 5 д.	8 лет: 48 р.	
Григорий Леонтьев Татаркин, портной		впятером: 5 д.	8 лет: 48 р.	
(…) Кирилов				0,25 д.
Лука Васильев Власов Кожевников	дети: Федор, Семен, Захар (?), Исак, Григорий, внуки (…) Григорий	6 д.	8 лет: 57 р. 21 ал.	1,25 д.
Иван Прокофьев, дьячок				0,125 д.
Петр Тихонов Горшечник		0,5 д.	1 год: 20 ал.	0,125 д.
Иван Федоров Яхлаков Сапожник		1,5 д.	6 лет: 10 р. 26 ал. 4 д.	?
Иван Васильев "Сувор"		1 д.	2 года: 2 р. 13 ал. 2 д.	?
Федор Иванов "Бобыль"	сын Никита	1 д.	2 года: 2 р. 13 ал. 2 д.	0,25 д.

Иван Лядинин	пасынки Иван и Максим Игнатьевы			0,125 д.
Нефед Лазарев	дети: Василий, Афанасий	1,5 д.	1 год: 1 р. 26 ал. 4 д.	0,125 д.
Федор Федотов Щадра		0,5 д.		0,125 д.
Михаил Осипов Щеголев	дети: Илья, Ганка	1 д.		0,125 д.
Авдотья Гурьева, ж. Ариста Федорова	сын Иван	0,5 д.		0,25 д.
Степан Денисов Лаврентьев	сошел от отца	1 д. с отцом		?
Елизар Гаврилов Иконник	сын Нефед	0,5 д.		?
Андрей Иванов Коновал				0,25 д.
Павел Митрофанов	сошел от брата	1 д. с братом		

Таблица 3

Распределение беглецов, возвращенных по «посадскому строению»: по размеру и типу устроенных дворов

Имя	Расположение двора	Размер двора	Прежний владелец
Вторышка Иванов Булыгин	в Уской у., дв. п/ч Степана Красильника и п/м Григория Дмитреева[1054]		место (выморочное Тимофея Несмеянова
Сава Никитин Ширяев	в Козлитие п., дв. п/ч Ивана Тюти и (…)рова	15 с. на 30 с.	?
Михаил Нежданов Губин	в Узкой у., дв. Васки (…) и Елизара Иконника	9 с. на 23 с.	п/ч Алексей Вахромеев
Иван Дементьев	в Козлитине п., дв. п/л Афанасия Дирина и Федора Бобыля	15 с. на 23 с.	двор (…)
Василий Иванов Дементьев	в Козлитине п., дв. (…)	(…) на 27 с.	(п/ч) Ивана Суки
Мария, жена Данила Дементьева	в Пищалной у., дв. п/ч Михила Овдокимова и Логина Иванова	9 с. на 28 с.	что был двор (…)ва
Алексей Лазарев	в Заболотье, дв. (Ар)тюшки Скорняка, Кирюшки (…)	6,5 с. на 30 с.	п/ч Наум Тихонов
Бажен Васильев Соплин "Нагиба"	в (Козлитине) п., дв. п/ч Ивана Розвоз(ина) и дорога	(…) на 19 (?) с.	?
Максим Иванов	в Козлитине п., дв. п/л Федора Бобыля и Ивана Татаркина	10,5 с. на 35 с.	?
Роман Иванов	в Козлитине п., дв. п/л Федора Бобыля и Ивана Татаркина	10,5 с. на 35 с.	?
Данил Окулов, сапожник	в Козлитине п., дв. п/л Ивана Татаркина и Ивана (…)	7,5 с. на (...)	п/ч Неждана Мелника
Никифор Васильев Аристов	за гостиным двором, п/ч Кузьмы Калачника, Авдотьи, ж. Ариста Попова	9 с. на 17 (?)с.	ис порозжей земли
Афанасий Ермолин "Ожог"	Пищальная у., Заболотье, дв. п/л Матвея Тимофеева и Селивана Истомина		место выморочное Тихона Кор(нилова)
Иван Якимов "Розвозя"	Шушаринский п., дв. п/ч Софона Степанова и Бажена (…)	8 с. на 19 с.	(п/ч) Овдокима Пупыша
Иван Кирилов, истопник	Пищальная у., дв. п/ч (…)ки Латышева и Мокея Митрофанова	?	купили место выморочное Андрея Степанова
Гришка Степанов Валгасов "Крыло"	дв. п/ч Ивана (…) и площед	(…) на 15 с.	ис порозжей земли

[1054] Здесь и далее: у. – улица, п. – переулок, дв. – двор, п/ч – посадский человек (п/л – посадские люди), ж. – жена, с – сажен, а. – аршин.

Тимофей Ермолин, "Баба"	(…) ул., дв. п/ч Меркула Васильева и (…)	10 с. на 25 с.	место, что взято у Данила Змеева
Кузьма Мартемьянов Калачник	за гостиным двором, п/ч (…)ева	?	ис порозжей земли
Дмитрий Алексеев	Пищальная у., дв. п/л Кар(…)	5 с. на 15 с.	п/ч Никифора Крапивы
Ларион Тимофеев Кириллов Кривой	Шушарин п., дв. п/ч Левки Митяшина и улица	(…) на 26 с.	(п/ч) Ивана Конины
Тишка Федоров Рудаков	Уская у., дв. п/ч Тараса Сапожника и Григоря Афанасьева	?	купил половину двора Григория Полачника
Федор, Илья, Василий Андреевы, дети Дедерева	Козлитин п., дв. п/л Савы Никитина и (…)	(…) на 30 с.	огород п/ч Клима Несмеянова
Кирилл Григорьев Сыромятников	Пищальная у., Заболотье, дв. п/л Василия А(лексе)ева	6,5 с. на 30 с.	?
Тихон Михайлов "Мора"	дв. п/ч Тимофея Дмитриева и переулок	?	купил место выморочное у Ивана Сутермы
Меркул Васильев, портной	в Уской у., дв (…)	(…) на 35 (?) с.	место, что взято у Данила Змеева
Иван Вахромеев меншой "Тютя"	дв. п/л Данила Окулова и Савы Ширяева	11,5 с. на 30 с.	п/ч Сергея (…)
Иван Марков "Халез"	в Козлитине п., дв. п/л Левки Татаркина и Василия Иванова Дементьева	9 с. на 27 с.	(п/ч) (Та)раса Демьянова
Иван Васильев Гнида	в Уской у., дв. п/ч Нестора (…) и Луки Де(ментьева)	10 с. без (…) на (…)5 с.	место, что взято у кн. Ивана Борятинского
Прон Иванов Ворошилов	(…) ул., дв. (…)ова	10 с. на (…)	п/ч Мартемьяна Максимова
П(…) Пронов Ворошилов	подле двора отца его П.И. Ворошилова	4,5 с. на (…)	п/ч (…)
Карп Фомин (Кузмин) Горбунов	в Загостинском десятке, дв. п/ч Кузьмы Самсонова и улица	3 с. на 7 с.	ис порозжей земли
Левка Леонтьев Татаркин	в Козлитине п., дв. п/л Ивана Халеза и Данила Окулова	8 с. на 27 с.	(п/ч) Андрея Семенова
Иван Левонтьев Татаркин	в Козлитине п., дв. Романа и Максима Родионовых и Федора Щадры	(…) на 20 с.	место отцовское
Иван Леонтьев Татаркин, п. Коза	дв. п/л Василия и Григория Татаркиных и (…)	5 с. на (…)	?
(…) Кирилов	дв. п/л Василия и Григория Татаркиных, у Василия сын Алексей	5 с. на 27 с.	п/ч Посника Кирилова
Лука Васильев Власов Кожевников	дв. п/ч Тимофея Овчинника, переулок	10 с. на 39 с.	(п/ч) Максима Калачника
Иван Прокофьев, дьячок	дв.п/ч (…) и Захара Иванова	9,5 с. на 28 с.	(п/ч) Ивана Песикова
Петр Тихонов Горшечник	в (…) п., дв. п/ч (…)	(…) на 40 с.	место отцовское
Иван Федоров Яхлаков Сапожник	в Уской у., дв. п/л. (…)снова и (…) Онкудинова	?	купил выморочное место Стенки Кирилова
Иван Васильев "Сувор"	в Пищальной у., дв. п/л (…) лова и (Онку)дина Васильева	?	?
Федор Иванов "Бобыль"	в Козлитине п., дв. п/л Ивана Дементьева, Романа Родионова	7,5 с. на 23 с.	?
Иван Лядинин	Загостинский десяток, дв. п/ч Карпа Латыша и площадь	8 с. на 15 с.	?
Нефед Лазарев	дв. п/ч. Михаила Овдокимова и порозжая земля	12 с. на 28 с.	место отцовское
Федор Федотов Щадра	в Козлитине п., дв. п/ч Ивана Татаркина и переулок	13 с. на 15 с.	что был двор (…)еновых
Михаил Осипов Щеголев	в Шушарине п., дв. п/л Поздея Маркова, Ильи Утешева	8 с. на 25 с.	что был д(вор) (…)
Авдотья Гурьева, ж. Ариста Федорова	(гости)ый двор и п/ч (…)ева	5,5 с. на 15 с.	ис порозжей земли
Степан Денисов Лаврентьев	дв. п/ч Степана Чешуи(на) и переулок	?	посажен в старой отцовской двор
Елизар Гаврилов Иконник	Уская у., дв. п/ч Михаила Нежданова	9 с. на 23 с.	(п/ч) Тихона (…)

	и огород Василия Данилова		
Андрей Иванов Коновал	позади Уской у., дв п/ч Андрея Неупокоева и Иванова Второво	?	купил половину двора у п/ч Федора Фомина

Приложение 9

Челобитная шуйского земского старосты Л.И. Пупкова царю Алексею Михайловичу на попов Иокиманского погоста Шуйского уезда, обвиняющих шуян в незаконном «свозе» их крестьян в ходе «посадского строения». Черновик. 1648/49 г.

Бьют челом сироты твои, шуяня посадцкие люди, земский староста Левка Иванов сын Пупков[1055] и во всех шуян посадцких людей место.[1056] Жалоба, государь, нам, Шуйского уезда, погосту Акима и Анны на попов — на попа Андрея, да на попа Василья. В нынешнем, государь, во 157-м году, по твоему государеву указу, Василей Иванович Колычов отписал Шуйского уезда погосту Акима и Анны попова Васильева крестьянина, Сенку Феофанова сына Бызгала, да сына его Федку, з женами и з детми в Шую на посад в тягло, по старине, что он Сенка родился в твоей государеве в Телешевской волости, в деревне Миркове, и по промыслу, что они в Шуе торгуют всякими[1057] товары, и по лавочному месту. И рняся тому они, поп Андрей, да поп Василей,[1058] хотя нас сирот твоих[1059] продат и изубытчит, и из посад(у) разогнат, и учали на нас по сторонам[1060] явки дават, написав в них лож, умысля воровски,[1061] Василей Иванович Колычов нас, сирот твоих, земского старосту да выборных целовалников и всех шуян посадцких людей[1062] посылал[1063] в твое царское богомолье, на погост Акима и Анны, по того крестьянина Сенку да по сына ево Федку. И будто[1064] тех крестьян взяли[1065] в Шую на посад з женою и з детми, не против твоего государева указу. И тот крестьянин Сенка, и сын ево Федка будто нам, сиротам твоим, били челом, чтоб их написали в росписи, и свощику де тож[1066] крестьяне подкупилися денгами.

И по силе де того мы ж, сироты твои, приезжали со многими людми, и взяли у них другова крестьянина, Гришку Баженова з женою, и з детми, и з животами, и твое де царское богомолье разорили и опустошили, и их перебили[1067] переграбили.[1068] А

1055 Далее зачеркнуто: «с товарищи».
1056 Далее зачеркнуто: «В нынешнем, государь, во 157-м году».
1057 Далее зачеркнуто: «торгами».
1058 Далее зачеркнуто: «похвал».
1059 Далее зачеркнуто: «посадцких людишек».
1060 Далее зачеркнуто: «явки дав дават явки».
1061 Далее зачеркнуто: «что будто свощик».
1062 Далее зачеркнуто: «присылал».
1063 Далее зачеркнуто: «в то».
1064 Далее зачеркнуто: «мы сироты твои».
1065 Далее зачеркнуто: «на посад».
1066 Далее зачеркнуто: «крестьянин».
1067 Далее зачеркнуто: «пог».
1068 Далее зачеркнуто: «а тот крестьянин нам сиротам твоим н».

те, государь, крестьяне, Сенка да сын ево Федка, нам, сиротам твоим, ни о чем не бивали челом, и написаны те крестьяне в росписи по торгу и по промыслу и по лавочному месту.[1069] А крестьянин их Гришка Баженов в Шуе на посаде[1070] живет своим произволом,[1071] а кормитца[1072] черною работою, // и животов ево не имывали, и тот Гришка в Шую пришол до свощика, а оброк он платил им,[1073] и по нево Гришку мы, сироты твои, не ездили, и животов ево не имывали. А пришол он в Шую до свощика за долгое время, а оброк с себя платит им, попу Андрею да попу Василью, а с нами, сиротами твоими, тот Гришка твоих государевых податей не платит.[1074] М,[1075] пожалуй нас, сирот своих,[1076] не вели государь их попа Андрея да попа Василья ложному челобитью поверит. И вели, государь, нам свой государев указ учинит, чтоб нам, сиротам твоим, впред от тех попов, от попа Андрея да попа Василья, проданым напрасно не быт и вконец не погинут.

ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 90. Л. 1-1 об.

Приложение 10

Рядная запись шуян с крестьянами с. Всегодич Владимирского уезда Е.Т. Некрасова и Никона Карпова о поступлении последних «в вечное житье» на Новопетровские железные заводы. 1707 г., 26 мая.

Лета 1707 маия в 26 ден Володимерского уезду, великого государя дворцового села Всегодич крестьяня, Емельян Трифанов сын Некрасов, Никон Карпов, дали мы сию на себя запис города Шуи земскому бурмистру Семену Володимерову с товарыщи и всем посадцким людем в том, что по указу великого государя велено с Шуи города с посаду, с указного дворового числа, со 113-ти дворов по человеку кузнецов с вышеписанного числа, на Новопетровские железные заводы на вечное житье. И нам, Емельяну и Никону, по тому великого государя указу, быть с Шуи города з дворового числа на Новопетровских железных заводах на вечное житие, и будучи нам у того слюсного дела кузнечной работы со всякими железными кузнечными снасми, и работать безленосно, и от того дела и кузнечной работы без указу великого государя самоволно прочь не отойти, и в том государеве деле остановки никакой не учинить, и государевой казны не покрасть, и не збежать, и никакой хитрости не учинит.

1069 Далее зачеркнуто: «а и по крестьянина, и по к, и по крестьянина по Гришку Баженова мы, сироты твои, к ним не ездили».

1070 Далее зачеркнуто: «живет своим произволом, а не по нашему мирскому веленью корми».

1071 Далее зачеркнуто: «для своего промыслу чтоб ему было чем прокормитца и тягла твоих государевых податей с нами сиротами твоими он Гришка не платит и по нево Гришку мы сироты твои не езжали».

1072 Далее зачеркнуто: «он Гришка».

1073 Далее зачеркнуто: «попу Андрею да попу Василью».

1074 Далее зачеркнуто: «и ничем не кр».

1075 Сокращение от: «Милосердый государь царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Алексей Михайлович».

1076 Далее зачеркнуто: «вели государь на».

А рядили мы, кузнецы, у них, земских бурмистров и у посадцких людей, себе за работу и на завод денег по семдесят рублев на человека. И те рядные денги взяли мы наперед все сполна. А буде мы у того слусного дела кузнечной работы какую хитрость и остановку учиним, и ево великого государя указу, каков в Шую прислан, в противности явимся, и на нас подрядчиках, и на порутчиках наших, кто из нас в лицах будет, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца пеня, а пени что великий государь укажет. А им, земским бурмистрам и всем посадцким людям, взять на нас, подрядчиках и на порутчиках наших по сей записи те свои данные денги, и с убытками своими сполна. А порукою по нас нижеподписавшиеся:

К сей записи села Всегодич крестьянин Назар // Трифонов сын Шапилин вместо кузнецов, брата своего Емельяна Трифонова, Никона Карпова, что они на Новопетровских железных заводах работат порядилис, и рядные денги по договору наперед сполна взяли, и такову запис на себя дали, по их велению дал я, Назар, в сию записи ручал и руку приложил.

К сей записи села Всегодич Петр Назаров в сию запис ручал и вместо порутчика ж, с того села Алексея Федорова, по ево велению руку приложил. Порутчик того ж села Иван Гаврилов сию запис ручал и руку приложил. Города Шуи спаской дьякон Козма у сей записи свидетелем был и руку приложил.

Села Взорного николаевской дьякон Василий у сей записи свидетелем был и руку приложил.

Города Шуи воздвиженской поп Григорей у сей записи свидетелем был и руку приложил.

Запис писал крепосных дел подьячей Иван Тебриков 1707 маия // в 26 ден.

За писмо и за записку 2 рубля 6 алтын 4 денги взято, и сия крепость у крепосных дел в книгу записана.

Подписал крепосных дел надсмтрщик Борис Коверин.

ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 497. Л. 1-2.

Приложение 11

Челобитная шуянина Ариста Федорова царю Михаилу Федоровичу на шуянина И.В. Ляпунова в похвальбе продажей, поклепом и убийством. 1621 г., 28 июля.

Царь государь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, бьет челом и являет шуянин посадцкий человек Аристко Федоров сын на шуянина ж, на посадцкого человека на Ивана Васильева сына Ляпунова, да на сына его на Луку в том: похваляются государь, на меня тот Иван, да сын ево Лука продажею, и поклепом, и убивством, и иными всякими лихими похвалами, а я, сирота твоя, человек одинакой и должной. И какое государь лихо надо мною от их похвалбы учинится, и тот, государь, Иван, и сын ево Лука мне и убойцы. А преж, государь, сего, тот же Лука убил у меня сына Ивашка до полусмерти. Милосердый государь

царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня, сироту свою, вели государь мое челобитье и явку подписат. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!
// Дана явка июля в 28 ден 129 году
ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-1 об.

Приложение 12

Челобитная шуян царю Алексею Михайловичу на кабацких откупщиков Григория Осипова и Тимофея Федотова, чинящих им обиды. 1664/65 г.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, бьют челом и извещают земской старостишко Ивашко Павлов, и во всех шуян посадцких людей место, на кабацкого откупщика,[1077] на кадашовца на Григорья Осипова, да на товарыща ево на Тимофея Федотова. В прошлом, государь, во 172-м году, и в нынешнем, государь, во 173-м году, дает он, откупщик, многим посадцким людем, задворным питухам в долги в болшие, и под заклады, и под дворы, и в напойных денгах берет кабалы заемными денгами. И от того, государь, мы, сироты твои, многие посадцкие людишка животишка оценены. А товарыщ ево, Григорей, во исступление ума стал, и бегает по ночам и в ден с кольем и с каменьем, бьет нас, посадцких людей каменьем и дровми и кольем, и ворота выламывает, и окна отбивает, и за тем ево бешенством женишка и детишка наши к церкве и на речку ходить не смеют. И сидит он, Тимофей, один на кружечном дворе,[1078] и тесноту налогу чинит нам, сиротам твоим, болшую, и нам бы, государь, от их озорничества, и от болшие налоги домишек своих не отбыт, и врозь не розбрестис и от твоих, великого государя, податей не отбыть и вконе(ц) не погинут. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нашу изветную челобитную в приказе принят и челобитье наше записат. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!
Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 420. Л. 1-1 об.

Приложение 13

Таблица 4

Распределение оброчных мест по записной книге 1700 г.[1079]

Имя получателя	Назначение	Местоположение	Размер	Оброчная плата
Лука Андреев Котельник	под огород	на сполье	28 с. 2 а. на 7,5 с.	2 ал. 2 д.
Василий Григорьев Нестеров	под амбар	под горой близ р. Тезы к мельницам	3,5 с. на 3 с. 1а.	10 д.
Оноха Естифеев	под селитбу	на сполье подле огородов К.Демина, И.Репина, М.Бобкова и В.Подшивалова	15 с. 1а. на 10 с.	3 ал. 2 д.

1077 Далее зачеркнуто: «на москвитина садовника».
1078 К этому фрагменту по смыслу относится дополнительная запись на обороте: «и ложные нас, сирот твоих, он, воевода, по ево Тимофееву челобитью отпис пишет».
1079 Таблица составлена по: ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 210. Л. 1-8.

Иван Афанасьев Телин	под анбар	в Зарядье у гостина двора подле амбара И.Матвеева	3с. на 3 с.	2 ал.
Дмитрий Васильев Носов	под амбар	в Зарядье у гостина двора подле амбара И.Котелникова	3 с. на 3 с.	2 ал.
Борису Селиверстову	под новую дворовую селитбу	по конец Пищалной улице на правой стороне подле огорода Н. Фомина	27 с. на 7 с.	2 ал. 2 д.
Андрею Иванову Нашивкину	на огород	по конец Козина переулка на левой стороне	16 с. на 10 с.	2 ал. 2 д.
Яков Тимофеев Ломанов с детьми	под селитьбу	подле кожевни Я.Ф.Голятина	26 с. на 10 с.	3 ал. 2 д.
Семен Владимиров	под амбар	на Сырейной площади подле конюхова двора	4 с. на 3 с.	2 ал. 4 д.
Семен Андреев Загребин	под амбар	под горой идучи к мельнице на правой стороне	3 с. на 3 с.	10 д.
Афанасий Дорожаевский	под селидбу	в Загостином десятке под горой к малому лугу подле земли С.Демина	12 с. на 8 с.	2 ал.
детям Ив. Патр. Посникова Алешке и Петрушке	под дворовую селидбу	в Загостинском десятке подле двора Г.Жукова	40 с. на 12 с.	4 ал.
Матвей Корнилов		в Загостинском десятке в Заболотной ул. подле двора вдовы В.И.Татаркиной	33 с. на 15 с. на 13 с.	6 ал. 4 д.
Григорий Колотилов	под дворовую селидбу	дворовое место подле двора И.Леонтьева	22 с. на 6,5 с.	7 ал.
Никифор Тырин		под горою к мельнице подле амбара Д. Афанасьева	2,5 с. на 2,5 с.	8 д.
Петр Афанасьев Конков	под дворовую селидбу	в Заболотной улице подле двора А.И. Посникова	40 с. на 12 с.	4 ал. 2 д.
Иван Яковлев Остатков	под амбар	в Загостинском десятке подле амбарного места Г.Козьмина	3 с. на 3 с. 2 а.	2 ал.
Никита Мылников	под амбар	В Загостинском дестяке подле двора И.Черствова	4 с. на 3,5 с.	10 д.
Григорий Федоров Колотилов	под амбар	В Загостинском десятке идучи в Заболоцкую улицу на рву	3 с. на 3 с.	10 д.
Василий Григорьев Колотилов	под амбар	идучи под гору к мельнице на левой стороне	3 с. на 3 с.	10 д.
Иван Яковлев Остатков	под амбар	В Загостинском десятке идучи в Заболоцкую улицу на правой стороне рву	4 с. 0,75 а. на 2 с. 2 а.	2 ал. 4 д.
Василий Андреев Кубасов с детьми	под дворовую селидбу	в Заболотье подле дворовго места П.Конкова	40 с. на 12 с.	4 ал. 2 д.
Иван Иванов Черствов	под амбар	В Загостинском десятке подле амбарного места Г.Колотилова	3 с. на 3 с.	10 д.
Осип Мосеев Солодовник	под амбар	в Воскресенском десятке подле его ж солодовного оброчного амбара	2 с. 2 а. на 2 с. 0,25 а.	10 д.
Дмитрий Васильев Носов	под амбар	В Загостинском десятке подле амбарного места М.Григорьева	2,5 с. на 2,5 с.	8 д.
Герасим Иванов Ожималов	под амбар	в Воскресенском десятке идучи под гору к мелнице на правой стороне	3 с. на 3 с.	10 д.
Михаил Григорьев	под амбар	В Загостинском десятке идучи в Заболоцкую улицу на правой стороне рву	3 с. на 3 с.	10 д.
Матвей Корнилов	под амбар	против Заболоцкой улицы	3 с. на 3 с.	10 д.
Дмитрий Афанасьев Дырин	под амбар	в Воскресенском десятке идучи с горы к мелнице на правой стороне	3 с. на 3 с.	10 д.
Тимофей Федоров Дырин	под амбар	В Загостинском десятке против амбарного места И.Остаткова	3 с. на 3 с.	10 д.
Семен Андреев Уродов	под амбар	в Воскресенском десятке идучи под гору к мелнице на левой стороне	2,5 с. на 2,5 с.	10 д.

Приложение 14
Таблица 5

Распределение мест по записным книгам пошлин с дворовых сделок за декабрь 1699 – декабрь 1700 гг., март 1701 – июнь 1702 гг., июнь-декабрь 1705 гг.[1080]

Явлено	Дата купчей	Покупатель	Продавец	Объект	Размер	Цена
1699, 1 дек.	1699, 27 окт.	Михаил Григорьев Дырин	Ирина, жена Алексея Григорьева Подрезова	двор	6 с. 2 а. 4 в. на 6 с. без 10 в.	8р.
1700, 20 янв.	1700, 18 янв.	Иван Афанасьев Гневышев-Меньший	Иван Степанов Мылников и его жена Авдотья	двор с огородом	42 с. на 7 с. 2 а. на 7 с. 0,25 а.	80р.
1700, 22 янв.	1699, 29 нояб.	Михаил Савин Сыромятник	Семен Андреев Загребин[1081]	двор с огородом		3 р. 4 д.
1700, 25 янв.	1700, 10 янв.	Федор и Тихон Лукины	Иван Ильин Котельников	двор с огородом	22 с. 0,25 а. на 5 с. 0,25 а. на 5 с. 1 а.	4 р. 8 ал. 2 д.
1700, 27 янв.	1699, 29 сент.	Борис Тимофееев Ламанов	Степан Григорьев Баженов	двор с огородом	65 с. на 9,5 с. на 14 с. без 0,5 а.	50р.
1700, 19 фев.	1699, 14 мая	Афанасий Яковлев Коверин	по данной из Галицкого приказа в приказной избе[1082]	дворовое место	длина по двору И.Конкова, ширина - по старому владенью Ф. Матвеева	
1700, 22 фев.	1699, 9 сент.	Алексей Григорьев Ивкин	Григорий Григорьев Чичаев	двор с огородом	25 с. на 8 с.	20р.
1700, 23 фев.	1700, 21 фев.	Иван Иванов Черствов	Михаил Иванов Черствов (брат)[1083]	его доля дворовой и огородной земли		20р.
1700, 24 фев.	1700, 19 фев.	Михаил Иванов Черствов	Семен Иванов Белоусов	двор с огородом	28 с. 0,75 а. на 6 с. на 7 с. на 8 с. без 1 а.	10р.
1700, 23 мар.	1700, 20 мар.	Василий Григорьев Нестеров	Тихон Тимофеев Тарасов	двор с огородом	22 с. без 0,5 а. на 16 с. без 0,5 а. на 8 с. 2 а. на 8,5 с.	18р.
1700, 27 мар.	1700, 25 мар.	Иван Иванов Черствов	Михаил Иванов Черствов (брат)[1084]	двор с огородом	28 с. 0,75 а. на 6 с. на 7 с. на 8 с. без 1 а.	12р.
1700, 27 мар.	1700, 27 мар.	Михаил Иванов Черствов	Иван Корнилов Мылников	двор с огородом		22р.
1700, 12 апр.	1687, 31 окт.	Иван Большой и Федор Афанасьевы Конковы[1085]	по данной из приказу Малой России Афанасию Конкову и им	порожнее дворовое место	длина через болотце против п/дворов о огородов, ширина	

[1080] Таблица составлена по: ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 205. Л. 1-30; НИОР РГБ. Ф. 67. Оп. 1. К. 8. Д. 50. Л. 1-9 об.; Там же. К. 2. Д. 62. Л. 1-4 об.; Там же. К. 8. Д. 51. Л. 1-5 об.

[1081] Ранее отдан Загребину по закладной памяти по просрочке за заемные деньги в 1698/99 г., что записано в приказной избе.

[1082] «Где построился заплечный мастер Федор Матвеев, по его челобитью под дворовую селидбу из оброку 8 ал. 2 д.»

[1083] Половинная пошлина взята, поскольку 27 февраля 1698 г. это место было записано в продаже в Шуе в приказной избе.

[1084] Половинная пошлина взята, поскольку двор был в продаже записан 24 февраля 1700 г.

[1085] «Где преж сего был построен у посадцких людей двор для губных старост, по его челобитью под дворовую селидбу из оброку 4 ал.».

					- 15 саж.	
1700, 15 апр.	1700, 15 мр.	Иван Яковлев Остатков	Иван Афанасьев Конков-Большой	двор		11р.
1700, 22 апр.	1700, 19 апр.	Борис Воинов	Василий Иванов Тюленев	огородную прикупочную землю с яблонями	9 с. 2,25 а. на 9 с. без 0,5 а.на 7 с.2 а. на 6 с. 2 а. и 28 яблонь больших и малых	4р.
1700, 1 ин.	1700, 22 мая	Афанасий Игнатьев Дорожаевский	воздвиженский поп Алексей Васильев и прихожане Л.А.Котельник с товарищи	дворовое и хоромное строение		7,50р.
1700, 7 ин.	1699, 8 нояб.	Иван Матвеев	Домна, вдова Афанасия Нашивкина	лавку с лавочным местом		20р.
1700, 8 ин.	1700, 8 ин.	Семен Герасимов Скорняков	Иван Андрев Розмазин[1086]	двор с огородом		5р.
1700, 12 авг.	1700, 13 мая	Иван Васильев Мотох	Авдотья, жена Федора Кириллова с сыном Максимом	кладовой амбар с местом	3 с. 10 в. на 3 с.	20р.
1700, 14 авг.	1700, 15 ил.	Григорий и Иван Козьмины Бабины	Иван Андреев Розмазин	двор его отца Андрея Васильев Розмазина	15 с. 1,25 а. на 7 с. 1 а. 6 в.	45р.
1700, 14 авг.	1700, 2 авг.	Кузьма Купреянов Демин	Иван Андреев Розмазин	двор отца его с огородом	30 с. на 10 с.	8р.
1700, 21 сент.	1700, 20 сент.	Семен Андреев Загребин	Федор и Тихон Лукины Нестеровы	двор с огородом	22 с. 0,25 а. на 5 с. 0,25 а. на 5 с. без 1 в. на 5 с. 1 а.	9р.
1700, 26 сент.	1700, 24 сент.	Матвей Корнилов	Афанасий Игнатьев Дорожаевский[1087]	дворовое и хоромное строенье		8р.
1700, 11 окт.		Анна, вдова Киприяна Демина и его дети:	Петр, Алексей, Григорий, Федор и Кузьма Киприяновы Демины[1088]	дворы и огородные земли		33,50р.
1700, 31 окт.	1700, 28 окт.	Петр Кипреянов Демин	Купреян Гаврилов Соин	двор с огородом	длина - против прочих огородов, ширина - 8 с. без 0,25 а. на 8 с. без 0,75 а.	6р.
1700, 31 окт.	1700, 28 окт.	Купреян Гаврилов Соин	Петр Кипреянов Демин	двор с огородом	длина - против прочих огородов, ширина 6 с.	4р.

[1086] «Поступился по приказной данной владелной памяти его отца, Андрея Васильева Розмазина, что дана ему из приказной избы», поскольку Скорняков просрочил займ в 12 руб., но он уплатил 7 руб. «в прошлых годах», а «достальные» – И.А.Розмазину, Ныне Скорняков во дворе живет по-прежнему, и по полюбовному договору после платежа в 5 руб. Розмазин дал ему поступную запись, Половинная пошлина взята, поскольку двор записан 18 июля 1694 г. в книгах приказной избы.

[1087] В нем живет Сенка Савин Сырейщик, половинные пошлины взяты, поскольку это строение записано в книгу 1 июня 1700 г.

[1088] Полюбовная запись, что они поделили меж себя по духовной Киприяна: Анне с дочерью Груней во вдоре и огороде с прикупочной земелей владеть третью, «построясь» (от двора А. Кирьякова); Петру – от Татьянинского огороду 95 гряд; Алексею – Мясищевским огородом, «да под двор огород Кокушкинский»; Григорию и Федору – двумя третями старого отцовского двора с огородом.

1700, 2 дек.	1700, 28 нояб.	Матвей Корнилов	Афанасий Афанасьев Гневышев[1089]	двор с огородом	31 с. 1 а. на 8 с.	26р.
1700, 29 дек.	1700, 3 дек.	Никита Иванов Мылников	Василий Иванов Истопленников	двор с огородом	36,5 с. на 4 с. 1 а. на 6 с. 0,5 а.	9,50р.
1700, 30 дек.	1700, 10 дек.	Иван и Федор Афанасьевы Телины	Иван Матвеев Котельников[1090]	лавка с лавочным местом		20р.
1701, 19 марта	1701, 10 марта	Кузьма Купреянов Демин	Василий Борисов Бабин	треть двора с огородом достальную	28 с. 1 арш. 7 верш. на 4 с.	4р.
1701, 24 марта	1701, 21 марта	Семен Лукоянов Дирин	Федор Дмитриев Дирин[1091]	двор с д/х/с[1092]		6р.
1701, 31 авг.	1701, 10 авг.	Никита Иванов, человек Ивана Корнилова Мылника	вдова Матрена, ж. Ивана Шилова	двор с огородом и д/х/с	14 с. без 0,5 арш. на 13 с. без 3/4 арш. На 12 с. без 3/4 арш. На 11 с. 5/4 арш	7р.
1701, 2 сент.	1701, 12 мая	Андрей Иванов	Кузьма Купреянов Демин[1093]	двор с огородом и д/х/с	10 с. на 5 с. 0,5 арш. На 30 с.	16р.
1701, 22 нояб.	1698, 11 нояб.	Осип Мокеев Солодовник	Василий Яковлев Власов[1094]	х/с на мирской земле	изба, сени, клетка с чюланом, ворота, баня с предбаньем[1095]	5р.
1701, 22 нояб.	1699, 29 марта	Василий Яковлев Власов	Осип Мокеев Солодовник	двор		7р.
1701, 12 дек.	1701, 15 июля	Игошка Андреев Лобанов	Андрей Семенов Осокин[1096]	крепостную треть двора жилую с д/х/с		9р.
1701, 22 дек.	1701	Никита Иванов, человек Ивана Корнилова Мылника	Иван Федотов Серебреников, кр-н с. Дунилова вотчины Ф.А. Лопухина	половину шалаша с местом		3р.
1701, 30 дек.	1701, 15 мая	Борис Воинов	Григорий Никифоров	двор с огородом и д/х/с	28 с. без 1 арш. На 4 с. 10 верш.	8р.
1701, 30 дек.	1701, 6 янв.	Осип Мокеев Солодовник	Иван Леонтьев Ларюшин	лавку с лавочным местом	в п/к	4р.
1701, 30 дек.	1701, 14 апр.	Афанасий Игнатьев Дорожаевский	Семен Федоров Демин[1097]	оброчную дворовую землю	10 с на 60 с.	9р.
1702, 12 янв.	1702, 10 янв.	Алексей Купреянов	Григорий Лукоянов Панина	двор с д/х/с		26р.

[1089] Отдан Гневышеву из приказной избы за долговые деньги шуянина Федора Саратовцова

[1090] Половинные пошлины взяты, поскольку эта лавка была продана и записана в книгу 7 июня 1700 г.

[1091] Половинные пошлины взяты, поскольку этот двор в Шуе в приказной избе по продаже в книги записан в 10 октября 1698 г.

[1092] Здесь и далее д/х/с – «дворовое хоромное строение».

[1093] Половинные пошлины взяты, поскольку двор по продаже записан 14 августа 1700 г.

[1094] Половинные пошлины взяты, поскольку двор «в прошлых годех» в Шуе в приказной избе по продаже в книги записан.

[1095] «А та баня поставлена до изгною вопче с Патрекием Федоровым».

[1096] И с кузницей, которую заложил ему шуянин Михаил Меншой Лобанов и просрочил. По просрочке треть отдана продавцу по государеву указу. Взята половинная пошлина, поскольку треть двора «по просрочке в отдаче прдавцу в 1701 г. была, а с заемных денег пошлины заплачены».

[1097] «Поступился оброчною дворовою землею, а по поступке дано за той землю за росчиску и за строенье». Земля в 7203 г. по государеву указу и по грамоте из Галицкаго приказа дана Семену «из оброку под дворовую селидбу, оброку по 8 ал. 2 д. на год».

		Демин				
1702, 19 янв.	1702, 1 янв.	Андрей Кривощеков	Иван Андреев Розмазин[1098]	закладной просроченной отца ево двор	а х/с изба перед нею клетка и со всем хс и с огородом	4р.
1702, 15 июня	1702, 12 июня	Иван Гаврилов Шилов	вдова Ирины ж. Ивана Смолянинова и ее дети Максим и Лаврентий	огородная земля	21 с. 2 арш. на 27 с. 1,5 арш.	23р.
1702, 27 июня	1702, 26 июня	Григорий Лукоянов Панин	Василий Григорьев Колотилов[1099]	двор с огородом и со всякою городбою и с х/с	5 м. 1 верш. на 26 с. 1,5 арш.	33р.
1705, 8 июня	1705, 4 июня	Яков Константинов Слугин	Григорий Иванов Нашивкин, его жена Прасковья и сын Иван	двор с д/х/с	13 саж. 2,5 арш. На 9 с. на 8 с. 0,5 арш.	25р.
1705, 18 июня	1705, 10 июня	вдова Фетинья Иванова, ж. Максима Ломанова	Семен Степанов Ненилин[1100]	двор с огородом и д/х/с	4 с. 2 арш. На 4 с. 1,5 арш на 32 с. 3/4 арш.	20р.
1705, 15 сент.	1705, 13 сент.	Иван Алексеев Киселев	Яков Константинов Слугин и сын его Иван[1101]	двор с огородом и д/х/с	8 с. на 7,5 с. на 5 и 3/4 с.	10р.
1705, 17 сент.	1705, 9 авг.	Андрей Осокин	вдова Авдотья, ж. Тимофея Дырина	стариную лавку	по п/к	30р.
1705, 21 сент.	1705, 22 февр.	Андрей Ламанов	Осип Мокеев Солодовник[1102]	огородная земля	20 с. без 1 а. На 13 с. 2 арш. На 18 с. 2 арш.	8р.
1705, 15 окт.	1705, 29 мая	Борис Тимофеев Ламанов	вдова Маланья, ж. Ивана Корнилова	гумно две доли в овине с мякиницею и городбою	по старым межам как дано мужу ее из земские избы	7р.
1705, 28 дек.	1705, 27 дек.	Максим Жуков	вдова Маланья, ж. Ивана Корнилова	лавка	по старым межам по п/к	30р.
1705, 29 дек.	1705, 10 дек.	Козма Владимиров	Василий Загребин[1103]	двор с огородом и д/х/с	27,5 с. на 4,5 с.	20р.
1705, 31 дек.	1705, 30 дек.	Иван меншой Григорьев	Иван Семенов Ивкин	двор с огородом и д/х/с	40 с. 2 а. на 4,5 с. на 6 с.	15р.
1705, 31 дек.	1705, 1 дек.	Никифор Иванов Баженов	Иван Патрекеев Посников	двор с д/х/с, мылным заводом и повареным котлом	по старым межам по писцовой книге	60р.

Приложение 15

Поименный анализ распределения тягла в окладных списках 1711-1724 гг.

[1098] Андрею Розмазину двор заложил и просрочил шуянин Иван Никонов Иконник.
[1099] Половинные пошлины взяты, поскольку двор 28 декабря 1692 г. в продаже был в Шуе в приказной избе.
[1100] Половинные пошлины взяты, поскольку двор в 7204 г. по продаже в Шуе в приказной избе записан.
[1101] Половинные пошлины взяты, поскольку двор по продаже в Шуе в приказной избе записан в 11 мая 7207 г.
[1102] Половинные пошлины взяты, поскольку 30 марта 7207 г. та огородная земля в Шуе в приказной избе записана.
[1103] Половинные пошлины взяты, поскольку двор в прошлых годех по продаже записан.

Анализируя изменение оклада у разных лиц на промежутке 1711-1717 гг. можно видеть, что внутри «тягловых групп» шла постоянная дифференциация, а вот дифференциация между группами была не столь велика.[1104] Всего в списках совпадает 148 тяглецов (из них оклады изменила 131 семья – 88,5%). В «лучшей» части посада понизили оклад 7 тяглецов, а повысили 5.[1105] В средней части распределение равное – повышают и понижают оклад по 10 семей.[1106] У «молодших» людей число улучшивших свое положение семей уже значительно преобладает: 38 повысивших оклад против 21 семьи снизившей его,[1107] а у «бобылей» и вовсе достигает абсолютного значения: все 40 семей повышают оклад.[1108]

Эта картина еще усиливается сравнением изменения общего оклада семей: если по высшей части он снижается на 116 д., то по «середнякам» повышается на 28 д., по «молодшим» – на 133 д., а по «бобылям» – на 117 д. Наибольшую дифференциацию тягловых групп дают «молодшие люди»: 12 семей переходит в разряд «середних», 2 – в число «лучших», но при этом 19 семей понижают разряд, опускаясь до «бобылей». Сильнее улучшают положение «бобыли»: 15 семей переходят в разряд «молодших», 2 семьи – в число «середних» людей. А вот две ведущие категории дифференцируются относительно мало: в высшей до «середнех» людей опусаются 3 семьи, а из «середняков» 2 семьи поднимаются до «лучших», 4 – опускаются до «молодших» и еще 2 – до «бобылей». Интересно, что наследники по этим спискам дают повышение оклада на 14 д., а разделение семей – еще на 13 д.

В списках 1717-1724 г. всего совпадает 144 тяглеца (из них оклады изменили 117 семей – 81%). При этом из числа лучшей части посада повысили оклад 4 семьи и понизили – 5,[1109] из числа «середняков» повысили оклад 13 семей, а понизили – 9.[1110] У «молодших» людей число понизивших оклад семей (23) также значительно уступает числу повысивших – 30,[1111] то же самое наблюдается и в отношении бобылей (14 семей, понизивших оклад, против 19 – повысивших).[1112] Еще более разительную картину дает сравнение изменения общего объема оклада семей: если по высшей части посада этот оклад снижается на 23 д., то по всем остальным категориям он повышается: у «середняков» – на 60 д., у «молодших» – на 59 д., у

[1104] Для обеспечения корректности сравнения суммы в окладах приводились к одному значению при помощи умножения данных по списку с меньшим средним окладом, на частное деления большего среднего оклада на меньший. Полученные значения округлялись, после чего производилось сравнение. Тягловые группы вычислялись при помощи указанной выше методики исходя из произвденного умножения.

[1105] Повысили: на 23 д., 13 д., 8 д., 6 д. (двое). Понизили: на 69 д., 38 д., 28 д., 13 д., 10 д., 8 д. и 6 д.

[1106] Повысили: на 19 д., 17 д., 9 д., 7 д., 6 д., 4 д. (двое), 3 д., 2 д. (двое). понизили: на 9 д., 8 д., 5 д. (четверо), 3 д. (двое), 1 д. (двое).

[1107] Повысили: на 31 д., 24 д., 17 д., 11 д., 7 д., 6 д., 5 д. (трое), 4 д. (четверо), 3 д. (7 тяглецов), 2 д. (5 тяглецов), 1 д. (12 тяглецов). Понизили: на 3 д. (6 тяглецов), 2 д. (6 тяглецов), 1 д. (9 тяглецов).

[1108] На 19 д., 8 д., 6 д. (двое), 5 д. (трое), 4 д. (пятеро), 3 д. (трое), 2 д. (9 тяглецов), 1 д. (15 тяглецов).

[1109] Повысили: на 25 д., 16 д., 8 д., 6 д. Понизили: на 26 д., 20 д., 14 д. и 8 д.

[1110] Повысили: на 35 д., 16 д., 12 д. (двое), 8 д. (двое), 6 д., 4 д. (двое), 3 д. (двое), 2 д., 1 д. Понизили: на 12 д., 11 д., 8 д., 6 д. (двое), 4 д. (двое), 2 д., 1 д.

[1111] Повысили: на 15 д., 11 д., 9 д., 6 д., 5 д., 4 д. (пятеро), 3 д. (четверо), 2 д. (8 тяглецов), 1 д. (7 тяглецов). Понизили: на 4 д., на 3 д. (трое), 2 д. (8 тяглецов), 1 д. (11 тяглецов).

[1112] Повысили: на 6 д. (трое), 5 д., 4 д. (двое), 3 д. (трое), 2 д. (четверо), 1 д. (6 тяглецов). Понизили: на 1 д. (14 тяглецов).

бобылей – на 40 д. При этом наблюдается определенное продвижение «вверх» у «середних» людей (9 семей переходит в категорию «лучших», тогда как до «молодших» снижают оклады 3 семьи, а до бобыльских – 2 семьи) и значительное – у «бобылей» (4 семьи переходят в разряд «середних» и 11 – «молодших»). Этот процент перекрывается 14-ю «обедневшими» семьями из числа молодших людей, понизившими разряд до «бобыльского». Но при этом 17 «молодших» семей переходят на ступень выше (2 – в число «лучших», 15 – в разряд «середних»). При этом наследники понижают оклад довольно значительно (40 д.), правда половину из них дает семья «лучших» людей, понизившая оклад на 20 д. Зато деление семей дает значительно повышение окладов (114 д.), почти в три раза перекрывающее снижение окладов у наследников.

Сравнение списков 1711 и 1724 г. дает совпадение 125 семей, причем значительную часть их (36,5%) дают наследники (28) и разделенные семьи (17). Наследники дают серьезное снижение оклада, но подавляющая часть его (153 д.) приходится на «лучших» людей, ряд представителей которых весьма серьезно снизили его.[1113] При этом наследники «середняков» повысили оклад на 3 д., наследники «молодших» людей – на 28 д., а наследники бобылей – на 19 д. Зато разделение семей дает увеличение на 201 д., причем подавляющая его часть (195 д.) приходится на низ посада, где целый ряд семей совершили впечатляющие скачки в связи с разделением.[1114] Таким образом, выясняется, что наследование (разделение семей) являлось важнейшим фактором дифференциации, причем наследование зачастую вело к резкому снижению оклада (прежде всего, у ряда представителей «лучших людей»), а разделение – напротив, могло повлечь его резкое увеличение при удачном развитии самостоятельного хозяйства.

Приложение 16

Поименный анализ изменения оклада у отдельных лиц по «полосному» списку 1691 г., недатированному окладному списку конца 1690-х гг. и книге «промышленного оклада» 1703 г.

Выше уже говорилось, что состав тяглецов в этой книге отражает исключительно оклад низшей части посадского населения. Эти лица распределены в ней по 5 группам, градированным 6-рублевым увеличением оклада. Подобная градация «промыслов» достаточно хорошо соответствует градации окладов «подводной» книги: 2 д. – 6 р., 4 д. – 12 р., 6 д. – 18 р., 8 д. – 24 р. и 10 д. – 30 р.[1115] Учитывая это соотношение, «промысловый» список можно использовать, как

[1113] На 79 д., 63 д., 23 д. и 21 д.

[1114] У середняков выделение сына в одной семье дало лишних 17 д., у «молодших» выделение сына в одной семье дало 53 д., выделение братьев в трех других семьях – 23 д., 11 д. и 9 д., а у молодших выделение братьев втрех семьях дало 64 д., 18 д. и 8 д.

[1115] Соответственно, лица с более высоким окладом (средняя часть между «середними» и «молодшими», составлявшая 13 чел.), в число тяглецов по «промысловому» окладу уже не попадала.

проверочный для определения соотношения «полосного» списка 1691 г., а также «подводной» книги и недатированного списка.

В результате сравнения «полосного списка» 1691 г. (с поправкой на средний оклад «книги подводам») и списка 1703 г. выясняется, что равными остались оклады 8 семей, увеличились 28 окладов (68 д.), а снизились – 38 (124 д.).[1116] Иной результат дает сравнение «подводного» и «промышленного» списков: не изменились оклады 79 тяглецов, увеличились – у 20 семей (56 д.), а снизились – у 18 (38 д.).[1117] Наконец, сравнение списка 1703 г. с недатированным дает совпадения окладов у 23 семей, 21 семья повысила оклад (59 д.), а понизили всего 10 (27 д.). Подобная динамика свидетельствует о том, что недатированный список хронологически располагался между «подводным» и списком 1703 г.

Проведенные сравнения хорошо иллюстрируют расслоение в низшей части посада. Согласно сравнению с «полосным» списком, 7 семей оказались в числе «молодших», а еще одна – «бобылей». В эту категорию из «молодших» опустились 15 семей, и столько же бобыльских семей повысили категорию. Сравнение оклада 1703 г. с «книгой подводам» свидетельствует, что 6 семей «середняков» попали в разряд «молодших» и еще одна – в число «бобылей». Из «молодших» понизили оклад лишь 3 семьи, зато 7 «бобыльских» семей оказались в числе «молодших».

Сравнение «полосного» и «подводного» списков дает интересные результаты. Можно проследить эволюцию окладов 134 семей (всего оклады изменили 122 семьи – 91%). Среди лучших людей понижают оклад 8 семей, а повышают – 5 тяглецов.[1118] Среди «середняков» оклад понижают 15 семей, а повышают – всего 8.[1119] У «молодших» этот процент несколько выравнивается: снижают оклад 29 семей, а повышает – 21.[1120] А у «бобылей» число повысивших оклад семей даже увеличивается – 21 против 15 тяглецов, понизивших оклад.[1121]

В денежном отношении на группу «лучших» людей и «середняков» приходятся серьезные понижения (101 д. и 141 д.), а вот «молодшие» и «бобыли» несколько увеличивают оклад (на 8 д. и 47 д. соответственно). Эту картину подтверждает и учет перехода на другие ступени «окладной» лестницы: из числа «лучших» людей три семьи оказываются в числе «середних», а одна – даже «бобылей». Из «середняков» категорию повышает лишь одна семья, тогда как в числе «молодших» оказываются 9, а в числе «бобылей» – еще 3. Прослойка «молодших» также теряет семьи: сразу 16 оказываются в числе «бобылей», 11

[1116] При расчетах исключены все лица, имевшие средний оклад и выше. Таких оказалось 9 и они снизили оклад на 91 д.

[1117] Лиц со средним и высшим окладом оказалось 7, они снизили его на 52 д.

[1118] Понижают: на 51 д., 41 д., 33 д., 32 д., 24 д., 20 д., 17 д., 13 д. Повышают: на 59 д. (двое), 7 д., 3 д. и 2 д.

[1119] Понижают: на 28 д., 23 д., 22 д., 16 д., 14 д., 11 д., 10 д., 9 д., 8 д., 7 д., 6 д. (трое). Повышают: на 8 д. (двое), 6 д. (двое), 4 д., 1 д. (трое).

[1120] Понижают: на 9 д. (двое), 8 д., 7 д. (пятеро), 6 д. (пятеро), 5 д. (четверо), 3 д. (семеро), 2 д. (двое), 1 д. (двое). Повышают: на 30 д., 20 д., 18 д., 16 д., 14 д., 12 д., 5 д., 4 д. (четверо), 2 д. (шестеро), 1 д. (четверо).

[1121] Понижают: на 4 д. (трое), 3 д., 2 д. (четверо), 1 д. (семеро). Повышают: на 19 д., 10 д., 8 д. (двое), 6 д., 3 д. (пятеро), 1 д. (11 тяглецов).

повышают оклад до «середняков», а еще одна семья – до «лучших». Из «бобыльской» прослойки 13 семей оказывается в составе «молодших», а еще 2 – «середних» людей. При этом сравнение этих списков четко отражает тенденцию снижения оклада у наследников: из 22 зафиксированных случаев наследования оклад повышают лишь 4 семьи, а объем снижения оклада составляет 47 д. у «лучших» людей, 105 д. у «середних», 36 д. у «молодших» (наследники бобылей повышают оклад на 4 д.).

Сравнение «подводной книги» с неизвестным списком следует проводить осторожно, поскольку среднего оклада последнего мы не знаем. В то же время, проведенное выше сравнение этих списков с окладной книгой 1703 г. свидетельствует о значительной близости среднего оклада по ним. Итак, сравнение этих списков иллюстрирует смену тенденции: большинство совпадающих в обоих документах тяглецов (всего 74) повышает объем тягла. Из «лучших» 2 семьи снижают его,[1122] зато у «середняков» тенденция уже иная – лишь 4 семьи снижают тягло, а повышают – 6.[1123] Еще более ярко выражена эта пропорция у «молодших» (снижают тягло 9 семей, а повышают – 22)[1124] и бобылей (снижают – 10 семей, а повышают – 19).[1125] В денежном отношении «середняки» дают повышение в 61 д., «молодшие» – в 125 д., а «бобыли» – в 47 д. Таким образом, все категории (кроме лучших людей) демонстрируют тенденцию к резкому повышению оклада (в наибольшей степени это касается прослойки «молодших» людей).

[1122] На 38 д. и 1 д.
[1123] Понижают: на 17 д., 14 д. и 3 д. (двое). Повышают: на 27 д., 24 д., 18 д., 15 д., 11 д., 2 д., 1 д.
[1124] Понижают: на 7 д. (торе), 3 д. (двое), 2 д., 1 д. (трое). Повышают: на 16 д., 13 д., 12 д. (трое), 11 д., 10 д., 9 д. (двое), 8 д. (двое), 6 д. (трое), 5 д. (трое), 4 д., 3 д., 2 д., 1 д.
[1125] Понижают: на 1 д. (10 тяглецов). Повышают: на 10 д., 7 д. (двое), 3 д. (трое), 2 д. (11 тяглецов), 1 д. (двое).